

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Центр теоретической и прикладной политологии
Института общественных наук

Российский совет по международным делам
(РСМД)

РСМД

Российский совет
по международным
делам

Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНФЕРЕНЦИИ
«ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ
И СОВРЕМЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА»,
24–25 СЕНТЯБРЯ 2015 Г., МОСКВА

Ответственные редакторы
В. С. Малахов, М. Е. Симон

| Издательский дом ДЕЛО |

Москва | 2016

УДК 314.74
ББК 60.7
Т65

Ответственные редакторы В.С. Малахов, М.Е. Симон

Перевод с английского статей Части I А.С. Гуськов

Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности: сб. науч. статей / под ред. В.С. Малахова, М.Е. Симона. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — 336 с.

ISBN 978-5-7749-1194-3

Тему международной миграции сопровождает огромный эмоциональный накал и, как следствие, плотный слой непроверенных суждений и откровенных мифов. Большая часть этих мифов выросла вокруг вопроса о влиянии иммиграции на экономику и общество принимающих стран. Настоящий сборник призван если не разрушить, то поколебать такие мифы.

В нем представлены работы ведущих российских и зарубежных ученых, изучающих экономические, демографические, социокультурные и антропологические аспекты миграционных процессов. Их удалось собрать под одной обложкой благодаря международной конференции «Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономического кризиса», состоявшейся 24–25 сентября 2015 г. в Москве. Конференция была организована Центром теоретической и прикладной политологии РАНХиГС совместно с Российским советом по международным делам.

УДК 314.74
ББК 60.7

ISBN 978-5-7749-1194-3

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2016

Содержание

От редакторов 7

И. Иванов. Миграционный вызов требует глобального ответа 13

Часть I. Транснациональные миграции в XXI веке: теория и практика

Р. Баубёк. Трансформация демоса. Нормативные принципы предоставления избирательного права резидентам и гражданам, проживающим за рубежом 19

Т. Файст. Социально-природный вопрос: миграция и неравенство в контексте изменения климата 55

А. Алунд, К.-У. Ширун, А. Неергард. Осень или весна демократии? Эссе о миграции, социальных движениях и переменах в Швеции 77

М. Ярошевич. Новые тенденции миграции из Украины в Польшу ... 116

Часть II. Транснациональные миграции в условиях экономической турбулентности

И. Ивахнюк. Мигранты на рынках труда принимающих стран: взгляд через призму экономических кризисов 127

В. Комаровский. Трансформация национальных систем иммиграционного отбора в условиях структурного кризиса 145

И. Цапенко. Социально-экономические последствия иммиграции 166

С. Рязанцев. Влияние трудовой миграции на экономику России: методы и результаты 188

Часть III. Социокультурные и политические эффекты транснациональных миграций

Р. Хестанов. Влияние миграции на культурное разнообразие в зонах назначения и исхода 215

В. Дятлов. Китайские мигранты и динамика китаефобии в России 230

С. Панарин. Социокультурные эффекты исторических и современных миграций: возможности сравнения 249

Д. Полетаев. Феминизация сообществ трудовых мигрантов из Средней Азии: новые социальные роли таджиков и киргизок 263

С. Олимова. Развитие человеческого капитала и миграция: опыт Таджикистана 284

Е. Филиппова. Дискурс об интеграции — консервативный анахронизм эпохи транснационализма 305

Вместо заключения

П. Таран. Миграция, глобализация и экономическая жизнеспособность: вызовы и возможности для России и Евразии 323

От редакторов

Сборник появился на свет благодаря международной конференции «Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономического кризиса», состоявшейся 24–25 сентября 2015 г. в Москве. Конференция была организована Центром теоретической и прикладной политологии (ЦТПП) Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) и Российским советом по международным делам (РСМД). Основная цель мероприятия состояла в том, чтобы переосмыслить роль, которую играет международная миграция для нашей страны, найти новый язык для обсуждения этого явления. Опыт многих передовых стран мира показывает, что миграция заключает в себе не столько угрозу, сколько возможность развития. Мы исходим именно из этого допущения: внешняя миграция может и должна рассматриваться прежде всего как шанс и ресурс — шанс преодоления кризиса и ресурс социально-экономического развития. **Для того чтобы такой шанс использовать, необходим радикальный пересмотр устоявшихся подходов.** С этой целью мы решили создать площадку для диалога между экспертами, занимающимися миграционной проблематикой. Авторы, чьи тексты представлены в этом сборнике, смотрят на миграцию сквозь призму различных дисциплин — демографии, экономики, социологии, антропологии, а также политической науки. Тем не менее всех их объединяет стремление непредвзято и максимально честно разобраться в феномене международных миграций, продемонстрировать его многогранность и противоречивость.

Осмысление вызовов, которые транснациональные миграции представляют для современных национальных государств,

невозможно без комплексных усилий исследователей различных областей знания. Предметом острейших споров в современной социальной науке является вопрос о том, как глобальные миграции влияют на политико-экономическую и гражданско-политическую сферу принимающих и отправляющих государств. С проблематикой академической науки коррелирует административно-управленческая, а именно возможности регулирования миграционных процессов, потенциал интеграции новоприбывшего населения в принимающие общества и (учитывающая два вышеперечисленных фактора) оптимальная иммиграционная политика.

Опыт стран ОЭСР продемонстрировал, что привлечение внешних мигрантов позволяет амортизировать негативные воздействия, которые испытывает рынок труда в период экономической рецессии, не говоря уже о том, что индустриально развитые государства ведут конкурентную борьбу за высококвалифицированных иностранных работников. Тем не менее в российском общественном пространстве доминирует инерционный взгляд на миграцию: она по-прежнему мыслится как «головная боль», досадная помеха «нормальной» жизни, а мигранты воспринимаются исключительно как претенденты на социальное пособие или как конкуренты для местных работников. Подобные представления о миграции и мигрантах, к сожалению, не изжиты и в управленческих структурах. Последние вынуждены балансировать между экономической и политической рациональностью: с одной стороны, дефицит рабочей силы во многих секторах рынка труда обуславливает необходимость привлечения иностранных работников, с другой — антимиграционная риторика всегда находит отклик у избирателей.

В темах, затрагиваемых на страницах сборника, отражены как общемировые тенденции, так и региональная (европейская и постсоветская) специфика миграционных процессов, а также локальные условия их протекания. В статье одного из инициаторов конференции президента РСМД **И. Иванова** высказывается мысль о важности миграционной проблематики для международного сотрудничества. Она подталкивает к взаимной кооперации даже те государства, отношения между которыми переживают не лучшие времена из-за различий позиций в других сферах. Кроме того, в результате транснациональных миграций формируются сообщества, границы которых не совпадают

с границами национальных государств. Взаимодействие с такими сообществами требует активизации деятельности межгосударственных и наднациональных институтов.

В первой части сборника представлены важные теоретические тексты двух наших европейских коллег, крупнейших специалистов по миграции, — профессора Европейского университетского института (Флоренция) **Р. Баубёка** и профессора университета Билефельда **Т. Файста**. **Р. Баубёк** приезжал в Москву в 2014 г. для участия в семинаре Центра теоретической и прикладной политологии. На этом семинаре он выступал с докладом, основанным на статье, представленной в этом сборнике. **Р. Баубёк** рассматривает сложнейшую проблему политического участия иммигрантов на локальном уровне, а также сохранения электоральных прав за эмигрантами. Он предлагает модель, благодаря которой появляется шанс разрешить проблему несоответствия между двумя множествами — сообществом граждан и демократическим демосом. В свою очередь, **Т. Файст**, любезно предоставивший свою статью специально для этой публикации, затрагивает весьма релевантную проблематику международной безопасности тему корреляции между миграцией и изменением климата. Он предлагает аналитический инструментарий, который позволил бы учесть как социально-политические и экономические, так и природные, биологические аспекты при исследовании данной взаимосвязи.

Весьма актуальным представляется эссе представителей Института исследования миграции, этничности и общества (REMESO) Университета Линчепинга **А. Алунд**, **К.-У. Ширупа** и **А. Неергарда**, принимавших участие в нашей конференции. Они описывают политические импликации увеличения миграционного притока (в частности, беженцев из Сирии) в Швецию. Наблюдаются две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, растет поддержка ультраправых сил, в том числе партии «Шведские демократы», чья риторика радикализировалась за последние два года, с другой — активизация неправительственных организаций и левых движений, члены которых предоставляли беженцам временное жилье и оказывали медицинскую помощь. Таким образом, в Швеции наблюдается кризис политического центра, как в его (нео)либеральном, так и в традиционном социалистическом воплощении, в результате чего будущая траектория развития этой страны (впрочем, как и многих других европейских стран) становится непредсказуемой.

Другой аспект миграции в европейские страны обозначен в статье **М. Ярошевич**, главного научного сотрудника Центра точных исследований (Варшава). В ней рассматривается миграционная политика Польши, которая лишь начала осознавать себя не только эмиграционной, но и иммиграционной страной. Главным образом автор уделяет внимание иммиграции украинских граждан в Польшу и их интеграции в рынок труда этой страны, основываясь на обобщении различных экспертных оценок.

Во второй части сборника отражена его центральная тема — влияние международных миграций на экономическое развитие принимающих стран в условиях экономических кризисов. Профессор Московского государственного университета **И. Ивахнюк** в своей статье демонстрирует, что представление об угрозах, которые мигранты несут местному населению в сфере трудоустройства, в значительной степени мифологизировано. Анализируя последствия различных экономических кризисов, она приходит к выводу, что сохранение открытых рынков для мигрантов — важный фактор, стимулирующий экономический рост. Это обусловлено тем, что во время кризиса иностранные работники проявляют большую способность адаптироваться к ухудшающейся ситуации на рынке труда, чем местные жители.

Заведующий отделом социально-трудовых отношений ИМЭМО РАН **В. Комаровский** в своем исследовании показывает, как реагировали на изменение условий функционирования рынков труда национальные системы миграционного регулирования (в первую очередь стран ЕС). В течение последнего десятилетия в них все чаще применяется принцип целевого привлечения конкретных категорий иностранных работников, который реализуется в виде соответствующих программ. После кризиса 2008–2009 гг. многие европейские страны обратились к опыту Канады и Австралии, начав вводить элементы балльной системы отбора иммигрантов. На правительственном уровне были инициированы обследования рынка труда, сформированы единые национальные банки заявок претендентов на получение рабочих виз. В России же миграционная политика последних лет работает скорее в режиме реагирования на изменения социально-экономической конъюнктуры, чем регулирования притока иностранной рабочей силы.

В статье заведующей сектором социально-экономического развития ИМЭМО РАН **И. Цапенко** также освещается тема реа-

гирования миграционной политики развитых государств на кризисные явления в экономике. В ней описываются общие структурные параметры международных миграций и затем анализируется воздействие последних на демографическую структуру, функционирование рынка труда, фискальную сферу, рост ВВП и пр. При этом основной акцент сделан на социальном измерении данных процессов.

В статье **С. Рязанцева**, одного из ведущих российских специалистов в области экономических и демографических аспектов миграции, поднимается крайне важный вопрос о вкладе иностранных работников в экономику нашей страны. Проведенный автором скрупулезный анализ свидетельствует о том, что трудовая миграция — это значимый фактор экономического развития России. Положительные эффекты трудовой миграции могут быть усилены в том случае, если будут созданы условия для интеграции недокументированных мигрантов в легальное поле.

Третья часть, посвященная социокультурным эффектам миграции, начинается с эссе **Р. Хестанова**, профессора философии НИУ ВШЭ, подготовленного к тому же семинару, на котором выступал Р. Баубёк. Основываясь на концепции «гражданского потока» Дж. Урри, автор анализирует результаты, полученные исследовательской группой Школы культурологии НИУ ВШЭ в городах Торжке (Тверская область) и Сатке (Челябинская область). Цель двух этих экспедиций заключалась в изучении особенностей восприятия факта культурного разнообразия местным населением и миграции как одного из стимулирующих это разнообразие явлений. В свою очередь, профессор Иркутского государственного университета **В. Дятлов** описывает динамику антикитайских настроений в России, в первую очередь в Восточной Сибири, на протяжении XX и начала XXI в. Он анализирует соотношение между китаефобией и увеличением/уменьшением миграционного притока из Китая. Более глобальную задачу ставит перед собой руководитель Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН **С. Панарин**, в работе которого предпринимается попытка выявления основных разновидностей миграций и их социокультурных эффектов в перспективе *long durée* — от древних времен до наших дней. Социологический ракурс изучения воздействия миграции на культурную сферу представлен в основных на обширном эмпирическом материале исследованиях

ведущего научного сотрудника НИУ ВШЭ **Д. Полетаева** и **С. Олимовой**, директора Центра социологических исследований «Шарк» (Душанбе). **Д. Полетаев** проанализировал, как трансформируются социальные роли, а также культурные практики таджиков и киргизок, приезжающих в Россию на заработки. **С. Олимова** констатирует влияние миграции на повышение социального капитала таджикских работников, которых можно охарактеризовать как представителей транснационального сообщества. Проводимая государством политика интеграции новоприбывшего населения зачастую базируется на представлении о миграции как об однонаправленном передвижении людей из одной точки в другую. Такой взгляд игнорирует значение социальных сетей и институтов, действующих поверх государственных границ. Транснациональные мигранты принадлежат одновременно и «принимающему», и «отдающему» сообществу. Этому сюжету посвящена работа **Е. Филипповой**, ведущему научному сотруднику Института этнологии и антропологии РАН.

Наш сборник завершает аналитическая записка, подготовленная президентом Глобальной ассоциации экспертов по миграционной политике (Global Migration Policy Associates) **П. Тараном**. Основные тезисы, изложенные в этом тексте, он озвучил на круглом столе, состоявшемся в завершение конференции. **П. Таран** призывает ответственные за проведение российской миграционной политики инстанции сосредоточиться на обеспечении достойных условий пребывания иностранных граждан на территории нашей страны. Он отмечает, что без предоставления иммигрантам социальных гарантий, а также предотвращения всех видов дискриминации в их отношении невозможно добиться положительных эффектов от привлечения иностранной рабочей силы. Остается надеяться, что данный тезис будет воспринят теми, от кого непосредственно зависит принятие решений в миграционной сфере.

В. Малахов,
доктор политических наук, профессор, директор Центра
теоретической и прикладной политологии РАНХиГС

М. Симон,
кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник
Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС

И. Иванов,
президент РСМД,
министр иностранных дел России (1998–2004 гг.),
член-корреспондент РАН,
профессор МГИМО МИД России

Миграционный вызов требует глобального ответа¹

Наверное, никакое другое явление современной международной жизни не демонстрирует так наглядно дефицит глобального управления, как миграционный кризис последнего времени. Тема этого кризиса не сходит с экранов телевизоров и с первых страниц газет, становится предметом оживленных, часто весьма эмоциональных обсуждений в интернете. Особый драматизм миграционные проблемы приобретают для наших западных соседей — стран Европейского союза. Многие наблюдатели полагают, что речь идет о самом серьезном испытании для всего «европейского проекта», о фундаментальном вызове тем ценностям, на которых был основан Евросоюз.

Как нам, в России, относиться к этому кризису? Не все готовы удержаться от соблазна позлорадствовать, еще раз отметить низкую эффективность многих институтов Евросоюза, а то и вообще предсказать скорый печальный финал европейской интеграции. Другие хотели бы видеть в миграционном кризисе очередные злокозненные происки Соединенных Штатов, которые разворовали соседние с Европой регионы и спровоцировали массовые потоки мигрантов на европейский континент. Третьи идут еще дальше и предрекают наступление эпохи хаоса, радикального национализма и «игры без правил» в мировой политике. Многие при этом подвергают сомнению готовность России справиться с грядущим «миграционным потоком», который, по их мнению, в недалеком будущем неизбежно затопит и нашу страну.

Впрочем, на Западе истоки нынешнего кризиса нередко представляют более чем своеобразно. Например, уходящий главком НАТО в Европе Филипп Бридлав не так давно объявил, что главным виновником происходящего является Россия, которая

¹ Статья была впервые опубликована в «Независимой газете» 11 апреля 2016 г.

сознательно уничтожает гражданскую инфраструктуру в Сирии для провоцирования потоков беженцев в Европу и дестабилизации институтов Европейского союза.

Но оставим фантазии досужим конспирологам и американским генералам. Трезвый профессиональный анализ миграционных проблем в современном мире не дает оснований ни для злорадства, ни для паники. Прежде всего надо учитывать, что миграционные процессы носят глобальный и долгосрочный характер. Конечно, безответственная и близорукая стратегия Вашингтона в ряде регионов мира (в первую очередь на Ближнем Востоке и в Северной Африке) в значительной степени спровоцировала тот сход миграционной лавины, который мы все наблюдаем сегодня. Но фундаментальные причины миграционного кризиса, на мой взгляд, лежат куда глубже.

Они — в расширяющейся экономической пропасти между богатым Севером и бедным Югом. Они — в низкой эффективности программ помощи беднейшим развивающимся странам, в безответственности транснациональных корпораций и финансовых спекулянтов. Они — в слабости многих международных организаций, в кризисе глобального управления в целом. Ясно, что нынешний кризис — всего лишь верхушка целого айсберга проблем, которые накапливались в современном мире и в отдельных его регионах в течение многих десятилетий.

Тем не менее глубоко ошибочными являются бытующие утверждения о том, что миграции являются чуть ли «неизбежным злом», сопутствующим глобализации современного мира. Миграционные процессы — это совершенно незаменимый ресурс развития любого общества. Не только потому, что в большинстве развитых стран происходит неуклонное снижение рождаемости, способствующее появлению долгосрочных проблем социального, экономического и иного порядка. Но и потому, что взаимодействие культур, обогащение человеческого капитала за счет иммиграции всегда было и остается мощным стимулом прогресса, обновления и в конечном счете повышения конкурентоспособности цивилизаций и отдельных государств. Не случайно в современном мире уже сегодня идет активная конкуренция за привлечение отдельных категорий мигрантов, и есть все основания полагать, что с течением времени эта конкуренция будет лишь обостряться.

Вопрос управления миграционными потоками для Европы — это в конце концов вопрос о выборе траектории своего развития, о будущем европейской идентичности, о поиске нового баланса базовых европейских ценностей. Характерно, что еще не-

сколько лет назад наши европейские партнеры уверенно, и я бы даже сказал, самоуверенно говорили о своих «европейских» ценностях как об основе диалога между ЕС и Россией. А сегодня некогда стройная конструкция этих ценностей рушится прямо на глазах в ожесточенных политических дискуссиях и острых конфликтах внутри Евросоюза.

Россия, разумеется, не может стоять в стороне от таких дискуссий. Наша страна является одним из активных участников глобальных миграционных процессов.

Кстати, так было на протяжении большей части нашей истории — только в XIX в. в Россию переселилось из других стран около 5 млн человек. В этом смысле советский период минимизации международной миграции и искусственной самоизоляции от внешнего мира можно рассматривать скорее как исключение, чем как привычное состояние дел для нашей страны. Исторический опыт наглядно свидетельствует о том, что каждый период успешной модернизации России был связан с резкой активизацией миграционных процессов; процветание нашей страны всегда было тесно связано с ее открытостью внешнему миру.

Следует, однако, признать, что в силу объективных причин наша страна оказалась не готова к тому миграционному взрыву, который произошел после 1991 г. Поиски адекватного ответа на миграционный вызов постсоветской России не могли быть легкими и быстрыми. Надо отдать должное политическому руководству страны, которое, предвидя обострение миграционных проблем, заблаговременно предприняло целый ряд мер, призванных снизить их возможное негативное воздействие. Не лишне напомнить, что выработка российской миграционной стратегии проходила в борьбе с широко распространенными старыми взглядами и устоявшимися стереотипами общественного сознания, и каждый новый шаг в продвижении этой стратегии давался с большим трудом.

Сам факт создания Федеральной миграционной службы (ФМС) продемонстрировал приоритетность миграционной тематики для российской власти. За годы своего существования ФМС накопила большой опыт в управлении миграционными процессами, предотвращении и решении проблем, связанных с миграциями. В управлении миграциями новой России за два десятилетия пришлось пройти путь, на который в других странах ушли столетия, но сегодня мы уже вполне способны не только творчески использовать чужой опыт, но и предлагать свои наработанные практики зарубежным коллегам и партнерам.

Конечно, у нас нет оснований почитать на лаврах, так как проблемы, связанные с миграциями, требуют неустанный поиска новых решений. Вероятно, сегодня акценты в миграционной политике России должны переноситься с механизмов административного регулирования миграционных потоков — с чем вполне могут справиться соответствующие государственные структуры — на поиски решения проблем адаптации и интеграции мигрантов. А для решения этого второго блока проблем требуются объединенные усилия власти, бизнеса, гражданского общества, образовательных учреждений, СМИ и многих других институтов.

Впрочем, Россия в этом смысле совсем не одинока. Ни одна страна, ни одно общество в современном мире так и не смогли пока найти оптимального решения миграционных проблем. У кого-то это получается лучше, у кого-то — хуже, но масштабы нынешнего миграционного вызова беспрецедентны, и успешно решать эту проблему возможно только коллективными усилиями. На повестке дня стоит задача разработки и совместной реализации глобальной стратегии управления миграционными процессами.

Масштабность и острота проблем миграции для разных стран различны, что затрудняет поиск единых подходов. Это существенно снижает и эффективность международного сотрудничества в этой области. Факторы, влияющие на миграционные потоки, часто находятся вне зоны влияния страны, испытывающей наибольший эффект от миграции, и зависят от внутренней политики другого государства. Интересы различных государств в миграционной сфере далеко не всегда совпадают, а подчас и прямо противостоят друг другу. И тем не менее хочется надеяться, что здравый смысл и осознание общности долгосрочных интересов позволят повысить уровень международной управляемости миграционных процессов.

При этом надо учитывать, что в современном мире решить миграционную проблему, не решая других проблем глобального управления, едва ли реально. Ведь миграционные потоки зависят и от глобальных климатических сдвигов, и от дефицита базовых ресурсов (например, пресной воды), и от непредсказуемых скачков цен на энергоносители. А в наибольшей степени они определяются состоянием глобальной и региональной безопасности, вернее, отсутствием этой безопасности. Поэтому решить миграционную проблему можно, только качественно повысив управляемость глобальной системой в целом, включая ее экономическое, экологическое, политическое и военно-стратегическое измерение. Именно эта задача, на мой взгляд, должна стать важнейшим приоритетом мировой политики на ближайшие десятилетия.

ЧАСТЬ I

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ В XXI веке: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Трансформация демоса. Нормативные принципы предоставления избирательного права резидентам и гражданам, проживающим за рубежом¹

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время внимание политологов и политических географов, с одной стороны, и нормативных политических теоретиков — с другой, было обращено к двум феноменам. Первый, более ярко выраженный заключается в глобальной тенденции предоставления правительствами демократических стран избирательных прав гражданам, проживающим за рубежом. Второй, не столь заметный и получивший распространение в основном в европейских странах выражается в наделении избирательными правами резидентов-неграждан². Число стран, в которых проявилась первая тенденция, в зависимости от того, каким образом определяются категории участвующих в выборах нерезидентов и неграждан, немногим превышает 100 [Collyer 2013; IDEA 2007], а стран, где преобладает вторая тенденция, не превышает 50 [Collyer 2013; IDEA 2007]. В последнем отчете Европейского парламента отмечается, что возможность предоставления избирательного права гражданам, проживающим за пределами своей страны, существует во всех странах ЕС, хотя

¹ В ходе работы над настоящим материалом я получил множество полезных комментариев от Вейта Бадера, Даниеля Карамани, Рауля Магни-Бертонна, Такеша Мияи и Дэйвида Оуэна. Не все из них мне удалось включить в окончательный вариант статьи.

² Примеры, касающиеся неевропейских стран, включают несколько городов в Мериленде [Наудук 2006], Чили, Уругвае, Малави и Новой Зеландии, где лица без гражданства, постоянно проживающие в стране, могут участвовать в общих выборах, и Южную Корею, где в 2005 г. право участвовать в местных выборах было предоставлено иммигрантам, имеющим специальное разрешение на проживание (Mosler and Pedroza 2013).

условия его предоставления сильно различаются. В докладе указано, что самые строгие правила существуют на Кипре, в Дании, Ирландии и на Мальте, а наиболее мягкие — в Эстонии, Латвии, Литве, Словении и Испании. В дополнение к местному избирательному праву, которым государства Европейского союза наделяют граждан других стран — участниц ЕС, в 12 странах ЕС местное избирательное право предоставляется на общих условиях резидентам — гражданам третьих стран, а еще в трех странах (Испании, Португалии и Великобритании) избирательное право предоставляется также особым группам неграждан на основе взаимности или гражданам стран, входящих в Содружество Наций [Arrighi et al. 2013]. В некоторых европейских странах, не входящих в ЕС (Исландии, Норвегии и нескольких швейцарских кантонах), местное избирательное право предоставляется иностранцам на основе критерия постоянного проживания.

До сих пор в эмпирической и нормативной литературе два указанных явления рассматривались по отдельности. За редким исключением¹ ученые рассматривают лишь один из двух типов развития демоса². Однако оба явления редко осмысляются в общей теоретической рамке. Наблюдается явный дефицит нормативного анализа. Принципы построения демоса, справедливые в отношении одного из способов его формирования, должны быть применены и к другому способу его развития.

В настоящем эссе литература, посвященная нормативной базе, анализируется с критических позиций и отстаивается альтернативный подход, при котором оба описанных выше явления рассматриваются как легитимные способы развития демо-

са, ограниченные, однако, императивами стабильности границ. Я утверждаю, что большинство нормативных теоретиков при ответе на вопрос, кого следует относить к демосу, руководствовались ошибочными принципами. Принцип «учета всех, чьи интересы затронуты» и принцип «учета всех, кто подвергся политическому принуждению» не являются *определяющими* в вопросе границ и представляются *несущественными*, когда речь идет о природе политики. Эти принципы касаются нелегитимного исключения и не затрагивают проблем избыточной политической интеграции. Наоборот, нормативные принципы членства должны вести к определению границ, в рамках которых становится возможным избежать как недостаточной, так и чрезмерной интеграции. Эти принципы должны отвечать требованиям долговременной стабильности демоса и варьироваться в зависимости от типа политики, к которой они относятся. Я продемонстрирую, почему избирательное право должно по-разному определяться на государственном и на местном уровнях. Мой подход может показаться консервативным, поскольку он в определенной мере отвечает описанным выше эмпирическим тенденциям. Хотя вряд ли можно считать консервативной нормативную теорию, поддерживающую прогрессивную и далеко не универсальную тенденцию и в целом критически оценивающую современные практики решения вопросов гражданства и избирательного права в различных государствах.

В следующем разделе я дам определение нескольким основным понятиям и остановлюсь на двух типах демократических принципов интеграции, связанных с условиями обеспечения легитимности «на входе» в политическую систему и «на выходе» из нее¹. Я выступаю в защиту *принципа заинтересованного лица*, который обеспечивает легитимность «на входе» и позволяет уйти от неопределенности и индифферентности, присущих принципам обеспечения легитимности «на выходе». Далее я смещаю акцент с индивидуальной политической интеграции, построенной на понятии справедливости, на границы демоса, определяемые в соответствии с понятиями о демократии, утверждая, что

¹ К числу исключений в эмпирической литературе относятся [Blais et al. 2001; Arrighi et al. 2013; Caramani и Strijbis 2013], в литературе по нормативной базе — [Vauböck 2005; Owen 2010].

² Эмпирический анализ избирательного права для неграждан в США представлен в работах [Raskin 1993; Hayduk 2006; Motomura 2006], для европейских стран — в работах [Hammar 1990; Jacobs 1999; Earnest 2008; Pedroza 2012] и многих других. Нормативная база рассматривается в работах [Beckmann 2009; Song 2009; Eisenberg 2013]. Эмпирическим рассмотрением избирательного права для граждан, находящихся за пределами страны, занимаются в числе прочих [Nohlen и Grotz 2000; IDEA 2007; Gamlen 2008; Lafleuer 2013; Collyer 2013]. Первыми с основными оценками с юридической точки зрения и с точки зрения политической теории выступили [López-Guerra 2005; Barry 2006; Spiro 2006; Rubio-Marín 2006; Vauböck 2007; Honohan 2011].

¹ Под «входом» в политическую систему имеется в виду процесс артикуляции (и затем агрегации) требований, предъявляемых участниками будущему политическому курсу. Под «выходом» из нее — реализация политического курса. — *Прим. ред.*

нормативные принципы членства должны отвечать не только индивидуальным притязаниям, но и требованию сохранения стабильности демократических политий. В разделе 3 я говорю о существовании нормативного соответствия между типами политий и *механизмами членства*, а также рассматриваю различия между избирательным правом, основанным на принципе постоянного проживания, и правом, предоставляемым по факту рождения. В разделе 4 показываю, как при этих режимах предоставления избирательного права на протяжении определенного периода времени устанавливаются и сохраняются границы членства, каким образом они взаимно ограничивают друг друга и в чем проявляется их взаимосвязь. В заключение привожу доводы в пользу того, что предлагаемая многоуровневая архитектура гражданства способствует аккомодации мигрантов из других стран, не ослабляя при этом демократическое самоуправление.

1. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ПРИНЦИПЫ «НА ВХОДЕ» И «НА ВЫХОДЕ»

Все нормативные принципы интеграции должны отсылать к политической единице, в границах которой происходит политическая интеграция отдельных лиц. В нашем случае такой единицей может быть либо *сообщество граждан*¹, либо *демос*. Под *сообществом граждан* я понимаю совокупность отдельных лиц, которых институты управления демократической политики признают своими членами или которые взаимно признают принадлежность друг друга к данной политике². Сообщество граждан можно также назвать демократическим народом при условии, что мы не будем смешивать это понятие с более емким понятием нации. Понятие «демос» несет в себе более узкий смысл и означает граждан, пользующихся всей полнотой политических прав. С практической точки зрения именно избирательное пра-

¹ В оригинале: citizenry. — Прим. ред.

² Взаимное признание друг друга гражданами, происходящее в горизонтальном измерении, может конституировать сообщество граждан в условиях авторитарного правления или оккупации, когда граждане, стремящиеся к самоуправлению, не представлены в политических органах. В таком контексте более уместно использовать понятие «демократический народ», а не понятие «сообщество граждан» (ср. [Altman and Wellman 2009, chap. 2]).

во является водоразделом между демосом и гражданским населением. Дети, не достигшие возраста, в котором они имеют право голосовать, могут быть гражданами, не являясь при этом частью демоса. Взрослые граждане часто исключаются из состава демоса, если они осуждены за совершение уголовных деяний, психически недееспособны или постоянно проживают за пределами данной территории. Нормативные основания для интеграции в сообщество граждан имеют определенные отличия от нормативных оснований для интеграции в демос. Под первыми в целом понимается идентичность индивида и его интересы, соблюдение которых необходимо для защиты прав таких индивидов отдельно взятой политией, тогда как вторые проистекают из демократического процесса принятия коллективного решения и ставят вопрос о том, какие качества позволяют отдельно взятому человеку принимать участие в данном процессе. При этом было бы ошибочным полностью разделять два этих вопроса. При любой либеральной демократической политике должно существовать всеобщее избирательное право граждан, а исключения должны быть юридически обоснованными [Dahl 1989, chap. 9].

Я использую термин «полития», имея в виду совокупность территории, сообщества граждан и институтов управления. Эта триада позволяет дать общее определение государства в теории конституционного права (см., например: [Jellinek 1929]). Я рассматриваю политию как вид, по отношению к которому государства представляют собой различные типы (разновидности). Задача состоит в том, чтобы включить в нашу дискуссию такие типы политий, как автономные районы и муниципалитеты в составе государств, или наднациональный Европейский союз. Каждый из этих типов можно представить как совокупность территориальной юрисдикции, определенного числа индивидов, признанных членами политики, и институтов управления, обладающих политической властью в пределах данной территории, и при условии, что эти политики — демократические, подотчетные своему демосу.

В последние десятилетия появилась обширная литература по «проблеме демократических границ», обобщить которую не входит в задачи настоящего эссе¹. В этой литературе поднимается

¹ Значительный вклад сделали Whelan 1983; Dahl 1989; Arrhenius 2005; Goodin 2007; Näsström 2007; Abizadeh 2008; Owen 2012; Song 2012.

вопрос о том, в состоянии ли демос определять собственные границы в ходе демократических процедур или с применением демократических принципов. Большинство авторов выступают либо в защиту принципа интеграции всех, чьи интересы оказываются затронутыми принимаемыми политическими решениями, либо всех тех, кто подвергается политическому принуждению. Эти принципы опираются на различные теории демократической легитимности (представления интересов или защиты индивидуальной автономии), а их защита реализуется в нескольких направлениях (например, гипотетические интересы против действительно затрагиваемых интересов; зависимость от определенных решений или от органов политической власти, обладающих общими законодательными полномочиями). Однако у этих принципов есть одна общая черта: чтобы дать ответ на вопрос, кто будет определять параметры «входа» в демократическую политическую систему, они сфокусированы на том, как результаты политического процесса скажутся на отдельно взятых индивидах. В результате возникает замкнутый логический круг, делающий невозможным решение проблемы границ демократии [Bauböck 2009]. Те же, кто выступает в защиту принципа учета всех, чьи интересы оказались затронутыми, или принципа учета всех, кто подвергся принуждению, чаще всего полагают такую циклическую логическую схему оправданной. Это подрывает эссенциалистское понимание демоса, так как ведет к размыванию его границ, которые должны определяться «на основе принятых решений, а не по желанию людей» [Shapiro 2002: 244], и «приводит к постоянным спорам между людьми» [Näsström 2007: 664]. Другие идут еще дальше, утверждая, что ни один из указанных принципов не может обеспечить легитимность демоса в глобальном смысле [Goodin 2007] или его принципиальную свободу от границ [Abizadeh 2008].

Но если ни один из ныне доминирующих принципов не в состоянии обеспечить легитимность определенных границ, то, может быть, эти принципы попросту не способствуют решению поставленного вопроса? Вместо того чтобы заниматься поисками оснований демократической легитимации границ как таковой, лучше обратимся к тому факту, что у каждой политики существуют свои границы и все они сосуществуют в мире, полном разнообразия. К этому факту следует относиться как к «обстоятельствам, при которых существуют демократия и гражданство»

аналогично тому, как Джон Роулз воспринимал умеренный дефицит как одно из «обстоятельств, необходимых для дистрибутивной справедливости» [Rawls 1999: 126–128]. Не имеет смысла задаваться вопросом о том, что необходимо для обеспечения дистрибутивной справедливости при изобилии или при абсолютном дефиците. Точно так же нет смысла ставить вопрос о том, кто имеет право быть интегрированным в отдельно взятую политику или отдельно взятое сообщество граждан, если не предполагать изначально, что мир состоит из политий, разделенных границами. Конечно, мир представляет собой систему государств, о чем всегда помнят политические теоретики, выступающие в защиту двух принципов интеграции в демос. Основная цель этих теоретиков состоит в том, чтобы подвергнуть сомнению легитимность границ, определенных государственной системой, предлагая систему аргументации, которая неизбежно подталкивает к такому выводу. Подобное стремление можно считать похвальным, но оно не способствует решению вопроса.

Критические замечания, содержащиеся в настоящем эссе, не отвергают полностью два обозначенных принципа. Эти замечания лишь указывают на недостаточность указанных принципов при определении границ сообщества граждан и демоса. Самоостоятельность индивидов, подвергающихся принуждению, а также интересы тех, кого затрагивают политические решения, должны учитываться при принятии политических решений, для того чтобы обеспечить *моральную* легитимность. Но такого рода интересы не могут определять, кто будет *политически* интегрирован, получив статус члена самоуправляемой политики¹.

¹ Из похожих соображений С. Сонг рассматривает *принципы общих затрагиваемых интересов и общего принуждения* в качестве «дополнительных принципов при уточнении границ демоса» [Song 2012: 63]. Общим в ее и моих критических соображениях относительно этих двух принципов является акцент на необходимости четкого определения и обеспечения относительного постоянства политических границ. Есть два отличия между позицией Сонг и моей позицией: во-первых, она утверждает, что эти два принципа не способствуют решению проблемы, так как носят скорее процедурный, чем сущностный характер, в то время как я думаю, что эти принципы бесполезны, поскольку ориентированы на процессы, происходящие на «выходе» из политической системы. Во-вторых, Сонг считает, что границы демократии должны определяться государством и его территорией, поскольку государство

Полезным здесь видится принятое в политической науке различие между легитимностью «на входе» и легитимностью «на выходе» [Easton 1965; Scharpf 1999]. В последнем случае легитимность решения связана со способом учета интересов, тогда как в первом результат зависит от полномочий тех, кто принимает решение. Вопрос о легитимных границах демоса относится к числу вопросов о легитимности «на входе»: кто обладает правом предоставлять полномочия правительству и его органам, принимающим решения? Логически этот вопрос предшествует вопросу о последствиях принятых правительством решений.

Конечно, при демократии между этими двумя типами легитимности нельзя провести четкого разграничения, которое возможно в недемократических полициях, когда полномочия политической власти зависят от династических привилегий или монополии определенной политической партии. В самоуправляемой полиции граждане должны непосредственным образом санкционировать управление, которое осуществляется институтами. *Легитимное принуждение*, следовательно, играет при определении членства в демосе роль, которую не могут исполнять *затрагиваемые интересы*. Систематическое противоречие между избирателями и теми, кто подпадает под действие закона, создает дефицит легитимности между тем, что происходит «на входе» в политический процесс и «на выходе» из него. Поднимая вопрос о легитимном подчинении власти, мы не можем определить право на гражданство без попадания в ловушку описанного выше логического круга. Чтобы разрешить эту проблему, нам следует определить вводные критерии членства в сообществе граждан перед тем, как мы обратимся к *принципу легитимного принуждения*, одновременно требуя, чтобы демос был по возможности инклюзивным, как и сообщество граждан. При этом интеграция не означает идеального соответствия, при котором критерии членства в сообществе граждан и членства в демосе будут скорее одинаковы, чем различны. Это означает, что должно существовать приблизительное соответствие между сообществом граждан и демосом, чтобы, с од-

играет особую роль в соблюдении прав индивида, обеспечении солидарности и поддержании связей между гражданами и политическим представительством. Я же полагаю, что существующие на основе государства демосы выходят за границы территории государства и что демократическое самоуправление возможно как в субгосударственных, так и в надгосударственных полициях.

ной стороны, члены демоса, то есть граждане, принимающие закон, были готовы подчиняться ему и, с другой стороны, чтобы те, кто подчиняется законам данной полиции, имели возможность стать гражданами, наделенными полным избирательным правом. Такое соответствие может быть только приблизительным, потому что членство в демосе предполагает наличие определенных качеств, которые не являются необходимым условием получения статуса гражданина. Члены демоса должны иметь возможность подтверждать свое согласие на подчинение законам, полномочия на принятие которых они предоставляют еще до того, как эти законы будут утверждены в ходе голосования и применения других форм участия в политической жизни. Поэтому в противоположность статусу гражданина членство в демосе возникает лишь по достижении определенного возраста.

Если задаться вопросом, какие условия необходимы для устойчивого самоуправления в отдельно взятой полиции, то ответ обнаружит и объяснит определенное несоответствие между тремя категориями: теми, кто подчиняется закону, сообществом граждан и демосом. Например, мы не считаем нелегитимным, когда малолетние дети или туристы следуют законам, в создании которых они не принимали участия, потому что интеграция этих групп в демос нарушила бы необходимое условие, в соответствии с которым члены демоса должны иметь представление об институтах данной полиции и достаточные знания, для того чтобы руководствоваться политическими соображениями. Поэтому встает вопрос о том, какой именно принцип «на входе» в наибольшей степени отвечает одновременно условиям сохранения постоянства границ и приблизительного соответствия между теми, кто дает полномочия на принятие закона, и теми, кто этому закону подчиняется.

Принципы «на входе» можно разделить на дополитические и политические. Дополитические принципы направлены на обеспечение соответствия границ демоса с коллективными границами, которые могут быть определены еще до создания политических институтов и начала политических процессов и независимо от них. Исторически наиболее плодотворным дополитическим принципом «на входе» был национализм, в защиту которого выступают и некоторые современные либеральные и демократические теоретики (подробнее об этом: [Tamir 1993; Miller 1995; Kymlicka 2001]). Политические принципы «на входе» — это принципы,

на основе которых возникает критерий, определяющий условия членства на основе конституции или задач, которые стоят перед демократической политией. Примером может служить понимание демоса как добровольного объединения граждан, имеющих коллективное право на самоопределение. Следовательно, легитимный демос формируется индивидами, между которыми существует взаимное согласие по поводу создания объединения и которые сохраняют за собой право на роспуск такого объединения через индивидуальный или коллективный выход из его состава¹. Такой политический принцип «на входе» начинается с определения того, кто обладает полномочиями на принятие решений относительно границ. Ответ заключается в следующем: ими обладает добровольное объединение, состоящее из тех и только тех, кто был принят в объединение теми, кто стал членом этого объединения еще раньше. Принципы создания националистических и добровольных объединений позволяют успешно избежать парадокса границ, но таким объединениям достаточно сложно смириться с либеральными императивами политической интеграции.

Предлагаемый мною принцип заинтересованного лица² [Bauböck 2005, 2007, 2009] представляет собой альтернативный политический принцип, действующий «на входе». Он построен на двух гипотезах. Первая гипотеза состоит в том, что индивиды изначально заинтересованы в таком членстве исходя из соображений функциональности (обеспечения защиты своих фундаментальных прав) и из объективных причин (укрепления чувства их самоуважения и равное уважение со стороны окружающих, даже

если эти индивиды не заинтересованы в том, чтобы активно участвовать в политической жизни). Вторая гипотеза заключается в том, что у граждан самоуправляемой политики существует по меньшей мере предполагаемая коллективная заинтересованность в сохранении автономии этого образования и участии в его дальнейшем развитии. Принцип заинтересованного лица связывает эти две гипотезы исходя из того, что на членство могут претендовать те и только те индивиды, индивидуальная самостоятельность и благополучие которых связаны с коллективной автономией и процветанием отдельно взятой политики.

Этот принцип действует «на входе», поскольку он отвечает на вопрос, кто сначала должен стать членом независимо от решений, принятых законодательной властью или правительством. С этой точки зрения люди должны определиться не просто относительно того, как от их имени будет принято то или иное политическое решение, но и независимо от того, демократическим или недемократическим является политический режим. Если все люди заинтересованы в участии в жизни самоуправляемой политики, то тот факт, что значительное число людей оказываются под властью режимов, которые лишают их права коллективного самоуправления, не может препятствовать притязаниям этих субъектов на то, чтобы быть признанными в качестве потенциальных обладателей прав на гражданство и самоуправление. И этот принцип скорее является политическим, чем дополитическим, так как из него вытекает критерий интеграции, опосредованный связью между основными интересами индивида и основными коллективными интересами политического сообщества, а не нации.

В чем состоит отличие этого принципа от принципа интеграции всех, кто подвергается принуждению? Нахождение под управлением правительства на долгосрочной основе очевидно создает такую связь, но это недостаточное, а не обязательное условие. Первое поколение эмигрантов, сохраняющих транснациональные связи и желающих вернуться в страны исхода, представляет собой наиболее очевидную категорию «внешних заинтересованных лиц». Опыт интеграции эмигрантов первого поколения можно считать практическим примером применения расширенного варианта принципа легитимного принуждения, в котором учтено также и имевшее ранее место подчинение человека на протяжении продолжительного периода его жизни или возможное

¹ [Harry Beran 1989; David Gauthier 1994; Thomas Pogge 1992], а также [Altman и Wellman 2009] выступают в защиту того, что любое территориальное объединение граждан обладает правом самороспуска при условии, что в пользу такого решения выступает большинство резидентов на территории, на которую это объединение претендует, а также при условии, что оно допускает роспуск любого другого объединения, действующего на этой территории на тех же основаниях. Такой принцип плебисцита при самоопределении не имеет свойств логического круга, которые присущи принципам, действующим «на выходе», и, возможно, носит скорее процедурный, чем сущностный характер, что противоречит критическому замечанию [Song 2012] о том, что парадокс границ политики может быть решен на основе процедурных принципов.

² В оригинале: stakeholder principle. — Прим. ред.

подчинение в будущем, связанное с ожидаемым возвращением в страну исхода»¹. Тем не менее остается неясным, почему подчинение в прошлом или будущем должно быть достаточным основанием для представительства в действующей законодательной ветви власти. Подчинение в прошлом и будущем не является достаточным основанием для интеграции, но представляет собой эмпирический показатель подлинной связи, которая сама по себе и является основанием для политической интеграции с позиции заинтересованного лица.

Еще одно важное отличие *принципа заинтересованного лица* от всех принципов «на выходе» состоит в следующем: он предполагает, что притязания индивида не могут быть определены без учета условий, необходимых для самоуправления в отдельно взятой политике. Поэтому *принцип заинтересованного лица* должен толковаться в том смысле, что он зависит от условий, обеспечивающих стабильность демоса, и типа самой политики. Эту идею я хочу развить далее в своем эссе.

Принцип заинтересованного лица предполагает структурную взаимосвязь между притязаниями индивида на то, чтобы быть интегрированным или изолированным на легитимных основаниях, с одной стороны, и структурными условиями для самоуправления — с другой. В либеральном теоретическом мейнстриме уделяется особое внимание обоснованным притязаниям индивида на политическую интеграцию. Я же хочу обратить внимание на другую сторону *принципа заинтересованного лица* — на условия для устойчивого демократического самоуправления в контексте транснациональной миграции. Здесь основное внимание переносится с теорий справедливости на теории демократии и гражданства. Вместо того чтобы задаваться вопросом, претендуют ли индивиды на интеграцию, мы ставим вопрос о том, каким образом демократии решают проблемы, связанные с нестабильностью границ и их несовпадениями с территориальными юрисдикциями, гражданскими сообществами и демосами.

¹ В дискуссии о притязаниях эмигрантов на получение избирательных прав И. Хонохан сочетает *принцип легитимного принуждения* с *принципом заинтересованного лица*, когда говорит о том, что «демос должен состоять из тех, чьи жизни взаимозависимы в подчинении одним и тем же органам власти, и которые [sic!] имеют общие интересы на будущее» [Honohan 2011: 558].

Мы начали с эмпирической тенденции, касающейся предоставления избирательного права резидентам без гражданства и гражданам-нерезидентам. Этот тренд озадачивает, потому что указывает на трансформацию демоса в нечто новое, обладающее неизвестными нам чертами. Тем не менее такого рода явление представляет собой то, что можно было бы назвать «умеренной трансформацией», которая не влечет за собой отмены границ или изменения идентичности демоса до полной неузнаваемости. Эти два типа экспансивного гражданства ведут к тому, что демос выходит за пределы устойчивого ядра, которое представлено гражданами-резидентами и возникает вследствие широкого взаимного наложения территориальных границ и пределов, определяющих границы членства в демосе¹. Напротив, *принцип всех затрагиваемых интересов* и *принцип всех, кто подвергается принуждению*, а также *принцип ассоциативного самоопределения* предусматривают «радикальную трансформацию» демоса, при которой устойчивые границы или узнаваемые идентификационные признаки ядра в лучшем случае оказываются удачными результатами продолжающегося процесса перекраивания границ, но уже не представляют собой встроенные ограничители подобных процессов. В последующих трех разделах я покажу, каким образом можно совместить умеренную трансформацию, происходящую в результате расширения избирательного права, с разумными потребностями в обеспечении стабильности.

2. РЕЗИДЕНТЫ-ГРАЖДАНЕ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

До сих пор я в основном критиковал неопределенность доминирующих нормативных подходов к проблеме демократических границ. Теперь я хочу уделить внимание отсутствию в этих подходах учета различий в типах политий. В данном случае я не имею в виду необходимость полного контекстуального анализа перед тем, как перейти от нормативной теории к политическим рецептам. Именно с этим с готовностью согласилось бы большинство политических теоретиков. Я же настаиваю на том, что (1) существуют различные

¹ Это широкое взаимное наложение является эмпирическим фактом в современном мире, а не концептуальной необходимостью. В [Bauböck 2011] я говорю о гипотетическом сценарии гипермиграции, в котором отсутствует устойчивое ядро, состоящее из граждан-резидентов.

типы демократических политий, которые различаются по своим общим качествам, в частности режимам определения членства в них, и что (2) общие нормативные принципы интеграции в гражданское сообщество и в демос должны уточняться для каждого отдельного типа политики и режима.

Почти все существующие политические теории членства затрагивают лишь один тип политики — суверенное государство. Но существуют и другие типы политий на суб- и надгосударственном уровнях, которые, как и государства, имеют свою территорию, гражданское сообщество и демос. Что касается Европейского союза, то Маастрихтский договор 1992 г. предусматривает формальное гражданство Союза, в соответствии с которым гражданам ЕС предоставляется избирательное право на выборах в Европейский парламент. Таким образом, Европейский союз представляет собой политику с четко обозначенной территорией и формальными правилами, определяющими гражданское сообщество и демос. Статус гражданина возникает на основе гражданства государства — члена Евросоюза. Демос определяется внутри территории Евросоюза на основании сочетания законодательства Европейского союза и национального права (что позволяет большинству граждан вторых стран¹ самим решать, в каком месте они будут голосовать — там, где они проживают постоянно, или там, откуда они приехали). За пределами территории ЕС он определяется исключительно на основании национального избирательного права государств-членов. Некоторые из этих государств допускают участие в голосовании на выборах в Европейский парламент граждан, являющихся резидентами третьих стран², а некоторые — нет [Shaw 2007; Arrighi et al. 2013]. То, как в ЕС определяется гражданское сообщество и демос, существенным образом отличается от того, что происходит сегодня в других демократических государствах, хотя исторические прецеденты существовали и в конфедерациях XIX в. [Schönberger 2005].

Я оставляю в стороне особый случай гражданства ЕС и сосредоточусь на различиях между режимами членства на государственном и местном уровнях. Некоторым читателям идея местного гражданского сообщества и демоса покажется странной. Они мо-

гут считать, что муниципалитеты или мэрии являются не чем иным, как административными придатками правительства, а люди, проживающие в их пределах, скорее резидентами, чем гражданами. Однако во всех достаточно крупных демократических государствах существует не просто деление территории страны на муниципалитеты, но и проводятся выборы в местные советы, обладающие полномочиями самостоятельного принятия решений по ряду локальных вопросов. Поэтому, что бы мы ни думали о значении полномочий органов местного самоуправления, представляется, что определенная степень самоуправления муниципалитетов должна быть распространенной нормой демократии.

Императив местного самоуправления поддерживается в том числе нормативными актами, поскольку на централизованных решениях, принимаемых общенациональным законодательным органом или правительством демократического государства по локальным вопросам, может сказаться доминирующая роль представителей национального большинства (по отношению к членам локальных сообществ), слабо вовлеченных в проблемы местной политики. С позиции местной политики передача полномочий принятия решений по местным вопросам представителям демоса всей страны ведет к нелегитимной избыточной интеграции, такой же, которая возникла бы в случае, если бы глобальный демос оказался избыточно интегрированным с точками зрения самоуправляемых государств.

Однако последнее возражение заключается в том, что в отличие от государств или от ЕС муниципалитеты не определяют, кем являются их граждане и избиратели. Они не обладают подобными полномочиями, так как формально не существует статуса местного гражданства и муниципалитеты не могут установить иммиграционный контроль на границах своей территории. Однако должны существовать списки избирателей для проведения местных выборов. А если существует местный демос, то должно существовать и соответствующее местное сообщество граждан, активно представленное теми, кто имеет избирательные права. В отсутствие местных паспортов и свидетельств о гражданстве мы можем подойти к вопросу о том, что собой представляют местные граждане, задавшись сначала вопросом об условиях предоставления избирательного права на местном уровне. Как уже упоминалось во введении, и в Европе, и за ее пределами на этот вопрос даются самые разнообразные ответы,

¹ Граждане государств — членов ЕС, проживающие в других странах Евросоюза. — *Прим. ред.*

² Граждане государств, не входящих в ЕС. — *Прим. ред.*

среди которых преобладает один: ими являются все зарегистрированные в данной местности граждане страны, достигшие возраста, позволяющего принимать участие в голосовании. В государствах — членах ЕС в местный демос дополнительно входят резиденты из числа граждан других государств — членов ЕС, а еще во многих государствах — членах ЕС также и резиденты из числа граждан третьих стран. Избирательное право на местах обычно ограничивается тем же возрастным цензом и теми же особыми категориями, например для лиц, осужденных за совершение уголовно наказуемых преступлений, что и общенациональное избирательное право. Важным отличием является, однако, то, что внешнее избирательное право предоставляется крайне редко. Бывшие резиденты муниципалитетов в большинстве случаев не могут принимать участия в местных выборах после того, как стали резидентами в другом регионе страны или за границей¹. Предварительно мы можем сделать вывод о том, что местный демос обычно определяется постоянным проживанием. Однако есть исключения, к числу которых относятся нерезиденты и различные варианты интеграции резидентов-неграждан.

Теперь рассмотрим вопрос с позиций юридических норм: кто *должен* быть отнесен к сообществу граждан и к демосу? Здесь я имею в виду уже не общие нормативные принципы, такие как *затрагиваемые интересы* или *легитимное принуждение*, а то, что я буду называть *механизмами членства*. Это наиболее общие правила для определения членства, которые мы находим в законах реально существующих политий. Я уже говорил о том, что считаю правильным с точки зрения юридических норм, когда в члены местных политий принимаются все резиденты, и только резиденты [Bauböck 2003]. В отличие от суверенных государств местные органы управления не обладают полномочиями, позволяющими им регулировать иммиграцию. Право на свободное передвижение по территории государства является универсальным правом любого человека, который находится в нем на законных основаниях [ICCPR, Art. 12(1)], и это право

¹ В ЕС только Эстония предоставляет все избирательные права гражданам, проживающим за границей, а во Франции таким гражданам разрешено участвовать в голосовании через своих представителей, которые являются гражданами-резидентами. В ряде других стран предусмотрены специальные правила для определенных категорий граждан-нерезидентов [Arrighi et al. 2013: 21].

также требует отсутствия иммиграционного контроля на местном уровне. Местные органы управления, таким образом, вынуждены брать на себя предоставление услуг всем, кто становится резидентом данного муниципального образования. Обратной стороной вопроса является то, что муниципалитеты не могут предоставлять публичных услуг своим бывшим резидентам, равно как не могут и обеспечить им внешние гражданские права, такие как дипломатическая защита или право на возвращение, без того чтобы не вторгнуться в сферу внешних полномочий, возложенных на правительства государств.

По этим соображениям постоянное проживание является необходимым условием для местного гражданства. Но является ли это условие единственным? Я отвечаю на этот вопрос положительно, если смотреть с позиций местного самоуправления. Ограничение участия в голосовании на местах гражданами данной страны, или гражданами ЕС, или гражданами тех стран, которые предоставляют аналогичные права на условиях взаимности, создает ситуацию, при которой предоставление права голоса на местных выборах уже не имеет ничего общего с полномочиями и функциями местного самоуправления. Навязывание национальных и наднациональных *механизмов членства* местному демосу можно считать менее жесткой формой доминирования по сравнению со случаями, когда центральное правительство забирает себе все полномочия по принятию решений на местном уровне. Однако такая форма навязывания все равно остается вполне узнаваемой, поскольку не предусматривает исключения из местного демоса значительной части людей, чей статус иммигрантов в рамках местной политики никоим образом не отличается от статуса иммигрантов в национальных государствах или в ЕС. Отсутствие формального статуса местного гражданства и общая интеграция резидентов-неграждан с точки зрения предоставления им местных гражданских и социальных прав означают, что де-факто они являются местными гражданами. Если их и дальше исключать из числа тех, кому предоставлено избирательное право, это приведет к возникновению несоответствия между сообществом граждан и демосом. А поскольку единственным основанием для такого несоответствия является то, что исключенные из числа избирателей не являются членами *национального* демоса, такое несоответствие будет необоснованным с точки зрения *местной* демократии. Вот почему местное гражданство должно

определяться по месту постоянного проживания, и только по нему, то есть здесь должен действовать механизм автоматического *ius domicilii*¹. А местный демос должен в таком случае включать в себя всех резидентов, достигших соответствующего возраста.

После того как был изложен принцип, мы должны признать, что дефицит местной демократии зависит также от законов о национальном гражданстве, поскольку неграждане могут становиться носителями избирательного права на местном уровне и посредством получения национального гражданства. Значительные препятствия на пути натурализации и отсутствие возможностей применения *ius soli*² для второго поколения иммигрантов усложняют проблему изоляции на местном уровне с точки зрения числа людей и времени, в течение которого они оказываются лишены избирательных прав. Там, где число иммигрантов велико и где они в значительной степени сконцентрированы в городах, суммарное влияние оказывает также «окружение, не имеющее права голоса» [Eisenberg 2013], что в еще большей степени ослабляет демократическую легитимность городских органов власти.

3. Гражданство по праву рождения НА ГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ

Рассмотрим теперь отличия режима гражданства на государственном уровне от режима гражданства на местном уровне. Действующие в различных государствах законы, регулирующие приобретение и утрату гражданства, на удивление сложны и разнообразны. Множество работ посвящено изучению и попыткам объяснить различия между разнообразными законами и политиками предоставления гражданства. При этом можно выделить общие структурные черты всех законов о гражданстве, действующих в демократических странах.

Все режимы предоставления национального гражданства основаны на праве гражданства по рождению в широком смысле, что включает в себя и *ius sanguinis*³, и *ius soli*. Самым главным правилом в этих законах является то, что гражданство предоставляется автоматически при рождении, поэтому в тех случаях, когда роди-

тели ребенка являются гражданами данного государства или ребенок родился на его территории, всегда будет существовать следующее поколение граждан. Правило *ius sanguinis* действует во всех государствах, а правило *ius soli* — лишь в некоторых из них. Это ведет к тому, что дети первого поколения эмигрантов обычно получают при рождении то же гражданство, которым обладают их родители. Различия между государствами появляются тогда, когда речь заходит об условиях сохранения и передачи последующим поколениям подобного экстерриториального гражданства.

Во всех демократических государствах предусмотрен также обычный порядок натурализации, который определяется продолжительностью проживания в данном государстве. Требования к срокам проживания, обязательные дополнительные условия, возможности натурализации для отдельных категорий иностранных граждан и многое другое в различных государствах неодинаковы, но нет ни одного государства, в котором предоставление гражданства первому поколению иммигрантов было бы исключено или предоставлялось бы автоматически. И наоборот, ни одно демократическое государство не лишает автоматически гражданства эмигрантов первого поколения. Эмигранты теряют свое изначальное гражданство, добровольно отказавшись от него, или лишаются гражданства в принудительном порядке, однако ни в том, ни в другом случае тот факт, что данное лицо не является резидентом, не считается достаточной причиной для утраты гражданства. За исключением лишения гражданства в тех случаях, когда оно было получено обманным путем или когда это диктуется соображениями безопасности, утрата гражданства зависит от обращения с заявлением о принятии гражданства другой страны или оттого, что гражданство другой страны было получено ранее.

Сочетание автоматического получения гражданства при рождении и неавтоматической натурализации можно назвать режимом получения членства по рождению. Выражение «по рождению» указывает не только на то, что членство приобретается при рождении или на основании рождения, но также и на то, что членство предполагает пожизненный статус для индивида и его передачу из поколения в поколение. Постоянное проживание и согласие на получение гражданства все еще играют роль, но в основном лишь в качестве вспомогательных корректирующих механизмов, которые позволяют индивидам воспользоваться своим гражданством по праву рождения или отказаться от него, если их гражданство

¹ Право местожительства. — Прим. ред.

² Право почвы. — Прим. ред.

³ Право крови. — Прим. ред.

по праву рождения не совпадает с местом их постоянного проживания или если они сами желают сменить гражданство.

У многих либеральных политических теоретиков структура подобного, почти универсального режима предоставления гражданства вызывает возражения юридического свойства. Некоторые выступают в пользу автоматической натурализации первого поколения иммигрантов [Rubio-Marín 2000], другие возражают против «лотереи права рождения», поскольку такое право противоречит идее глобальной справедливости [Shachar 2009], третьи считают, что основой гражданской принадлежности к тому или иному государству должно быть постоянное проживание как при получении гражданства, так и при выходе из него примерно в том же порядке, о котором я писал выше применительно к режимам местного гражданства [Kostakopolou 2003; López-Guerra 2005].

Я не согласен с такого рода аргументацией, поскольку при оценке юридических основ режимов членства нельзя сбрасывать со счетов тип политики. Как разновидность политики государства отличаются от муниципалитетов. Они возникли в результате эволюции, приспособившись к иной «окружающей политике среде» — международной системе государств, и мы не можем игнорировать эту систему, на основе которой принимается решение о том, кого следует признавать гражданином того или иного государства. Поэтому вопрос состоит в том, отвечает ли право членства по рождению действительности в большей степени, чем право членства по месту постоянного проживания в данном виде политий. Я отвечаю на этот вопрос положительно.

Гражданство по праву рождения позволяет государствам, во-первых, защищать своих граждан за границей, и такое гражданство придает им легальный статус находящихся под защитой в соответствии с международным правом, что может стать привязкой для ряда важнейших прав [Goodin 1988]. Гражданство по праву рождения имеет особое значение для защиты временных и маятниковых мигрантов, которые зачастую не отвечают даже самым мягким требованиям, позволяющим получить гражданство с учетом статуса резидента или в порядке натурализации.

Во-вторых, натурализация по праву рождения представляет собой акт, знаменующий интеграцию иммигрантов в данную политику на основе двустороннего согласия: иммигрант должен выразить свое желание принять гражданство, а государство формально реагирует на его желание от имени всех граждан этого

государства. Натурализация представляет собой процедуру, указывающую на то, что некто, не родившийся в данном сообществе, сформировавшемся на основе права рождения, отныне является полноправным членом такого сообщества. В этом случае интеграция мигрантов, которые зачастую уязвимы в наибольшей степени, представляя мишень для ксенофобов или оказываясь жертвой экономической эксплуатации, получает более сильные основания, чем в случае автоматической натурализации или предоставления гражданства на основе постоянного проживания.

В-третьих, и это самое важное, предоставление гражданства по праву рождения позволяет использовать такой ресурс, как чувство солидарности граждан, считающих себя принадлежащими политическому сообществу, воспроизводящемуся из поколения в поколение. Подобные ресурсы нужны не только для того, чтобы государство могло заставить граждан нести бремя гражданства (например, соблюдать требования закона без явного принуждения), но и для того, чтобы обеспечить подотчетность правительства и препятствовать нелегитимному использованию политической власти (в том числе для борьбы с коррупцией, нарушением государством прав других и т. д.), а также для того, чтобы дать гражданам, действующим в соответствии со своими собственными интересами и предпочтениями, основания ориентироваться на общее благо и интересы будущих поколений¹.

После анализа отличительных особенностей двух основных режимов членства я покажу, что они существуют не сами по себе, а находятся в тесной взаимосвязи. Вывод состоит в том, что демократиям, столкнувшимся с миграцией, нет необходимости выбирать между обозначенными режимами. Им лишь следует комбинировать их таким образом, чтобы режимы членства охватывали всех заинтересованных в получении гражданства лиц, и только их.

4. ОБЩИЕ СВОЙСТВА, ОГРАНИЧЕНИЯ И СВЯЗИ

Несмотря на сильные различия, два обозначенных *механизма членства* имеют важные общие свойства. Создавая барьеры и проводя границу между членами и нечленами, пытаюсь тем

¹ См. также [Song 2012], которая особо отмечает необходимость стабильности демоса во времени для обеспечения основных прав и свобод, солидарности и доверия, а также эффективного представительства.

самым обеспечить самовоспроизводство политики, они игнорируют проблему неопределенности, которая является излюбленным предметом размышлений политических философов. Я поочередно рассмотрю, как эти механизмы обеспечивают разграничение и стабильность.

В том, что касается разграничения, механизмы права гражданства по рождению действуют не столь четко, так как допускают широкую вариативность законов о национальном гражданстве, что неизбежно влечет за собой появление лиц, имеющих несколько гражданств. Это происходит из-за взаимного влияния *ius soli* и *ius sanguinis*, а также гендерно нейтрального применения *ius sanguinis* в отношении обоих родителей в случаях, когда родителями являются лица с разными гражданствами. Государства могут воспрепятствовать возникновению двойного гражданства лишь через натурализацию, требующую выхода из гражданства и ведущую к утрате гражданства эмигрантами, добровольно принявшими другое гражданство. Тем не менее в современном мире наблюдается ярко выраженная тенденция к соблюдению толерантности в отношении двойного гражданства даже в случае натурализации [Spiro 2010; Blatter, Erdmann et al. 2009; Faist и Kivisto 2007]. Двойное гражданство не означает, что государство не знает, кто именно относится к числу его граждан. Сам факт того, что гражданство является формальным статусом, который остальные государства обязаны признавать в соответствии с международным правом¹, предотвращает возникновение подобных неопределенных ситуаций.

¹ Международный суд ООН пытался ограничить обязательность взаимного признания гражданства в решении по делу Ноттебома в 1955 г., в котором указывалось на необходимость наличия «подлинной связи» между человеком и государством, гарантирующей человеку гражданство. Предполагалось, что решение будет касаться лишь случаев произвольного предоставления гражданства государством или нарушения прав со стороны индивидов, пытающихся избежать выполнения гражданских обязанностей в другом государстве [Sloane 2009]. Оно не закрепляло положения, при котором, руководствуясь принципом заинтересованного лица, индивид мог претендовать на получение гражданства. В резолюции от 16 января 2014 г., осуждающей продажу паспортов ЕС Мальтой, Европейский парламент тем не менее указал на то, что «гражданство ЕС подразумевает наличие заинтересованности в жизни Союза и зависит от связей человека с Европой и странами ЕС либо от личных связей с гражданами ЕС» [European Parliament 2014: 2].

Но это не относится к гражданству, предоставляемому на основании постоянного проживания, при котором обычно отсутствует формальный статус, за исключением регистрации по месту жительства и различных видов разрешений на проживание. Именно поэтому существует, с одной стороны, зона неопределенности, присущая критерию постоянного проживания, что в особенности касается резидентов, проживающих в данном месте непродолжительное время, а также тех, кто регистрируется в качестве резидента в разных муниципалитетах. С другой стороны, механизм постоянного проживания, который ведет к автоматическому получению или автоматической утрате гражданства и учитывает передвижения через границу, создает значительно меньше возможностей дублирования членства, чем механизм права рождения.

Итак, в целом определение членства не является главной проблемой таких режимов. Это особенно важно для избирательного права и демократического процесса. Как указывают многие ученые, разделение прав гражданства на составные части и их отделение от статуса гражданства привели к размытости границ гражданства [Hammar 1990; Bauböck 1994; Bosniak 2000; Benhabib 2004]. Эта тенденция открывает возможность постепенной интеграции иммигрантов, проживающих в одном месте, и эмигрантов, для чего используется внешнее квазигражданство [Bauböck 2007: 2395–6]. При этом, если проблему определения границ воспринимать как комплекс прав, а не как статус, определяемый международным правом, она оказывается не столь уж важной для гражданства. С демосом ситуация совсем иная, так как он требует недвусмысленного разделения на тех, кто может получить право голоса, и тех, кто не может. Существование системы демократического представительства и подотчетности невозможно, если нет ясности в вопросе, кто имеет право голосовать на выборах [Song 2012: 59]. Конечно, существуют различия между государствами в том, насколько широко или, напротив, узко они очерчивают границы демоса. Имеется несколько государств, таких как Новая Зеландия, Чили, Уругвай, Малави, Великобритания и Португалия, в которых национальный демос простирается за пределы статуса национального гражданства. Но какие бы комбинации критериев гражданства и места постоянного проживания ни применялись, демос должен быть определен недвусмысленно еще до выборов.

Оба режима предоставления членства обеспечивают преемственность гражданства во времени, но совершенно по-разному. В режиме предоставления членства на основе постоянного проживания преемственность определяется территорией. Пространство и созданная в нем инфраструктура, общественные и политические институты считаются устойчивыми чертами политики, которые существовали еще до того, как появились на свет или прибыли нынешние резиденты, и которые сохранятся после того, как эти резиденты уедут или скончаются. Этого может оказаться достаточно для поддержания общего законного порядка, своего рода уважения к политическим институтам и чувства общности, возникающего при нахождении в общем социальном пространстве, что ведет к укреплению коллективной местной идентичности. Маловероятно, что вновь прибывшие станут выступать против существующих малознакомых институтов, а те, кто уже уехал, вряд ли будут пытаться влиять на будущую судьбу политики, построенной на принципе постоянного проживания. Однако именно эти характеристики членства, основанного на постоянном проживании, ведут к ослаблению чувства солидарности между постоянными и временными жителями. Первые склонны считать себя «хозяевами» политики, а вторые реже отдаются работе во имя общего блага, а то и вовсе воздерживаются от претензий на основные права и уважительное отношение со стороны принимающего сообщества [Ottonelli and Torresi 2010]. Поэтому преемственность, обеспеченная режимами, основанными на постоянном проживании, ассоциируется с объектами, составляющими политику, территорией и институтами, на которой она существует, в большей мере, чем с субъектами, то есть сообществом граждан. По этой причине преемственность поколений оказывается достаточно слабой.

Автоматическое получение гражданства по праву рождения позволяет намного яснее понять, что гражданство передается из поколения в поколение через *людей*, а не просто через политику, ее территорию и институты. Именно поэтому нам кажется проще говорить о народе Австрии и гражданах Вены, чем наоборот. Различия между *ius soli* и *ius sanguinis*, часто считающиеся показателями гражданского или этнического режима, указывают на способ воображения сообщества. Политическое сообщество, построенное на принципе *ius soli*, воображается как сообщество местных жителей в буквальном смысле слова, то есть

состоящее из людей, которые родились и живут на этой территории, тогда как сообщество, в основе которого лежит принцип *ius sanguinis*, воображается как «одна большая семья». Следует помнить, однако, что *ius soli* и *ius sanguinis* не существуют изолированно друг от друга, а сочетаются в различных вариантах в тех или иных политиках. Наконец, что касается условий натурализации и выхода из гражданства, они по меньшей мере так же важны, как и сочетание *ius soli* и *ius sanguinis*. Даже режим, основанный исключительно на *ius sanguinis*¹, не является чисто этническим, если барьеры на пути иммиграции и натурализации не слишком труднопреодолимы. В новых поколениях тех, кто в таком режиме получил гражданство по праву рождения, будут и потомки иммигрантов, не принадлежащих к данному этносу.

Это свидетельствует о том, что гражданство, полученное по праву рождения, и гражданство, полученное по праву постоянного проживания, не только имеют общие черты, но и ограничивают друг друга. С позиций иммиграции, предоставление гражданства только на основе принципа *ius sanguinis* ведет к увеличению разрыва между уменьшающимся числом граждан и увеличивающейся из поколения в поколение численностью иностранцев по рождению. И это не просто гипотетический сценарий, а реальная ситуация, наблюдающаяся в странах Персидского залива, где иммигранты составляют значительную часть населения. Натурализация на основе принципа постоянного проживания в первом поколении иммигрантов способствует преодолению этого разрыва. Однако второе поколение иммигрантов будет состоять уже из заинтересованных лиц, получивших гражданство по праву рождения, точно таких же, как и те, кто появился на свет в данной стране от родителей, которые были гражданами этой страны. Вот почему в странах с большим числом иммигрантов в нормативных документах содержится требование соблюдения в той или иной форме принципа *ius soli*. Но сам по себе *ius soli* опять же недостаточен для получения

¹ [Dumbrava 2013: 4] приводит 14 европейских государств, в которых без каких-либо условий предоставляется гражданство на основе принципа *ius sanguinis*, и еще пять государств, в которых гражданство на основе принципа *ius sanguinis* не ограничивается требованиями, связанными с постоянным проживанием, но имеются ограничения на предоставление гражданства на основе принципа *ius sanguinis ex patre* в случае, если ребенок был рожден вне брака.

гражданства, если он не дополнен принципом предоставления гражданства на основе постоянного проживания. Представим себе ситуацию, когда родители привозят рожденных за границей детей в страну, где действует принцип *ius soli*, например в США, через несколько дней после их рождения. Эти дети будут оставаться иностранными гражданами до достижения совершеннолетия, когда они получают возможность натурализоваться. Поэтому и принцип *ius soli* обладает исключительным действием даже в тех случаях, когда имеются достаточные возможности для натурализации первого поколения иммигрантов [Aleinikoff and Klusmeyer 2002: 10–12]¹.

Как получение гражданства на основе постоянного проживания служит инклюзивной коррективой для иммигрантов и их потомков, так и принцип постоянного проживания может предотвратить избыточную интеграцию, вызванную предоставлением эмигрантам гражданства по праву рождения. Предположим, что передача гражданства, полученного на основе *ius sanguinis*, формально прекращается на втором поколении. Это не означает, что дети эмигрантов не смогут передать гражданство своим правнукам; это означает лишь то, что второму поколению сначала придется вернуться на постоянное место жительства в страну, из которой вышли их родители. Как граждане они обладают безусловным «правом возвращения», они даже могут вернуться после этого в страну, где они родились, что превратит их в эмигрантов первого поколения. Возвращение на место постоянного проживания по этому сценарию считается актом, который восстанавливает цепочку, связывающую поколения потомков с территориальной политикой, и таким образом оправдывает сохранение за ними гражданского статуса.

Подобным образом условие постоянного проживания позволяет корректировать рост демоса посредством предоставления внешнего избирательного права, предусмотренного статусом

гражданина. На одном краю спектра находятся действующие в стране системы голосования, позволяющие экспатриантам голосовать только в пределах данной территории¹. Такая обусловленность связана не с постоянным проживанием, а с необходимостью присутствовать на данной территории в день проведения выборов. О ней можно спорить, говоря о практической почтовых услуг или голосовании через доверенных лиц, но это не является обоснованием различий между внешним гражданством и демосом. На другом краю спектра избирательное право просто включено в статус гражданина и совершенно не связано с постоянным проживанием. Такое положение может считаться оправданным, если сам по себе статус гражданина не может быть передан последующему поколению, родившемуся за границей, но оно может привести к появлению избыточного инклюзивного внешнего демоса, находящегося в постоянном режиме *ius sanguinis*. Между этими двумя крайностями условие постоянного проживания можно использовать для того, чтобы отличать внешнее гражданство от демоса таким образом, чтобы это отвечало приемлемому толкованию *принципа заинтересованных лиц*. В режимах предоставления гражданства по праву рождения передачу гражданства за границу лучше всего пресекать при рождении, а не через автоматическую утрату гражданства по достижении совершеннолетия. Но демос всегда отличается от гражданства возрастным порогом. Доступ к гражданству возникает при рождении, а доступ к демосу — только по достижении возраста, дающего право на участие в голосовании. Поэтому общие черты получения гражданства по праву рождения и членства в демосе, зависящего от возраста, указывают на то, что второму поколению, рожденному за границей, должно быть позволено сохранять гражданский статус, полученный при рождении, но при этом ему не обязательно предоставляется избирательное право по достижении соответствующего возраста, за исключением случаев, когда граждане во втором поколении возвращаются и обустроиваются на постоянное жительство.

¹ В некоторых европейских странах, среди которых особенно выделяется Швеция, принят закон, допускающий безусловную натурализацию на основе принципа постоянного проживания для родившихся за границей несовершеннолетних детей, что позволяет избежать явно нежелательных ситуаций, исключающих предоставление гражданства «полторному поколению» (дети, родившиеся в семье мигрантов в стране исхода. — Прим. ред.) в государствах, где в чистом виде действует принцип *ius soli*.

¹ Греция является единственным европейским государством, где подобным образом ограничено избирательное право граждан-экспатриантов [Arrighi 2013: 22]. Турция не так давно отказалась от подобной политики и будет разрешать своим гражданам голосовать в посольствах и консульствах в ходе президентских выборов в августе 2014 г.

Условия постоянного проживания могут таким образом корректировать чрезмерные несоответствия между демосом и территориальным населением, возникшие в результате действия режима права по рождению в миграционном контексте, не подрывая при этом их положительное воздействие на поддержание устойчивой преемственности поколений. Обратная проблема, возникающая в связи с режимами предоставления гражданства на основе постоянного проживания, состоит в их слабом потенциале обеспечения преемственности поколений, и пагубные последствия этого для демократии преодолеваются встраиванием такого режима в режим предоставления гражданства по праву рождения.

Этот сюжет можно назвать одной из вариаций на тему, обозначенную Уолцером: «Районы могут быть открытыми только тогда, когда страны хотя бы потенциально закрыты» [Walzer 1983: 38]. Между двумя режимами членства действуют аналогичные отношения: демос, построенный на принципе постоянного проживания, может оставаться открытым лишь при условии, что он действует в политике, построенной на праве рождения. Эти две политики не только не *ограничивают* предоставление избирательных прав на местных выборах вследствие наличия национального гражданства, но и *связаны* друг с другом территориальными юрисдикциями. В современных демократиях режимы членства, построенные на постоянном проживании, действуют только на местном уровне, поэтому они оказываются встроенными в режим предоставления гражданства по праву рождения. Именно то, что режим членства, построенный на постоянном проживании, оказывается встроенным в более масштабный режим, может стать условием, при котором простые соседи становятся местными гражданами и видят взаимную заинтересованность в общем благе.

Негативный вариант темы Уолцера выглядит следующим образом: «Если государства превратятся в большие районы, то такие районы могут стать маленькими государствами» [Walzer 1983: 38]. Я не согласен с тем, что территориальная закрытость государств является условием открытости районов. При всех своих недостатках европейский эксперимент с наднациональным гражданством и открытыми границами внутри союза не привел к подобным последствиям. Но я полагаю, что отмена в европейских странах гражданства по праву рождения и замена его обще-

европейским правом на жительство приведет к истощению основного источника солидарности между автохтонным и пришлым населением, а может быть, и к еще большему расколу и большей закрытости внутри европейского общества.

5. Выводы

В своем эссе я, во-первых, критикую принципы демократической интеграции, которые являются определяющими в вопросе о демократических границах и несущественными для структурных особенностей политий. Я указываю на то, что демократический принцип *заинтересованного лица* способен выдержать это важное испытание и может быть применен в отношении различных типов демократических политий. Во-вторых, я сравниваю режим предоставления членства по праву рождения с режимом предоставления членства по праву постоянного проживания на государственном и местном уровнях и рассматриваю, как эти режимы действуют при приеме мигрантов из других стран. В-третьих, я говорю о том, что два этих режима не являются взаимоисключающими и демократической политике не приходится делать выбор в пользу одного из них, но представляют собой комбинацию, используемую в многоуровневой архитектуре демократического сообщества граждан, в котором динамика интеграции и динамика изоляции по праву рождения и по праву постоянного проживания взаимно сдерживают друг друга, а каждый индивид оказывается гражданином в обоих типах политий.

Несколько вопросов я оставил в стороне, чтобы сосредоточиться на аргументации. Один из таких вопросов — вопрос о гражданстве ЕС, которое может служить иллюстрацией к третьему возможному режиму предоставления гражданства через членство в другой политике (в данном случае имеются в виду страны, входящие в ЕС), а не по праву рождения или постоянного проживания в политике, принятой за образец (ЕС). Я также не затрагивал тему промежуточного уровня регионального или провинциального гражданства, находящегося между местным и национальным гражданством и существующего во многих, но не во всех демократических государствах. Здесь мы видим скорее пропорциональное смешение всех трех принципов: производных от гражданства на государственном уровне, в отдельных случаях предоставления избирательного права по принципу

постоянного проживания¹ и гражданства по праву рождения, предоставляемого местному населению в особых территориальных автономиях, в офшорах и на территориях проживания национальных меньшинств. Я также не касался вопроса о том, как отдельные политики могут на основе решений, принятых на собраниях представителей, или результатов плебисцита по вопросам, касающимся нескольких независимых государств, создавать временные или целевые транснациональные демосы [Song 2012: 64–65]. Наконец, я полностью оставил в стороне вопрос определения гражданства в недавно сформировавшихся полициях или там, где произошло изменение территориальных границ. Подобное исходное определение сообщества граждан и демоса поднимает целый ряд новых вопросов, в том числе и вопрос о том, кто должен входить в состав демоса, чтобы тот мог обладать правом принятия решения о роспуске или предоставлении независимого статуса².

Вместо этого в эссе уделено особое внимание индивидуальному транснациональному членству мигрантов и ситуации с избирательным правом в расширенном контексте обретения статуса гражданина. Во многих аналитических работах, посвященных избирательному праву для граждан-нерезидентов и резидентов-неграждан, элемент гражданства рассматривается при определении этих двух категорий как нечто предзаданное. Однако различия между государствами в вопросе интеграции обеих групп невозможно оценить, не учитывая то, каким образом иммигранты и эмигранты получают гражданство. Впервые информация о получении гражданства и праве голосовать на выборах как на территории государства, так и за ее пределами получила систематическую связь в базе данных и результатах сравнительных исследований, опубликованных

Обсерваторией по вопросам гражданства EUDO¹. В настоящем эссе предпринята попытка сделать то же самое в отношении нормативной теории, для чего были рассмотрены связи демоса с гражданством и проведено сравнение интеграционных настроений иммигрантов и эмигрантов.

В качестве самого важного и основного аргумента в настоящем эссе приводится многоуровневое понятие демократического гражданства, основные черты которого мы наблюдаем в современных демократических государствах даже в тех случаях, когда многие нормативные последствия остаются без внимания. В этой архитектуре международная миграция занимает особое место. Большинство мигрантов имеют гражданство страны и местное гражданство муниципалитета, в котором они постоянно проживают. Постоянное проживание также является главным условием для того, чтобы мигранты становились полноценными гражданами «принявшего их государства». Однако, поскольку национальное гражданство основано на праве рождения, мигрантам необходимо выразить свое желание принять гражданство и пройти формальную процедуру, после которой они станут новыми членами общества. Наконец, постоянное проживание должно также быть условием, при котором граждане по рождению, родившиеся за границей у родителей-эмигрантов, получают внешнее право участвовать в голосовании или передавать гражданство последующим поколениям.

Такая многоуровневая архитектура гражданства не была создана в первую очередь для мигрантов, прибывающих из других стран. Историческая потребность в такой архитектуре была обусловлена необходимостью открытия границ местных юрисдикций для свободного внутреннего передвижения. Поэтому коренные граждане-резиденты всегда являются носителями нескольких гражданств: по праву рождения — гражданства своего государства и по месту постоянного проживания — гражданства своего муниципалитета. Подобное двойное гражданство по вертикали укрепляет солидарность внутри многочисленного и анонимного национального гражданского сообщества и в то же время позволяет сохранить крайне необходимую свободу передвижения, обеспечивающую индивидуальную свободу выхода из гражданства. В основе такой архитектуры лежит национализм,

¹ В результате исследования, проведенного в рамках проекта FRACIT (Franchise and Electoral Participation of Third Country Citizens Residing in the European Union and of European Citizens Residing in Third Countries. — *Прим. ред.*), выяснилось, что на региональных выборах в Дании, Венгрии, Словакии и Швеции, где нет федеральной конституции и ограничены полномочия местных органов власти, негражданам предоставляется избирательное право на основании принципа постоянного проживания.

² О дискуссии относительно гражданства в Шотландии в случае ее независимости см.: [Shaw 2013].

¹ European Union Democracy Observatory on Citizenship. — *Прим. ред.*

адепты которого предпочитают закрывать двери перед мигрантами из других стран. Однако исчерпывающих доказательств того, что национальная принадлежность является необходимой основой многоуровневой архитектуры демократического сообщества граждан, так и не было продемонстрировано. Если основная структура может выстоять и без националистического охранительства, то она вполне способна к аккомодации мигрантов из других стран. Это касается как прибывших извне своих собственных граждан, так и граждан-резидентов на местном и национальном уровнях.

Этот довод строится на двух исходных допущениях, которые в общем и целом нашли свое подтверждение в современном мире, но могут быть опровергнуты в будущем или даже в настоящем, но на местном уровне. Первое исходное допущение состоит в относительном постоянстве территориальных границ государств, второе — в том, что граждане-резиденты составляют большинство как среди граждан, так и среди резидентов. Если структура государственных границ перестанет быть постоянной, если большинство граждан будут проживать за пределами своей территории и если большинство резидентов будут составлять неграждане, то условия для интеграции мигрантов в демос и многоуровневое гражданство изменятся коренным образом. В случаях, когда такие перемены будут носить местный и временный характер, демократическим обществам, возможно, удастся адаптироваться, хотя им будет сложно придерживаться интеграционных стандартов, действующих в более стабильном контексте. Если мир в целом будет меняться в этом направлении, то потребуются радикальное переосмысление демократических теорий интеграции.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Abizadeh, A. (2008). Democratic Theory and Border Coercion: No Right to Unilaterally Control Your Own Borders. *Political Theory* 36(1): 37–65.

Aleinikoff, A., Klusmeyer, D. (2002). *Citizenship Policy for an Age of Migration*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace.

Altman, A., Wellman C. H. (2009). *A Liberal Theory of International Justice*. Oxford, Oxford University Press.

Arrhenius, G. (2005). *The Boundary Problem in Democratic Theory: Democracy Unbound: Basic Explorations*. F. Tersman. Stockholm, Filosofiska institutionen, Stockholms Universitet: 14–29.

Arrighi, J.-T., Bauböck, R., Collyer, M., Derek H., Khadar, L., Moraru, M., Shaw, Jo (2013). Franchise and electoral participation of third country citizens residing in EU and of EU citizens residing in third countries. Brussels, European Parliament, Committee on Constitutional Affairs, at: <http://www.europarl.europa.eu/committees/en/studiesdownload.html?languageDocument=EN&file=94778>

Barry, K. (2006). Home and Away: The Construction of Citizenship in an Emigration Context. *New York University Law Review* 81(11–59).

Bauböck, R. (1994). *Transnational Citizenship. Membership and Rights in International Migration*. Aldershot, UK, Edward Elgar.

————— (2003). Reinventing Urban Citizenship. *Citizenship Studies* 7(2): 137–158.

————— (2005). Expansive Citizenship: Voting Beyond Territory and Membership. *Political Science and Politics* 38(4): 683–687.

————— (2007). Stakeholder Citizenship and Transnational Political Participation: A Normative Evaluation of External Voting *Fordham Law Review* 75(5): 2393–2447.

————— (2009). The Rights and Duties of External Citizenship. *Citizenship Studies* 13(5): 475–499.

————— (2011). Temporary Migrants, Partial Citizenship and Hypermigration. *Critical Review of International Social and Political Philosophy* 14(5): 665–693.

Beckmann, L. (2009). *The Frontiers of Democracy. The Right to Vote and its Limits*. Houndmills, Basingstoke, UK, Palgrave Macmillan.

Benhabib, S. (2004). *The Rights of Others*. Cambridge, UK, Cambridge University Press.

Beran, H. (1989). A democratic theory of political self-determination for a new world order. *Theories of Secession*. P. Lehning. L., Routledge: 32–59.

Blais, A., Louis Massicote, and Antoine Yoshinka (2001). Deciding who has the right to vote; a comparative analysis of elections laws. *Electoral Studies* 20: 41–62.

Blatter, J. K., Erdmann, S., et al. (2009). Acceptance of Dual Citizenship: Empirical Data and Political Contexts. Working Paper Series Glocal Governance and Democracy 8.

Bosniak, L. (2000). Citizenship Denationalized. *Indiana Journal of Global Legal Studies* 7: 447–509.

Caramani, D., and Olivers Strijbis. (2013). Discrepant Electorates: The Inclusiveness of Electorates and Its Impact on the Representation of Citizens. *Parliamentary Affairs* no. 66: 384–404.

Carens, J. H. (2013). *The Ethics of Immigration*. Oxford, Oxford University Press.

Collyer, M. (2013). A geography of extra-territorial citizenship: Explanations of external voting. *Migration Studies* doi:10.1093/migration/mns008: 1–18.

Dahl, R. (1989). *Democracy and Its Critics*. New Haven, Yale University Press.

- Dumbrava, C.* (2013). External citizenship in EU countries. *Ethnic and Racial Studies*, DOI: 10.1080/01419870.2013.826812.
- Earnest, D. C.* (2008). *Old Nations, New Voters: Nationalism, Transnationalism, and Democracy in the Era of Global Migration*. Albany, State University of New York Press.
- Easton, D.* (1965). *A Systems Analysis of Political Life*. By David Easton. N.-Y., John Wiley and Sons, Inc.
- Eisenberg, A.* (2013). Voting Rights for Non-Citizens: Treasure or Fool's Gold?, unpublished conference paper, on file with the author.
- European Parliament (2014). EU Citizenship for Sale. European Parliament resolution of 16 January 2014 (2013/2995(RSP)).
- Faist, T., Kivisto P.* (2007). *Dual Citizenship in Global Perspective*. Basingstoke, UK, Palgrave Macmillan.
- Gamlén, A.* (2008). The Emigration State and the Modern Geopolitical Imagination, *Political Geography*. *Political Geography* 27(8): 840–856.
- Gauthier, D.* (1994). Breaking Up: An Essay on Secession. *Canadian Journal of Philosophy* 24(3): 357–372.
- Goodin, R.* (1988). What is So Special about Our Fellow Countrymen? *Ethics* 98: 663–686.
- (2007). Enfranchising All Affected Interests, and Its Alternatives. *Philosophy and Public Affairs* 35(1): 40–68.
- Hammar, T.* (1990). *Democracy and the Nation State. Aliens, Denizens and Citizens in a World of International Migration*. Aldershot, Avebury.
- Hayduk, R.* (2005). *Democracy for All: Restoring Immigrant Voting in the United States*. N. Y., Routledge.
- Honohan, I.* (2011). Should Irish Emigrants have Votes? External Voting in Ireland. *Irish Political Studies* 26(4): 545–561.
- IDEA and IFE, Eds. (2007). *Voting from Abroad. The international IDEA handbook*. Stockholm and Mexico City, International Institute for Democracy and Electoral Assistance and Instituto Federal Electoral de Mexico.
- Jacobs, D.* (1999). The debate over enfranchisement of foreign residents in the Netherlands and Belgium. Absence of the ethnic minority voice? *Journal of Ethnic and Migration Studies* 25(4): 649–663.
- Jellinek, G.* (1929). *Allgemeine Staatslehre*. Berlin, Springer.
- Kostakopoulou, D.* (2003). Why Naturalisation? Perspectives on European Politics and Society 4(1): 85–115.
- Kymlicka, W.* (2001). *Politics in the Vernacular. Nationalism, Multiculturalism and Citizenship*. Oxford, Oxford University Press.
- Laflour, J.-M.* (2013). *Transnational Politics and the State. The External Voting Rights of Diasporas*. L. and N. Y., Routledge.
- López-Guerra, C.* (2005). Should Expatriates Vote? *The Journal of Political Philosophy* 13(2): 216–234.
- Miller, D.* (1995). *On Nationality*. Oxford, Oxford University Press.
- Mosler, H. and Pedroza, L.* (2013). An unexpected pioneer in Asia: the decision to extend voting rights to foreign residents in South Korea. Paper presented at the IMISCOE workshop Citizenship and the Franchise, Malmö University, 27 August 2013.
- Motomura, H.* (2007). *Americans in Waiting. The Lost Story of Immigration and Citizenship in the United States*. Oxford, Oxford University Press.
- Näsström, S.* (2007). The Legitimacy of the People. *Political Theory* 35(5): 624–658.
- Nohlen, D. and Grotz F.* (2000). External Voting. Legal Framework and Overview of Electoral Legislation. *Boletín Mexicano de Derecho Comparado* 33(99): 1115–1145.
- Ottoneilli, V. and T. Torresi* (2010). Inclusivist Egalitarian Liberalism and Temporary Migration: A Dilemma. *Journal of Political Philosophy* 1(4): 68–78.
- Owen, D.* (2010). Resident Aliens, Non-resident Citizens and Voting Rights. Citizenship Acquisition and National Belonging. G. Calder, P. Cole and J. Seglow. L., Palgrave: 52–73.
- (2012). Constituting the polity, constituting the demos: on the place of the all affected interests principle in democratic theory and in resolving the democratic boundary problem. *Ethics and Global Affairs* 5(3): 129–152.
- Pogge, T.* (1992). Cosmopolitanism and Sovereignty. *Ethics* 103(October 1992): 48–75.
- Raskin, J.* (1993). Legal Aliens, Local Citizens: The Historical, Constitutional and Theoretical Meanings of Alien Suffrage. *University of Pennsylvania Law Review* 141 (April): 1391–1470.
- Rawls, J.* (1999). *A Theory of Justice*. Revised Edition. Oxford, Oxford University Press.
- Rubio-Marín, R.* (2000). *Immigration as a Democratic Challenge: Citizenship and Inclusion in Germany and the United States*. Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- (2006). External Citizenship and the Nation-State: Democratic Challenges and Prudential Consideration. *New York University Law Review* 81(1): 117–147.
- Scharpf, F.* (1999). *Governing in Europe: Effective and Democratic?* N. Y.: Oxford University Press, Oxford University Press.
- Schönberger, C.* (2005). *Unionsbürger: Europas föderales Bürgerrecht in vergleichender Sicht*. Tübingen, Mohr Siebeck.
- Shachar, A.* (2009). *The Birthright Lottery. Citizenship and Global Inequality*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
- Shapiro, I.* (2002). *The State of Democratic Theory*. *Political Science. State of the Discipline I*. Katznelson and H. V. Milner. N. Y., W. W. Norton: 235–265.
- Shaw, J.* (2007). *The Transformation of Citizenship in the European Union. Electoral Rights and the Restructuring of Political Space*. Cambridge, Cambridge University Press.

————— (2013). Citizenship in an independent Scotland: legal status and political implications. Edinburgh, University of Edinburgh, unpublished working paper.

Sloane, R. (2009). Breaking the Genuine Link: The Contemporary International Legal Regulation of Nationality. *Harvard International Law Journal* 50(1): 1–60.

Song, S. (2009). Democracy and Noncitizen voting rights. *Citizenship Studies* 13(6): 607–620.

————— (2012). The boundary problem in democratic theory: why the demos should be bounded by the state. *International Theory* no. 4 (1): 39–68.

Spiro, P. (2006). Perfecting Political Diaspora. *N.Y.U. L Rev.* 81(1): 101–125.

————— (2010). Dual Citizenship as a Human Right. *International Journal of Constitutional Law* 8(1): 111–130.

Tamir, Y. (1993). *Liberal Nationalism*. Princeton, Princeton University Press.

Waldrauch, H. (2005). Electoral Rights for Foreign Nationals: A Comparative Overview. Paper prepared for the ESF/LESC-SCSS Exploratory Workshop: Citizens, non-citizens and voting rights in Europe. Edinburgh.

Walzer, M. (1983). *Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality*. N. Y., Basic Books.

Whelan, F. G. (1983). Prologue: Democratic Theory and the Boundary Problem. *NOMOS 25: Liberal Democracy*. J. R. Pennock and J. W. Chapman. N. Y., New York University: 13–47.

Т. ФАЙСТ,
профессор университета Билефельда, ФРГ

Социально-природный вопрос: миграция и неравенство в контексте изменения климата

ВВЕДЕНИЕ

Транснациональная миграция стала одним из способов адаптации человека как к постепенным, так и к резким сдвигам, происходящим в окружающей среде в эпоху антропоцена, когда деятельность человека привела к значительным изменениям в мировых экосистемах. Для того чтобы исследовать причины неравенства и их политические импликации, необходим систематический подход к изучению взаимного влияния сложных социальных (политических, экономических, культурных) процессов, а также процессов, происходящих в окружающей среде, на возникновение такого явления, как миграция. Уже два поколения ученых дискутируют о взаимосвязях между изменением климата и миграцией. Первое поколение руководствовалось теорией, согласно которой миграция представляет собой механическую реакцию на изменение климата. Второе поколение ученых предложило изучать связь между изменением климата и миграцией с точки зрения адаптации к природным условиям и обеспечения безопасности, в основе которой лежит человеческая деятельность. При этом особое внимание к роли «жизнеспособного мигранта» отодвинуло на второй план вопросы последствий изменения климата для различных категорий людей в условиях социального неравенства и не позволило в полной мере рассмотреть аналогию между «эксплуатацией человека человеком» и «эксплуатацией природы в условиях капитализма». В предлагаемом эссе представлен анализ эволюции понятий в ходе дебатов о вызванной изменением климата миграции, и показаны отдельные социальные механизмы (вос)производства социального неравенства в контексте взаимосвязи климатических изменений и миграции.

1. ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА И МИГРАЦИЯ В ЭПОХУ АНТРОПОЦЕНА

Градус дебатов вокруг изменения климата и миграции постепенно поднимался из-за устрашающих сценариев, неизменно предрекавших рост числа людей, которые в грядущие десятилетия будут вынуждены покинуть места своего проживания. Согласно этим сценариям число «климатических беженцев» к 2050 г. составит от 200 до 700 млн человек (см., например: [Myers & Kent 1995; Christian Aid 2007]). Изменение климата «прямо и косвенно связано с деятельностью человека, которая ведет к изменению состава глобальной атмосферы и усугубляет последствия естественных климатических колебаний, наблюдаемых на протяжении сопоставимых периодов времени» [UNFCCC 1992: 3]. С конца 1980-х гг. оценки Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC)¹ были частью научного консенсуса, сохранявшегося на протяжении определенного периода времени в отношении одного ключевого фактора — изменения климата как следствия удвоения выбросов в атмосферу CO₂, выраженного в ожидаемом увеличении среднемировой температуры. Более того, существует множество доказательств, подтверждающих прямую связь между миграционными потоками, локализованными на территории 172 стран, с одной стороны, и непомерной ловлей рыбы, расширением площади пустынь, нехваткой воды, засолением почв, умиранием лесов, загрязнением воздуха, эрозией почв и сопутствующим загрязнением — с другой (см., например: [Faist & Schade 2013]). В данном случае отрицательные последствия изменения климата расцениваются как особый случай деградации окружающей среды. К такого рода деградации относятся также процессы, не имеющие прямого отношения к глобальному потеплению, в том числе воздействия, которые оказывают на окружающую среду проекты развития (например, строительство дамб).

В основу пугающих сценариев небывалого роста числа климатических беженцев, в частности, положена аналитическая редукция, в соответствии с которой увеличение выброса парниковых газов (далее — ПГ), а в более общем виде — деградация окружающей среды вынуждает человека реагировать на последствия

изменения климата, например повышения уровня моря, и перебираться на возвышенности. Основной замысел этих сценариев, судя по всему, состоит в том, чтобы подспудно обозначить границу между природой, с одной стороны, и обществом с его культурой — с другой. Но такая дихотомия представляется ложной. Здесь более уместно говорить о взаимосвязи. Отделять природу от общества/культуры и ожидать механистического прямолинейного результата нерационально по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, человек сам изменил климат, в котором он живет. Именно поэтому в 1990-х гг. химик П. Крутцен предложил термин «антропоцен», из которого следует, что человек стал оказывать воздействие на геологию. Во-вторых, опасности, связанные с изменением климата, по-разному воспринимаются различными группами людей. Если говорить коротко, то уязвимость бывает разной. Это становится понятным, если взглянуть на то, как социальное неравенство, связанное с динамикой деградации окружающей среды, сказывается на людях. В данном случае мы имеем дело с многосторонними взаимосвязями. Например, хотя выбросы ПГ невозможно остановить в рамках границ отдельно взятой страны, влияние ПГ на различные виды социального неравенства распределяется крайне неравномерно. Беднейшая часть населения планеты, меньше остальных повинная в глобальном потеплении, страдает больше всех [HDR 2007]. Но как показали десятилетние исследования мировой миграции, основной поток трансграничных мигрантов составляют далеко не самые бедные слои населения [Ahmed 1997]. Это означает, что помимо связей между миграцией, вызванной изменением климата, и социальным неравенством необходимо рассмотреть и взаимообразующие движущие силы социально-природного свойства. Такая точка зрения подразумевает, что изменение климата несет в себе не только научно прогнозируемые угрозы, но и явления социальной и природной значимости. Поэтому первыми эмпирическими вопросами будут вопросы о том, какое воздействие социальное неравенство оказывает на миграцию в контексте изменения климата, каким образом миграция (вос)производит подобное социальное неравенство и какие механизмы при этом действуют.

Для эпохи антропоцена характерен не только социальный вопрос — конфликт между трудом и капиталом, возникший в XIX в., но и социально-природный вопрос. Другими словами,

¹ International Panel on Climate Change.

перед нами стоит не просто вопрос о динамике и последствиях эксплуатации человека человеком. Действие этого механизма дополняется и пересекается с эксплуатацией природы человеком с последствиями такой эксплуатации для общественных отношений в широком смысле и — для того чтобы учесть эти изменения — с последствиями для исследования миграции и социального неравенства в контексте изменения климата. Изменение климата обусловило различные процессы: с одной стороны — миграцию, вызванную постепенной деградацией окружающей среды, с другой — миграцию, причиной которой стало резкое изменение климата. Примеры постепенных изменений, произошедших в последнее десятилетие, можно наблюдать на многочисленных островах Тихого океана (см., например: [Shep & Gemenne 2011]). Но мы наблюдали и масштабные стремительные катастрофы, к числу которых относятся наводнения в городах, расположенных в дельтах рек, например в Бангладеш [Etzold et al. 2016].

Постепенные изменения климата могут привести к более резким климатическим переменам в будущем. Вот почему так важно помнить о деградационном парадоксе¹, согласно которому опасные последствия изменения климата проявляются в нашей повседневной жизни не сразу. Поэтому большинство людей не предпринимают ничего до тех пор, пока перемены не станут слишком очевидными или когда будет уже слишком поздно пытаться смягчить последствия изменения климата или приспособиться к ним. Это можно сравнить с ситуацией, в которую попадают курильщики. Обычно те, кто курит, осознают всю опасность своей привычки, но главный вред здоровью оказывается нанесен еще до того, как начинают проявляться ее пагубные последствия. Человек бросает курить, когда уже слишком поздно. Деградационный парадокс имеет большое значение для изучения миграции. При этом, как уже было сказано, существует много примеров стремительного изменения климата, таких как наводнение в Бангладеш [Black, Kniveton & Schmidt-Verkerk 2013].

Независимо от того, идет ли речь о быстрых изменениях или о медленной деградации, исследование миграционных процес-

сов наиболее продуктивно при рассмотрении внутренней динамики передвижений (через границы) с учетом концепции эндогенной (внутренней) динамики, в том числе кумулятивной причинно-следственной связи и относительной депривации (см., например: [Massey 1990]). Это исследовательское направление требует дальнейшего развития. Однако в ходе такого исследования необходимо обратить внимание на то, как факторы изменения климата, носившие ранее экзогенный характер, под воздействием передвижения масс населения превратились в эндогенные, то есть как человек и его организации реагируют на перемены в социально-природной окружающей среде.

Подобный подход требует отхода от устоявшегося взгляда на человека как на нечто исключительное, особенно в такой дисциплине, как социология. На протяжении большей части XX в. социологи поддерживали идею о том, что связи человека с окружающей средой носят двойственный характер: будучи ограниченными физическими и биологическими свойствами, они сохраняют при этом свою уникальность с точки зрения культурного и символического обмена. Именно на этих основаниях выстраиваются умозаключения социологов по поводу явлений общественной жизни. Неудивительно, что согласно одному из главных догматов этой дисциплины объяснение какого-либо явления общественной жизни следует искать в других явлениях социального, а не физиологического свойства. Впервые предложенная одним из основателей социологии Э. Дюркгеймом эта «объективная реальность социальных фактов» [Durkheim 1964] сводит на нет все попытки учитывать воздействие природных факторов. Такой подход не позволяет обсуждать факты, которые не являются чисто социальными, что ведет к игнорированию или по меньшей мере недооценке биологических и физических фактов и затруднению исследований совокупного воздействия биологических, физических и социальных факторов. Как следствие, даже сегодня в таких областях науки, как социология, все еще широко распространена убежденность в том, что воздействие биофизической среды можно не принимать во внимание. Эта догма также связана с верой в исключительность природы человека как вида. Однако климатические изменения показали, что человек очевидным образом не свободен от воздействия окружающей среды, несмотря на то (а может быть именно поэтому) что мы манипулируем «естественными принципами».

¹ Известный как «парадокс Гидденса» [Giddens 2009], так как именно Энтони Гидденс использовал это давно сложившееся понятие применительно к изменению климата.

Весьма важным видится отказ от такого рода «исключительности» [Dunlap & Catton 1979] и в исследовании миграции, и вместо этого следует принять во внимание факты, которые можно назвать социально-природными.

Для преодоления постренного на «исключительности» подхода необходимо сделать два шага. Во-первых, следует рассматривать взаимное воздействие природы, с одной стороны, и общества и культуры — с другой. Контуры такого подхода по меньшей мере намечаются в работах К. Маркса [Capital, vol. 3], который писал о взаимном изменении природы и общества в процессе развития капитализма и намекал на безжалостную эксплуатацию природы человеком, приведшую к «метаболическому разрыву» [Foster 2000]. Но и в рамках этой концепции он все еще говорит о природе и обществе как о двух разных сущностях. Вот почему необходимо сделать второй шаг. Если допустить, что природа и общество представляют собой неотъемлемые части, то следует считать их по меньшей мере взаимосвязанными. Так, человек является частью социально-природной окружающей среды: он вдыхает воздух (и микробы), который, в свою очередь, позволяет ему жить и изменяться и определяет его положение во времени и пространстве.

Следующие (вторая и третья) части анализа посвящены рассмотрению дебатов об изменении климата и миграции, которые велись двумя предыдущими поколениями ученых. Мой основной аргумент состоит в том, что нам нужно третье поколение ученых, которое уделит больше внимания тому, каким образом ответные реакции на изменение климата, включая миграцию (как адаптацию), оказывают влияние на воспроизводство существующего социального расслоения. В третьей части я подробно остановлюсь на взаимосвязи между миграцией и неравенством в контексте изменения климата.

2. Три поколения дебатов об изменении климата и миграции

Взаимосвязь между природой и обществом/культурой, представляемая как отношение между изменением климата и миграцией, стала предметом изысканий двух поколений ученых. Пришло время появиться третьему поколению. Теперь нам доподлинно известно, что уязвимость и незащищенность

перед последствиями изменений климата особенно наглядно проявляются в регионах и сообществах, которые экономисты, как правило, называют экстрактивными экономиками (или сырьевыми), тесно связанными со слабой институционализацией гражданского общества, ярко выраженным неравенством доходов и распределением богатств, а также относительно невысоким уровнем свободы прессы [Roberts & Parks 2007].

Первое поколение ученых, изучавших корреляцию между изменением климата и миграциями в период с начала 1980-х до начала 2000-х гг., уделяли особое внимание проблеме беженцев, вынужденных спасаться от последствий природных явлений. Эти беженцы оказывались уязвимыми перед лицом как постепенных, так и стремительных изменений в окружающей среде. Наиболее известное определение лиц, вынужденных бежать от последствий природных явлений, звучит так: «...люди, которые были вынуждены покинуть места своего традиционного обитания, временно или навсегда, из-за очевидных нарушений в окружающей среде (естественного характера и/или вызванных человеком), угрожающих их существованию и/или серьезным образом сказывающихся на качестве их жизни» [El-Hinnawi 1985]. Подобное определение вполне соответствовало алармистскому и во многом максималистскому подходу, согласно которому разрушительные последствия изменений климата создают угрозу средствам к существованию, безопасности государства и ведут к вооруженным конфликтам, которые, в свою очередь, становятся причиной роста миграции. В наиболее популярных сценариях говорится о том, что климатические изменения и катастрофы вынуждают миллионы людей покидать свои дома (см., например: [Myers & Kent 1995]). Далее в них рассказывается о том, как натиск окружающей среды ведет к борьбе за землю, вторжению в экологически неустойчивые районы и истощению природных ресурсов. Эти события согласно логике описываемых сценариев, в свою очередь, вызывают политические и этнические конфликты, за которыми следует волна насилия и война, часто становящиеся непосредственной причиной массового бегства населения. В результате, по мысли авторов прогнозов, миллионы беженцев вынуждены покидать свои страны и просить убежища в развитых странах или проникать в них в качестве недокументированных мигрантов. Те же, кто

покидает места своего проживания, чтобы найти прибежище в соседних странах, могут восприниматься как угроза социальной сплоченности и национальной идентичности жителей этих стран. Значительная часть подобных соображений в той или иной степени отвечает здравому смыслу: подъем уровня моря или исчезновение лесов, очевидно, повлекут за собой бегство людей. Но существует множество подтверждений того, что корреляция между деградацией окружающей среды, конфликтами и миграцией может оказаться слишком упрощенной. Одно важное критическое замечание было озвучено сразу после публикации такого рода сценариев: ухудшение климатических условий редко бывает единственной причиной внешней миграции и эмиграции. Обычно в основе миграции лежит целый ряд причин — и здесь речь идет о случае, когда помимо природных условий существенным фактором становятся более благоприятные экономические и/или политические условия жизни в странах, куда направляются мигранты. Другими словами, у вынужденной миграции причин всегда несколько. Даже в таком редком случае, как ситуация в Бангладеш, которую часто приводят в качестве наглядного примера переселения людей под воздействием окружающей среды, мы видим целый ряд сложных причин их обнищания и бегства, в том числе формы земельной собственности, этнические различия и, что очень важно, проекты развития экономики. Также исследователи миграционных процессов сразу обратили внимание на то, что экзогенные факторы, если они не являются проявлением непреодолимой силы, таким как наводнение или извержение вулкана, редко приводят к столь массовой механической реакции, как исход населения. Даже на большей части островов Тихого океана, где опасность затопления постоянно преследует местных жителей, не менее сильным стимулом к миграции служат причины, отличные от изменения климата, например экономические условия жизни за границей [Fornalé, Guélat & Piguet 2016].

Как бы то ни было, первое поколение ученых, начавших эту дискуссию, сыграло важную роль для проведения последующих исследований, указав на значительные недоработки в теориях миграционных процессов. В этих теориях, исходивших в основном из относительной добровольности миграции, уделяется недостаточное внимание таким аспектам, как опасность и высо-

кая степень риска, а решения иммигрировать чаще рассматриваются как превентивный стратегический шаг, направленный на то, чтобы повысить шансы на выживание. Такой взгляд характерен и для других, во многом отличных теорий, включая не только неоклассические модели индивидуального выбора, но и теории коллективного выбора, такие как новая экономическая теория трудовой миграции или социологическо-антропологический подход (см., например: [Hammar et al. 1997])¹. Более того, в большинстве случаев вызванная климатическими явлениями миграция — это часть продолжающегося процесса движения населения, своего рода коллективной приверженности колее, проложенной в устоявшихся миграционных системах, а именно к «миграционным коридорам». Другими словами, в этих исследованиях особое внимание уделялось роли окружающей среды и взаимозависимости, ведущей к значительному росту числа потенциальных мигрантов. Что касается ученых, занятых исследованиями миграционных процессов, то они отмечали распространенность такого явления, как мобильность населения, и указывали на то, что миграция, вызванная постепенным изменением климата, вполне укладывается в рамки существующих моделей движения населения. В конце концов сложившийся мировой поток миграции не превышает 3% от общей численности населения планеты. Во всяком случае сам факт того, что теории миграционных процессов позволяют успешно отслеживать постепенные изменения климата и связанную с ними миграцию, но не реакцию на быстро развивающиеся изменения, указывает на наличие значительных теоретических недоработок.

Первое поколение ученых вело дискуссию вокруг политики смягчения последствий изменения климата. По мере того как становилось все более очевидным, что в новом тысячелетии

¹ Между миграционными теориями существует еще больше различий, если говорить об ожидаемых последствиях транснациональной миграции, целью которой является индивидуальное и коллективное улучшение условий жизни (см. раздел 3 настоящей статьи). Например, мир-системные подходы предлагают куда более пессимистичные прогнозы, чем неоклассические теории, в которых указывается на положительное влияние миграции на экономическое развитие. В первых говорится о вкладе миграции в экономику «развивающихся стран», а в последних предсказывается улучшение экономического положения всех участников процесса.

глобальное потепление продолжится, даже если предпринять решительные меры по смягчению последствий изменения климата, дискурс взаимозависимости начал постепенно меняться. Второе поколение ученых наполнило повестку дня вопросами о проведении исследований и определении политики адаптации человека, а также обеспечении его безопасности. Адаптация означала, что человек может и должен приспособиться к перемене климатических условий и изменениям в окружающей среде, чтобы уменьшить влияние вредоносных последствий изменения климата. Межправительственная группа экспертов по изменению климата (ИПСС)¹, занимающаяся документированием климатических изменений и составлением отчетов, называет этот процесс «стремлением приспособиться к происходящим или ожидаемым изменениям климата и их последствиям. В человеческих системах адаптация направлена на снижение нанесенного вреда или использование благоприятных возможностей» [ИПСС 2014: 5]. Предложения относительно адаптации были двух видов: адаптация на местах, в том числе посредством предотвращения наводнений и регулирования урожайности, а также миграция внутри страны и международная миграция, включая переселение. Общим у этих предложений было то, что в них предусматривалась не просто механическая реакция и попытки приспособиться к изменению климата, а активное участие человека, лежащее в основе самой адаптации (ср. [Simonet 2010]). Легитимации этих изменяющихся подходов способствовало то, что теории миграционных процессов начали играть более важную роль не только в изучении изменений климата, но и в принятии политических решений, хотя и на недостаточном уровне, если сравнивать их с влиянием исследований окружающей среды и деятельностью активистов, распространяющих многочисленные сведения о последствиях изменения климата. Тем не менее из отчетов ИПСС видно, что при обсуждении возможных ответных шагов на изменение климата все большее внимание уделялось теме миграции. В частности, при разработке нового комплекса мер по адаптации значительное внимание было уделено таким подходам, как новая экономика трудовой миграции (NELM²) и мерам по обеспечению средств к существо-

ванию. В них предполагалось, что в ответ на возникающие риски, (потенциальные) мигранты проявят собственную инициативу, что вполне соответствует распространенному среди занимающихся вопросами миграции ученых мнению о том, что географическая мобильность населения часто представляет собой не просто реакцию, а упреждающую реакцию на события. Например, новая экономика трудовой миграции (NELM) рассматривает решение о миграции как реакцию на невозможность обеспечить формальную страховку либо как способ диверсификации своих источников дохода, при котором миграция становится неформальным соглашением о предоставлении займа [Poirine 1997]. Существует и другой подход, рассматривающий миграцию как способ обеспечения средств к существованию, согласно которому в условиях неравенства доступа к ресурсам и их неравномерного распределения миграция опять-таки превращается в средство диверсификации источников дохода за счет денежных переводов [Ellis 2000].

Для второго поколения ученых характерно еще одно изменение. Вопрос безопасности рассматривался сквозь призму дихотомии безопасности государства и индивида. Безопасность индивида стали определять как «условие, обеспечивающее защиту основ жизни человека, когда ему предоставлена свобода и возможность жить достойно» [ИПСС 2014: 759]. Безопасности человека обычно сопутствовало другое модное понятие — жизнеспособность. Именно «жизнеспособный мигрант» отвечал представлению об идеале человека, способного к адаптации. В докладе Форсайта [Foresight 2011] «жизнеспособный мигрант» представлен в образе мобильного человека, обладающего предпринимательской жилкой, помогающей ему выстраивать свою судьбу в неблагоприятных условиях. У такого человека происходит не просто «постепенная адаптация», а противоположная ей «преобразующая адаптация». С точки зрения биополитики такой «жизнеспособный мигрант» (но не понятие адаптации!) отвечает неолиберальному образу современного мигранта [Betini 2014].

В целом жизнеспособность как стратегия выживания в условиях изменяющегося климата тесно связана с основными идеями взаимозависимости миграции и развития. Полагаясь лишь на собственные силы, мигранты создают блага, которые могут оказаться полезными и для тех, кто остался на прежнем месте,

¹ International Panel on Climate Change. — Прим. ред.

² New Economics of Labour Migration. — Прим. ред.

в первую очередь для членов семей, и даже приносить коллективную пользу. Это сильно напоминает мысль о «мигрантах как агентах развития», высказанную в ходе недавних дебатов относительно роли мигрантов в процессе развития, состоявшихся в начале 2000-х гг. по инициативе Всемирного банка. Основными механизмами получения «тройного выигрыша» для самих мигрантов и тех, кто с ними связан (включая сообщества, из которых они вышли), стран происхождения и принимающих стран, являются переводы денежного и социального характера [Faist 2016]. Отсюда следует, что ответственность за адаптацию к изменениям климата в конечном счете перекладывается на самих мигрантов, тогда как правительства и международные организации от такой ответственности освобождаются.

Как видно из обсуждения, нам необходимо третье поколение ученых, которое опиралось бы непосредственно на ученых второго поколения. В целом необходимо сохранить идею адаптации как опережающую ход событий деятельность человека. Понятие жизнеспособности слишком идеологизировано, поэтому от него следует отказаться. Для уточнения наблюдения о том, что адаптация к резким изменениям климата (вос)производит структурные черты общества и его социальное расслоение, в частности социальное неравенство, потребуется еще один шаг или даже новое поколение ученых. Один важный вывод общего свойства состоит в том, что те, кто лишен власти, статуса и ресурсов, а потому находится в невыгодном положении, оказываются в наибольшей степени уязвимыми перед разрушительными последствиями изменения климата [McLeman, Schade & Faist 2016]. Учитывая широкий контекст вызванной изменением климата миграции, представляется весьма актуальным то, что те, на ком лежит основная вина за отрицательные последствия изменений климата в жизни людей, оказываются географически и социально далеки от тех, на чьей жизни эти последствия сказываются в наибольшей степени. Те же, чьи жизни подверглись наибольшему воздействию этих изменений, реагируют на них по-разному, правда, их реакция воспринимается однобоко. Основное внимание общественности стран ОЭСР и исследователей сосредоточено на группах населения, готовых к переезду из страны в страну. Но такие переезды требуют больших затрат, чем при переезде внутри страны или адаптации к изменившимся условиям на месте. Слишком мало внимания уделяется

тем, кто оказался перемещенным внутри своей страны, кто подавлен и сильно нуждается и кто не в состоянии сдвинуться с места, как бы им ни хотелось покинуть опасную зону. Понятно, что, когда мы говорим о таких вещах, как уязвимость, встает вопрос о разных возможностях реагировать на изменение климата. И при оценке социального неравенства это вопрос оказывается важнее всех понятий о равенстве, таких как обеспечение основных прав человека, которые считаются мерилем категорий неравенства (неоднородности). В целом формирующееся в настоящий момент третье поколение ученых поднимает вопрос о том, в какой степени социально-природные факты соотносятся с воспроизводством социального неравенства и расслоением общества и имеют ли они значение для изменения общественных институтов и культурного аспекта социально-природного вопроса.

3. КАТЕГОРИИ НЕРАВЕНСТВА

Различные виды социального неравенства выражаются в дисбалансе затрат на приобретение благ и выгод от обладания ими между такими социальными единицами, как индивиды, группы, организации, регионы и государства. Блага или ресурсы могут быть экономическими (например, доход, землевладение, рабочая сила), политическими (например, статус главы семьи, начальника цеха, представителя власти), культурными (например, образ жизни), социальными (например, доступ к социальным сетям, то есть социальный капитал), почетными (например, престиж, репутация), гражданскими (например, права, гражданство) и гуманитарными (например, квалификация, формальное образование, то есть культурный капитал; о понятии «капитал» см.: [Bourdieu 1986]). Неравенство в распределении таких ресурсов означает неравные шансы на доступ к положению в обществе и продвижение по социальной лестнице из-за существующих барьеров, например классовых. Именно из-за этих барьеров различие жизненных шансов и возможностей ведет к неравенству доступа к ресурсам. Неравенство не обязательно должно быть видимым, особенно если речь идет об укоренившихся формах неравенства, таких как классовая структура общества (ср. [Van Hear 2014]). На противоположном конце спектра можно видеть другие категории, доступные для измерения, например мобильность индивидов и групп людей.

Хотя такие категории, как гендер, несвободны от неравенства, необходимо обратить внимание на различие между понятиями «гетерогенность» и «неравенство». Категории как таковые, а именно гетерогенность, указывают на различие. Однако гетерогенность — это не то же самое, что неравенство. Такие категории, как гендер, этническая принадлежность, возраст, правовой статус, религиозная принадлежность и степень, в которой отдельно взятый человек или группа людей поддерживают связи с другими странами (транснациональность), могут быть связаны с неравенством следующим образом. Различия между категориями и культурная классификация различных видов гетерогенности (идет ли речь об отдельных лицах или группах людей) заметно влияют на распределение материальных и символических ресурсов. Имеется в виду, что разделение на категории по признакам гетерогенности приводит к неравенству лишь в тех случаях, когда в результате подобных транзакций происходит воспроизводство достаточно устойчивых и долговременных границ между такими категориями. Поэтому понятие «неравенство категорий» [Massey 2007] может применяться для описания процесса разделения на категории по признакам гетерогенности. В данном случае причина возникновения взаимозависимости между неравенством и миграцией в контексте изменения климата рассматривается с обеих сторон — как с позиций неравенства, так и с позиций миграции.

Что касается неравенства, лежащего в основе миграции, то здесь действует давно сформулированный вывод о том, что классу как одному из проявлений гетерогенности принадлежит важная роль, поскольку беднейшая часть населения оказывается особенно уязвимой перед экологическими рисками (эмпирические подтверждения можно найти в результатах тематических исследований, опубликованных в работе [McLeman, Schade & Faist 2016]. Если у бедных слоев или групп населения и есть какой-либо выход, то он представляет собой миграцию внутри собственной страны, хотя пересечение признанных в международном порядке границ может оказаться в конечном счете единственным выходом, особенно в случаях затопления островных государств. При такой совокупности факторов смена места жительства может быть единственным способом сохранить достойный образ жизни. Так были перемещены все жители острова Кирибати [Schade 2013]. Однако последствия дорогостоящих

программ переселения могут оказаться неожиданными. Например, инуиты Аляски были переселены на земли, которые сегодня медленно погружаются в болото [Bronen 2013]. В целом ситуация представляется особенно тяжелой для той части населения, которая попала в ловушку, не имея возможности адаптироваться к изменениям на месте, и оказалась не в состоянии мигрировать, чтобы адаптироваться в других условиях. Также определенная связь возникает на пересечении, например, класса и гендера: безземельные и бедные женщины особенно уязвимы — у женщин вероятность погибнуть в ходе природных катаклизмов в восемь раз выше, чем у мужчин [Adeniji 2011; IPCC 2014, chap. 11].

Те, кто не испытывает острой нужды, видят в миграции в основном механизм, открывающий перед ними новые возможности [Tilly 2005]. Такие возможности заключаются в незначительном приросте финансовых ресурсов и/или социальных связей, позволяющих снизить риски и расходы, связанные с долгосрочной миграцией в другие страны. Помимо общеизвестных разновидностей гетерогенности, таких как классы, гендер, возраст, религия, местожительство/гражданство или этническая принадлежность, способность приспосабливаться к рискам, связанным с изменением климата, зависит и от территориальной неоднородности. У городских жителей больше возможностей пережить изменение климата, жители северных районов готовы к этому лучше, чем жители южных, и так далее. Однако люди часто ошибаются с выбором направления миграции, отправляясь туда, где им может грозить наводнение, а не наоборот. Так, люди мигрируют в города, расположенные в низинах дельты рек, такие как Дакка или Шанхай [Lassailly-Jacob & Peugaut 2016].

Что касается другой стороны взаимозависимости, то есть зависимости неравенства от миграции, то здесь внимание исследователей приковано к денежным переводам. Сегодня принято считать, что финансовые (и социальные) переводы мигрантов воспроизводят классовую структуру стран, которые они покинули. Более того, существует масса доказательств того, что, например, в государствах Тихого океана и в Мексике заграничные переводы играют двойственную роль: с одной стороны, они ведут к снижению бедности, с другой — к углублению неравенства (см. также: [Aksakal & Schmidt 2015]). Переводы создают риски морального свойства как на уровне семьи, так и на уровне государства. Используя денежные переводы для пополнения валютного

дефицита, правительства могут попытаться уйти от проведения структурных изменений в системе социальной защиты, например в здравоохранении и образовании. В конце концов большая часть полученных в виде переводов средств тратится на покрытие именно этих расходов. На уровне семьи иждивенцы рассчитывают на получение средств из других стран, вместо того чтобы попытаться найти источники дохода внутри собственной страны [Horst et al. 2014].

Еще один вид гетерогенности — правовой статус, тесно связанный с неравенством в случае миграции. Он имеет особое значение, так как затрагивает политико-правовой состав категории климатических беженцев. Одно из главных препятствий научного характера — и именно здесь вновь обретает значение социально-природный вопрос — состоит в том, что очень трудно придать мигрантам статус беженцев в контексте изменения климата, чтобы обеспечить их защиту (Kälin 2015). Почти невозможно установить прямую связь того или иного опасного явления природы с изменением климата. И хотя причинно-следственная связь между изменением климата и миграцией не позволяет создать четкий правовой прецедент, существует масса возможностей, а значит, возникает и соответствующее социальное поле для появления «предпринимателей от норм права» [Sunstein 1996]. Предприниматели этой категории активно пытаются обеспечить людям, ставшим мигрантами в результате климатических изменений, особые права беженцев. Предлагалось установить особый режим для климатических переселенцев, переселяемых в плановом порядке [Bierman & Voas 2008]. К «климатическим беженцам» авторы этого предложения относили только тех, кто бежал (внутри страны или через границу) от прямых последствий изменения климата, вызвавших такие явления, как подъем уровня моря, экстремальные погодные катаклизмы, засуха, нехватка воды. Было много споров об употреблении понятия «беженец» именно в этом контексте, учитывая его юридический смысл в соответствии с Женевской конвенцией о беженцах. Более того, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR)¹ — организация ООН, занимающаяся вопросами беженцев, — отказалось от использования понятия «климатический беженец» или «беженец от природных

явлений» и от любых попыток расширить действие мандата, предоставленного Конвенцией. В качестве аргумента указывалось, например, на то, что «предоставление статуса беженца тем, кто бежал от природных явлений, приведет лишь к искажению понятия «беженец» и ляжет неподъемным грузом на плечи международного сообщества, чьи возможности для выделения средств на нужды беженцев ограничены» [Suhrke 1994: 492]. Такой отпор мог стать одной из причин того, что понятия «миграция, связанная с природными явлениями» и «климатическая миграция» с тех пор часто используются во время обсуждений и проведении исследований. Разумеется, в дебатах по вопросу правового статуса мигрантов, вынужденных бежать от последствий природных явлений, звучат и другие доводы.

4. NULLIUS IN VERBA¹: ДАЛЬНЕЙШЕЕ ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРИРОДНОГО ВОПРОСА

Результаты проведенного анализа позволяют говорить о том, что первое поколение ученых, занимавшихся исследованием изменения климата и миграции, использовали механистический «природный» подход, и это стало причиной серьезной недооценки способности человека приспосабливаться к судьбоносным изменениям климата. Второе поколение ученых придавало особое значение деятельности человека в свете «общества». Их главным героем был «жизнеспособный мигрант», успешно приспосабливающийся к изменению климата. Это поколение молодых ученых в основном продвигало неолиберальный образ мобильного и сметливого мигранта, привыкшего действовать предсказуемо и предусмотрительно. Но при этом редко вспоминали о том, что взаимозависимость между изменением климата и отдельными событиями недоказуема, во всяком случае если пользоваться естественно-научной методикой. Однако если мы представим себе, что посмотрим на проблему сквозь призму «природа/общество» (ср. [Mooney, Duraiappah & Larigauderie 2011]), то увидим, что миграция, не затрагивая более глубоких структур социального неравенства, ведет к усилению механизмов изоляции (ср. [Faist 2016]). При этом интересно, что никакие барьеры

¹ United Nations High Commissioner for Refugees. — Прим. ред.

¹ Дословно «ничьими словами», то есть без ссылок на авторитеты. — Прим. ред.

не помешали «предпринимателям от норм права» спекулировать на трагической судьбе многих мигрантов, которых изменения климата склонили, а иногда и вынудили покинуть свои земли.

Необходимо расширить исследования не только для того, чтобы выявить связь между изменением климата, миграцией и неравенством, но и понять роль, которую здесь играет гражданское насилие. Чаще всего изменение климата и насилие рассматриваются как две независимые друг от друга опасности, каждая из которых потенциально способствует увеличению потока мигрантов по всему миру. Однако в недавно появившихся работах фактически указывается на причинную взаимосвязь между изменением климата и гражданским насилием. Более того, теперь нам известно, что всплески гражданского насилия тесно связаны с различными проявлениями колебаний температуры воды в экваториальной части Тихого океана (это явление принято называть «Эль Ниньо» [Hsiang, Meng & Crane 2011]). Вероятность внезапного возникновения гражданских конфликтов в годы, когда наблюдается Эль Ниньо, вдвое выше той, которая существует в годы Ла Ниньо (противоположная фаза колебаний), и вполне может быть, что Эль Ниньо был причиной 21% всех гражданских конфликтов, имевших место между 1950 и 2005 годами. Это очень любопытный пример корреляции и дисперсии. Также существуют доказательства, позволяющие предположить наличие связи между глобальным потеплением и увеличением рисков гражданского насилия на значительной части территорий, расположенных к югу от африканской Сахары [Burke et al. 2009]. Учитывая потенциал воздействия изменения климата на частоту и интенсивность таких природных явлений, как Эль Ниньо, можно предположить, что глобальное потепление может стать непосредственной причиной не только миграции, связанной с переселением, но и косвенным образом приведет к возникновению гражданских конфликтов на подвергшихся воздействию глобального потепления территориях во всем мире. В свою очередь, гражданские войны приводят к значительному увеличению потока мигрантов и беженцев.

Новое понимание изменения климата требует, чтобы миграция рассматривалась в контексте общих политико-экономических преобразований, наиболее важный из которых — способ организации экономической жизни. Одни аналитики говорят

о «метаболическом разрыве» [Foster 1999]. Это понятие связано с тенденциями развития экологического кризиса в условиях капитализма. Еще К. Маркс работал над теорией разрыва в метаболическом взаимодействии между природой и обществом/культурой, берущем начало в способе капиталистического производства и увеличивающемся разрыве между городом и деревней. Он говорил о «непоправимом отчуждении во взаимозависимом процессе социального метаболизма» [Marx 1981: 949]. Маркс считал этот разрыв несовместимым с устойчивым развитием (ср. [Rosa et al. 2015]) и проводил параллель между эксплуатацией человека и эксплуатацией земли. В похожем ключе другой видный основатель социологии М. Вебер заявлял, что индустриальное общество будет работать “bis der letzte Zentner fossilen Brennstoffs verglüht ist” («до тех пор, пока не сгорит дотла последняя тонна органического топлива»). Между тем мы узнали, что, хотя капитализм продолжает оставаться преобладающей силой, «он со всех точек зрения представляет собой явление местного порядка» [Latour 1993: 117]. И до, и после Парижской конференции по вопросам климата¹ конфликты, связанные со смягчением последствий и адаптацией к изменению климата, носили именно местный характер и развивались вдали от зрелищных, но безусловно не имевших никаких последствий международных мероприятий. Именно (местные) конфликты, связанные с климатом, а не (мировое) управление климатом привели к определенному прогрессу в вопросе ограничения выбросов углекислого газа. В последующих исследованиях необходимо определить ответные действия на изменение климата, которые совмещали бы в себе и поиск выхода из сложившейся ситуации, и возможность быть услышанным.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Adeniji, G. (2011). Adapting to climate change in Africa. *jtoafrica*. No. 6 (March): 1–8.

Ahmed, I. (1997). Exit, Voice and Citizenship, in T. Hammar, G. Brochmann, K. Tamas & T. Faist (eds.), *International Migration, Immobility and Development. Multidisciplinary Perspectives*. Oxford: Berg, 159–186.

¹ Конференция в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, которая проходила с 30 ноября по 12 декабря 2015 года. — *Прим. ред.*

Aksakal, M. & Schmidt, K. (2015). Migration and social protection as adaptation in response to climate-related stressors: The case of Zacatecas in Mexico, in F. Hillmann, M. Pahl, B. Rafflenbeul & H. Sterly (eds.), *Environmental Change, Adaptation and Migration: Bringing in the Region*. L.: Palgrave Macmillan

Bettini, Giovanni. (2014). Climate migration as an adaptation strategy: de-securitizing climate-induced migration or making the unruly governable? *Critical Studies on Security* (2)2: 180–195.

Bierman, F. & Boas, I. (2008). Protecting Climate Refugees: The Case for a Global Protocol. *Environment: Science and Policy for Sustainable Development* (November-December 2008): 9–16. Last accessed on 22 January 2016: <http://www.environmentmagazine.org/Archives/Back%20Issues/November-December%202008/Biermann-Boas-full.html>

Black, R., Kniveton, D. & Schmidt-Verkerk, K. (2013). Migration and Climate Change: Toward an Integrated Assessment of Sensitivity, in T. Faist & J. Schade (eds.), *Disentangling Migration and Climate Change*. Dordrecht: Springer, 29–54.

Bourdieu, P. (1986). The Forms of Capital. In *Handbook of Theory of Research for the Sociology of Education*, ed. J.F. Richardson, pp. 46–58. Westport CT: Greenwood Press.

Bronen, R. (2013). Climate-Induced Displacement of Alaska Native Communities, Alaskan Immigration Justice Project. Brookings-LSE Project on Internal Displacement.

Burke, M.B., Miguel, E., Shanker, S., Dykema, J.A., & Lobell, D.B. (2009). Warming Increases the Risk of Civil War in Africa. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 106(49): 20670–20674.

Castles, S. (2007). Twenty-First-Century Migration as a Challenge to Sociology. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 33(3): 351–371.

Dunlap, R.E. & Catton, W.R. (1979). *Environmental Sociology*. Annual Review of Sociology, Vol. 5: 243–273.

Durkheim, É. (1964) [1895]. *The Rules of Sociological Method*. N. Y.: Free Press.

El-Hinnawi, E. (1985). *Environmental refugees*. Nairobi: United Nations Environmental Programme (UNEP).

Ellis, F. (2000). *Rural Livelihood Diversity in Developing Countries: Analysis, Policy, Methods*. Oxford: Oxford University Press.

Etzold, B., Ahsan, U.A., Selim, R.H., Sharmind, N. and Tamer, A. (2016). Rainfall Variability, Hunger, and Social Inequality, and Their Relative Influences on Migration: Evidence from Bangladesh. In: McLeman, R., Schade, J. & Faist, T. (Eds.) *Environmental Degradation and Social Inequalities*. Dordrecht: Springer, 27–42.

Faist, T. (2016). Cross-Border Migration and Social Inequalities, *Annual Review of Sociology*, Vol. 42 (forthcoming).

Faist, T. & Schade, J. (2013). The Climate-Migration Nexus. A Reorientation, in T. Faist & J. Schade (Eds.): *Disentangling Migration and Climate Change*:

Toward an Analysis of Methodologies, Political Discourses and Human Rights, Springer: Dordrecht, 3–25.

Foresight. (2011). *Foresight: Migration and Global Environmental Challenge*. Final Project Report. L.: The Government Office for Science.

Fornalé, E., Guélat, J. & Pigué, E. (2016). Framing Labour Mobility Options in Small Island States Affected by Environmental Changes, in: McLeman, R., Schade, J. & Faist, T. (eds.) *Environmental Degradation and Social Inequalities*. Dordrecht: Springer, 167–188 Foster, J.B. 1999. Marx's Theory of Metabolic Rift: Classical Foundations for Environmental Sociology, *American Journal of Sociology* 105(2): 366–405.

Foster, J.B. (2000). *Marx's Ecology: Materialism and Nature*. N. Y.: Monthly Review Press.

Giddens, A. (2009). *The Politics of Climate Change*. Cambridge: Polity.

Hammar, T., Brochman, G., Tamas, K. & Faist, T. (Eds.) (1997). *Migration, Immobility and Development*. Oxford: Berg.

Horst, C., Erdal, M.B., Carling, J., Afeef, K.F. (2014). Private money, public scrutiny? Contrasting perspectives on remittances. *Global Networks* 14(4): 514–32.

Hsiang, S.M., Meng, K.C. & Crane, M.A. (2011). Civil Conflicts Are Associated with the Global Climate. *Nature* 476: 438–441.

Human Development Report. (2007). *Fighting Climate Change: Human Solidarity in a divided world*. N. Y.: United Nations Development Program (UNDP).

IPCC. (2014). *Climate Change 2014: Synthesis Report*. Contribution of Working Groups I, II and III to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change [Core Writing Team, R. K. Pachauri and L. A. Meyer (Eds.)]. Geneva: IPCC.

Kälin, W. (2015). Klimaflüchtlinge, Katastrophenvertriebene oder schutzlose Migranten? – Flucht in Zeiten des Klimawandels, *VHS-Bulletin Nr. 4*, November 2015: 10–18.

Lassailly-Jacob, V. & Peyraut, M. (2016). Social and Spatial Inequality Linked to Flood-Induced Displacements in Burkina Faso in 2009 and 2010, in: McLeman, R., Schade, J. & Faist, T. (Eds.) *Environmental Degradation and Social Inequalities*. Dordrecht: Springer, 57–72 Latour, B. 1993. *We Have Never Been Modern*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Marx, K. (1981). *Capital*, Vol. 3. L.: Penguin.

Massey, D.S. (1990). Social structure, household strategies, and the cumulative causation of migration. *Population Index* 56(1): 3–26.

Massey, D.S. (2007). *Categorically Unequal: The American Stratification System*. N. Y.: Russell Sage Foundation.

McLeman, R., Schade, J. & Faist, T. (2016). *Environmental Degradation and Social Inequalities*. Dordrecht: Springer.

Mooney, H., Duraiappah, A. & Larigauderie, A. (2011). Evolution of natural and social science interactions in global change research programs, *PNAS* 10(1): 3665–3672.

Myers, N., & Kent, J. (1995). Environmental exodus, an emergent crisis in the global arena. Washington, D.C: Climate Institute.

Poirine, B. (1997). A theory of remittances as an implicit family loan arrangement. *World Development* 25(4): 589–611.

Roberts, J.T. & B. C. Parks. (2007). *A Climate of Injustice: Global Inequality, North-South Politics, and Climate Policy*. Cambridge, MA: MIT Press.

Rosa, E.A. et al. (2015). The Human (Anthropogenic) Driving Forces of Global Climate Change, in: Riley E. Dunlap & Robert J. Brulle (eds.) *Climate Change and society: Sociological Perspectives*. N. Y.: Oxford University Press.

Schade, J. (2013). Climate Change and Planned Relocation: Risks and a Proposal for Safeguards, in T. Faist & J. Schade (eds.), *Disentangling Migration and Climate Change*. Dordrecht: Springer, 183–206.

Shen, Shawn & François Gemenne, 2011: Contrasted Views on Environmental Change and Migration: the Case of Tuvaluan Migration to New Zealand, *International Migration* 49 (S1): e224-e242.

Simonet, G. (2010). The concept of adaptation: interdisciplinary scope and involvement in climate change, *Sapiens* 3(1). Last accessed on 22 January 2016. <https://sapiens.revues.org/997>

Suhrke, A. (1994). Environmental degradation and population flows. *Journal of International Affairs* 47(4): 473–496.

Sunstein, C. R. (1996). Social Norms and Social Roles, *Columbia Law Review* 96(4): 903–968.

UNDP. (2007). *Human Development Report 2007/2008. Fighting climate change. Human solidarity in a divided world*. New York: PalgraveUNFCCC. 1992. United Nations Framework Convention on Climate Change. Bonn: UNFCCC.

Van Hear, N. (2014). Reconsidering migration and class. *International Migration Review* 48(S1): S100–S121.

А. АЛУНД, К.-У. ШИРУП, А. НЕЕРГАРД,
Институт исследования миграции, этничности и общества
Линчёпингского университета, Швеция

Осень или весна демократии? Эссе о миграции, социальных движениях и переменах в Швеции

2011 г. войдет в историю как год многообещающих революционных изменений, хотя многие «весенние» надежды демократов бесследно исчезли в реакционной «некрополитической осени». Движение «Оккупай!» «незаменимой нации» не устояло перед силами местной полиции, все больше превращающейся в военизированные формирования, и отступило под натиском расистского неоконсервативного цунами. Столь превозносимая «арабская весна» либо растворилась в потоке событий, либо была подавлена еще в младенчестве при «гуманитарной интервенции» и в ходе тайных имперских войн за смену режимов, правящих «заменимыми нациями» в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Этнонациональное братоубийство развивалось по сценарию тех, кто считает себя «хозяевами вселенной»¹, так называемым «международным сообществом» Запада. Но за империей оставался «ответный удар»², для которого был задействован ужасный и самоубийственный джихадистский монстр и создан так называемый кризис с беженцами 2015 г., который правильнее было бы называть кризисом солидарности, как это упорно делает региональный координатор УВКБ ООН в странах Европы В. Кошетель [IPI 2015]. Реакция на этот удар, как ни странно, застала ЕС и входящие в его состав государства врасплох. От первых смелых шагов, предпринятых Германией и Швецией в начале осени³, когда приток беженцев только начинал нарастать, дело быстро дошло до закрытия границ,

¹ Отсылка к [Alluding to Ali 2000].

² Отсылка к [Alluding to Hall 1982].

³ 2015 года. — *Прим. ред.*

возведения заборов из колючей проволоки и усиления режима безопасности. ЕС подписал «фаустовский договор» со стремительно скатывающимся в авторитаризм неооттоманским режимом, пытаясь купить себе индульгенцию, и «проблема беженцев» по аутсорсингу переместилась в лагерь, расположенные на территории раздираемой гражданской войной Турции [Gelmini 2015].

На самом деле этот политический рецепт давно уже предлагался «Шведскими демократами», имеющей откровенно расистское и нацистское прошлое неоконсервативной политической партией ультраправых националистов, которой в 2000-х гг. удалось постепенно привлечь на свою сторону значительное число сторонников и от которой сегодня зависит баланс сил в шведском парламенте. Ко времени написания настоящего эссе эта партия все еще вызывает чувство морального презрения и продолжает действовать в условиях частичного политического бойкота, объявленного ей основными партиями, как левыми, так и правыми. Однако на деле стратегия сдерживания этой партии сменилась паническими настроениями, под воздействием которых сегодня шаг за шагом делаются уступки в пользу предлагаемой ей повестки дня. Дело дошло до того, что в начале 2016 г. открытая и рассчитанная на длительную перспективу политика Швеции, направленная на предоставление убежища и воссоединение семей, была свернута в пользу кардинальных мер, многие из которых были предложены ультраправыми. Мы пережили кризисный момент, во время которого, с одной стороны, жизнестойкое гражданское общество Швеции решительно проявило волю к гостеприимству и готовность встретить людей, бежавших от авторитарных режимов и бедствий, принесенных имперской интервенцией и кровопролитными войнами, но, с другой стороны, этим моментом воспользовалось набирающее силу движение ультраправых расистов, успешно распространяющих мифы о «вторжении иностранцев», несущих Швеции смертельную опасность. А. Сиванданян [Sivanandan 2001] называл подобные движения ксенорасизмом¹, направленным на

¹ Более подробно это описывается следующим образом: «...расизм, направленный не против обладателей более темной кожи и выходцев из бывших колоний, но нацеленный на новые категории перемещенных, лишенных и изгнанных из родных мест людей, стучащихся в двери Западной Европы, той самой Европы, которая в первую очередь и обрекла их на изгнание. Для такого расизма неважен цвет кожи — он в рав-

очернение и овеществление «перемещенных, переживших лишения и изгнание из родных мест людей, стучащихся в двери Западной Европы, той самой Европы, которая в первую очередь и обрекла их на изгнание». Это явление характерно не только для Швеции. Но в Швеции его отличает особая скорость, с которой развиваются политические пертурбации, в разнообразных формах происходящие на всей территории погрязшего в кризисе и становящегося политически все более разрозненным Европейского союза.

Но Швеция — это не Ирландия. И не Греция. Она все еще продолжает оставаться страной, находящейся на самой вершине международного разделения труда, самой северной страной мирового Севера. Правда, она уже утратила свою репутацию «морально-политической сверхдержавы» и независимого игрока в геополитике, превратившись в вассала ОПБ¹, НАТО и Соединенных Штатов. Наряду с Данией и Соединенным Королевством Швеция находится в привилегированном положении, будучи вне еврозоны, что стало одной из причин, благодаря которым кризис 2008 г. затронул Швецию в меньшей степени, чем большинство других стран, входящих в Европейский союз. Последовательная политика открытой миграции и предоставления убежища разворачивала перед Швецией уникальные перспективы, которые позволяли ей преодолеть нехватку людей на рынке труда, придать новую динамику экономическому развитию, устранить последствия кризиса в испытывающей недостаток кадров системе социального обеспечения, успешно противостоять надвигающемуся демографическому кризису [Pelling 2015; см.: Scocco 2015]. Эту политику подорвало ослабление широкой солидарности, необходимой для выполнения долгосрочных задач устойчивого экономического развития и восстановления системы социального обеспечения. Вот почему так называемый кризис беженцев или миграционный кризис — это

ной степени обращен и против белокожих бедных людей, и поэтому его следует считать ксенофобией — «естественным» страхом перед чужаками. Но процесс «очернения» и овеществления, которому подвергают людей перед тем, как подвергнуть их сегрегации и остракизму, указывает на ксенофобию со всеми признаками давно знакомого нам расизма. Это расизм по сути, но «ксено» по форме. Это расизм, направленный против неимущих чужаков, пусть даже белокожих. То есть ксенорасизм» (Sivanandan 2001: 2).

¹ Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС.

скорее симптом более глубокого структурного и институционального кризиса солидарности», поразившего даже Швецию. Зато теперь можно скрыть давно надвигавшийся коллапс системы социального обеспечения за дымовой завесой «беженцев» [Gemmel 2016].

Швеция на самом деле переживает глубокий кризис солидарности общества. И здесь речь идет о траектории, которую неоллиберальные политики избрали еще в середине 1990-х гг., когда Швеция, вступив в ОЭСР, превратилась в страну, где самыми стремительными темпами росло социальное неравенство. Кризис вызван безудержным стремлением к коммодификации¹ труда, городской и сельской окружающей среды. Это превратилось, по выражению Д. Харви, в «накопление через изъятие» — разграбление всего, что является общим. А в Швеции, которая когда-то слыла *образцовым* социальным государством, было и, по правде говоря, еще остается много общего, что можно разграбить. Углубляющееся неравенство стало результатом политики дерегуляции, приватизации и изменения режима налогообложения в пользу благополучных, в результате чего и без того обездоленные остаются на периферии системы социального обеспечения. Эта политика привела к прекаризации² рабочих мест, гражданства и источников средств к существованию, отсутствию гарантий работы и жизни, непредсказуемости последних. Хотя, по мнению убежденных неоллибералов, для того чтобы создать хайковское³ рыночное общество, которое историк К. Поланьи [2001 (1944): 3] в своей знаменитой работе «Великая трансформация» (см. также: [Block 2001: xxiv]) язвительно назвал мрачной утопией, предстоит сделать еще немало. Параллельно этому наблюдается кризис чувства принадлежности, когда роль и функция нации-государства переформируется в результате проводимой элитой скрытой политики ориентированного на рынок регионализма, интернационализации и глобализации, оказывающей решающее воздействие на жизнь каждого, лишаясь при этом надежной опоры на демократические процессы и устойчивую институциональную вовлеченность. Этот кризис разворачивался постепенно и сопро-

вождался укреплением позиций «Шведских демократов» на выборах. При этом он был умело организован сверху — о чем свидетельствуют результаты проведенных еще в сентябре 2015 г. опросов общественного мнения, которые показали возрастающую поддержку солидарной и всесторонней политики в отношении беженцев — и в том, что касается дискурса, и в том, что имеет отношение к изменению политики всех парламентских партий, за исключением, с одной стороны, наиболее неоллиберальной, а с другой — левой партии.

Все вместе создает угрозу существованию и ведет к кризису государственного устройства, кризису идентичности. В результате происходит нечто похожее на то, о чем говорил К. Поланьи [2001 (1944)], вспоминая кризис 1930-х гг., — столь похожий на теперешний кризис: возникают спорные по своей сути контрдвижения, что нередко, как это происходило и прежде, ведет к усилению мер безопасности и введению «чрезвычайного положения» [Agamben 2005].

Весь ужас положения, в котором мы оказались, хорошо виден на примере одной антифашистской демонстрации в шведском городе Мальмё в августе 2014 г., на разгон которой была направлена конная полиция (полицейские вопреки требованиям закона закрыли идентификационные таблички на своих шлемах), и отряд хорошо экипированных бойцов с особой жестокостью набросился на толпу беззащитных активистов. Это не могло не воскресить в памяти другое злодеяние: убийство в 1931 г. вышедших на демонстрацию рабочих в городе Одалене в Северной Швеции, которое стало жестокой увертюрой к важному компромиссу между трудом и капиталом, достигнутому позднее. Компромиссу предшествовала напряженная классовая борьба, в результате которой и были заложены основы шведского социального государства, просуществовавшего до начала 1990-х гг., когда настало время решительного наступления неоллибералов. Затем, в точности по Поланьи, мы последовательно двигались от кризиса к кризису, от одного «чрезвычайного положения» к другому [Agamben 2005]. Это отвечает известному определению кризиса, которое дал А. Грамши. Мы живем в период затишья, когда «старый кризис отмирает», и нам остается лишь гадать, что будет дальше. А затишье таит в себе множество «болезненных симптомов».

С этих позиций мы и будем строить дальнейшее изложение, уделяя особое внимание восхождению «Шведских демократов»

¹ Коммодификация — превращение в товар. — Прим. ред.

² От слова *precarious* — ненадежный, находящийся в ситуации риска. — Прим. ред.

³ От имени экономиста Ф. Хайека. — Прим. ред.

и трансформациям этой партии. Мы проследим сходство современных контрдвижений с мировым контрдвижением 1930-х гг., нацеленным против разрушительного правления финансового капитала и ничем не ограниченной рыночной экономики. В то время широкое контрдвижение за встраивание рынка в институты социальной защиты выражалось в самых разнообразных формах — от «нового курса» и западноевропейского социального государства до государственного тоталитаризма в виде нацизма, фашизма и сталинизма, развернувшихся против экономического либерализма [Schierup 1999; Holmes 2000]. На Юге это движение проявилось в форме «развивающихся государств». Оно приводило к возникновению самых разнообразных, меняющихся и преходящих альянсов.

В этом ключе мы и выдвигаем свою гипотезу о том, что аналогично событиям 1930-х гг. в нацистской Германии (после зачистки пролетарского СА — крыла нацистского движения) происходящее сегодня в Швеции вызвано попытками доминирующего неолиберального экономического и политического истеблишмента найти выход в компромиссе и альянсе с консервативным неокommунитаристским¹ и ксенорасистским национализмом. Мы расцениваем это как завуалированную стратегию, направленную на увековечивание в условиях изменяющейся политической обстановки гегемонистской политики «накопления через изъятие», подразумевающей дальнейшую прекаризации труда, источников средств к существованию и гражданства, в которой мигранты (включая беженцев) выступают в качестве основы гибкого и подвергающегося гиперэксплуатации прекариата, при сохранении гарантий ультраправым ксенорасистам того, что мигранты никогда не станут «гражданами» и полноценными членами нации.

При этом мы считаем, что одностороннее пессимистическое восприятие мира свидетельствует о готовности отступить перед мировой неолиберальной элитой — мир порабощен и управляется с помощью средств слежения и что такое восприятие способствует воспроизводству «парадигмы пессимизма» за счет

¹ То есть новая редакция коммунитаризма — общего названия для теоретических и идеологических позиций, делающих упор на «общину», обязанную своим существованием «общим ценностям». — *Прим. ред.*

«политики возможного»¹. Неолиберальный проект жесткой экономии все больше сталкивается с контрдвижением, если снова вспомнить Поланьи. Мы наблюдали рост левых популистских партий, таких как «Сириза» в Греции и «Подemos» в Испании, а также то, что может стать совершенно отличным вариантом *новой* лейбористской партии, возглавляемой Дж. Корбином в Соединенном Королевстве. Помимо этих новых или возрожденных партий во многих городах Европы произошло (воз)рождение городского движения за справедливость. И тут возникает вопрос, связанный с тем, что мы увидели, рассматривая параллельно происходящие события: можно ли считать это до сих пор ничем не скомпрометировавшее себя контрдвижение весенними ростками, пробивающими себе путь сквозь промерзшую почву нашего северного королевства? Политически направленное новое городское движение за справедливость, поддерживаемое молодыми шведами из числа бывших мигрантов, которые трезво оценивают опасность введения «чрезвычайного положения», при котором правительство получает все больше никем не контролируемой власти. Мы задаемся вопросом: способны ли те, кого в доминирующем дискурсе именуют другими, иностранцами, людьми оттуда, те, кого изображают «не имеющими отношения» к стране, стать авангардом в альянсах, созданных во имя возрождения исторической памяти нашего народа и наследия свободы человека, демократии и социальной солидарности?

РАСИЗМ И ФАШИЗМ В ЕС И ШВЕЦИИ

Открытым остается вопрос, в какой степени современный ход развития событий отвечает тому, что предсказывал Поланьи. Но, связывая контрдвижения с отрывом экономики от общества, вызванным безудержной коммодификацией всего и вся (что и подразумевается сегодняшней гегемонией неолибералов), Поланьи не скрывал, что контрдвижения могут начать развиваться в направлении фашизма. Сегодня во многих европейских странах и в Европейском парламенте наблюдается рост ультраправых сил, расистских и фашистских партий. Основная

¹ [Trimikliniotis et al. 2015], цитата из [Kyriakides and Torres 2012].

интерпелляция¹ ультраправых партий (УПП)² строится на создании общего радикального образа «других» с этническим уклоном — мусульман, цыган, «черных» или «мигрантов» в целом, представляющих опасность для страны и ее народа. Вторая стратегия рисует образ предательской элиты и не в последнюю очередь направлена на воображаемую агломерацию, представленную «культурными левыми». И хотя между этими партиями, как и внутри них, существуют определенные различия [Fennema 1997], а их названия со временем довольно быстро меняются — партии протеста, расисты, фашисты, похоже, что то общее, что у них есть, позволяет видеть в них новую семью партий [Maier and Mudde 1998], объединенную общим названием «ультраправые партии» (УПП). Некоторые попытки передать суть УПП, однако, представляются несогласованными, и главная причина этой несогласованности, по выражению К. Магдда [Mudde 2010], заключается в том, как воспринимать эти партии: как «нормальную патологию» или, наоборот, как «патологическую нормальность»³. К. Магдд критически относится к изысканиям вокруг тезиса о *нормальной патологии*, изначально возникшего в ходе исследований ситуации в США после Второй мировой войны, инспирированных Франкфуртской школой и направленных на анализ политики правых радикалов в связи с «политической разочарования» [Mudde 2010: 1168 со ссылкой на [Bell 1964: 42]. Этот подход, описывающий явление правого радикализма

¹ От введенного Л. Альтюссером термина *interpellation*, что означает, во-первых, клик, а во-вторых, окликнутость, готовность тех, кто окликнут, узнать себя в этом оклике. — Прим. ред.

² Мы используем выражение «ультраправые партии» в качестве общего названия для таких партий. Существует множество в той или иной степени теоретически обоснованных названий этих партий. Выражение «ультраправые партии» представляется достаточно распространенным названием для них (см. табл. 7.1 в [Berggren and Neergaard 2015: 194]).

³ Необходимо отметить, что К. Магдд осознает проблему (и дистанцируется от нее) использования слова «патология» по существу понятия, выходящего за рамки выбора альтернативного названия. Вслед за использованием таких распространенных терминов, как «ксенофобия» и «исламофобия», речь идет уже о патологизации и психологизации, что ведет к возникновению налета загадочности на общественных отношениях. Чтобы избежать отождествления с таким пониманием, мы предпочитаем придерживаться основного понятия, к которому обращается Магдд, — «радикализованная нормальность».

в психологических терминах, состоит в том, что правые радикалы представляют собой патологию в (послевоенном) западном обществе и их успех можно объяснить только «экстремальными условиями» [Mudde 2010: 1167].

Хотя исследователи, занимавшиеся вопросом нормальной патологии ранее, скорее рассматривали популистское движение ультраправых как крайнее проявление фашизма, в более поздних исследованиях, которые Магдд [Mudde 2010: 1172] считает умеренными, основное внимание уделялось кризису, «связанному с определенными особенностями процесса модернизации и их последствиями, такими как глобализация, общество риска, постфордистская экономика, постиндустриальное общество». Подобный подход, утверждает К. Магдд, все еще связан с точкой зрения, согласно которой «ценности правых популистов-радикалов чужды ценностям западной демократии, но все же обладают некоторым потенциалом во всех западных обществах» [Mudde 2010: 1170]. Поэтому считается, что ученые, обратившиеся к этому вопросу позднее, такие как Х.-Г. Бэтц [Betz 1994], П. Игнази [Ignazi 1992], а также Х. Китшелт и А. Макганн [Kitschelt and McGann 1995], разделяют мнение относительно проблем нормальной патологии, согласно которому УПП представляют собой аномальное явление в современных западных демократиях.

В критике тезиса о *нормальной патологии*, согласно которому ультраправые представляют собой маргинальное явление, Магдд указывает на то, что этот тезис не находит подтверждения ни в идеологии, ни в данных о подходах. Он [Mudde 2010: 1178] утверждает, что «основные аспекты идеологии правых популистов-радикалов принимаются большинством как в элите, так и на массовом уровне, правда, часто в более умеренной форме». На основании этого тезиса он утверждает, что очевидный успех современных УПП связан с радикализацией существующих взглядов большинства. Такое понимание требует нового определения, и в качестве такового он [Mudde 2010: 1178] говорит о «патологической нормальности», «сдвиге парадигмы», имеющей «значительное влияние на отношения между правыми популистами-радикалами и западной демократией». Далее он отмечает схожую связь между правыми популистами-радикалами и мейнстримом в западной демократии и утверждает, что «основное отличие состоит не в принципиальной несогласии (антитезисе), а в степени, то есть противопоставлении умеренных

взглядов их радикальным вариантам. Более того, подходы и идеи правых популистов-радикалов в нормальных условиях немаргинальны; они достаточно распространены, правда, чаще в более умеренной форме, чем та, в которой их выражают партии правых популистов-радикалов [Mudde 2010: 1178].

Мадд указывает на характерные черты, которые позволяют объяснить наблюдаемую растущую поддержку УПП со стороны электората. Однако мы полагаем, что подобное толкование «патологической нормальности» страдает серьезными недостатками. Один из них заключается в отождествлении расизма с «нативизмом». Это ключевой момент для понимания УПП в рамках рассматриваемого подхода. При этом эмпирические основы, на которых строится данный тезис, похоже, говорят в пользу не нативизма, а расизма, который у К. Мадда затрагивается лишь периферически [Mudde 2010: 1175]. Он отмечает при этом, что, «хотя нативизм — это не то же самое, что расизм, что бы он на самом деле ни означал для респондентов, проведенные исследования, например, «Евробарометром» представляют убедительные доказательства распространенности ультранативистских установок в Европе». Таким образом, одной из действительно важных проблем в работе К. Мадда и в целом в работах других ученых, развивающих тезис о «патологической нормальности», является то, что они игнорируют расизм. Вновь и вновь обследования показывают значительную распространенность расизма среди респондентов, и именно поэтому расизм следует поместить в центр тезиса о «патологической нормальности». В рамках последней расизм определяется как «западная идеология и политическая мысль» [Bonilla-Silva and Baiocchi 2001]. Из этого вытекает другое существенное упущение, которое состоит в том, что в исследованиях, касающихся «нормальной патологии», совершенно замалчивается или забывается история европейского колониализма, империализма и других форм западного геополитического доминирования. Бремя белого человека, Явное предначертание¹, « *día de la gaza* »², Содружество Наций³, Ориент или Вашингтонский консенсус о «гуманитарной интервен-

ции», таким образом, исключаются из идеологии «Европы, Севера или Запада» (см., например: [Said 1978; West 1999; Ali 2000]). Если учитывать это обстоятельство, то «патологическая нормальность», в рамках которой рассматриваются УПП, окажется радикальным вариантом нормальности, являвшейся и являющейся частью западных либеральных демократий. Таким образом, там, где следует видеть способ спасения «нормальности» западных либеральных демократий, К. Мадд, похоже, воздерживается от того, чтобы продолжить собственный глубокий анализ «патологической нормальности». К. Мадд утверждает, что центральное место должно занимать изучение предложения (УПП и других партий), отмечая, что спрос (поддержка со стороны населения и избирателей) «возникает естественным образом в самих мультиэтнических западных демократиях» [Mudde 2010: 1179]. Мы согласны с необходимостью изучения того, что К. Мадд называет предложением со стороны УПП, и анализа его содержания, но мы не согласны с заменой одного одностороннего подхода другим. Если расизм (или нативизм, как предпочитает выражаться К. Мадд) представляет собой радикализацию идей основного направления, то центральным вопросом исследования должен стать вопрос о динамике отношений между политическими партиями, в особенности между УПП (тем, что К. Мадд называет предложением) и идеологией и тем, как голосуют избиратели (спросом). Кроме того, исследования должны учитывать весь комплекс отношений между «Европой расовой» и «Европой расистской».

Если продолжить анализ, начатый К. Маддом, с того места, до которого он был готов пойти, и воспользоваться теми же данными, на которых он решил остановиться, то, следуя К. Поланьи [2001 (1944)], мы сможем утверждать, что неолиберальная догма представляет собой усиленный вариант «патологической нормальности», преобладающей в политическом дискурсе западных элит, начиная с начала 1980-х гг. Наряду с этим мы готовы утверждать, что расизм представляет собой неотъемлемую часть патологической нормальности УПП. Именно вокруг расизма строится социальное отчуждение. Таким образом, неолиберальная вера в «рынок» включает в себе современный проект коммодификации, построенный на эксплуататорском расизме и отсылающий назад, к геополитике расизма, воплощенной в колониализме, империализме и неоколониализме [Mulinari and Neergaard 2012c]. При этом движущими силами эксплуа-

¹ Manifest Destiny — крылатое выражение, используемое для оправдания американского экспансионизма. — Прим. ред.

² День открытия Америки Колумбом, отмечается 12 октября. — Прим. ред.

³ Отсылка к работе Э. Саида «Ориентализм» (1978). — Прим. ред.

таторского расизма продолжают оставаться еще более скрытые формы западного империализма, которому, несмотря на формальную деколонизацию Юга, все в большей степени сопутствует еще одно проявление эксплуатации по расовому признаку теперь уже в виде миграции с глобального Юга на глобальный Север.

Под влиянием ли трудовой миграции (документированной и недокументированной), беженцев или в результате воссоединения семей европейское общество все в большей степени становится мультикультурным [Ålund and Schierup 1991; Schierup et al. 2006]. Этому процессу противостоит контрдвижение, сложившееся под воздействием идеологии и политики фашизма и расизма. С одной стороны, это движение может призывать к возвращению экономики под защиту социальных институтов, что часто вызывает чувство ностальгии по прошедшим временам национального социального государства, с другой — оно формируется под воздействием расизма, пытающегося переобразовать «подлинную нацию» по всей Европе. Одним из вариантов такого контрдвижения стало быстрое восхождение «Шведских демократов» [Mulinari and Neergaard 2015].

Швеция, в которой на протяжении многих лет не было ультраправых парламентских партий или сильных ультраправых движений, начиная с 1990-х гг. испытала стремительные перемены. Мы наблюдали всплеск активности уличных неонацистов, а также явно расистские движения, участники которых поджигали лагерь беженцев, нападали на граждан с более темным цветом кожи, а иногда и убивали их. Среди них был и серийный убийца, систематически выбиравший очередную жертву по фенотипу [Larsson and Ekman 2001]. 1990 г. стал последним годом подъема экономики, вызванного спекулятивными сделками в финансовом секторе на рынке недвижимости, а также заметным ростом потребления, характерным для среды нового слоя молодых профессионалов, живущих в городах. Для того периода были характерны высокая инфляция и незначительная безработица. В то же время, с начала 1980-х гг., возникла новая тенденция роста безработицы и зависимости от социальных пособий среди мигрантов и беженцев, все чаще подвергавшихся остракизму. Именно тогда первой шведской популистской ультраправой партией стала «Новая демократия», которой удалось пройти в парламент в 1991 г. [Rydgren 2006]. Эта партия подхва-

тила и искусно раздула расистский по своей сути институциональный и общественный дискурс с его преимущественно негативным отношением к «культурным различиям» и предполагаемым недостаткам в работе аппарата по приему и интеграции мигрантов [Ålund and Schierup 1991]. На протяжении трех лет эта партия играла роль в создании баланса, обычно выступая в поддержку правительства правых, пока внутривластные и организационные разногласия, а также довольно подозрительные конфликты личного свойства не привели ее к развалу. В парламент эта партия пришла в условиях почти полного отсутствия безработицы (хотя безработица распределялась неравномерно и касалась в основном тех, кто родился за границей) и общего экономического бума, а ее распад совпал по времени с самым глубоким обвалом шведской экономики со времени депрессии 1930-х гг.

С 1994 г. в шведском парламенте не было УПП. Однако ситуация изменилась после выборов 2010 г., когда «Шведские демократы» (далее — ШД), набрав почти 6% голосов, получили представительство в парламенте. ШД выросли из остатков старых нацистских, расистских и неонацистских организаций [Block 2001]. Отчасти их успех на выборах стал результатом избранной ими стратегии, которая, с одной стороны, строилась на дистанцировании от собственной сомнительной истории, а с другой — на постепенной смене формулировки своих призывов, которые отныне не столь явно использовали язык откровенного расизма, характерного для этой партии в годы, когда она впервые появилась на шведской политической сцене. Похоже, такая стратегия приносит свои плоды до сих пор. Позиции партии на выборах постоянно укреплялись. В ходе всеобщих выборов 2014 г. партия набрала 13% голосов, став третьей по численности партией в парламенте. Опросы, проведенные после выборов, показали, что партию поддерживает немногим менее 20% голосовавших, и это открывает перед ней еще более благоприятные перспективы роста, которые позволят приблизиться к двум крупнейшим политическим партиям Швеции — социал-демократической и правящей консервативной (неолиберальной) партии (*Moderata samlingspartiet*).

Парламентский прорыв 2010 г. был подкреплён интерпелляций, построенной в основном на активном использовании так

называемой «мусульманской угрозы» для национальной, культурной и общественной жизни Швеции [Mulinari and Neergaard 2012b]. Этому прорыву способствовали два выступления, получившие широкую огласку в центральных средствах массовой информации. Первым выступлением стала редакционная статья, опубликованная в ведущем ежедневном таблоиде, где мусульмане и ислам изображались как наиболее серьезная угроза Швеции со времен Второй мировой войны [Åkesson 2012]. Вторым стал пропагандистский ролик, показанный по общенациональному телевидению и на YouTube в связи с избирательной кампанией 2010 г.¹ В нем были показаны женщины-мусульманки, одетые в чадру и толкающие перед собой коляски с детьми, при этом на руке одной из них красовалось кольцо с бриллиантами. Сюжет заключался в следующем: женщины с детьми обгоняли пожилую женщину, которая спешила получить свое пенсионное пособие, пока оно не ушло на помощь многодетным иммигрантам (мусульманам). Нельзя отрицать, что расизм, в частности расизм, направленный против мусульман, оказался основным фактором успеха ШД на выборах. Но почему столь быстрый успех был достигнут именно в это время?

Мы считаем, что восхождение «Шведских демократов» лишь частично связано с их успешной стратегией дистанцирования от грубого открытого расизма, которой она придерживалась прежде, и перехода к молчаливому расизму, скрытому за более тонкими метафорами. Наряду с этой стратегией (чтобы не оказывать отрицательного воздействия на опросы общественного мнения) представители и члены партии постоянно высказывают мнения, особенно в средствах массовой информации, носящие более открытый и грубый расистский характер. Несмотря на это, а точнее используя двойные подходы, ШД выработали интерpellацию, предлагающую ясный ответ тем жителям страны, которые пытаются найти альтернативу — все плохо именно из-за миграции и иммигрантов. Ирония заключается в том, что, хотя партия выступает с одной главной идеей, ее идеология воспринимается как идеология, дающая ответы на все вопросы. В этом смысле ШД можно рассматривать как выражение современного контрдвижения в парламенте, о котором пишет К. Поланьи. Партия все еще находится в центре общественного движения, которое

¹ <http://www.youtube.com/watch?v=5UiUdpYVubY>

разрывается между протестом, расизмом, ностальгией по социальной обеспеченности и интерpellациями ультраправых. Это соответствует тому, о чем пишет Б. Перри [Perry 2001], показывая, до каких пределов может разрастись набор идей и практических действий, если это будет позволено. ШД можно воспринимать как своего рода политический узел, в котором сходятся различные мелкие организации и отдельные люди, использующие социальные сети для распространения идей расизма и неонацизма, но также и как платформу для насильственных действий. Однако партия превращается в нечто большее, наглядно демонстрируя действенную контрстратегию, направленную против неолиберального рынка, но куда более ярко выраженным образом — против «других», которые определяются по расовому признаку.

Еще в начале 1990-х гг. Швеция, как и Германия, стала известна сравнительно большим числом экстремистских актов насилия расистов и неонацистов. Теперь этот призрак прошлого возвращается в виде все большего числа актов насилия, осуществляемых расистами [Deland and Westin 2007]. На этом основании ученые отмечают связь между недавним расистским и неонацистским прошлым и тем, что происходит сегодня [Gardell 2015]. Быстрорастущее число беженцев в Швеции в 2015 г. было активно использовано ШД в пропагандистских целях. Партия не только связала наплыв беженцев и возможное разрушение Швеции как страны, но и предприняла активные попытки поднять население на прямые насильственные действия расистского свойства. ШД распространяли информацию о зданиях, которые предназначались иммиграционными органами и местными властями для размещения недавно приехавших беженцев. Партия заявляла, что граждане должны не только обладать такой информацией, но и иметь право на то, чтобы решать вопрос об использовании таких зданий в административных судах. Такая информация могла быть использована и для того, чтобы спровоцировать нападения на эти здания. Понять связь между вполне прилично выглядящими руководителями партии и распространенной среди верхушки ШД жесткой риторикой, призывающей к насилию, можно на примере речи, с которой 18 октября 2015 г. выступил в Треллеборге К. Экерот, депутат парламента от этой партии. Он настойчиво призывал слушателей обращаться в административные органы с заявлениями против строительства

мечетей и размещения иммигрантов. Он также провоцировал своих сторонников, говоря, что у «шведов предохранительный клапан может держаться долго, но когда его сорвет, то рванет сильно! Мы покажем им, что время настало, что рванет уже сейчас». Вы, пришедшие сюда сегодня, — копьё, которое нам необходимо, чтобы вернуть себе нашу страну»¹.

Острые выпады против беженцев, мигрантов и граждан иной расовой принадлежности² с употреблением таких выражений, как «культура», «этническая принадлежность» и «раса», заметно участились в 2014 и 2015 гг.³ и стали уже чем-то нормальным (в смысле ожидаемым) в средствах массовой информации. Осенью 2015 г. было подожжено более 40 помещений, предназначенных для беженцев (в большинстве случаев это был умышленный поджог, совершенный неизвестными лицами)⁴. Частым преследованиям подвергались цыгане, прибывшие из других стран ЕС. Совершались нападения на шведов, принадлежащих к другой расе. В октябре 2015 г. исключительным случаем, по крайней мере пока, стала акция террора, направленная против учеников и учителей, отличающихся своим фенотипом (расой), в школе, расположенной в муниципалитете Трольхоттан, и приведшая к гибели нескольких человек. Акцию совершил молодой человек, симпатизирующий экстремистам. Показательно, как этот случай был представлен в центральных средствах массовой информации и в официальном политическом дискурсе. Очевидным было явное нежелание видеть в этом происшествии рас-

систские мотивы и признавать в нем акт террора. Общая тенденция сводилась к тому, чтобы считать это злодейство единичным случаем, в то время как даже государственные органы весьма недальновидно рассматривали его как пример разделения между настоящими шведами и «остальными». Например, после этого нападения шведский журналист спрашивал полицейских, не обращал ли убийца внимания на «совершенно шведских детей». Такой же вопрос другой корреспондент задал на следующий день директору муниципалитета Трольхоттан по связям с общественностью: «Ведь это совершенно особая школа, в которой учится очень немного шведских детей, что вы можете сказать по этому поводу?»¹

Успех ШД на выборах стал причиной серьезного институционального кризиса в парламентской политике, которая исторически строилась на оппозиции двух конкурирующих блоков — левых центристов и правых центристов, представленных семью партиями. Эти семь парламентских партий, не считая ШД, заявили о том, что не станут сотрудничать с партией, которую называют ксенофобской, а иногда и фашистской. Однако влияние ШД как партии, обеспечивающей баланс, привело к тому, что без ее участия эффективное управление стало невозможно. В декабре 2014 г. была предпринята попытка заключить соглашение, которое позволило бы самому многочисленному партийному блоку провести через парламент бюджет (чтобы избежать повторения ситуации, сложившейся после выборов 2014 г., с первым бюджетом, когда правая оппозиция при активной поддержке ШД провела через парламент бюджет, выполнять который предстояло левоцентристскому правительству). Соглашение было сорвано в результате жесткой позиции, занятой консерваторами, входящими в состав малочисленной христианско-демократической партии, при этом похожая сложная ситуация складывалась и в правоцентристской партии (*Moderata samlingspartiet*). Еще до этих событий наблюдалось определенное сближение позиций трех правых партий с позицией ШД по вопросу миграции и предоставления убежища. В то же время Конфедерация шведских предпринимателей (*Svenskt Näringsliv*)

¹ Цитата и перевод по <https://kit.se/2015/10/26/17799/hard-retorik-kan-trigga-vald-anser-polis-och-forskare-vad-sd-anser-far-vi-inte-veta/>. Полностью речь можно найти по адресу <https://www.youtube.com/watch?v=pb1wltJMabs>

² Из определения, предложенного Р. Майлзом (1993), следует, что «при некоторых исторических обстоятельствах и определенных материальных условиях у людей проявляется ряд важных биологических качеств, направленных на то, чтобы производить отбор, исключать других и доминировать: воспроизводя идею «расы», они создают расово ориентированный образ «других», и при этом сами становятся расово ориентированными» (1993: 44).

³ <http://www.fn.se/press/nyheter/hatbrott-i-flyktingstrommens-spar/>

⁴ <http://www.dn.se/nyheter/sverige/43-brander-men-fa-gripna-for-attackerna/>

¹ <http://www.svt.se/kultur/medier/en-uppdelning-byggd-pa-en-framlingsfientlig-logik> (ТВ обвиняют в содействии распространению споров ксенофобского характера) 2015.12.01

и ее филиалы, представляющие ассоциации работодателей, обращались к ШД с призывом изменить свою политику, сделав ее более дружественной по отношению к деловым кругам. И хотя ШД упорно отрицают свою принадлежность к левым или правым, а ее поддержка со стороны избирателей, особенно среди рабочего класса, продолжает расти, парламентская политика партии все больше сдвигается вправо. В последнее время ШД отказались от своего отрицательного отношения к приватизации сферы социальных услуг, финансируемой из государственного бюджета, и от выступлений в пользу коллективного соглашения, предоставляющего профсоюзам определенную свободу при объявлении забастовок. Формально вокруг ШД существует своего рода санитарный кордон, отделяющий их от всех остальных партий, как левых, так и правых, однако наблюдается явное сокращение дистанции между ШД и тремя или четырьмя правыми партиями. Исключением здесь является неолиберальная Партия центра, в политической повестке дня которой вопросы свободной миграции и права на убежище занимают первые строчки.

Еще в 1980-х гг. реформистский социал-демократический проект перехода от капитализма к социализму, включенный в повестку дня этой партии еще в 1970-х гг., был приостановлен с учетом изменения расстановки сил внутри партии в пользу фракции неолибералов. Правда, это следует считать скорее постепенным и носящим практический характер изменением, связанным с поиском ответов на конкретные экономические и социальные вызовы, а не заявлением идеологического свойства, как это было в случае с новыми лейбористами Т. Блэра [Vogéus 1997; Hugemark 1992]. Под вопросом оказалась тесная связь между «голубыми воротничками» — рабочими и «белыми воротничками» — специалистами. Сохранению этой связи способствовала политика социал-демократов, направленная на обеспечение «полной занятости», социального страхования, пропорционального размеру доходов, и развитие всеобщего социального обеспечения, финансируемого государством. Перед самым экономическим кризисом 1992 г., особенно сразу после него, был взят политический курс на возобновление коммодификации труда. Шведская модель социального государства была потрясена до основания проводимой экономической политикой, ограничением и постепенным переходом на рыночные условия социального страхования — от пенсионных пособий по болезни до пособий по безработице — в со-

четании с приватизацией значительной части сферы социальных услуг [Belfrage and Ryner 2009; Kuisma and Ryner 2012].

Оба традиционных политических блока, левые и правые центристы, стали предлагать все более отличающиеся друг от друга проекты и реформы, в основе которых, правда, лежали общие основные неолиберальные начала. Таким образом, парламент не смог предложить альтернативный проект, который бы пользовался широкой поддержкой и который можно было бы противопоставить неолиберализму. В этих условиях, несмотря на то что сама партия все в большей степени переходит на неолиберальные политические позиции, ШД с успехом представляют себя как шведский вариант TINA¹ (других альтернатив не существует). Недавно заключенным соглашением между всеми партиями, за исключением ШД, о проведении сравнительно мягкой политики в отношении беженцев в 2015 г. наконец была подготовлена почва для внесения изменений в политику на фоне того, как правые партии уступали своих потенциальных избирателей ШД и правительству меньшинства, представленному социал-демократической партией и партией Зеленых, при общем согласии относительно неолиберальной экономической политики, которая продолжает блокировать любые программы проведения неокейнсианских реформ.

На этом фоне в октябре 2015 г. правительство достигло соглашения с четырьмя правыми партиями в вопросе о политике в отношении беженцев и их интеграции [Regeringen 2015b]. Основное заявленное изменение в политике интеграции состояло в том, что разрешение на проживание в статусе беженца больше не будет выдаваться на постоянной основе, а вместо него — временное разрешение сроком на три месяца. Одновременно с этим было решено, что политика интеграции беженцев будет предусматривать проведение реформ, прямо направленных на то, чтобы беженцы получали низкооплачиваемую работу в сфере обслуживания. Сюда же были включены и налоговые вычеты, и расширение перечня предоставляемых услуг, и разрешение работодателям принимать людей на работу для знакомства с профессией без заключения коллективного договора. Взятые вместе, эти реформы направлены на то, чтобы ограничить число обращений

¹ There is no alternative — слоган, который часто использовала М. Тэтчер. — Прим. ред.

о предоставлении статуса беженца, направлять все больше беженцев на низкооплачиваемую работу, увеличив количество соответствующих рабочих мест, и поставить предоставление в будущем постоянного вида на жительство в зависимость от интеграции на рынке труда. Месяц спустя правительство социал-демократов и партия «зеленых» еще более ужесточили политику в отношении беженцев и их интеграции [Regeringen 2015a]. Она была направлена в основном на то, чтобы лишить некоторые группы возможности обращения за предоставлением статуса беженца, не позволяя им въезжать на территорию Швеции. Компаниям, занимающимся паромными и железнодорожными перевозками через границы с Германией и Данией, вменялось в обязанность проверять пассажиров — на практике тех, кто предположительно будет искать убежища, на предмет наличия у них действующих документов, удостоверяющих личность. Хотя нелиберальная *Centerpartiet* голосовала против последней реформы, лишь одна Левая партия выступила с протестом против всех этих жестких и ограничивающих права реформ в области политики приема беженцев и их интеграции. А ШД снова торжествовали: «Ну, что мы говорили?» и настаивали на принятии еще более жестких мер. Неожиданно, меньше чем за год, хотя партия организационно продолжала оставаться на обочине, ее политика стала неотъемлемой частью шведской политики в отношении беженцев и их интеграции.

Имея за спиной опыт работы в уличных неонацистских и расистских организациях и связь с фашизмом и нацизмом еще 1930-х гг., ШД вновь обрели себя, освободившись в глазах общества от такого исторического наследия. В ходе этого процесса партия провела чистку и якобы избавилась от «расистов и экстремистов». В ходе собственного преобразования ШД на удивление успешно пользуются двусмысленностью своего положения. Привлекая на свою сторону все большее число людей тонким и не бросающимся в глаза расизмом, они в то же время пользуются поддержкой давних членов партии, прибегая к яркой, а порой и революционной риторике, проникнутой расизмом. Можно ли понять подобное развитие событий исходя из позиции К. Поланьи? Мы готовы утверждать, что попытки предстать в роли спасителя нации в эру доминирования нелиберализма вовсе не должны означать, что возвращение экономики к ее социальным формам должно быть направлено против нелибералов и их апологетов. Несмотря на то что на словах ШД избегают

причисления себя к левым или правым, а в некоторых случаях присоединяются к зеленым, слегка красным и совсем красным партиям, ясно, что их экономическая политика все в большей степени, хотя еще более или менее исподтишка, отвечает политике шведских ультраправых и в меньшей степени политике, проводимой Конфедерацией шведских предпринимателей (*Svensk Näringsliv*). Экономическая элита Швеции, делает вывод шведский публицист Д. Матисен [Daniel Mathisen 2016], «очевидно находит общие интересы с интересами парламентского фашизма. Секретные переговоры Конфедерации с представителями ШД представляют собой логическое завершение долгой торговли и демонстрируют, каким образом экономические интересы могут оказаться выше заботы о людях».

ШД официально отказались от открытой расистской риторики. Тем не менее обещание очистить Швецию от внутренних и внешних угроз остается в силе, но уже в другом облике, отвечающем дискурсу социально ответственного консервативного национализма, выступающего в качестве хранителя семейных ценностей. Параллельно с успехом ШД наблюдался и новый рост уличного расизма среди тех, кто стал чувствовать себя в партии неуютно, кто готов вернуться к более явным воплощениям и проявлениям неонацизма. Тем не менее границы между «Шведскими демократами» и более радикальными участниками общественного движения ультраправых не только непостоянны, но и во многих случаях пересекаются. Это особенно заметно на примере новых выходов членов этого движения и открыто расистских заявлений, с которыми регулярно и публично выступают рядовые члены и высшие представители партии, а также на примере материальных проявлений актов насилия, совершенных на расовой почве. В то время как число беженцев, в основном из Сирии, ищущих безопасности в Швеции, растет, примером непредсказуемости парламентской политики может стать поступок члена муниципального совета и суда присяжных, разместившей в фейсбуке свой комментарий к вопросу о беженцах, в котором она задает вопрос: «Нельзя ли поставить кого-нибудь с пулеметом на мосту через Орезунд?» [Jerrpson 2015]. Речь шла о беженцах, направлявшихся в Швецию по мосту, связывающему Копенгаген с Мальмё.

Несмотря на замаскированный, хотя и общеизвестный расизм представителей партии, массовая поддержка ШД продолжает

расти. Партия занимает стратегические позиции в парламенте, что позволяет ей блокировать принятие всех важных решений. Мы наблюдаем, как об этом уже было сказано во введении к настоящему эссе, растущую силу ШД, что является важным проявлением современного контрдвижения, о котором говорил Пола-ньи. Некоторые аспекты этого политического проекта ставят под вопрос саму глобализацию и неолиберализм. Это может объясняться ностальгией по идеализированному (этнически и расово «чистому») шведскому «народному дому», национальному социальному государству, которое существовало, а точнее казалось, что существовало раньше. Но две главные мишени этого проекта — мигранты (особенно мусульмане и чернокожие), с одной стороны, и «культурные левые» в широком понимании — с другой [Mulinari and Neergaard 2012a]. Мигранты воспринимаются как фактор, оскверняющий и разрушающий все по-настоящему шведское, в то время как левый истеблишмент, к которому относят всех — от социалистов и социал-демократов до феминисток и антирасистов, изображается в роли предателей шведских идеалов страны и семьи. Таким образом, в основе громогласной интеллигентности партии лежит опасность разрушения страны в результате наплыва иммигрантов и проникновения иностранных культур, при этом особое внимание уделяется исламу.

Подъем демократии и гражданства

Еще одним проявлением современного контрдвижения, бросающего вызов неолиберальной глобализации, стали выступления с применением насилия в городах. Такие выступления, по словам Чаттерджи, выражают «позиции людей зависимых, которые проявляются в форме ожесточенного бунта прекаризованной молодежи в социально неблагополучных городских районах с радикально настроенным населением. Так происходило в 2009 году в Мальмё, Готенбурге и Упсале. Это повторилось в Стокгольме в 2013 году. Мы считаем, что это было восстанием тех, кого принято называть «нецивилизованным обществом» [Bayat 1997], в котором не действуют установленные неолибералами правила. Подобное выражение указывает на оторванность от так называемого гражданского общества, приученного и приученного к дисциплине с применением особых управленческих приемов [Neocosmos 2011].

При этом в сравнении, например, с волнениями 2011 г. в Лондоне стокгольмские выступления 2013 г. стали моментом истины, объектом критического самоотражения на самом высоком политическом уровне [Schierup et al. 2014]. Но этот момент стал также искрой, положившей начало новым способам воображения страны, представленной антирасистскими движениями, целью которых было бы восстановление инклюзивного демократического и равноправного общества. И сегодня мы наблюдаем, как из кипящего котла пылающих городов 2013 г. появляется новое организованное урбанистическое движение за справедливость со своей сетью, организациями и движениями, носящими более или менее временный характер. Их возглавляют молодые радикалы, выходцы из наиболее отсталых городских общин страны. Молодежные волнения (и 2009, и 2013 гг.) проходили в крупных шведских городах, где значительную часть населения составляют граждане с мигрантским прошлым, в основном выходцы из стран Африки и Ближнего Востока. Это меньшинства, которых клеймят в терминах «расы», «национальности по происхождению», «мигрантского прошлого». Они появились в результате трансформации городов и перемен в обществе социального обеспечения, изменения системы распределения социальных благ, особенно на окраинах крупных городов, страдающих от нищеты, безработицы, социально-психологической и расовой дискриминации.

Сегодняшним волнениям в городах Швеции предшествовали [Schierup et al. 2014] нарушенные обещания, данные в обществе, которое считает себя вершиной всеобщей либеральной демократии, в обществе, которое за последние два десятилетия, как писала газета «Файнэншл Таймс», переродилось в опасный неолиберальный эксперимент. Это общество когда-то входило в число наиболее эгалитарных с точки зрения распределения доходов, но на протяжении двух последних десятилетий в нем наблюдался самый стремительный с начала 1990-х гг. рост социального неравенства среди стран, входящих в ОЭСР [OECD 2011].

Считается, что сегрегация в городах с высокой концентрацией и «изоляция» внешне отличающихся меньшинств в стокгольмской метрополии, а также в других крупных городах, таких как Готенбург и Мальмё «близка» к уровню сегрегации в Лос-Анджелесе [Östh et al. 2015: 45], и на этом фоне в молодежной среде растет разочарование, в частности, среди бывших мигрантов, расовая чувствительность которых обострилась под влиянием

систематической социально-психологической дискриминации. Молодежь сталкивается с сокращением социальных выплат, культурным остракизмом и дискриминацией, приобретшими структурный характер в повседневном контексте жизни в сложной обстановке мультиэтнического городского окружения. Именно на этот опыт обычно ссылаются активисты, объясняя причины, побудившие их к тому, чтобы мобилизовать и организовать свои силы. Невозможность участвовать на демократических началах в составлении планов обновления города и принятии решений о выполнении тех или иных программ (по этому вопросу готовится работа Rosales и Ålund) привела к широкому распространению чувства бессилия в среде городской молодежи, стала мотивом для различных волнений, начиная с групп, выступающих за диалог, и заканчивая насильственными бунтами [Schierup, Alund and Kings 2014; Ålund 2014]. Но именно деятельность организованных активистов привела к развитию городского движения за справедливость, участники которого по-своему реагируют на политические осложнения [De Genova 2009: 450]. Это нарастающее движение, в которое вошли многочисленные и недавно созданные организации, стало ответом на политику неолибералов и рост социального отчуждения в сегрегированных мультиэтнических городских районах. В качестве иллюстрации того, как развиваются события, мы приведем пример молодежной организации, получившей название *Megafonen* («Мегафон»), которая возникла в 2008 г. в Хасби [Schierup, Alund and Kings 2014], пригороде района Йорвафолттет, входящего в состав стокгольмской агломерации.

В 2009 г., через год после возникновения «Мегафона», сегрегация в Йорвафолтете, к которому относится Хасби, достигла опасного уровня: около 38% всех молодых людей (в возрасте 20–25 лет), проживавших в общине, нигде не работали и не учились, и только около 50% учащихся в Йорвафолтете сумели получить обязательное школьное образование по сравнению с 90% в центральных городских районах (к 2009 г.). Активисты «Мегафона» считают себя движением шведских пригородов (*förortsrörelse*). Название «движение пригородов» впервые появилось в прессе 26 января 2012 г. вместе с сообщениями о прекращении оккупации *Хасби трофф* — места, где под лозунгом «новое движение пригородов разрастается» собирались местные жители. В своем выступлении в прессе рабочая группа «Мегафона», вы-

ступавшая под девизом «Хасби требует уважения к себе», заявила о том, что конференция, назначенная в тот день в Хасби трофф, может стать «началом нового широкомасштабного движения пригородов Стокгольма». Еще в заявлении говорилось о том, что оккупация стала реакцией на закрытие ряда социальных объектов — школ, центров здоровья, почт, муниципалитетов, отделений социального страхования и других, действовавших в этом районе с 2006 г. [Megafonen 2012].

«Мегафон» — движение, ставящее своей целью стать голосом пригородов в противовес недоброй репутации, которой пригородные районы пользовались у большинства населения [Idag-sidan 2012], получило известность во всем мире в связи с масштабными молодежными волнениями в Стокгольме в 2013 г. [Schierup, Alund and Kings 2014]. В то время «Мегафон» прославился резкой критикой шведской полиции и оглаской случаев институционального насилия, социальной маргинализации, дискриминации и расового остракизма, которые и были первопричиной бунтов. «Мегафон» не защищал тех, кто поджигал машины своих бедных соседей, но в то же время и не осуждал актов насилия, совершенных молодыми людьми во время волнений в Стокгольме. «Мегафон» не занимается поджогами. Мы считаем, что такой метод не подходит для достижения долгосрочных перемен. Но мы знаем, что это была реакция на недостатки общества. Безработица, плохие школы, структурный расизм — вот коренные причины того, что происходит сегодня» [Megafonen 2013].

Через средства массовой информации эти объяснения причин волнений непрерывно транслировались широкой шведской аудитории и политикам. Негодование, выплеснувшееся наружу во время волнений, было ожидаемой реакцией на структурную маргинализацию, расовый остракизм мультиэтнических пригородов и их обитателей, ответом тех, чьи голоса заглушались, чьи слова не достигали общества [Ålund 2014]. Поэтому в основе *raison d'être* этого движения лежит двоякий смысл представления проблемы и проблемы представительства.

Позже, в мае 2015 г., Рами аль-Хамиси [Rami Al-Khamisi 2015b], один из основателей «Мегафона», написал, что движение пригородов живо как никогда. Он сказал: «Мы понимаем, что нам нужны собственная платформа и свои структуры, что нам надо делать то, что позволит нам развиваться интеллектуально,

социально и ментально как равноправным гражданам». Аль-Хамиси рассказывает о культурной инициативе жителей пригородов Стокгольма в сети, получившей название «Объединенные пригороды» и ставшей цифровой площадкой для культурной и социальной организации «жителей пригородов», организовавших соревнование в поэтическом клубе, которое, как он пишет, «подобно шторму, обрушилось на шведскую поэзию и культурную сцену». Это всего лишь один из примеров публичных выступлений, состоявшихся на конференциях, семинарах, рабочих группах, фестивалях, и регулярных публикаций в шведских средствах массовой информации.

Обсудив опыт городского движения за справедливость в Швеции с активистами из США, Южной Африки и Франции, аль-Хамиси, сам студент-юрист, представил на семинаре, организованном в Стокгольме в рамках программы ЮНЕСКО-МОСТ, доклад [Al-Khamisi 2015a] о роли легальных стратегий в деятельности агентства движения за социальную справедливость¹. В докладе, подготовленном по результатам ознакомительной поездки в США, обсуждаются возможности адвокатской практики в общественном движении в целях оказания помощи низовым организациям и принципиальная роль «адвокатов общественного движения» в обеспечении социальной справедливости для жителей неблагополучных городских общин, сталкивающихся со случаями дискриминации. Доклад вызвал большой интерес в социальных сетях, у стокгольмских активистов и жителей местных пригородов. На встрече, состоявшейся на следующий день после семинара ЮНЕСКО-МОСТ в соседнем пригороде Хасби, гости, приехавшие на семинар из других стран, обсудили опыт борьбы активистов городского движения за справедливость в разных странах. Был представлен доклад, подготовленный Arena Idé — общественной организацией и ведущим мозговым центром, занимающимся вопросами организации гражданского общества. Он затем был также предложен вниманию ученых на открытом семинаре, организованном Arena Idé в Стокгольмском университете, где его представил декан юридического факультета Стокгольмского университета. В числе участников семинара был и председатель Шведской ассоциации

¹ <http://unescolucs.se/konf/program-for-konferensen-civil-society-activism-for-sustainable-cities/>

адвокатов. Все это свидетельствует о растущей репутации и публичной легитимности движения, а также о том, что голос «Мегафона» был услышан на академическом уровне.

Открытый семинар представляет собой один из последних примеров практики, получившей развитие после того, как в 2008 г. было основано движение «Мегафон», когда для выступления с лекциями и участия в дискуссиях по вопросам дискриминации, сегрегации, джентрификации, расизма и гендерных прав с людьми из неблагополучных городских районов приглашались исследователи, политики и активисты. Но основной остается работа с местными общинами, связанная с образованием, оказанием помощи на дому ученикам, определением коллективной идентичности, связанной с *местом* (окружением), а также со всем, что принято называть борьбой за место. Само понятие борьбы за место указывает на коллективную идентичность жителей маргинальных районов и выражает в общей политической повестке дня понимание проблем сегрегации, расизма и преобразования системы социального обеспечения. Под *местом* понимается общее социальное пространство, обеспечивающее контекстуализацию коллективной идентичности. Понятие *места* используется в различных инновационных стратегиях, в том числе и в образовательной деятельности, и при чтении лекций. Но это важно и для практической работы, поскольку «борьба за место» означает борьбу за социальную справедливость, находящую выражение в различных требованиях. В долгосрочной принципиальной политической программе «Мегафона» говорится об организации проживающей в пригородах молодежи для борьбы за социальную справедливость: «Мобилизуя силы, которые под гнетом репрессий вызревают в пригородах, мы хотим создать общество, свободное от расизма, дискриминации по половому признаку и классового угнетения»¹. В состоящей из семи пунктов программе «Мегафон» выдвигает требования о предоставлении жителям неблагополучных пригородов возможности оказывать влияние на политику, затрагивающую их повседневную жизнь, на инвестиции в сферу государственных услуг, стимулирующих социальную активность в пригородах, на создание справедливой системы образования и введение среднего образования во всех школах,

¹ <http://megafonen.com/om/politiskt-program/>

на обеспечение всех жителей пригородов работой, на замену секьюритизации¹ социальными программами и жилищной политикой, признающей право на достойное жилье в пригородах.

Мы воспринимаем шведское городское движение как «обучение с нуля» [Choundry and Karoor 2010], в котором знание и практика взаимосвязаны, и эта взаимная связь может способствовать тому, что голоса снизу будут услышаны в более широком национальном контексте. Это позволит разрядить «напряженную обстановку, в которой живут те, чье мнение и голоса будут услышаны». В этой связи систематическая подготовка в искусстве риторики стала ключевой стратегией для участия в открытом политическом дискурсе. Воспоминания о прошлом и связанных с ним разочарованиях и невозможность участия в местных программах обновления (Rosales и Ålund готовят материал по этому вопросу) заставляют «голос общественности» звучать громче, чтобы присоединиться к «политике правды» [Foucault et al. 2007], позволяющей говорить о неблагоприятных шведских пригородах и их обитателях в более широкой аудитории.

Но особенно примечательно то, что связь нового городского движения за справедливость со сложившимся в Швеции гражданским обществом можно считать шагом к возрождению демократии. Проиллюстрируем это на примере ставшей важным событием общественной жизни конференции на тему «Кризис демократии», которая состоялась в Стокгольме (6–7 мая 2015 г.) и которую подготовили организации, выступающие за гражданское общество. Были заявлены следующие цели конференции [Rädda_Barnen 2015].

Шведская социальная модель выросла благодаря вовлеченности гражданского общества в политическую жизнь. Граждане Швеции создали организации, внесшие свой вклад в дело социального, культурного и политического развития общества. Массовые движения, ставшие голосом народа в вопросах работы государственных институтов и интересов индивидов, сформировали основу шведской демократии. За последние десятилетия в Швеции произошли значительные перемены, в том числе в составе населения, который основательно изменился

в результате миграции жителей из других стран. Традиционному шведскому гражданскому обществу лишь в незначительной степени удалось вовлечь эту часть населения в демократический процесс. Это ведет к ослаблению гражданского общества и шведской демократии. Мы хотим изменить такое положение вещей.

Авторитетные организации, выступающие за гражданское общество («Спасти детей», Ассоциация образования рабочих (АОР), «Народные парки и общины», «Поощрение образования», Национальный совет шведских молодежных организаций (НМО)) и в качестве организаторов конференции, еще до ее начала провели сетевую встречу на тему «Новые движения из пригородных районов». Речь идет о таких движениях, как, например, «Мегафон», «Пантеры», «Голос улицы», «Лицо». Идея состояла в том, чтобы собрать вместе участников этих движений, дав их активистам возможность обменяться опытом и знаниями. Как было заявлено, цель встречи заключалась в том, чтобы «проложить путь в наши организации для тех, кто живет за их пределами, и поддержать создание новых организаций, которые будут отвечать потребностям нашего общества» [Rädda_Barnen 2015]. Очевидно, что «новые потребности» будут связаны с дефицитом демократии, проблемой представления новых движений и их голосов в различных общественных контекстах, как в организациях, выступающих за гражданское общество, так и вне этих организаций.

На этом собрании преобладала тема «голоса». В центре внимания находилось два вопроса: представительство и идентичность. Было отмечено, что «голос» имеет особое значение для стратегии представительства [Hall 1992] в признанных организациях, выступающих в поддержку гражданского общества, в культурной политике и социальной практике как выражение участия граждан с правом совещательного голоса в местном и общенациональном политическом и институциональном контексте. Конференция по вопросам кризиса демократии показала новые возможности сотрудничества. Члены «Мегафона» и других новых городских организаций, выступающих в защиту справедливости, поддерживают связь в сетях независимо от институциональных барьеров и ведут стратегическую работу по развитию образования и демократии на местном и общенациональном уровнях. Такая работа может способствовать возрождению того, что когда-то называлось гражданским обществом —

¹ Секьюритизация — рассмотрение социальной проблематики сквозь призму безопасности, сведение сложного комплекса общественных проблем к «проблеме безопасности». — *Прим. ред.*

колыбелью шведской демократии. Сегодня большинство организаций, выступающих в поддержку гражданского общества, можно назвать ручными, они институализированы и действуют на профессиональной основе, подтверждая справедливость слов М. Калдор [Kaldor 2003: 589] о том, что «быть «прирученным» означает, что ты превратился в уважаемую оппозицию — «партнера по переговорам». Тем не менее новые движения в пригородах могут привести к появлению новых форм сотрудничества, и это будет важным вкладом в обновление гражданского общества и в практическое распространение обновленного взгляда на демократию. Подобный ход развития событий может привести к тому, что услышанный общественностью «голос» станет важной частью при разработке стратегии представительства и определении его новых социальных и культурных направлений.

Новое понимание слова «мы» как идентичности было представлено в недавней публикации под заголовком «Креол» [Tasin and Landerhag 2015], подготовленной бывшими членами «Мегафона», которые создали теперь самостоятельную организацию, занимающуюся вопросами культурной политики. Подготовка публикации финансировалась мозговым центром социал-демократов под названием *Arena idé*, который пользуется поддержкой авторитетных организаций, выступающих за развитие гражданского общества. В докладе «Креол» говорится о том, что в результате проведенной работы слово «мы» стало означать коллективный субъект. Этот коллективный субъект работает на пересечении культур, на их слиянии и становится полноправным выразителем новой культуры, что позволяет отнести его деятельность к области культурологии, о чем в числе прочих говорят С. Холл [Stuart Hall 1992], Х. Баба [Homi Bhabha 1996] и П. Гилрой [Paul Gilroy 1987], уделяя особое внимание гибридности и синкретичности культуры. Говоря о креоле как о «гибриде», мы вспоминаем параллели, на которые в 1996 г. указывал Х. Баба, касаясь вопроса *культурной идентичности*. Гибридность здесь определяется как культурное строительство в условиях политического антагонизма или неравенства. Кроме того, гибридность связана с концепцией сообщества и таким истолкованием исторической памяти, которое позволяет понять положение меньшинств в обществе не в качестве внешнего во внутреннем, а в качестве части в целом [Bhabha 1996: 58].

Таким образом, особое внимание, уделяемое социальной справедливости в городах, активное присутствие и громкий

критический голос, звучащий в средствах массовой информации, публичные выступления и работа по формированию идентичности, осознанный подъем и распространение знаний сделали движение пригородов известным в качестве нового субъекта политики, который, следуя по стопам народных движений прошлого, проходит школу демократии. В таких организациях, как «Мегафон» в Стокгольме и «Pantrarna» («Пантеры за обновление пригородов») в Готенбурге, сочетается укорененность на своем месте и работа в национальных и международных социальных сетях. Они создают союзы на местах, в которых участвуют другие игроки гражданского общества, формулируют цели и концепции в широком общественном контексте. Их голоса, объединенные чувством солидарности, слышны за пределами мест их проживания. В эссе «Креол», о котором мы уже говорили [Tasin and Landerhag 2015: 36], в ходе дискуссии о формировании и гибридизации идентичности в среде проживающей в пригородах молодежи сказано следующее: «Нам необходимо наладить контакт с городскими движениями в Париже, Лондоне и Берлине... нам надо организовать, ведь мы ведем одну борьбу». Недавно встречи и обмен опытом между активистами «Мегафона» и нью-йоркскими активистами позволили определить новые перспективы борьбы против расизма, за свои права и организации, а также отметить перспективы сотрудничества социальных движений с практикующими юристами, включая необходимость внесения изменений в академическую подготовку юристов [Al-khamisi 2015a].

Таким образом, социальный активизм включает в себя и общее представление о необходимости сформировать более широкую идентичность поверх расовых барьеров. Занимаясь такой работой, эти движения поднимают также вопрос о территориальных формах политической борьбы и, следовательно, о политической институализации.

Сегодня мы наблюдаем рост числа прежних, ранее порицаемых молодых бунтарей в составе авторитетных и институализированных организаций гражданского общества и НПО, а также видим, что они начинают занимать важное положение в работе на общественном поприще. Многих привлекает карьера в сфере образования и средств массовой информации. Это ставит нас еще перед одним вызовом с точки зрения теории и эмпирических исследований. Что же будет с ними дальше? Они присоединятся

к большинству и подчинятся дисциплине? Или произойдет возрождение представительной демократии благодаря выходу на более высокий уровень насчитывающих столь недолгую историю новых движений за справедливость в условиях разгорающейся позиционной войны?¹ Можем ли мы сказать, что, пока активисты создают поверх барьеров гражданского общества свои социальные сети и новые союзы, идет работа над новой стратегией, учитывающей происходящие изменения? Не получится ли так, что их участие в работе механизмов *власти* приведет к обострению существующих противоречий и конфликтов и появлению новых, ранее скрытых альтернатив? Эти вопросы свидетельствуют об амбивалентности гражданского общества, подчиненного государству, но и бросающего ему вызов. Эта драма разыгрывается в различных условиях во многих городах мира.

Злополучная осень и молодая весна

Возвращаясь к перспективам, о которых говорил Поланьи и которые мы представили в начале эссе, мы утверждаем, что успехи неолибералов на сегодняшний день привели почти к полному уничтожению всех других политических проектов, представляющих собой экономическую и политическую альтернативу пересмотру режимов регулирования в обществе, построенном исключительно на рыночных отношениях и насквозь пронизанном коммодификацией труда и окружающей среды. В значительной степени это относится и к социал-демократическому проекту, который в своих разнообразных проявлениях почти полностью отступил под натиском интернационализированной повестки неолибералов, сделав ее частью своей собственной повестки [Schierup, Hansen and Castles 2006].

Коммунисты и левые партии, переживающие глубокий кризис легитимности после развала Советского Союза, не захотели или не смогли создать сколь-либо серьезное контрдвижение, противостоящее неолиберализму. Таким образом, зерна контрдвижений начали прорастать на периферии общества в виде искаженной нативистской ностальгии по социальному обеспечению

нию и массовых протестов, фашистских и расистских движений, социальных сетей и партий. Говоря о периферии, мы имеем в виду политическую траекторию и интерпелляцию, в рамках которых участники такого рода движений видят самих себя рядом с «истеблишментом» и «элитой». Мы показали, как, столкнувшись с нарастающим потоком беженцев в Европу и Швецию в 2015 г., шведские право- и левоцентристские партии были готовы подчинить свою стратегию политической повестке дня ультраправой партии страны — партии ШД. В конечном счете это привело к тому, что ксенорасистский дискурс стал считаться нормальным. Последние выборы показали, что этот дискурс не только не утратил актуальности, но и, напротив, привел к усилению и легитимации состояния «патологической нормальности» по всему политическому спектру. Таким образом, осень 2015 г. ознаменовала собой самый глубокий спад в истории Швеции со времен Второй мировой войны, став темным пятном в нашей истории, которое нам никогда не удастся смыть, как полагает М. П. Ботиус [Maria Pia Boethius 2016]. Она пишет, что это напоминает 1938 г., когда Швеция вместе со Швейцарией потребовали, чтобы нацистская Германия проставляла штамп в виде буквы J в паспортах евреев, что в дальнейшем не позволило им выехать в другие страны и тем самым избежать преследований в Германии.

Кроме того, в ходе нашей дискуссии о подъеме ультраправых в Швеции мы отметили, что одновременно с тем, что ШД успешно переписали свое откровенно нацистское и расистское прошлое, произошло усиление союза ШД и консерваторов с правыми неолибералами. Это привело к изменению политики Швеции в отношении мигрантов и беженцев и установлению необоснованно низкой зарплаты на рынке труда. Такая политика не только затронет интересы беженцев и граждан, имеющих иное расовое происхождение, но и подорвет дееспособные элементы системы заключения соглашения между капиталом и трудом. Такой ход развития событий может показаться парадоксальным, учитывая тот факт, что успех ШД в привлечении на свою сторону возрастающего числа «голубых воротничков», традиционно отдававших свои голоса левым, может быть связан с обращением партии к ностальгии по социальному обеспечению, пусть даже встроенному в институты этнонационально определенной «расово чистой» нации.

¹ Понятие позиционной войны в политическом анализе использовал А. Грамши. — Прим. ред.

Во второй части эссе мы отметили, что восхождение ШД стало далеко не единственным проявлением контрдвижения, (внешне) направленного против бедствий, которые несет с собой неолиберальная глобализация. Новое городское движение за справедливость неблагополучной и подвергающейся расовому остракизму молодежи представляет собой и символически, и в связи с политической программой этого движения новую оппозицию, противостоящую правым экстремистам. Глядя на существующие социальные сети, на то, как к этой работе подключились авторитетные «мозговые центры» и средства массовой информации, как возникают союзы в гражданском обществе и государстве, мы можем прийти к выводу, что организации, подобные «Мегафону», представляют собой не однодневное явление и не отдельный случай. «Мегафон» стал образцовой моделью для многочисленных родственных организаций, считающих себя новым народным движением в Швеции, открытым навстречу новым веяниям, наследником вызывавших в свое время споры и показавших свои способности видоизменяться народных движений. В нашем исследовании мы исходим из того, что это новое движение возвращает Швецию к периоду, когда гражданство, социальное обеспечение, мультикультурализм и демократия были доступны для всех. Такие движения действуют в сфере образования, стимулируют политическую ответственность молодых людей и таким образом обеспечивают связь с давней шведской традицией, возрождающейся в новых условиях, возвращают первоначальное значение шведским народным движениям как своего рода школе демократии. Эти движения представляют собой новую концепцию общества, а в своей текущей деятельности формулируют возврат гражданской нации к своему прежнему образу, несущему в себе историческое обещание равенства и справедливости для культурно гетерогенных, но равноправных граждан.

Здесь возникает один общий вопрос: действительно ли это зарождающееся движение молодых шведов, поддерживающих власть народа, социальную справедливость и всеобщую солидарность, то есть те ценности, которые когда-то создали Швеции репутацию «моральной сверхдержавы» (не всегда заслуженную), несет в себе споры демократического обновления во времена, отмеченные взрывным «распространением... силовых столкновений и антагонизма» [Hall 1987: 20]? Что бы ни случилось

в будущем, новое движение за справедливость придает новый оттенок словам Х. Арендт [Hanna Arendt's 1958], которая в «Истоках тоталитаризма» говорит о равном «праве иметь права». Это демократическое движение окраин за признание прав тех, кто лишен политического голоса, и против утверждения тоталитаризма во всей его полноте в условиях нынешнего беспорядка и изменения демократических норм права, трансформации системы распределения социальных благ и перевоображения нации.

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ

Мы признательны Шведскому совету по проведению исследований в области здравоохранения, труда и социального обеспечения [FORTE грант No. 2006–1524], Шведскому исследовательскому совету Council (VR грант No. 2007–7269 и VR грант No 721–2013–885), а также фонду FORMAS (грант No. 250–2013–1547) за финансирование настоящего проекта.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Agamben, G.* (2005). *State of Exception*, Chicago & London: The University of Chicago Press.
- Al-khamisi, R.* (2015a). *Rörelsejurister. Vägen mot en samhällsförändrande juridik — om makt, civilsamhälle och behovet av nya jurister*, Stockholm: Arena. Available at: www.arenaide.se/fils/2015/12/Al-Khamisi=2015=Rörelsejurister3
- Al-khamisi, R.* (2015b). 'Förortsrörelsen existerar mer än någonsin' ETC, 30 May 2015: <http://stockholm.etc.se/ledare/forortsrorelsen-existerar-mer-na-gonsin>
- Ali, T.* (ed. 2000). *Masters of the Universe? NATO's Balkan Crusade*, L. & N. Y.: Verso.
- Arendt, H.* (1958). *The Origins of Totalitarianism*, (Second Enlarged Edition) Cleveland: Meridian Books.
- Bayat, A.* (1997). 'Un-civil society: the politics of the «informal people»', *Third World Quarterly*, 18 (1): 53–72.
- Belfrage, C. and Magnus R.* (2009). 'Renegotiating the Swedish Social Democratic Settlement: From Pension Fund Socialism to Neoliberalization', *Politics & Society*, 37 (2), 2009/06/01/: 257–87.
- Bell, D.* (1964) 'The Dispossessed', in Bell, Daniel (ed.) *The radical right: the new American right, expanded and upsated*, Garden City, N.Y.: Doubleday.
- Berggren, Erik and Neergaard, A.* (2015). 'Populism — Protest, democratic challenge and right-wing extremism', in Dahlstedt, Magnus and Anders Neer-

gaard (eds.) *International Migration and Ethnic Relations: Critical Perspectives*, L.: Routledge: 169–99.

Betz, H.-G. (1994). *Radical Right-Wing Populism in Western Europe*, N. Y.: St. Martin's Press.

Bhabha, H. K. (1996). 'Culture's in-Between'. in Hall, S and du Gay P. (eds.) *Cultural Identity*, L.: Sage: 53–61.

Block, F. (2001). *Introduction. The great transformation*, Boston, MA: Beacon Press.

Boëthius, M. P. (2016). 'Det spelar roll hur vi gestaltar verkligheten', ETC, i January 2016: 4–5. <http://www.etc.se/ledare/det-spelar-roll-hur-vi-gestaltar- verkligheten>

Bonilla-Silva, E. and G. Baiocchi (2001). 'Anything but racism: how sociologists limit the significance of racism', *Race and Society*, 4 (2), 2001: 117–31.

Boréus, K. (1997). 'The shift to the right. Neo-liberalism in argumentation and language in the Swedish public debate since 1969', *European Journal of Political Research*, 31 (3), 1997: 257–86.

By, U. (2009). 'Segregationen börjar gå mot en farlig utveckling Dagens Nyheter, 22 April 2009.

Choundry, A. and D. Kapoor (eds. 2010). *Learning from the ground up, Global perspective on social movements and knowledge production*, N. Y.: Palgrave Macmillan.

De Genova, N. (2009). 'Conflicts of mobility, and the mobility of conflict: Rightlessness, presence, subjectivity, freedom', *Subjectivity*, 29: 445–66.

Deland, M. and C. Westin (2007). *Brunt. Nationalistisk och nazistisk mobilisering i vår närmaste omvärld under efterkrigstiden*, Stockholm: Atlas.

Fennema, M. (1997). 'Some Conceptual Issues and Problems in the Comparison of Anti-Immigrant Parties in Western Europe', *Party Politics*, 3 (4), 1997: 473–92.

Foucault, M., Lotringer S. (ED) and J. Rajchman (INT) (2007). *The Politics of Truth*, Los Angeles: Semiotext.

Gardell, M. (2015). *Raskrigaren: seriemördaren Peter Mangs*, Stockholm: Leopard Förlag.

Gelmini, J. (2015). 'Opinion — Merkel seeks Turkey's help over refugee crisis as new migrant bottleneck builds near Slovenia — Telegraph — John Gelmini', *Opinion — Merkel seeks Turkey's help over refugee crisis as new migrant bottleneck builds near Slovenia — Telegraph — John Gelmini*. Available at: <http://dralfoldman.com/2015/10/20/merkel-seeks-turkeys-help-over-refugee-crisis-as-new-migrant-bottleneck-builds-near-slovenia-telegraph-john-gelmini/>

Gemmel, L. (2016). 'Välfärdskollapsen göms bakom flyktingarna'. Available at: <http://www.dagensarena.se/redaktionen/valfardskollapsen-goms-bakom-flyktingarna/>

Gilroy, P. (1987). *There Ain't No Black in the Union Jack*, L.: Hutchinson.

Grillo, R. (1985). *Ideologies and Institutions in Urban France. The Representation of Immigrants*, L.: Cambridge University Press.

Hall, S. (1987). 'Gramsci and us', *Marxism Today* (June): 16–21.

Hall, S. (1992). 'New ethnicities', in James, Donald and Rattansi. Ali (eds.) 'Race', *Culture and Difference*, L.: Sage: 252–60.

Hall, S. et al. (ed. 1982). *The Empire Strikes Back*, L.: Hutchinson and Centre for Contemporary Cultural Studies.

Holmes, Douglas R. (2000). *Integral Europe: Fast-Capitalism, Multiculturalism, Neofascism*, Princeton and Oxford: Princeton University Press.

Hugemark, A. (1992). 'Med marknaden som mall: ekonomerna i välfärdsdebatten 1973–90', *Häftet för kritiska studier*, 1992 (25:4), s. 3–13: Häftet för kritiska studier Stockholm: Föreningen Häftet för kritiska studier, 1968.

Idagsidan (2012). 'Inte bara snack i Megafonen' *Svenska Dagbladet*, 2 October 2012.

Ignazi, P. (1992). 'The Silent Counter-Revolution: Hypotheses on the Emergence of Extreme Right-Wing Parties in Europe', *European Journal of Political Research*, 22 (July), 1992: 3–34.

IPI (2015). 'Cochetel: Migration Causing "Crisis of Solidarity" in Europe', *International Peace Institute*. Available at: <http://www.ipinst.org/2015/10/todays-refugee-crisis#3>

Jeppson, J. (2015). '"Kan ingen ställa sig på Öresundsbron med kulspruta!'" *Aftonbladet*, Stockholm 9 December 2015.

Kaldor, M. (2003). *Global Civil Society. An Answer to War*, Cambridge: Polity Press.

Kitschelt, H. and A. J. McGann (1995). *The radical right in Western Europe: a comparative analysis*, Ann Arbor: University of Michigan Press.

Kuisma, M. and M. Ryner (2012). 'Third Way decomposition and the rightward shift in Finnish and Swedish politics', *Contemporary Politics*, 18 (3), 2012/09//: 325–42.

Kyriakides, C. and R. D. Torres (2012). *Race Defaced: Paradigms of Pessimism, Politics of Possibility*, Stanford, CA: Stanford University Press.

Larsson, S. and M. Ekman (2001). *Sverigedemokraterna: Den nationella rörelsen*, Stockholm: Ordfront.

Mair, P. and C. Mudde (1998). 'The Party Family and its Study', *Annual Review of Political Science*, June (1), 1998: 211–29.

Mathisen, D. (2016). 'Svenskt Näringsliv — SD: s maskhål till makten', *Dagens Arena*. Available at: <http://www.dagensarena.se/opinion/svenskt-naringsliv-sds-maskhal-till-makten/>

Megafonen (2012). 'Megafonen kräver respekt', *Megafonen*. Available at: <http://megafonen.com/husby-kraver-respekt/>

Megafonen (2013). 'Uttalande om Megafonens roll under förortsrevolterna', *Megafonen*. Available at: <http://megafonen.com/uttalande-om-megafonens-roll-under-forortsrevolterna/>

Miles, R. (1993). *Racism after «race relations»*, L.: Routledge.

Mudde, C. (2010). 'The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy', *West European Politics*, 33 (6), 2010/11/01/: 1167–86.

Mulinari, D. and A. Neergaard (2012a). 'Violence, racism, and the political arena: A Scandinavian dilemma', *Nordic Journal of Feminist and Gender Research*, 20 (1): 12–18.

Mulinari, D. and A. Neergaard (2012b). 'The Sweden Democrats, racisms and the construction of the Muslim threat', in Morgan, George and Scott Poynting (eds.) *Global Islamophobia: Muslims and Moral Panic in the West*, L.: Ashgate.

Mulinari, D. and A. Neergaard (2012c). 'Violence, Racism, and the Political Arena: A Scandinavian Dilemma', *NORA — Nordic Journal of Feminist and Gender Research*, 20 (1): 12–18.

Mulinari, D. and A. Neergaard (2015). 'Racist dreams and municipal budgets: women representing a culturally racist party in local politics', *Social Identities*, 0 (0), 2015/09/16/: 1–18.

Neocosmos, M. (2011). *Transition, human rights and violence: rethinking a liberal political relationship in the African neo-colony*, *Interface: a journal for and about social movements*, 3 (2): 359–99.

OECD (2011). *Divided We Stand: Why Inequality Keeps Rising*, Paris: OECD. Available at: <http://www.oecd.org/els/soc/dividedwestandwhyinequalitykeepsrising.htm>

Pelling, L. (2015). *Lagliga vägar över Medelhavet. En färdplan*, Stockholm: Arena Idé. Available at: <http://www.arenaide.se/rapporter/lagliga-vagar-over-medelhavet/>

Perry, B. (2001). *In the Name of Hate: Understanding Hate Crimes*, L.: Routledge.

Polanyi, K. (2001 [1944]). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, Boston: Beacon Press.

Polanyi, K. (2001 [1944]). *The Great Transformation: the Political and Economic Origins of Our Time*, Boston, Mass.: Beacon Press

Regeringen (2015a). 'Measures to tackle the refugee crisis' *Regeringskansliet*, 2015/10/23/. Available at: <http://www.government.se/information-material/2015/10/measures-to-tackle-the-refugee-crisis/>

Regeringen (2015b). 'Government proposes measures to create respite for Swedish refugee reception'. Available at: <http://www.government.se/articles/2015/11/government-proposes-measures-to-create-respite-for-swedish-refugee-reception/>

Rosales, René León and Aleksandra Ålund (forthcoming) *Renaissance from the margins — Urban youth activism in Sweden*, in Ålund, Aleksandra, Carl-Ulrik Schierup and Anders Neergaard (eds.) *Reimagining the Nation. Essays on Swedish Society (preliminary)*, N. Y.: Peter Lang.

Rydgren, J. (2006). *From tax populism to ethnic nationalism: radical right-wing populism in Sweden*, New York, N.Y.: Berghahn Books.

Rädda Barnen (2015). *Demokratins kris är vår — vad gör vi åt den?, Save the Children*. Available at: http://www.mynewsdesk.com/se/radda_barnen/documents/demokratins-kris-aer-vaar-vad-goer-vi-aat-den-45358

Said, E. W. (1978). *Orientalism*, L.: Routledge & Kegan Paul.

Schierup, C. U., A. Alund and L. Kings (2014). *Reading the Stockholm riots — a moment for social justice?*, *Race & Class*, 55 (3): 1–21.

Schierup, C.-U. (1999). *The spectre of Balkanism. Globalisation, Fragmentation and the Enigma of Reconstruction in Post-Communist Society*, in Schierup, Carl-Ulrik (ed.) *Scramble for the Balkans: Nationalism, Globalism, and the Political Economy of Reconstruction*, Houndmills: MacMillan.

Schierup, C.-U., P. Hansen and S. Castles (2006). *Migration, Citizenship and the European Welfare State. A European Dilemma*, Oxford: Oxford University Press.

Scocco, S. (2015). *900 miljarder skäl att uppskatta invandring. En analys av invandringens effekter på de offentliga finanserna i Sverige 1950–2014*, Stockholm: Arena Idé. Available at: <http://www.arenaide.se/rapporter/900-miljarder-skal-att-uppskatta-invandring/>

Sivanandan, A. (2001). *Poverty is the New Black*, *Race & Class*, 43 (2): 1–5.

Tasin, L. and A. Landerhag (2015). *Kreol: Ett spoke går runt i orten*, Stockholm: Arena idé. Available at: www.arenaide.se/files/2015/05/15-04_Kreolrapport-för-tryck-allt-i-ett

Trimikliniotis, N., D. Parsanoglou and V. S. Tsianos (2015). *Mobile Commons and/in Precarious Spaces: Mapping Migrant Struggles and Social Resistance*, *Critical Sociology*. Available at: <http://crs.sagepub.com/content/early/2015/12/08/0896920515614985.abstract>

West, C. (1999). *The Cornel West Reader: Basic Books*.

Åkesson, J. (2012). *Muslimerna är vårt största utländska hot* *Aftonbladet*, Stockholm 19 October, 2009. <http://www.aftonbladet.se/debatt/debattamnen/politik/article12049791.ab>

Ålund, A. (2014). *Politics of Belonging: A Narrative on Activism in Sweden*, *NORA — Nordic Journal of Feminist and Gender Research*, 22 (4): 330–37.

Ålund, A. and C.-U. Schierup (1991). *Paradoxes of Multiculturalism. Essays on Swedish Society*, Aldershot: Avebury. Republished 2009 as E-Book on the REMESO home-page, Linköpings University as: <http://liu.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2:213706>

Östh, J., A.V.W. Clark and B. Malmberg (2015). *Measuring the Scale of Segregation Using K-nearest Neighbor Aggregates*, *Geographical Analysis*. Wiley Online Library, 47: 34–49.

М. ЯРОШЕВИЧ,
главный научный сотрудник
Центра восточных исследований (OSW),
Варшава, Польша

Новые тенденции миграции из Украины в Польшу

ВВЕДЕНИЕ

Польша — это, прежде всего, страна эмиграции, хотя она постепенно превращается в страну, как отдающую, так и принимающую мигрантов [Gorny 2010]. Число иностранцев, проживающих в Польше, остается незначительным по сравнению с другими странами Европейского союза, хотя оно постепенно растет. Результаты последней переписи населения, проведенной в Польше в 2011 г., показали, что иностранцы составляют менее 1% от общей численности населения. В конце 2013 г. в Польше была зарегистрирована 121 тыс. иностранных граждан, обладающих различными правовыми статусами, позволяющими им проживать в стране¹. 1 ноября 2015 г. их общее число достигло 194 тыс. человек [ibid.]. Однако эти цифры не дают полного представления о потоке иммигрантов, направляющихся в Польшу. Иностранцы, получающие вид на жительство в Польше, — это, как правило, постоянные мигранты, которые остаются жить в Польше на год или больше, хотя иммиграция в Польшу носит в основном временный (часто сезонный) характер и не отражена в статистике выдачи разрешений на проживание. По данным Евростата, который считает долгосрочные национальные визы видом на жительство, к концу 2014 г. в Польше было выдано 364 652 документа, представляющих собой различные виды разрешений на проживание, включая рабочие визы, выданные сроком более чем на три месяца [Eurostat].

Большинству мигрантов из Восточной Европы, прибывающих в Польшу, выдается разрешение на работу по упрощенной схеме, им не требуется вид на жительство. Некоторые приезжают

в страну по краткосрочной туристской визе и устраиваются на работу, не имея соответствующего разрешения. Поэтому невозможно с достаточной точностью оценить ни подлинное число таких приезжих, ни динамику данного явления.

Основным направлением миграции в Польше по-прежнему остается эмиграция, связанная в первую очередь с присоединением Польши к ЕС в 2004 г. и постепенным снятием ограничений доступа на рынок труда в других странах ЕС для польских граждан. Значительный поток выезжающих поляков пришелся на короткий период сразу после снятия этих ограничений. Своего пика эмиграция достигла в 2007 г., когда более 2,3 млн поляков (6,6% от общей численности населения) были зарегистрированы в других странах ЕС в качестве временных резидентов. По некоторым оценкам, в 2013 г. в 15 странах ЕС проживало 1,8 млн поляков. Таким образом, становится очевидным, что количество возвратившихся эмигрантов было незначительным. Более того, эмиграция стала основным инструментом, позволяющим выжить при низком уровне зарплаты и ограниченных карьерных возможностях для молодого поколения поляков [M. Duszczuk, K. Matuszczuk 2015].

Миграционную политику Польши можно охарактеризовать как находящуюся в *statu nascendi*¹. В Польше еще не выработаны более сложные инструменты миграционного регулирования. Тем не менее последний кризис с беженцами в Европе привлек внимание политиков и общественности, а также стимулировал активные действия со стороны польских властей на уровне институтов ЕС, хотя и не привел пока к совершенствованию миграционной политики на национальном уровне. Обеспечение упрощенного кратковременного доступа на рынок труда всегда было важнейшим инструментом миграционной политики Польши, которым могли воспользоваться граждане стран Восточного партнерства. Новые правила, введенные в 2007 г., позволяют работодателям принимать на работу жителей шести восточноевропейских стран, не требуя у них разрешения на работу на срок, не превышающий полгода.

Большинство прибывающих в Польшу иммигрантов — это выходцы из соседних восточноевропейских стран. Самую многочисленную группу составляют украинцы. В числе других можно назвать русских, белорусов, вьетнамцев, немцев и китайцев.

¹ Управление по делам иностранцев в Польше.

¹ Состояние зарождения. — Прим. ред.

1. Иммиграция в Польшу: динамика и закономерности

После восстановления независимости Польшу нельзя было отнести к числу стран, вызывающий особый интерес у иностранцев. Однако важно отметить фактор кратковременных трансграничных поездок коммерческого характера («челночная» торговля) между Польшей и соседними странами. Такая практика была связана с разницей в ценах на некоторые товары и услуги по обеим сторонам границы на всем ее протяжении, включая границу со Словакией, Чешской Республикой и Германией. Трансграничное движение между Польшей и странами бывшего Советского Союза (Украиной, Беларусью, Россией, Литвой) имело свои особенности, связанные с тем, что прежде эти границы были абсолютно закрытыми. Теперь эти страны стали нагонять упущенное в период холодной войны, когда передвижение людей было строго ограничено. Более того, такая интенсивность движения через границу была обусловлена этническими и семейными связями, мелкой торговлей и работой. После 1945 г., когда была установлена новая граница между Польшей и СССР, многие семьи оказались разделены. Однако в ходе присоединения Польши к Европейскому союзу такие поездки становились все реже, а в 2008 г., когда Польша вошла Шенгенскую зону, для ее граждан были устранены все преграды для передвижения по территории ЕС [Jaroszewicz 2007].

Следующий этап иммиграции в Польшу в основном связан со вступлением Польши в ЕС. Граждане ЕС получили законные льготные условия въезда на территорию Польши и доступа на рынок труда, а польская экономика развивалась, будучи более тесным образом интегрирована в экономику других стран ЕС. Вторым фактором, связанным с присоединением Польши к ЕС, стал поток польских граждан, направлявшихся в другие страны ЕС, и открытие новых ниш на польском рынке труда. В результате в Польше был введен уже упомянутый упрощенный порядок, который позволял привлекать сезонных рабочих из других стран. Более того, в 2014 г. Польша внесла изменения в закон об иностранцах, что облегчило получение вида на жительство для иностранных студентов. Однако до 2014 г. иммиграция увеличивалась относительно умеренными темпами. Согласно переписи населения, проведенной в 2011 г., численность иностранцев,

получивших постоянный вид на жительство или вид на жительство с фиксированным сроком, составляла лишь 63 тыс. человек, хотя к концу 2013 г. в Польше была зарегистрирована 121 тыс. иностранцев, имеющих различные виды разрешения на проживание, а в ноябре 2015 г. — 194 тыс. иностранцев.

Как показано выше, начиная с 2013–2014 гг. наблюдается значительный рост иммиграции, который произошел в основном за счет увеличения числа приезжающих в страну граждан Украины. Однако наиболее высокие темпы роста наблюдались во временной сезонной миграции. Если в 2012 г. работодателями было подано 235 тыс. деклараций о регистрации рабочих, прибывших на короткие сроки, то в январе — октябре 2014 г. число таких деклараций составило 332 тыс., а к концу 2015 г. — приблизительно 700–800 тыс.¹

2. Украинцы в Польше: динамика, мотивация, качественные показатели

Значительные потоки трансграничной эмиграции были характерны для Украины на протяжении многих лет. Однако причины миграции отчасти изменились. В последние годы существования СССР и вскоре после обретения Украиной независимости преобладали причины этнического характера. В середине 1990-х и в 2000-х гг. основными факторами, побуждающими к миграции, были нищета и безработица. Так, миграция стала одной из стратегий, помогающих украинцам справляться с обнищанием. Похоже, что такая мотивация преобладает и сегодня.

В этом подразделе представлены итоговые результаты исследования, проведенного в 2013–2014 гг. Центром восточных исследований (OSW) в сотрудничестве с исследовательскими центрами семи стран региона. Однако, хотя война в Украине и ухудшение экономического положения сказались на масштабе миграции из этой страны, ее основные механизмы остаются прежними.

Основанное на дельфийском методе исследование тенденций миграции между странами Вишеградской группы и Восточной Европы, проведенное в Польше в период с ноября 2013 г. по апрель 2014 г., показало, что, по мнению экспертов, число

¹ Данные Министерства труда и социальной политики Польши.

мигрантов из Украины в Польшу составило приблизительно 240 000 человек [Brunarska, Lesińska 2014]. Долю нерегулярных мигрантов от общего числа мигрантов с Украины эксперты оценили примерно в 45%. Их нерегулярный статус связан в основном с работой без регистрации при наличии действующего вида на жительство или разрешения на пребывание в стране. Кроме того, эксперты пришли к выводу, что украинские мигранты предпочитают циркулярную миграцию, заняты в сельском хозяйстве, строительстве и оказании услуг на дому и не испытывают трудностей при общении с поляками.

Основные преимущества Польши, оказывающие влияние на масштабы, тенденции и источники потоков мигрантов, состоят в следующем: 1) растущая привлекательность Польши в результате экономического развития, наблюдающегося в последнее время; 2) рост спроса на иностранных работников в некоторых отраслях экономики; 3) недавнее упрощение правил въезда и приема на работу иностранцев; 4) политические изменения, направленные на то, чтобы привлечь внимание определенных групп, представляющих особый интерес, таких как студенты и иностранцы польского происхождения. Хотя уровень оплаты труда в Польше может на первый взгляд показаться фактором притяжения, так как он значительно выше, чем на Украине, он не обязательно является определяющим при выборе Польши в качестве страны назначения.

В рамках упомянутого исследования, основанного на дельфийском методе, экспертов также попросили дать прогноз перспектив иммиграции в Польшу из Украины, Беларуси и Молдовы. На вопрос, ожидают ли они изменения динамики миграционных потоков в следующем десятилетии, большинство экспертов дали положительный ответ, предсказав увеличение числа украинских мигрантов, и лишь некоторые эксперты посчитали, что ситуация останется неизменной. Большинство экспертов сошлись на том, что увеличение украинской иммиграции в Польшу обусловлено экономическим и политическим кризисом на Украине в сочетании с растущим в Польше спросом на иностранную рабочую силу.

Экспертов также попросили оценить отрицательные и положительные последствия иммиграции украинцев в Польшу. Респонденты сочли вероятность роста ксенофобии или этнических проблем, связанных с иммиграцией из Украины незначительной.

Также они не ожидают возникновения проблем в связи с интеграцией этих мигрантов и полагают, что в будущем такие миграции не приведут к росту безработицы, а также не станут дополнительной нагрузкой на социальные службы. Эксперты считают, что часто выдвигаемые в странах, принимающих иммигрантов, аргументы о том, что они могут составить конкуренцию местным рабочим, а также что их присутствие может привести к снижению оплаты труда, не обоснованы в отношении будущих миграций из Украины.

Что касается возможностей, связанных с миграцией из Восточной Европы в Польшу, то все эксперты отметили наличие потенциальных положительных последствий. В числе наиболее важных положительных последствий иммиграции из Украины респонденты указали на то, что она будет способствовать компенсации нехватки рабочей силы, включая рост предложения рабочей силы, обладающей необходимыми профессиональными навыками, и привлечению новых студентов в систему образования Польши. Также в связи с Украиной были отмечены «компенсация дефицита на рынке труда» и «привлечение необходимой рабочей силы с профессиональными навыками». Однако эксперты не продемонстрировали открытого оптимизма, когда речь зашла о возможностях смягчения последствий демографического кризиса, с которым Польше еще предстоит столкнуться.

3. Новейшие тенденции в миграции из Украины в Польшу

До настоящего времени Польша была единственной страной ЕС, в которой отмечалось значительное увеличение масштабов миграции из Украины после аннексии Россией Крыма и начала войны на востоке Украины, а также в связи с неблагоприятной экономической ситуацией в 2014–2015 гг. Это во многом стало результатом улучшения ситуации в польской экономике и упрощения процедуры доступа на рынок труда для граждан стран Восточного партнерства, а также относительно высокого спроса на рабочую силу в сельском хозяйстве и индивидуальных домохозяйствах. Так называемая система деклараций стала особым «фактором притяжения» для украинцев. К другим «факторам притяжения» относится языковое и культурное сходство, а также

незначительные дорожные расходы. Особенно популярными среди мигрантов стали прямые автобусные маршруты, соединяющие польские и украинские города. С ростом числа проживающих в Польше украинцев получили развитие социальные сети, которыми пользуются мигранты, что позволяет им чувствовать себя в безопасности, так как они получили доступ к юридической и медицинской помощи, а также помощи при трудоустройстве, которая оказывается на их родном языке.

В польском контексте очень важно различать долгосрочную и временную миграцию. Долгосрочная миграция показала тенденцию к росту, хотя и незначительную, в абсолютных показателях, но в то же время она хорошо просматривается в имеющихся данных. Временная миграция, с другой стороны, могла расти намного быстрее, хотя ее все еще сложно рассматривать с точки зрения статистики. Что касается долгосрочной миграции, то в ходе переписи 2011 г. лишь 24 тыс. человек заявили, что являются гражданами Украины. По данным, собранным Управлением по делам иностранцев, в конце 2013 г. 37 тыс. украинцев имели действующие карты резидента. В октябре 2015 г. этот показатель достиг 52 тыс., при этом была выдана 21 тыс. карт постоянного резидента и 28 тыс. карт временного резидента¹. Отсутствуют данные о том, сколько было выдано карт резидента отдельным лицам, прибывшим из Донецкой и Луганской областей.

Основная проблема состоит в оценке числа украинских мигрантов, временно работающих в настоящее время в Польше. В этом случае граждане Украины получают декларации, которые позволяют им получить разрешение на работу по упрощенной процедуре сроком на шесть месяцев в течение года (в данном случае статистика показывает число выданных разрешений, а не число людей, притом что один человек может иметь на руках несколько разрешений). Они также могут работать нелегально, имея только туристическую визу. Согласно оценкам экспертов, в настоящее время в Польше находится от 300 до 500 тыс. лиц этой категории. В 2014 г. приехавшим из Украины было выдано 372 тыс. деклараций, дающих право на работу (на 60% больше, чем в 2013 г.). Только за первое полугодие 2015 г. украинцами было подано 402 тыс. разрешений, деклараций, при этом боль-

шинство украинцев было занято на сельскохозяйственных работах. Женщины получили 139 тыс. разрешений, что характерно для украинской миграции в Польшу. Кроме того, в этом случае остается неясным, все ли эти разрешения были выданы преимущественно жителям Галиции или они также выдавались жителям других районов Украины, в том числе восточных.

Таблица. Число деклараций о приеме на работу иностранцев (граждан Украины), зарегистрированных органами трудоустройства Польши в первой половине 2015 г.

Всего	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
402 674	49 620	75 316	81 895	64 429	662 994	68 420

Источник: Министерство труда и социальной политики Польши

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данные, полученные за 2014 и первую половину 2015 г., указывают в первую очередь на новую динамику миграции из Украины в Польшу и чуть в меньшей степени на изменение стратегий, к которым прибегают украинские граждане. Временная миграция в Польшу становится все более распространенным способом справиться с бедностью и нестабильностью на Украине. Очевидно, что в отличие от предыдущих лет украинцы все чаще делают выбор в пользу миграции и обустройства в Польше. До сих пор не ясно, в какой степени новые миграционные схемы распространены среди жителей других, не западных частей Украины. Также не ясно, является ли наблюдаемый рост числа мигрантов временной реакцией украинского общества на неблагоприятную экономическую ситуацию и кризис в российско-украинских отношениях.

Таким образом, Польша превращается в страну, принимающую иммигрантов, что укрепляет ее положение как наиболее популярного центра притяжения временной миграции из Украины. Эта тенденция продлится еще несколько лет, так как перспективы скорого улучшения экономической ситуации в Украине отсутствуют. При этом без ответа остается вопрос: будут ли украинские мигранты создавать миграционную сеть в других

¹ Данные Управления по делам иностранцев в Польше.

странах ЕС и переезжать в страны, где им может быть предложена более высокая оплата труда? Учитывая преобладание временного характера иммиграции в Польшу, пока еще рано с уверенностью говорить о том, что Польша стала для граждан Украины постоянным главным направлением миграции с целью переселения.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Brunarska, Z., Lesińska, M. (2014). Migration between the EU, V4 and Eastern Europe: the present situation and possible future. The perspective of Poland (in: M. Jaroszewicz, M. Lesińska (eds.), *Forecasting migration between the EU, V4, and Eastern Europe. Impact of visa abolishment*, Centre for Eastern Studies, p. 88–109.

Duszczyk, M., Matuszczyk, K. (2015). A one-way ticket? Migration in Europe from the perspective of CEE countries, Central and Eastern Europe Development Institute.

Eurostat, All valid permits by reason, length of validity and citizenship on 31 December each year. <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do>

Górny, A. et al. (2010). *Immigration to Poland: policy, employment, integration*, Warsaw: Scholar Publishing House.

Jaroszewicz, M. (2007). Consequences of the Schengen area enlargement for the EU's Eastern European Neighbours, Centre for Eastern Studies, December.

ЧАСТЬ II

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

И. ИВАХНЮК,
доктор экономических наук, профессор экономического
факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Мигранты на рынках труда принимающих стран: взгляд через призму экономических кризисов

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине XX в. сформировался взгляд на трудовую миграцию как на важный элемент экономического развития мира, инструмент партнерства между более развитыми и менее развитыми государствами на взаимовыгодных условиях: первые предоставляют вторым рабочие места и возможность заработка, а вторые предоставляют первым рабочую силу, в которой те нуждаются. При этом экономисты-теоретики и экономисты-практики предполагали, что важным преимуществом иностранной рабочей силы на рынках труда более развитых стран является ее гибкость: увеличение ее присутствия в периоды высокого спроса на труд и сокращение в периоды спада. Эта гипотеза считалась аксиомой до середины 1970-х гг., когда она подверглась серьезному сомнению в связи с экономическим кризисом 1973–1974 гг., не сопровождавшимся тем сокращением привлеченной из-за рубежа рабочей силы в европейских странах, на которое рассчитывали правительства. Дальнейшие масштабные кризисы — азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. и особенно глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. — доказали, что миграция является инерционным процессом, далеко не всегда следующим вслед за колебаниями экономической конъюнктуры.

Прежде чем перейти к анализу реальной ситуации с применением иностранной рабочей силы на рынках труда принимающих стран в периоды экономических кризисов, следует сделать ряд предварительных замечаний, касающихся методологических особенностей тех исследований, на которые мы будем опираться в этой работе.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Присутствие мигрантов на рынках труда принимающих стран, как правило, подразумевает временных трудовых мигрантов, то есть лиц, добровольно прибывших в страну назначения на определенный промежуток времени с целью трудоустройства. При всей условности классификации мигрантов и их разделения на временных и постоянных именно модели экономического поведения временных трудовых мигрантов на рынках труда принимающих стран представляют собой наибольший исследовательский интерес. В миграционной теории они рассматриваются как обладающая гибкой поведенческой стратегией резервная армия труда, возникающая в периоды экономического подъема и исчезающая в периоды кризисов. Однако здесь следует учитывать то обстоятельство, что в исследованиях в США и странах Европы (на которые мы будем в основном опираться в рамках настоящей работы в связи с ограниченностью исследований по данной теме в России), как правило, сравнивают модели занятости мигрантов и коренного населения (*migrants/foreign-born — nationals/native-born*). При таком подходе в число мигрантов попадают как временные трудовые мигранты, так и те, кто приехал в страну для постоянного проживания, то есть постоянные мигранты, которые, быть может, даже уже получили гражданство, но от этого не перестали быть мигрантами (понимаемыми как лица, родившиеся за рубежом). Таким образом, в зарубежных исследованиях водораздел чаще всего проходит по месту рождения человека — родился в этой стране или за рубежом, и даже лица, въехавшие в страну пребывания маленькими детьми в составе семей, попадают в этой конструкции в обобщенную категорию мигрантов.

Для изучения этого опыта в России весьма интересно было бы выделить и отдельно рассмотреть категорию мигрантов, изначально прибывающих с целью временного трудоустройства, и проанализировать модели их экономического поведения во время экономического кризиса хотя бы потому, что именно временные трудовые мигранты находятся в фокусе государственной миграционной политики как особая миграционная категория. В России существует традиционное, сложившееся еще в советский период представление, что государственная политика способна осуществлять полный контроль и регулирование

в той сфере, в которой она применяется. Так, считается, что миграционная политика может обеспечить Россию тем количеством и «качеством» мигрантов, которые ей необходимы. При этом мониторинг последствий принимаемых решений в сфере миграционной политики остается слабым звеном российской системы управления миграционными процессами. Российские государственные структуры, занимающиеся управлением миграционных процессов, прежде всего Федеральная миграционная служба и Федеральная служба по труду и занятости населения, не демонстрируют стремления инициировать исследования проблем международной трудовой миграции и получать объективные экспертные оценки. Государственный заказ на исследования минимален. Это является одной из важных причин относительно небольшого объема глубоких объективных исследований роли и места временных трудовых мигрантов на национальном рынке труда России, что создало бы достоверную научную основу для принятия решений в области формирования миграционной политики.

Другим ограничителем исследований в области международной трудовой миграции в России является скудость статистических данных, касающихся регистрируемой миграции, а также тот факт, что значительная часть миграционного потока вообще оказывается вне поля зрения статистики. Отсутствуют также детальные статистические характеристики российского рынка труда, включая его мигрантский сегмент, что не дает возможности проследить, например, динамику межотраслевого распределения мигрантов при изменяющейся экономической конъюнктуре.

По этим причинам среди многочисленных отечественных работ по миграции населения лишь в некоторых предприняты попытки оценить роль международной трудовой миграции для российской экономики (см., например: [Топилин 2004; Тюрюканова 2004, 2011; Рязанцев и Гневашева 2014]). Однако в целом можно утверждать, что системных, комплексных исследований, которые дали бы всеобъемлющий ответ на вопрос о месте и роли иностранных работников на российском рынке труда, пока не проводилось.

Еще одно важное методологическое замечание, касающееся данной работы, заключается в том, что экономический кризис в наибольшей степени затрагивает незаконных, незарегистрированных мигрантов, наименее защищенной группы на рынках труда принимающих стран. Однако именно о незаконных

мигрантах мы имеем наименьшее объективное знание, так как они никак не фиксируются статистикой. Поэтому те закономерности, которые отмечены в настоящей работе, базируются в основном на официальной статистике принимающих стран, практически не охватывают незаконных мигрантов, а если охватывают, то основаны главным образом на субъективных экспертных мнениях или логических заключениях. Эта проблема особенно актуальна для России и региона СНГ, где незаконная миграция и нерегистрируемое трудоустройство мигрантов исчисляются миллионами.

МИГРАЦИЯ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ ПАРАДИГМЫ

XX в. недаром называют веком миграции [Castles and Miller 2010]. По данным ООН, численность международных мигрантов в мире (оцениваемая как численность людей, проживающих не в тех странах, где они родились) превысила в 2013 г. 230 млн чел., что означает трехкратный рост по сравнению с 1960 г. (75 млн чел.) [UN 2013]. При этом общая численность международных мигрантов, занятых на рынках труда стран пребывания, составляет, по оценке МОТ, более 100 млн чел., или 3% мировой рабочей силы¹. Так, в Западной Европе лица, родившиеся за рубежом, составляют в среднем 10% рабочей силы [IOM 2008]. В развитых государствах мира число временных трудовых мигрантов росло в последние годы на 7–8% ежегодно [Ibid].

Без международных трудовых мигрантов уже невозможно представить себе развитие таких отраслей, как строительство, сельское хозяйство, сфера услуг во многих странах, где сохраняется относительно высокая доля ручного труда, который не привлекает местное население даже при наличии безработицы. Важный сегмент мирового рынка труда составляют также высококвалифицированные мигранты: их человеческий капитал реализуется более полноценно благодаря возможности выбора страны и места работы.

¹ Международная организация труда определяет совокупную численность мировой рабочей силы как численность мирового населения в возрасте старше 15 лет, которое имеет работу или не имеет работу, но находится в ее поиске [ILO, 2010].

Международная миграция, прежде всего ее экономически обусловленные виды и формы, воспринимаются как ресурс развития для принимающих стран и стран происхождения. Эта парадигма получила развитие и подтверждение в масштабной исследовательской деятельности и опубликованной научной литературе и в результате нашла признание на самом высоком международном уровне: в 2006 г. состоялся так называемый Диалог высокого уровня по миграции и развитию в рамках Генеральной Ассамблеи ООН. На этом мероприятии прозвучал доклад Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна «Международная миграция и развитие», основная идея которого заключалась в том, что международная миграция является идеальным средством содействия взаимному развитию, то есть скоординированному последовательному улучшению экономических условий как в районах, «отдающих» мигрантов, так и в районах, их «принимающих», на основе их взаимодополняемости и сбалансированности [ООН 2006].

ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ

В рамках неоклассического подхода сформировалось несколько упрощенное, «механистическое» представление о международной трудовой миграции как о перемещении людей, обусловленном лишь различиями в заработной плате между странами назначения и странами происхождения (см., например: [Castles and Miller 2003]). Этот подход оказался не способен объяснить поведение мигрантов в условиях быстро меняющейся экономической конъюнктуры. Оказалось, что миграция представляет собой исключительно многообразное, подвижное и зависящее от множества обстоятельств явление. Человеческое поведение, которое лежит в основе миграционного движения населения, является результатом действия целого ряда взаимосвязанных факторов, причем не только экономических.

Происходившие в последней четверти XX в. экономические кризисы в принимающих мигрантов странах заставили во многом переосмыслить роль и место иностранных работников на рынках труда стран назначения.

Экономический кризис 1973–1974 гг. был во многом поворотным моментом как в истории международной миграции, так и в ее концептуализации. С одной стороны, он подтвердил инерционность и устойчивость миграционных процессов, с другой

стороны, он привел к появлению новых миграционных векторов и изменению миграционной картины мира. Начавшись как энергетический кризис, вызванный ростом мировых цен на нефть, он вскоре обернулся серьезным структурным кризисом для более развитых государств мира, привел к сворачиванию производств и массовым увольнениям работников. В миграционной сфере кризис сопровождался пересмотром миграционных законодательств принимающих стран, отказом от программ привлечения трудовых мигрантов и попытками убрать «излишнюю» иностранную рабочую силу с национальных рынков труда. Например, тем турецким рабочим в Германии, которые соглашались вернуться на родину, выдавалось пособие в размере 10,5 тыс. немецких марок плюс еще 1,5 тыс. марок на каждого ребенка, плюс возвращение взносов, внесенных в пенсионный фонд. Однако лишь один из каждых семи турецких рабочих, проживавших в Германии, принял эти условия и вернулся в Турцию [Martin 1991].

Кризис 1973–1974 гг. был фактически первым кризисом, который поставил под вопрос гибкость как принципиальную характеристику иностранной рабочей силы и показал, что иностранные работники не спешат покинуть страну пребывания в условиях роста безработицы даже в том случае, если они могут рассчитывать на определенные бонусы за отъезд. Несмотря на то что число привлекаемых в Германию из Турции гастарбайтеров сократилось с 118 тыс. чел. в 1973 г. до 6 тыс. в 1974 г. [Green and Winters 2010], некоторый приток трудовых мигрантов все же сохранился, казалось бы, вопреки крайне неблагоприятной ситуации на рынке труда ФРГ. В целом численность мигрантов в странах Западной Европы сократилась в период кризиса незначительно. К 1980 г. во многих странах, прежде всего в наиболее «мигрантоемких» Франции и Германии, численность мигрантов была больше, чем в 1973 г. Это объясняется в первую очередь отчетливо проявившейся инерционностью миграционных процессов: вслед за трудовыми мигрантами, которые предпочли осесть в странах трудоустройства, чем вернуться домой, прибыли члены их семей (благо законодательство это позволяло).

Проведенные в Великобритании исследования подтверждают вышесказанное: во время экономических спадов в 1973–1977 гг., 1980–1984 гг. и 1991–1993 гг. приток мигрантов временно сокращался, но тем не менее сохранялся, тогда как ничто

не подтверждает тезиса об увеличении оттока мигрантов в результате кризисов [Dobson et al. 2009].

Дальнейшие масштабные кризисы — азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. и особенно глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. — доказали, что миграция в условиях кризиса все равно сохраняется (а незаконная даже увеличивается), так как в некоторых секторах экономики остается структурный спрос на рабочую силу.

В конце 1990-х гг. кризис в Азии в разной степени поразил экономику государств региона; соответственно его воздействие на положение иностранных работников было неодинаковым в разных странах. В наиболее развитых государствах региона, таких как Сингапур, Япония, Малайзия, Тайвань и Гонконг, сокращение числа мигрантов было минимальным [Manning 2001, p. 14]. Граждане этих стран, даже оставшись без работы из-за кризиса, не проявили стремления заменить трудящихся-мигрантов, скажем, на плантациях в Малайзии или на сборе и обработке риса в Таиланде. Во многих случаях выявилось очевидное несоответствие квалификации, которой обладают местные безработные, и той, которая необходима для выполнения «мигрантских» работ [Skeldon 1998]. Важную роль сыграл и географический фактор: в Таиланде, например, местные безработные оказались сконцентрированы в Бангкоке и его окрестностях, в то время как мигранты были заняты преимущественно в провинции. Для работодателей транс-портировка местных безработных к местам трудоустройства обернулась бы дополнительными затратами. Некоторые исследователи считают, что сохранение мигрантского сектора рынка труда в период кризиса и готовность иностранных работников выполнять 3D-работы¹ в ориентированных на экспорт отраслях помогло быстрому восстановлению экономики Таиланда, Малайзии, Южной Кореи и других привлекающих мигрантов стран Юго-Восточной Азии [Wickramasekera 2002; Manning 2001].

Особенно богатый материал для анализа влияния кризисов на международную миграцию представил глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. Статистика подтверждает, что мигранты первые теряют работу: разрыв в уровне безработицы среди местного населения и иностранных работников резко возрос во многих

¹ 3D-dirty, dangerous and demeaning (грязная, опасная и унижительная). — Прим. ред.

принимающих странах [Castles and Miller 2010]. Это может быть связано с тем, что мигранты концентрируются преимущественно в наиболее чувствительных к экономическим циклическим колебаниям отраслях экономики — строительстве, «секторе гостеприимства» — туризме, отелях, ресторанах. Например, в США из 3 млн работников с латиноамериканскими корнями (*Hispanics*), занятых в строительной отрасли, $\frac{2}{3}$ являются мигрантами. Именно они составили подавляющее большинство из 300 тыс. строительных рабочих, потерявших работу в 2007–2009 гг. [Martin 2009].

В основных принимающих мигрантов странах Европейского союза число выдаваемых разрешений на работу сократилось в 2009 г. на 20–30% по сравнению с 2008 г. Во многих странах наблюдался отток иностранных работников. Тем не менее масштабное исследование, проведенное в 2010 г. Международной организацией по миграции совместно с Европейской комиссией «Миграция и экономический кризис в Европейском союзе: последствия для политики» [Koehler et al. 2010], подтвердило, что в большинстве стран ЕС сальдо миграции во время кризиса сократилось, но все же осталось положительным, иными словами, миграционный приток превысил миграционный отток.

Многие эксперты отмечают, что во время кризиса мигранты проявили большую способность адаптироваться к ухудшающейся ситуации на рынке труда, чем местные жители [Koehler et al. 2010; OECD 2009]. Они готовы к понижению заработной платы, своего социального статуса и ухудшению условий труда. Альтернатива возвращения на родину, где ситуация на рынке труда еще более безнадежна, стимулирует у мигрантов способности адаптации к конъюнктуре мирового рынка труда. Об этом свидетельствует следующая статистика. В США, где до кризиса каждый шестой работник на рынке труда был иностранцем, во время кризиса среди вновь нанимаемых на работу мигрантом был каждый второй. Данные по Великобритании еще более показательны: в период кризиса семь из десяти вновь нанимаемых работников были мигрантами [Fix et al. 2009].

Кризисы национальные, региональные и глобальные

Сравнение миграционных последствий кризисов разного масштаба позволяет сделать вывод о различиях моделей экономического поведения мигрантов в ответ на кризис. Национальные

и региональные кризисы, сопровождаемые сокращением рынка труда соответствующих стран, тем не менее оставляют для мигрантов возможность выбора других миграционных направлений. Иными словами, падение экономической активности в одних странах/регионах мира приводит к сокращению миграционного притока в них, но одновременно стимулирует возникновение новых миграционных векторов. Например, прекращение программ привлечения временных трудовых мигрантов в Европу в результате кризиса 1973–1974 гг. сопровождалось одновременным увеличением миграционных потоков в нефтедобывающие страны Персидского залива, где как раз в этот период возросла потребность в привлечении иностранных трудовых ресурсов для осуществления масштабных строительных и инфраструктурных проектов. Аналогичная переориентация миграционных потоков происходила в результате экономических кризисов в Чили (1982–1984 гг.), Аргентине (2002–2003 гг.), Азиатского финансового кризиса (1997–1998 гг.), когда в ответ на рецессию формировались потоки мигрантов из пострадавших от кризиса стран в те, которых он не коснулся [Martin 2009].

Глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. продемонстрировал принципиально иную картину. По оценкам экспертов, воздействие глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. на международную миграцию населения оказалось более глубоким и более масштабным по сравнению с какими бы то ни было другими экономическими катаклизмами в период после Второй мировой войны [Fix et al. 2009; ILO 2009]. Вопреки предсказаниям большинство мигрантов, даже потеряв работу, предпочли не возвращаться на родину, а остаться в стране своего пребывания в расчете хоть на какой-то доход и относительно быстрое восстановление баланса рынка труда. Глобальный по характеру кризис 2008–2009 гг. не предоставил мигрантам альтернативных вариантов поиска работы в других странах, как это случалось в случае с национальными и региональными кризисами. Смены миграционных векторов не произошло.

Глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. затронул большинство стран мира — как принимающих мигрантов, так и стран их происхождения. Замораживание инвестиционных проектов, намеченных для осуществления в менее развитых странах, которые в большинстве своем являются и странами происхождения мигрантов, оказало крайне негативное влияние на

состояние их рынка труда. Лишенные перспективы получения работы на родине, граждане менее развитых стран оказались вынужденными искать работу за рубежом даже на самых невыгодных для себя условиях, чаще всего в обход официальных каналов, с риском для жизни и здоровья [OECD 2009].

Кризис оказал влияние на доходы мигрантов, объемы их денежных переводов на родину, уровень благосостояния их семей, однако во многих случаях возможность заработков за рубежом оставалась важным элементом жизненной стратегии домохозяйств. В этом также заключается одна из причин, по которой мигранты предпочли остаться и переждать кризис в странах пребывания — дома экономическая ситуация была еще хуже, отсутствовали перспективы найти работу. Оставалась надежда на то, что неизбежный после кризиса экономический подъем способствует созданию новых рабочих мест [Castles and Miller 2010]. Эта надежда в большинстве случаев оправдалась в дальнейшем.

КОРРЕКТИРОВКА МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: УЗКИЙ КОРИДОР ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Большинство принимающих стран мира прибегли в 2008–2009 гг. к мерам, направленным на сокращение миграционного притока и стимулирование возвращения мигрантов на родину, с тем чтобы защитить национальный рынок труда и сохранить рабочие места для местных трудовых ресурсов. Применявшиеся меры были многообразными. В большинстве случаев они отражали усилившуюся тенденцию протекционизма и были направлены на ужесточение условий въезда иностранцев и сокращение числа мигрантов в стране. В Австралии, Италии, Южной Корее, Испании, России в качестве антикризисной меры было предпринято сокращение квоты на привлечение иностранной рабочей силы. В Великобритании, Новой Зеландии и Австралии были сокращены списки дефицитных профессий, в соответствии с которыми определяется профессиональный состав въезжающих в страну иностранных работников. В США, Норвегии, Ирландии, Чехии, Австралии и Новой Зеландии были пересмотрены процедуры найма рабочей силы для обеспечения приоритетного права на получение работы для местных жителей. В Испании, Чехии, Франции и Японии была применена практика прямых

денежных выплат за согласие мигранта вернуться на родину и не возвращаться в течение определенного времени (*pay-to-go*) [Kozer 2010].

Однако примечателен тот факт, что в период глобального кризиса, несмотря на рост антимигрантских настроений в обществе, многие государства продолжали «держат двери приоткрытыми» для мигрантов и даже вводили новые, более упрощенные правила для иностранных граждан. Так, Швейцария на состоявшемся в феврале 2009 г. референдуме одобрила политику открытых дверей для граждан стран ЕС¹. Швеция в декабре 2008 г. начала применять на практике новые правила, предоставляющие компаниям значительно больший маневр в том, что касается найма иностранцев. Чехия в 2009 г. ввела систему «гринкард» для мигрантов. Польша упростила процедуру привлечения иностранных граждан, занятых на сезонных работах. В Люксембурге, Нидерландах и Норвегии разрешение на работу и проживание в стране были объединены в единый документ [UN 2010]. Даже в тех странах, которые предприняли меры, ограничивающие трудовую миграцию (снизили квоты, ввели дополнительные ограничения), эти меры касались исключительно низкоквалифицированных мигрантов. Для высококвалифицированных мигрантов, наоборот, вводились дополнительные преимущества, призванные стимулировать их приток (например, в Венгрии, Германии, Ирландии). Россия не стала исключением: в 2010 г. был открыт специальный миграционный канал для высококвалифицированных мигрантов, призванный сделать Россию привлекательной для зарубежных профессионалов высокого уровня, которые могли бы принести в страну передовые знания, необходимые для создания современных производств и перехода к новым формам управления, без чего невозможна модернизация экономики [см. подробнее: Ивахнюк 2011].

Понимание того, что мигранты косвенно повышают отдачу от других факторов производства — земли, капитала, не позволило

¹ Нельзя не упомянуть, что спустя пять лет на референдуме в феврале 2014 г. эта политика была отчасти пересмотрена в пользу ограничения свободы трудоустройства в стране граждан государств ЕС. Здесь же важно подчеркнуть, что за решение о введении политики открытых дверей Швейцария проголосовала в условиях кризиса, когда многие другие страны пытались отгородиться от миграционных потоков запрещающими мерами.

большинству стран применить жесткие меры высылки потерявших работу мигрантов. Например, подсчитано, что сельское хозяйство Испании или США не могло бы обеспечить свою конкурентоспособность на международных рынках, если бы не привлекало мигрантов. В кризис это приобретает особое значение.

Следовательно, использование миграционного ресурса воспринимается правительствами развитых стран как долгосрочная стратегия, обусловленная прежде всего старением населения и ставшим хроническим дефицитом на национальном рынке труда.

В то же время кризис убедил правительства принимающих стран пересмотреть распространенные ранее представления о том, что иностранная рабочая сила — это временный ресурс, который покрывает дефицит рынка труда в годы экономического подъема и может быть легко удален с рынка труда в период экономического спада. Оказалось, что эластичность этого сегмента рынка труда представлялась сильно преувеличенной: даже в условиях растущей безработицы иностранные работники остаются востребованными, так как граждане принимающих стран даже в условиях кризиса не соглашались на большинство из тех видов работ, которыми занимаются мигранты.

Все это подтверждает тот факт, что сложившиеся в современном мире тенденции международной трудовой миграции, прежде всего наличие устойчивого мигрантского сегмента на рынках труда более развитых стран, имеют структурный характер и лишь в незначительной степени подвержены циклическим колебаниям [Awad 2009]. Кризис представляется временным, преходящим явлением, существенно менее значимым на фоне имеющего долгосрочный характер дефицита трудовых ресурсов, обусловленного демографическим старением. Это заставляет принимающие страны быть осторожными в определении коридора решений об ограничении миграции.

СВЯЗЬ МЕЖДУ СИТУАЦИЕЙ НА РЫНКЕ ТРУДА И ПРИТОКОМ МИГРАНТОВ

Связь между ситуацией на рынке труда и притоком мигрантов весьма относительна [Dobson et al. 2009]. Конечно, рост безработицы приводит к некоторому сокращению притока мигрантов.

Эта закономерность просчитана на примере Великобритании 1960–70-х гг.: рост безработицы в стране на 1% приводил к сокращению притока мигрантов в среднем на 5 тыс. чел. [Hatton 2005]. Однако после 1981 г., когда Великобритания превратилась в страну с постоянным устойчивым миграционным притоком, эта закономерность перестала действовать: миграция продолжалась и не сокращалась, несмотря на то что безработица на национальном рынке труда составляла гораздо более высокий показатель, чем в 1970-х гг. [Dobson et al. 2009]. Отсюда следует вывод, что уровень безработицы далеко не единственный фактор, определяющий динамику миграционных потоков, есть и другие факторы, которые продолжают действовать и во время экономических кризисов, такие как сохранение структурного спроса на мигрантскую рабочую силу, большая гибкость моделей экономического поведения мигрантов, наконец, наличие мигрантских сетей, которые способны поддерживать миграционный приток даже в условиях ужесточения официальной миграционной политики.

Пример многих стран показывает, что во время кризиса происходит межотраслевое перераспределение занятости трудовых мигрантов в пользу отраслей, которые в наименьшей степени подвержены экономической конъюнктуре. Например, в Испании в 2009 г. при сокращении доли мигрантов, занятых в строительстве, доля занятых в сельском хозяйстве возросла на 15% по сравнению с 2008 г. В Чехии в 2009 г. в полтора раза возросло число мигрантов, зарегистрировавших свою деятельность в сельском хозяйстве. Кроме того, почти на 20% возросло число заявлений на «торговые лицензии», что говорит о тенденции к росту самозанятости мигрантов. В Италии число разного рода малых предприятий, принадлежащих негражданам ЕС, возросло во время кризиса на 20 тыс. [Koehler et al. 2010].

Пожалуй, самый острый вопрос (особенно в кризис) — это вопрос о том, составляют ли трудящиеся-мигранты конкуренцию местным работникам на рынке труда. Ответ на него неоднозначен. Специалисты по рынку труда провели в последнее десятилетие многочисленные исследования на эту тему в принимающих странах. В целом доказано, что страх относительно того, что мигранты занимают рабочие места, которые могли бы занять местные работники, сильно преувеличен. Но ситуация

в разных отраслях и в разных странах неодинаковая. Если для низкоквалифицированных местных работников мигранты могут составлять конкуренцию (и побеждать в ней вследствие более высокой мотивации к труду), то одновременно в других отраслях мигранты могут способствовать росту занятости местного населения. Вот только один пример: привлечение иностранных нянь, сиделок и помощников по хозяйству высвобождает время местных женщин и позволяет им реализовать свое образование и квалификацию на рынке труда, причем зачастую в наиболее динамично развивающихся отраслях. Не случайно Италия в сентябре 2009 г. провела кампанию по легализации иностранных работников, занятых в сфере домашнего труда, в ходе которой было получено 300 тыс. заявлений о легализации иностранного персонала от работодателей.

Примечательно, что исследования, проведенные после 2008–2009 гг. (наиболее острой фазы кризиса), продемонстрировали, что иммиграция по-прежнему не является фактором, оказывающим сколько-нибудь ощутимое влияние на уровень занятости местного населения [см., например: Castles and Miller 2010; Koehler et al. 2010].

Более того, кризисы продемонстрировали, что сохранение открытых рынков для мигрантов — важный фактор, стимулирующий экономический подъем. Гибкость мигрантского сегмента рынка труда проявляется не в том, что иностранная рабочая сила исчезает с рынка труда в период кризиса, а в том, что иностранные работники во время кризиса проявляют большую, чем местные жители, способность адаптироваться к изменившейся ситуации на рынке труда.

В результате наблюдаются две фактически разнонаправленные тенденции: с одной стороны, мигранты становятся первыми жертвами увольнений и невыплат заработной платы, а с другой стороны, работодатели зачастую стремятся заменить местных работников иностранными, имея в виду их меньшую правовую защищенность (или отсутствие таковой, если речь идет о нерегистрируемом найме) и готовность работать на менее выгодных условиях.

Однако нужно иметь в виду, что такой «выигрыш» для местного бизнеса сопряжен с рядом вызовов для государственной политики принимающих стран в плане регулирования рынка

труда, недопущения недобросовестной конкуренции, контроля над внешней трудовой миграцией, пресечения нерегистрируемого трудоустройства.

Уроки для России

России в настоящее время следует особенно внимательно оценивать возможные последствия предпринимаемых решений в сфере управления международной трудовой миграцией. Турбулентности последнего времени резко обострили проблемы российской экономики. Девальвация рубля снизила рентабельность работы иностранцев в России, что не может не вести к сокращению их притока. Воздвигнутые на пути официального трудоустройства в России преграды для трудовых мигрантов в виде обязательного экзамена на знание русского языка, истории и законодательства России также способствуют сокращению притока трудовых мигрантов. По данным ФМС, число иностранных граждан, получивших разрешительные документы на право работать в России в первой половине 2015 г., составило 1247 тыс. чел., что на 40% меньше, чем за аналогичный период 2014 г. (2054 тыс. чел.)¹.

Поскольку иностранные работники — это неотъемлемая часть российского рынка труда, сокращение их присутствия повлечет дальнейшее ухудшение экономической ситуации. Российские компании, использующие труд иностранных мигрантов, как правило, нанимают и местных работников. Закрытие таких компаний будет означать потерю рабочих мест россиянами. Кроме того, использование иностранной рабочей силы позволяет снижать издержки российского бизнеса; сужение возможностей бизнеса в отношении найма иностранцев приведет к увеличению издержек, что не может не иметь негативного эффекта для экономического развития [Ивахнюк 2013].

Наконец, международная миграция представляет собой источник инноваций как за счет притока в страну высококвалифицированных специалистов, так и увеличения конкуренции в высокотехнологичных сферах экономики. Сокращение вдвое (!) притока таких специалистов в Россию, произошедшее в течение 2015 г., станет дополнительным фактором, углубляющим кризис.

¹ <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/>

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

МОМ (2009). Влияние экономического кризиса на миграционные тенденции и миграционную политику в Российской Федерации и регионе Восточной Европы и Центральной Азии. Период экономического спада: современная реальность и долгосрочные перспективы // Аналитический доклад. МОМ, Москва, Бюро Международной Организации по миграции в Москве. http://moscow.iom.int/russian/publications/Analitical_report_Ivakhnyuk_ru.pdf

Ивахнюк, И.В. (2011). Миграционная политика: вклад в модернизацию России // Вестник Московского университета. Серия Экономика. № 2. 2011 (март — апрель): 29–36.

Ивахнюк, И.В. (2013). Миграционный аспект глобального кризиса 2008 года: новые стимулы для научной дискуссии и практической политики // Иванов И. С. (ред.) Миграция в России: первое десятилетие XXI века. Хрестоматия в 3-х т. М.: Изд-во «Спецкнига». Т. I. Ч. 3: 276–288.

ООН (2006). Доклад Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна на 60-й сессии Генеральной Ассамблеи «Международная миграция и развитие» 6 июня 2006 г.

Рязанцев, С.В., Гневашева В. А. (ред.) (2014). Новая модель рынка труда России: роль внешних факторов. М.: Экон-Информ.

Топилин, А.В. (2004). Рынок труда России и стран СНГ: реалии и перспективы развития. М.: Экономика.

Тюрюканова, Е.В. (2004). Мигранты на неформальном рынке труда в Москве // Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений (по итогам социологического обследования). Международная организация по миграции. Бюро МОМ в России. М.: Гендальф: 161–195.

Тюрюканова, Е.В. (ред.) (2011) Женщины-мигранты из стран СНГ в России (Серия Миграционный барометр в Российской Федерации). М.: МАКС Пресс.

Awad, I. (2009). The Global Economic Crisis and Migrant Workers: Impact and Response. Geneva: International Labor Organization.

Castles, S., Miller, M.J. (2003). The Age of Migration. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London: MacMillan Press Ltd.

Castles, S., Miller, M.J. (2010). Migration and the Global Economic Crisis: One Year On. The Age of Migration. April 2010. http://www.age-of-migration.com/na/financialcrisis/updates/migration_crisis_april2010.pdf

Dobson, J., Latham, A. Salt, J. (2009). On the Move? Labour migration in times of recession, Policy Network Paper, Policy Network, 6 July 2009. http://www.geog.ucl.ac.uk/research/transnational-spaces/migration-research-unit/publications/pdfs/on_the_move.pdf

Fix, M., Papademetriou, D.G., Batalova, J., Terrazas, A., Yi-Ying Lin, S., Mitelstadt, M. (2009). Migration and the Global Recession. Migration Policy Institute and BBC World Service. September 2009.

Green, T., Winters, L.A. (2010). Economic Crises and Migration: Learning from the Past and the Present. Working Paper T-31. March 2010. University of Sussex. http://www.migrationdrc.org/publications/working_papers/WP-T31.pdf

ILO (2009). Global Employment Trends Update. Geneva: International Labor Organization.

ILO (2010). A Rights Based Approach to Labour Migration. Geneva: International Labour Organization.

IOM (2008). World Migration Report 2008: Managing Labor Mobility in the Evolving Global Economy. Geneva, Switzerland: International Organization for Migration.

Koehler, J., Laczko, F., Aghazarm, C., Schad, J. (2010). Migration and the Economic Crisis in the European Union: Implications for Policy. International Organization for Migration.

Koser, K. (2010). The Impact of the Global Financial Crisis on International Migration // The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations, Vol. XI, 2010. No. 1.

Manning, C. (2001). The East Asian Economic Crisis and Labour Migration: A Set-Back for International Economic Integration? Australian National University. Working Paper. https://socialpolicy.crawford.anu.edu.au/acde/publications/publish/papers/wp2001/Manning%202001_03.pdf

Martin, P. (2009). The Recession and Migration Alternative Scenarios. A Virtual Symposium, Migration and the Global Financial Crisis, organized by Stephen Castles and Mark Miller, February 2009. <http://www.age-of-migration.com/na/financialcrisis/updates/1c.pdf>

Martin, P.L. (1991). The Unfinished Story: Turkish Labour Migration to Western Europe. Geneva: International Labour Office.

OECD (2009). International Migration and the Economic Crisis. Understanding the Links and Shaping Policy Responses // International Migration Outlook 2009. SOPEMI. Vienna.

Skeldon, R. (1998). The Future of Labour Migration in Asia: Patterns, Issues, Policies // Mahidol University, Thailand, September 1998. <https://migration.ucdavis.edu/rs/more.php?id=58>

UN (2010). International Migration and Development. Report of the Secretary-General of the United Nations. A/65/203.

UN (2013). Trends in International Migrant Stock: The 2013 Revision, UN database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2013. N. Y.: United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. <http://www.un.org/en/>

development/desa/population/migration/data/estimates2/estimatestotal.shtml

Wickramasekera, P. (2002). Asian Labour Migration: Issues and Challenges in an Era of Globalization. International Labour Office, Geneva, International Migration Papers, № 57. http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-asia/-ro-bangkok/documents/publication/wcms_160632.pdf

В. КОМАРОВСКИЙ,
кандидат исторических наук, заведующий отделом
социально-трудовых исследований ИМЭМО РАН

Трансформация национальных систем иммиграционного отбора в условиях структурного кризиса

Состояние дискуссии по различным аспектам трансграничной миграции, ее влияние на экономики принимающих и отправляющих стран может характеризоваться, с одной стороны, совершенно необозримым числом научных (и не только) публикаций, с другой стороны — высокой степенью политизированности, диаметральнойности взглядов участников на роль и влияние данного явления на современные социально-экономические и политические процессы, современниками которых мы являемся [Penninx, Spencer, Van Hear 2008].

Более или менее объективные исследования свидетельствуют о незначительности как положительных, так и отрицательных экономических эффектов миграции, затрагивающих различные сегменты рынка труда и отдельные профессионально-квалификационные группы [Ruhs, Vargas-Silva 2015; Immigration and Economics 2015; Migration Advisory Committee 2012; Kustec 2012; Eurofound 2014, p. 1–2].

Однако влияние на социально-политическую ситуацию, рост социальной напряженности в ряде принимающих стран в условиях продолжающегося кризиса скорее свидетельствует о негативных эффектах (результаты выборов в ряде европейских стран и в Европарламент, смешанная реакция Евросоюза на волны мигрантов из новых стран — членов ЕС (2013–2014 гг.) и массового притока беженцев в 2015 г.) [Эни, Мищенко 2015].

Такие масштабные явления вряд ли могут быть обусловлены случайным стечением факторов политического или иного характера. Представляется, что социально-экономическая роль внешней миграции не может рассматриваться **вне исторического контекста**. А это предполагает учет не только текущих

размеров иммиграции, ее структуры и направлений, объема переводов денег в страны исхода, но и динамики миграционных процессов в исторической ретроспективе, анализ трансформаций миграционной политики и соответствующих систем ее осуществления в контексте социально-экономического развития принимающих стран и стран-доноров. Вряд ли все рассуждения о старении населения, необходимости привлекать свежие силы, *best & brightest*, об участии в глобальной гонке за талантами окажут существенное позитивное влияние на общественное мнение населения стран с высоким уровнем безработицы, угрозой снижения уровня жизни и растущей политической нестабильностью. Оформление данных подходов в политические программы и документы можно отнести к типичным проявлениям «декларируемой» иммиграционной политики, все более отдаляющейся от реального иммиграционного контекста.

Наглядный пример подобного расхождения: все программы по привлечению высококвалифицированных специалистов (ВКС) в страны Евросоюза, несмотря на массу законодательных и политических шагов, привели лишь к тому, что доля занятых ВКС — выходцев из третьих стран только в Великобритании и Люксембурге составила чуть более половины всех работающих представителей третьих стран (по 53%), во многих других европейских странах их доля за 2008–2012 гг. даже снизилась. В среднем доля ВКС из третьих стран составила в 2012 г. 21% всех занятых иностранцев из третьих стран (1,6 млн чел.) [European Migration Network 2013].

Территориальные миграции — яркое проявление имманентной человечеству мобильности во всех ее ипостасях, пронизывающее всю его историю. Естественно, что в различных исторических (то есть экономических, социальных и культурных) обстоятельствах «тяга к перемене мест» играет совершенно различные роли, может быть наполнена совершенно различным содержанием, не говоря уже о мотивах и побудительных причинах.

Соответственно проблема миграции чрезвычайно многоаспектна, что и проявилось в безрезультатности попыток формулирования общих теорий миграции в труднообозримом количестве частных [Arango 2004; King 2012; Van den Berg, Bodvarsson 2013; Brettell, Hollifield (Ed.) 2014]. Во всем многообразии исследований различных аспектов проблемы трансграничной миграции совершенно недостаточное внимание уделя-

ется институциональной стороне проблемы взаимодействия национальных государств и наднациональных объединений (ЕС прежде всего) с гражданами иных стран, стремящимися по тем или иным причинам на постоянной или временной основе поселиться на их территории [Papademetriou, Somerville, Tanaka 2008; Koser 2009; Holzmann, Pouget 2011; The Governance of Migrant Labour Supply in Europe 2014; Eurofound 2014]. Пока иммиграционная политика остается прерогативой национальных государств, (полностью или частично) регулирование притока иностранцев, соотношения основных потоков (трудового, образовательного, семейного и гуманитарного), использование конкретного набора инструментов отбора востребованных претендентов и отсева ненужных делают систему иммиграционного регулирования необходимым элементом взаимодействия конкретной страны с внешним миром, регулятором внутреннего спроса и внешнего предложения на те или иные группы трансграничных мигрантов.

Трансформация национальных миграционных политик принимающих стран (прежде всего англосаксонских) постепенно приводит к формированию сложных систем иммиграционного регулирования и контроля потоков иностранцев, ориентированных на привлечение категорий лиц, востребованных на национальном рынке труда, отсева избыточных категорий и противодействия нелегальной миграции. Одна из основополагающих причин данной трансформации — кардинальные изменения в сфере труда.

На наших глазах происходят кардинальные изменения в сфере трудовых отношений. Структура занятости, характерная для индустриального общества, претерпевает глубокие трансформации. Наряду с изменением профессионально-отраслевой структуры развитие современных технологий и принципов организации производственных процессов приводит к существенным ограничениям в создании новых рабочих мест. По расчетам Международной организации труда (МОТ), в 2014 г. численность безработных в мире достигла 201 млн чел., или на 30 млн больше, чем до кризиса 2008 г. И это притом что ежегодно на рынок труда выходит дополнительно еще 40 млн чел. Параллельно происходит трансформация трудовых отношений, распространение временных и частичных форм занятости [ILO 2015].

Для понимания происходящих изменений в иммиграционной политике принимающих стран важно также иметь в виду **существенные различия** следующих связанных, но нетождественных процессов:

- рутинного прогнозируемого притока соискателей рабочего/учебного или бизнес-места с достаточно ясной среднесрочной динамикой (рост либо снижение спроса и предложения) и экстраординарных всплесков миграционной активности в тех или иных потоках, обусловленных широким спектром причин;
- изменения соотношения «стандартных» потоков миграции (трудовой, образовательной, семейной и гуманитарной) и резкого притока массы беженцев, иррегулярных (нелегальных) мигрантов в связи с теми или иными социально-политическими, экономическими и природными катаклизмами;
- флуктуаций потоков мобильности внутри интеграционных объединений (ЕС, НАФТА, ЕАЭС) и потоков претендентов из третьих стран.

Без учета разности причин, содержания и последствий названных процессов достаточно затруднительно моделировать миграционные процессы и тем более предлагать адекватную политику и меры по ее осуществлению. Не случайно разработанный еще в 2006 г. Управлением Верховного комиссара по делам беженцев ООН Десятикомпонентный план по защите беженцев и смешанной миграции [Refugee Protection and Mixed Migration: A 10-Point Plan of Action 2007] не принес ожидаемого эффекта, хотя в этом документе приведен ряд практических предложений по оказанию государствам помощи в разработке и внедрении стратегий миграции с учетом потребностей защиты, то есть стратегий, которые учитывают потребности беженцев и других особых групп людей, перемещающихся в составе смешанных потоков.

При оценке соотношения различных потоков внешней миграции необходимо учитывать и такой фактор, как относительно низкую интенсивность трудовой миграции внутри ЕС между странами-членами. По некоторым данным, в 2008–2012 гг. численность трудящихся мигрантов внутри ЕС возросла на 800 тыс. — до 6,6 млн чел. При этом общая численность занятых снизилась более чем на 5 млн чел. По результатам европейских обследо-

ний рабочей силы (EU-LFS)¹ за 2008–2012 гг. доля мобильных трансграничных трудовых мигрантов из европейских стран относительно всего занятого населения ЕС возросла всего лишь с 2,6 до 3,0% [Eurofound 2014]. Наряду с ограничениями, лежащими на поверхности (языковыми барьерами, сегментацией рынков труда, дисбалансами спроса и предложения рабочих мест и т. п.), определенную роль играют и менее очевидные факторы, такие, например, как относительно низкий потенциал территориальной мобильности значительной части населения «старой» Европы, кадровые стратегии работодателей и т. д. [Nonneman 2007].

Эффективность и адекватность реакции национальных систем миграционного регулирования на те или иные ситуации — достаточно надежный **индикатор** их либо общей, либо только частичной (ограниченной) **надежности**. И в этой связи следует подчеркнуть, что системы иммиграционного регулирования стран-членов и ЕС в целом, как оказалось, не обладают достаточными ресурсами для реагирования на взрывной рост притока мигрантов (как материальными и организационными, так и политическими).

И данное наблюдение основывается не только на текущей ситуации 2015 г., но и на ситуации с иррегулярными мигрантами, например, в 2013 г. [Ramsay 2013]. Следует также вспомнить завершение переходного периода для вступления в ЕС Румынии и Болгарии, массовый приток выходцев из данных стран в Западную Европу, алармистскую реакцию СМИ, правительств и общественного мнения по поводу «страхового туризма» и т. п. В результате в ряде стран притока (прежде всего Великобритании и Франции) был принят пакет норм, призванных снизить давление новоприбывших на национальные системы социального страхования, медицинского обеспечения и т. п.

В настоящее время в странах ЕС работает 2,1 млн румын. Как следует из Национальной стратегии занятости Румынии на 2013–2020 гг., основные потоки трудовых мигрантов из страны ориентированы на Италию (890 тыс. чел.), Испанию (825 тыс. чел.) и Германию (110 тыс. чел.), что приводит к острой разбалансированности рынка труда самой Румынии [Eurofound 2014]. При этом надо иметь в виду, что вхождение Румынии и Болгарии в Шенгенскую зону постоянно откладывается на неопределенное время.

¹ EU labour force survey, проводится службой Евростат. — Прим. ред.

С другой стороны, за 2011–2014 гг. Португалию покинуло 485 тыс. чел., в том числе в качестве постоянных эмигрантов — 200 тыс. чел. В большинстве своем это лица моложе 30 лет [Khalip 2015].

Разнонаправленность иммиграционных потоков, широкий разброс причин и побудительных мотивов, динамичность смены векторов движения — все это предполагает переход от предварительной констатации «смешанного» характера трансграничного перемещения людских масс к необходимости более углубленного анализа «струй», формирующих эти потоки. **Трудовая миграция** с очевидностью превращается в **основной** поток внешней миграции, хотя правильнее было бы сказать — восстанавливает свое значение.

По некоторым оценкам, трудовые мигранты составляют половину всех 214 млн международных мигрантов и все возрастающую часть этого потока формируют женщины [Martin 2010]. В зависимости от обстоятельств, системы исторически сложившихся иммиграционных приоритетов отдельных принимающих стран доля трудовой иммиграции в общем притоке мигрантов колеблется в достаточно широких пределах. Однако даже для США, где доля семейного потока существенно превышает все прочие и в последние десятилетия составляет порядка 60–70% приема всех легальных постоянных резидентов (Lawful permanent residents (LPRs)), а трудовая иммиграция — 12–22%, следует иметь в виду, что основная масса иммигрантов в трудоспособном возрасте так или иначе трудоустраивается [Zong, Batalova 2015]. В ряде других принимающих стран образовательный и семейный потоки во все большем масштабе превращаются в ее дополнения. Образовательный поток при этом рассматривается не только как дополнительный источник высококвалифицированных кадров, не требующий достаточно затратных усилий по подтверждению квалификаций или переподготовки, но и как перспективная прибыльная индустрия по подготовке кадров для третьих стран.

Хотя заметное внимание в иммиграционной политике стран приема уделяется программам привлечения инвесторов и предпринимателей, роль предпринимательского потока представляется существенно переоцененной. Так, в Австралии с 2012 г. действует Программа бизнес-инноваций и инвестиций (The business innovation and investment (BII) programme). В соответ-

ствии с ней в 2013–2014 финансовом году визы получили 6160 иностранцев из общего числа въехавших по миграционным программам 190 тыс. чел. При этом спрос на данную категорию виз существенно вырос, однако прием соответствовал запланированным квотам [Department of Immigration and Border Protection 2014].

Кроме того, для регулирования/ограничения притока претендентов из конкретных стран (Китая) использовались различные бюрократические процедуры, включая увеличение сроков рассмотрения заявок и т. п. Что же касается менее привлекательных, с точки зрения инвесторов, стран, таких, например, как Латвия, то там в настоящее время ощущается серьезное снижение интереса со стороны потенциальных инвесторов (спрос на получение временного вида на жительство в Латвии упал на 80%) [REGNUM 2015].

Показательно также постепенное распространение в менее развитых странах практики продажи долгосрочных виз с особым статусом (схема «золотой визы» в Португалии [Portuguese-American-journal 2014] (действует с 2012 г.), на Мальте и в ряде других стран), предполагающим получение долгосрочной привилегированной визы в случае существенных инвестиций в стране приема (прежде всего покупка недвижимости). В условиях продолжающихся кризисных явлений для данного класса стран понятен поиск новых источников инвестиций, однако параллельно возрастает и вероятность роста коррупции.

С начала 2000-х гг. происходит планомерная **трансформация институтов иммиграционного отбора:**

- усиливается роль программно-целевого принципа планирования (конкретные программы, ориентированные на конкретные категории востребованных на рынке труда иностранцев);
- осуществляется ужесточение требований к работодателям, привлекающим иностранную рабочую силу (ИРС), образовательным провайдерам, принимающим иностранных студентов;
- повышаются требования к претендентам на въезд (на основе балльной системы, тестов рынка труда, списков дефицитных профессий, зарплатных порогов для различных профессионально-квалификационных категорий и т. п.).

Соответственно трансформируется и усложняется вся система механизмов отбора и отсева претендентов на въезд. В частности, набирает популярность формирование единых национальных банков заявок претендентов на получение рабочих виз наряду с такими традиционными каналами коммуникации, как прямой выход на работодателя или использование услуг частных агентств занятости. Эти банки облегчают работодателям поиск кандидатур необходимой квалификации, а иммиграционным службам позволяют рационализировать процедуры отбора и оформления одобренных кандидатов (SkillSelect в Австралии, Express Entry system в Канаде, система миграционного спонсорства в Великобритании и Нидерландах).

В связи с набирающим обороты процессом модернизации и трансформации национальных систем иммиграционного отбора и контроля возникает необходимость новых подходов к анализу данных структур, их составных элементов, эффективности и соответствия целям и задачам иммиграционной политики конкретных стран.

Собственно как повышение градуса дискуссий вокруг общих и конкретных тенденций внешней миграции в современных условиях, ее роли и места в социально-экономическом, а сегодня и в политическом контексте, так и явное отсутствие ясных представлений о необходимых действиях (США и ЕС наглядный тому пример) в условиях нарастающей неопределенности подвигают к анализу реальных инструментов и механизмов, «правильная» комбинация которых может стать более или менее адекватным ответом на возрастающую неопределенность современной ситуации.

То, что принимающие страны при всех конкретных различиях, затемняющих реалии, все больший упор делают на избирательный прием трудовых мигрантов как стержень иммиграционной политики и при этом плохо понимают, как ограничить кумулятивные эффекты семейной миграции и волны нелегалов, прежде всего беженцев, по всей видимости, определяет перспективы складывания новой иммиграционной политической парадигмы как минимум на среднесрочный срок (естественно, при отсутствии катастрофических сценариев в проблемных регионах). Собственно это и заставляет обратить более пристальное внимание на феномен спонсорства в сфере регулирования иммиграционных потоков. Избирательность в миграционной политике связана как с ростом значения и ответственности при-

нимающей стороны за приглашаемого иностранца, так и с тем, что данный феномен предполагает наличие и использование целой системы инструментов и «фильтров» иммиграционного отбора и отсева (от обязанности заключения предварительного контракта, получения разрешения на привлечение иностранца до выполнения целого комплекса спонсорских обязательств в период работы или учебы данного иностранца принимающей стороной, так же как и семейным спонсором, берущим ответственность за приглашенного родственника (афидавит в США, Assurance of support — в Австралии).

Институализация спонсорских отношений хорошо просматривается в ряде основных принимающих стран. Если спонсорство в семейном потоке — общепринятый институт, соответственно оформляемый, то упорядочение обязанностей спонсоров, их ответственности, получение соответствующих лицензий, формирование списков спонсоров — реалии XXI в.

Феномен регулируемых спонсорских отношений постепенно выходит за рамки англосаксонских стран. Собственно в самом общем и нормативно не оформленном виде его элементы представлены в системах отбора экономических мигрантов большинства принимающих стран. Нормативное требование заключения трудового контракта работодателя с потенциальным иностранным работником составляет базовый принцип в большинстве национальных систем отбора. Другое дело, что наряду с данным основополагающим принципом могут использоваться иные способы привлечения и использования иностранной рабочей силы (ИРС), но и в этом случае в руках регулятора имеется ряд фильтров, позволяющих регулировать (дозировать) приток иностранцев в страну. Речь идет прежде всего о целенаправленном допуске на рынок труда конкретной страны иностранцев для свободного поиска подходящей работы и работодателя. Обычно это касается выпускников вузов данной страны, получающих специальную визу для поиска работы. Например, в Австралии для выпускников вузов используется *The Temporary Graduate visa* (subclass 485), включающая два потока соискателей — *Graduate Work stream* и *Post-Study Work stream* [Department of Immigration and Border Protection 2015]. Подобные схемы используются и в других принимающих странах (США, Канаде, Великобритании, ФРГ).

Для привлечения высококвалифицированных специалистов в ЕС введена «голубая карта», получение которой обусловлено

рядом как общеевропейских, так и национальных требований [ЕС 2009; European Migration Network 2013]. И в самом чистом виде это отбор иностранцев для постоянной иммиграции на основе балльной системы [Murray 2011; Holzmann, Pouget 2011; Law Library of Congress 2013].

Однако последний инструмент предварительного отбора в условиях мировой рецессии подвергается заметному ужесточению требований и повышению проходного балла, все больше рассматривается как первичный фильтр на пути к получению срочной трудовой визы или разрешения на пребывание/работу.

Нередко в литературе заключение предварительного трудового контракта рассматривается как часть процесса трудовой иммиграции. Оно удовлетворяет насущные потребности работодателей (demand-driven, demand-led, employer-driven). Однако в условиях современного рынка труда, подвергающегося как структурным, так и системным воздействиям, все усиливающимся притоком недокументированных и нелегальных мигрантов, принимающие страны вынуждены ограничивать свободный поток «свободных» кадров из-за рубежа, чтобы минимизировать рост социальной нестабильности.

Собственно, «свободные» волны поселенческой миграцииходят в прошлое, на смену им приходит поиск наиболее квалифицированных и востребованных (best & brightest) [Cerna 2011]. В структуре международной миграции все ярственнее проявляется разделение, размежевание на **добровольную**, в основном высококвалифицированную, а также менеджерскую миграцию и **вынужденную**, обусловленную как «выталкивающими» (push), так и «привлекающими» (pull) факторами (уровнем жизни, наличием работы и т. п.).

В данных обстоятельствах роль предварительных договоренностей работодателя и потенциального иностранного сотрудника вновь актуализируется, приобретает былую значимость, несколько потускневшую в условиях активного экономического роста, наблюдавшегося каких-то семь-восемь лет назад! Соответственно актуализируется и укрепляется вся цепочка институтов и механизмов регулирования процесса удовлетворения потребности работодателя в привлечении ИРС:

- проверка реальности потенциальной потребности (тест рынка труда);

- проверка соответствия предварительного контракта национальному законодательству (антидемпинговому и трудовому);
- получение разрешения на привлечение иностранного работника или спонсорского сертификата (certificate of sponsorship), как в Великобритании;
- получение разрешения на пребывание/работу иностранным работником.

Естественно, что каждый из выделенных этапов включает свой набор фильтров. При этом не следует думать, что рассматриваемый процесс линейен. Отнюдь нет. В зависимости от конъюнктуры на рынке труда, иных привходящих условий число используемых фильтров может уменьшаться, пороговые значения требований к оплате труда, квалификации отдельных категорий ИРС варьироваться.

Наиболее законченное институциональное оформление феномен спонсорства получил в Великобритании, где сформировалась и действует стройная система управления спонсорством (sponsorship management system, SMS) [Home Office 2015]. Недавно законодательно оформленный в Нидерландах принцип спонсорства в трудовой миграции изложен очень лапидарно и четко, без массы исключений и пересекающихся дополнительных требований, крайне затемняющих роль базовых принципов [Immigration and Naturalisation Service 2015a]. Следует обратить внимание, что в Нидерландах, в отличие от Великобритании, регистрация в качестве спонсора декларируется как **добровольная**. Но при этом регистрация обставлена определенными требованиями к претендующей организации. Привлечение обосновывается выгодами, а не санкциями за нарушения. Кроме того, система спонсорства распространяется на четыре наиболее востребованные в стране категории иностранцев.

Признанным спонсорам предоставляются следующие преференции:

- ускоренные административные процедуры рассмотрения заявок (две–семь недель вместо максимальных трех месяцев);
- сокращенный пакет требуемой документации;
- прямой контакт с сотрудником иммиграционной службы (IND).

Общие требования к претендентам на признанное спонсорство:

- организация должна быть зарегистрирована в регистре юридических лиц (trade register), если иное не предусмотрено Законом 2007 г. о Регистре юридических лиц (Company Trade register act 2007);
- организация не является банкротом;
- организация и ее руководство признаны благонадежными [Ibid.].

В целом требования ко всем четырем группам спонсоров стандартны, разница только в конкретных деталях. Не следует упускать из виду, что так же, как и в ряде других принимающих стран, данная процедура предполагает уплату соответствующих пошлин [Immigration and Naturalisation Service 2015b].

Несмотря на добровольность получения статуса и декларирование соответствующих выгод, могут применяться и следующие санкции:

- приостановка или отзыв статуса признанного спонсора с запретом на пять лет;
- отзыв разрешения на пребывание;
- предупреждение, далее штраф;
- обращение в прокуратуру;
- депортация за счет организации.

В случае положительного решения о предоставлении статуса признанного спонсора организация вносится в Регистр спонсоров (Public Register Recognized Sponsors) [Immigration and Naturalisation Service 2015c].

В стремлении небольшой высокоразвитой страны структурировать взаимодействие трех акторов (государства, работодателя и иностранца) наглядно прослеживаются все основные элементы и их взаимосвязь в рамках системы спонсорства как феномена иммиграционного регулирования. Как уже отмечалось, основные элементы и взаимосвязи спонсорских отношений присутствуют в подавляющем числе принимающих стран. Однако это присутствие может проявляться в достаточно широком спектре форм. Например, иметь законченное и четко выраженное институциональное оформление, как в Великобритании, либо менее структурированное, как в Австралии, США, Канаде, Швеции, либо в не-

явной форме, как в ФРГ и ряде европейских стран. При этом модернизация и реформирование иммиграционных систем в зависимости от конкретных задач могут видоизменять формы спонсорства, сохраняя и развивая данный инструмент иммиграционного отбора, делая акцент на иных механизмах контроля притока иностранцев на постоянной и временной основе.

Следует отдельно упомянуть об использовании системы спонсорства (кафала) на Ближнем Востоке (в Ливане, Кувейте, странах Персидского залива и Саудовской Аравии) [Khan, Harroff-Tavel 2011; Hertog 2012; JustHere Qatar 2013]. Собственно спонсорскими отношениями многие проявления данной системы назвать трудно. Они скорее соответствуют эпохе крепостничества (особенно в сфере домашнего труда), хотя носят формально добровольный характер для выходцев из Южной Азии, Эритреи или иных арабских стран.

Соответственно, существуют различные обоснования формирования рассматриваемой системы отношений, предпринимаются действия по ее совершенствованию либо реформированию.

В этом смысле показателен опыт Великобритании. За последние 10–15 лет система иммиграционного контроля, следуя за политическими перипетиями, претерпела кардинальную трансформацию. Британский опыт реформирования иммиграционной системы чем-то схож с российским (правда, только в одном аспекте), а именно в постоянном и непрерывном реформировании как основных и второстепенных механизмов, процедур отбора, так и самих институтов, составляющих основу иммиграционной системы. Может статься, что такого рода непрерывность вызвана не только желанием совершенствования, но и двойного несовпадения заявленных и реальных целей миграционного регулирования и неадекватности выбранных инструментов регулирования поставленным задачам.

По определению Иммиграционной службы Соединенного Королевства, «концепция спонсорства лежит в основе балльной системы (The concept of sponsorship is at the heart of the points-based system). Правда, с момента опубликования данных постулатов сама служба претерпела коренное реформирование: разделение на отдельные части и возврат в структуру Home Office. При этом балльная система закономерно трансформировалась в предварительный фильтр первичного отбора (на основе самооценки) [UK Visas and Immigration 2015a]. Наряду с этим

система спонсорства, по мнению ведомства, опирается на два фундаментальных принципа:

- (а) те, кто более всего выигрывает от миграции (работодатели, образовательные провайдеры и т. п.), обязаны вносить свой вклад в обеспечение работоспособности системы;
- (б) Home Office должен быть уверен, что те, кто подает заявление на въезд в страну для работы и учебы, соответствуют предъявляемым требованиям и что достойный работодатель или образовательный провайдер действительно намеревается их принять [UK Visas and Immigration 2015b].

В соответствии с действующими правилами, прежде чем подать заявку на въезд в Великобританию или чтобы остаться в стране для работы или учебы, представитель любой из третьих стран (то есть всех, кроме ЕС и ЕЭЗ¹ и Швейцарии) должен обзавестись спонсором. Процедура получения статуса спонсора выполняет две основные функции в процессе получения претендентом разрешения на въезд: проверку подлинного отсутствия британских претендентов на предлагаемое рабочее место и нормативное закрепление обязательств работодателя на время осуществления спонсорства [UK Visas and Immigration 2015b]. С другой стороны, спонсорские отношения должны служить основой добросовестного выполнения требований закона и предусмотренных обязанностей работодателем (провайдером образовательных услуг) и иностранным работником как во время действия трудового контракта, так и в определенный период после его окончания. Таким образом, система спонсорских отношений выступает своеобразным каркасом взаимоотношений всех трех сторон: государства, работодателя и работника-иностранца, институтом поддержания баланса их интересов.

Как бы ни оценивалась иммиграционная политика и риторика коалиционного правительства (до майских выборов 2015 г.), похоже, что задачу повышения профессионального качества претендентов она решает. Вопрос в длине плеча тренда: является ли оно долгосрочным либо временным, ситуативным? Во всяком случае относительные успехи британской экономики на общеевропейском фоне могут рассматриваться как важ-

ный фактор представленных тенденций [Migration Observatory 2015]. Соответственно феномен спонсорства и сформированная на его основе система регулирования притока иммигрантов в определенных, «стандартных» пределах выполняет свою задачу.

Все вышеописанные меры (и не только они) ориентированы на изменяющиеся потребности национальных экономик в различных категориях ИРС, как высококвалифицированной, так и сезонной (в агробизнесе и строительстве прежде всего). Кроме того, традиционные территориальные и отраслевые предпочтения потенциальных мигрантов вступают в серьезные противоречия с потребностями регионов принимающих стран, избытком рабочих рук в отдельных сегментах экономики. Не случайно в Канаде и Австралии повышенное внимание уделяется развитию региональных иммиграционных программ для канализации притока ИРС на территории и в отрасли, испытывающие недостаток квалифицированных рабочих рук (например, горнорудное производство в северо-восточных штатах Австралии). В этом же направлении действуют списки дефицитных или, наоборот, закрытых для привлечения иностранцев профессионально-квалификационных групп.

В целом можно констатировать, что регулирование притока легальных трудовых и иных мигрантов имеет достаточно большое количество инструментов регулирования, позволяющих при необходимости и использовании адекватных поставленным задачам наборов конкретных инструментов достаточно эффективно выполнять функции отбора и отсева тех или иных категорий иммигрантов. В условиях продолжающихся негативных тенденций на национальных рынках труда многих принимающих стран эти инструменты, их наборы приобретают все возрастающее значение. Другое дело — все усиливающееся давление на иммиграционные системы нестандартных форм притока иностранцев — от нелегальной трудовой миграции до массового въезда беженцев и перемещенных лиц из ряда регионов.

Усиление давления **нелегальной иммиграции** на принимающие страны в условиях продолжающегося кризиса — это проявление не обычного циклического экономического кризиса, а более общих структурных, если не системных сдвигов в мире. Эти сдвиги подталкивают основные принимающие страны (как западные, так и ближневосточные и иные центры притяжения мигрантов):

¹ Европейская экономическая зона. — Прим. ред.

- к реформированию национальных систем иммиграционного регулирования (прежде всего отбора и отсева);
- переходу к более жестким критериям отбора и условий пребывания иностранцев;
- разнообразным попыткам ограничить масштабы нелегальной иммиграции (в том числе через иммиграционные амнистии или перерегистрации).

В России также осуществляется коренная реформа иммиграционной политики — переход от преобладания принципа **регу-лирования** иммиграционных потоков к принципу **реагирования** на объемы предложения безвизового потока мигрантов, что и нашло отражение в соответствующем пакете законов и иных нормативных актов (прежде всего в Федеральном законе от 24.11.2014 № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон от 01.12.2014 № 409-ФЗ «О внесении в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 13 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” изменений, связанных с особенностями регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства»).

Эти изменения сопровождаются созданием соответствующей инфраструктуры (многофункциональных центров (МФЦ), уполномоченных образовательных центров, системы тестирования и т. п.). В отличие от большинства западных принимающих стран основной упор делается на взаимодействие с безвизовыми мигрантами (система патентов, ужесточение правил пребывания) вместо выстраивания **системы отношений с работодателями**, используемыми ИРС (аналог системы иммиграционного спонсорства).

В мировой практике есть лишь один пример использования патентов для трудовых мигрантов — Великобритания 1970-х гг. Однако он использовался крайне недолго. Оправдывается ли данное изменение российской модели иммиграционного регулирования, покажет только практика.

Однако уже сейчас можно сказать, что абсолютизация принципа реагирования, подкрепляемая интересами пополнения региональных бюджетов за счет продажи миграционных патентов,

в перспективе ведет только к усугублению проблемы локализации масс безвизовых мигрантов в основных регионах их притяжения (столичной агломерации и мегаполисах). Это, как правило, ведет к росту нелегального присутствия иностранцев в данных регионах и, что более существенно, не позволяет переориентировать потоки трудовых мигрантов на менее привлекательные, с точки зрения мигрантов, регионы, заинтересованные в притоке ИРС. Уже упоминавшиеся региональные программы привлечения ИРС в Австралии и Канаде достаточно наглядно иллюстрируют эти процессы, так как в недостаточной степени могут корректировать изменение направления основных потоков мигрантов. Кроме того, зачастую миграционные потоки формируются по сетевому принципу, опираются на национально-территориальные диаспоры и функционируют по собственным законам [Light 2006].

В условиях структурных изменений в экономике и социуме (сокращение производящих рабочих мест, рост сферы обслуживания и т. п.) возрастает степень неопределенности трендов развития, снижается горизонт прогноза. В подобных условиях привлекательность **реагирования** в отличие от **прогнозирования** может очаровывать лиц, принимающих решения. Однако это свидетельствует и о низкой эффективности сложившейся модели иммиграционного контроля, об отсутствии четких целей и задач иммиграционной политики.

Теоретически реагирование может рассматриваться как форма регулирования и, соответственно, один подход (форма) ничем не превосходит другой. Однако в реальной практике следует стремиться к постоянному поддержанию необходимого баланса обеих стратегий. В условиях стабильного, прогнозируемого развития национальной экономики регулирование, как свидетельствует международный опыт, в целом более приемлемо и продуктивно. В условиях турбулентного процесса снижения горизонта прогноза тактика и инструменты реагирования приобретают относительно большее значение, но вряд ли способны в полной мере заменить те инструменты и подходы, которые относятся к сфере регулирования в прикладном значении. Не случайно реформы иммиграционной системы в Турции, Саудовской Аравии и странах Персидского залива достаточно наглядно демонстрируют вынужденность перехода именно к регулированию и контролю от практики пассивного реагирования [Kilberg 2014; Hussain 2014; JustHere Qatar 2013].

Допущение, что внешняя миграция может и должна рассматриваться прежде всего как шанс и ресурс — шанс преодоления кризиса и ресурс социально-экономического развития, очень привлекательно. Однако оно заслуживает помещения в конкретный социально-экономический и политический контекст и анализа, опирающегося на учет генезиса современной иммиграционной политики, ее соотношения с положением на рынке труда и в экономике в целом.

Каким образом принимающая страна должна обращаться с иммиграцией, чтобы она работала для развития страны, в частности, для роста ее человеческого капитала? Прежде всего следует решить для себя (заручившись поддержкой модальных групп населения), какую модель развития она выбирает и чего конкретно собирается достичь в обозримой перспективе. В противном случае разрыв между декларируемой и реальной миграционной политикой будет только усугубляться.

В условиях непрекращающегося кризиса проблема использования труда мигрантов приобретает не только экономическое, но и политическое значение. В силу этого не существует однозначного ответа на вопрос о целесообразности использования потенциала иммиграции. Это зависит как минимум:

- от реалистичности (наличия) целей и задач преодоления кризиса, адекватности оценки необходимых и имеющихся ресурсов, способности их мобилизовать;
- сложившейся структуры и текущего состояния экономики;
- уровня социальной напряженности;
- стабильности политической ситуации внутри и вне страны;
- эффективности системы иммиграционного регулирования;
- соотношения реальной и декларируемой миграционной политики (глубины существующего разрыва).

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Эни, Э., Мищенко, О. (2015). Социологи: Массовый приток беженцев все больше беспокоит немцев. <http://www.dw.com/ru/социологи-массовый-приток-беженцев-все-больше-беспокоит-немцев/a-18759510>
- Arango, J. (2004). Theories of International Migration. In D. Joly (ed.), *International Migration and the New Millennium*. Aldershot: Ashgate, p. 15–36.
- Brettell, C.B., Hollifield, J.F. (eds.) (2014). *Migration Theory: Talking across Disciplines*, 3rd Edition, N. Y.: Routledge.

Cerna, L. (2011). *Selecting the Best and Brightest*, University of Oxford, Migration Observatory, Policy Primer. <http://www.migrationobservatory.ox.ac.uk/policy-primers/selecting-best-and-brightest>

Department of Immigration and Border Protection (2014). *Migration Programme Report 2013–14*. Programme year to 30 June 2014. <http://www.border.gov.au/ReportsandPublications/Documents/statistics/report-migration-programme-2013-14.pdf>

Department of Immigration and Border Protection (2015). *Temporary Graduate visa (subclass 485)*. <https://www.border.gov.au/Trav/Visa-1/485>

EC (2009). Directive 2009/50/EC on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purposes of highly qualified employment. <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32009L0050>

Eurofound (2014). *Labour mobility in the EU: Recent trends and policies*, Luxembourg, Publications Office of the European Union. http://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1456_en_1.pdf

European Migration Network (2013). *Attracting Highly Qualified and Qualified Third-Country Nationals: EMN Synthesis Report*. http://extranjerosempleo.gob.es/es/redeuropeamigracion/Estudios_monograficos/EMN_Synthesis_Report_Attracting_Highly_Qualified_EN.pdf

European Migration Network (2013). *Intra-EU mobility of third-country nationals. EMN Synthesis Report*. http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/doc_centre/immigration/docs/studies/emn-synthesis_report_intra_eu_mobility_final_july_2013.pdf

Hertog, S. (2012). A comparative assessment of labor market nationalization policies in the GCC. In: Hertog, Steffen, (ed.) *National employment, migration and education in the GCC. The Gulf Region: economic development and diversification*, Gerlach Press, Berlin. <http://eprints.lse.ac.uk/46746/>

Holzmann, R., Pouget, Y. (2011). *Admission Schemes for Foreign Workers: A Labor Market Tool for National Economic Development*, World Bank, Policy Guidance Paper. http://siteresources.worldbank.org/SOCIALPROTECTION/Resources/280558-1138289492561/2158434-1138289513224/Admission_Schemes_Foreign_Workers_RHolzmann_YPouget.pdf

Home Office (2015). *UK visa sponsorship for employers*. <https://www.gov.uk/uk-visa-sponsorship-employers/overview>

Hussain, Z. (2014). *Nitaqat — The Second Wave of Saudi-isation: Implications for India*, Indian Council of World Affairs. http://www.icwa.in/pdfs/IB/2014/IB_secondwaveof.pdf

Immigration and Economics (2015). *Key Topics*, Migration WatchUK. <http://www.migrationwatchuk.org/key-topics/economics>

Immigration and Naturalisation Service (2015a). *Recognition as Sponsor*. <https://ind.nl/EN/business/employer/working-as-employee/recognition-sponsor>

Immigration and Naturalisation Service (2015b). (Recognised) sponsors. <https://www.ind.nl/EN/individuals/residence-wizard/other-information/recognised-sponsors/>

Immigration and Naturalisation Service (2015c). Public Register Recognized Sponsors. <https://www.ind.nl/EN/business/public-register>

ILO (2015). World employment and social outlook 2015: The changing nature of jobs, International Labour Office, Geneva, ILO.

Just Here Qatar (2013). A comparison of 'kafala' system in GCC; Qatar lags behind on reforms. <http://www.justhere.qa/2013/11/comparison-kafala-system-gcc-qatar-lags-behind-reforms/>

King, R. (2012). Theories and Typologies of Migration: An Overview and a Primer, Willy Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations 3/12 MALMÖ University. <https://www.mah.se/upload/For-skningscentrum/MIM/WB/WB%203.12.pdf>

Khalip, A. (2015). Portugal brain drain spells lasting headache for election winner. <https://uk.news.yahoo.com/portugal-brain-drain-spells-lasting-headache-election-winner-122831023.html#9vFxfFt>

Khan, A., Harroff-Tavel, H. (2011). Reforming the Kafala: Challenges and Opportunities in Moving Forward, Asian and Pacific Migration Journal, 20(3-4). <http://www.dubaifaqs.com/visa-residence-dubai.php>

Kilberg, R. (2014). Turkey's Evolving Migration Identity, Migration Policy Institute. <http://migrationpolicy.org>

Koser, K. (2009). Study of employment and residence permits for migrant workers in major countries of destination, International Labour Office, International Migration Programme, International migration papers (95) Geneva, ILO.

Kustec, S. (2012). The role of migrant labour supply in the Canadian labour market, Citizenship & Immigration Canada.

Law Library of Congress (2013). Points-Based Immigration Systems Australia • Canada • United Kingdom. <http://www.loc.gov/law/help/points-based-immigration/Points-Based%20Immigration%20Systems.pdf>

Light, I. H. (2006). Deflecting immigration: networks, markets, and regulation in Los Angeles, N. Y.: Russell Sage Foundation.

Martin, P. (2010). The future of labour migration costs, Background paper for the World Migration Report 2010, IOM: Geneva.

Migration Advisory Committee (2012). Analysis of the Impacts of Migration. <https://www.gov.uk/government/publications/analysis-of-the-impacts-of-migration>

Migration Observatory (2015). State of the nation: The immigration numbers game, University of Oxford. <http://migrationobservatory.ox.ac.uk/commentary/state-nation-immigration-numbers-game>

Murray, A. (2011). Britain's points based migration system, London, CentreForum. <http://www.centreforum.org/assets/pubs/points-based-system.pdf>

Nonneman, W. (2007). European Immigration and the Labor Market. <http://www.migrationpolicy.org/research/european-immigration-and-labor-market>

Papademetriou, D. G., Somerville, W., Tanaka, H. (2008). Hybrid Immigrant Selection Systems: The Next Generation of Economic Migration Schemes, Migration Policy Institute. <http://www.migrationpolicy.org/research/hybrid-immigrant-selection-systems-next-generation-economic-migration-schemes>

Pastore, F. (2014). The Governance of Migrant Labour Supply in Europe, Before and During the Crisis, CMS 2(4). <http://imiscoe.org/journal-cms-2/comparative-migration-studies-complete-issue-24/337-cms-20144-full-issue/file>

Penninx, R., Spencer, D. and Van Hear, N. (2008). Migration and Integration in Europe: The State of Research, Centre on Migration, Policy and Society University of Oxford. <http://www.compas.ox.ac.uk/publications/Reports.shtml>

Portuguese-american-journal (2014). Corruption: Golden Visa scheme leads to 11 arrests and resignation of Interior Minister — Portugal. <http://portuguese-american-journal.com/corruption-golden-visa-scheme-leads-to-11-arrests-and-resignation-of-interior-minister-portugal/>

Ramsay, S. (2013). Migrant Crisis: 'UN Should Police Libyan Ports'. Sky News. <http://news.sky.com/story/1158905/migrant-crisis-un-should-police-libyan-ports>

REGNUM (2015). Спрос на получение временного вида на жительство в Латвии упал на 80%. Подробности: <http://regnum.ru/news/economy/1980885.html>

Ruhs, M., Vargas-Silva, C. (2015). The Labour Market Effects of Immigration. <http://migrationobservatory.ox.ac.uk/briefings/labour-market-effects-immigration>

UK Visas and Immigration (2015) a. Points-based calculator. <https://www.points.homeoffice.gov.uk/gui-migrant-jsf/SelfAssessment/SelfAssessment.faces>

UK Visas and Immigration (2015b). Tier 2 and 5 version 04/15 Tier 2 and 5 of the Points Based System Guidance for Sponsors. <https://www.gov.uk/government/publications/sponsor-a-tier-2-or-5-worker-guidance-for-employers>

UNHCR (2007). Refugee Protection and Mixed Migration: A 10-Point Plan of Action. <http://www.unhcr.org/4742a30b4.html>

Van den Berg, H., Bodvarsson, Ö. B. (2013). The Economics of Immigration. Theory and Policy, 2nd ed., N. Y., Springer.

Zong, J., Batalova, J. (2015). Green-Card Holders and Legal Immigration to the United States. Migration Policy institute. <http://www.migrationpolicy.org/article/green-card-holders-and-legal-immigration-united-states>

И. ЦАПЕНКО,
доктор экономических наук, заведующий сектором
социально-экономического развития ИМЭМО РАН

Социально-экономические последствия иммиграции

Как показывают опросы, среди населения принимающих стран широко распространено мнение о том, что иммиграция ухудшает ситуацию в экономике, повышает напряженность на рынке труда, увеличивает нагрузку на сферу социальных услуг и др. Эти тревоги заметно усиливаются в условиях современного миграционного кризиса в Европе — крупнейшего со времен Второй мировой войны, втянувшего в вынужденные перемещения от 10 до 20 млн человек. Согласно майскому обследованию «Евробарометра», по мнению жителей стран ЕС, иммиграция, которой обычно отводилось 3–4-е места в рейтинге наиболее значимых проблем Евросоюза, сейчас стала самым важным вопросом для граждан Евросоюза (рис. 1) и вторым по значимости после безработицы для их стран (рис. 2).

Однако опрошенные не придают большого значения проблеме иммиграции, не включая ее даже в десятку волнующих их лично вопросов (рис. 3). Более того, как свидетельствует ряд исследований, иммиграция даже несколько повышает удовлетворенность населения жизнью [Akay et al. 2012; Betz, Simpson 2013].

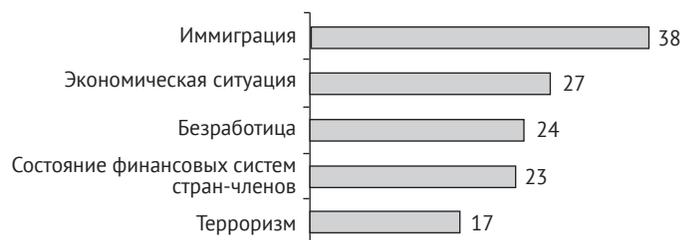

Рис. 1. Наиболее важные, по мнению жителей стран ЕС, проблемы для Евросоюза, май 2015 г., % респондентов

Источник: [Standard Eurobarometer 2015a]

Социально-экономические последствия иммиграции...

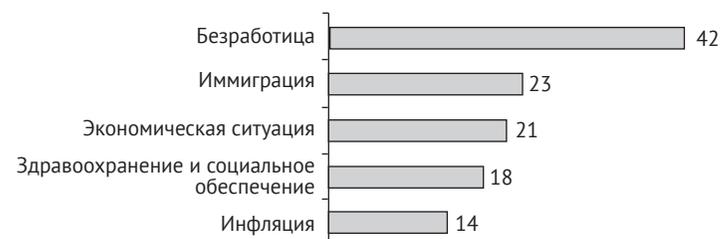

Рис. 2. Наиболее важные, по мнению жителей стран ЕС, проблемы для их стран, май 2015 г., % респондентов

Источник: [Standard Eurobarometer, 2015a]

Рис. 3. Наиболее важные, по мнению жителей стран ЕС, проблемы для них лично, май 2015 г., % респондентов

Источник: [Standard Eurobarometer 2015b]

Подобная противоречивость восприятия иммиграции объясняется не только факторами субъективного характера¹. Она во

¹ Мнение людей о воздействии иммиграции на их личную жизнь, жизнь членов их семьи, родного города гораздо более конкретно, адекватно и благожелательно в отличие от абстрагированных, искаженных под

многим воспроизводит неоднозначность объективных эффектов иммиграции. Последствия иммиграции заметно варьируются в зависимости от конкретных направлений ее воздействия, сроков и территориального уровня проявления ее эффектов, экономического и социально-политического контекста иммиграции, соотношения в составе приезжих гуманитарного и трудового, постоянного и временного, легального и нелегального потоков, профессионально-квалификационных, возрастных, семейных, этнокультурных и прочих характеристик иммигрантов.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИММИГРАЦИИ В РАЗВИТЫЕ РЕГИОНЫ

Как свидетельствует статистика последних десятилетий, международная миграция населения — масштабный и интенсивно развивающийся вопреки экономическим катаклизмам процесс. Согласно данным ООН, в 2013 г. мировая численность международных мигрантов, то есть лиц, родившихся за пределами страны проживания (население иностранного происхождения), достигла 231,5 млн. В более развитых регионах мира (странах Запада и странах с переходной экономикой) приезжие насчитывали 135,6 млн, составляя почти девятую часть населения этих территорий [Trends in International Migration Stock 2013]. При этом в Швейцарии, Австралии, Новой Зеландии и Канаде их доля превышала 20%, а в Люксембурге составляла более 40%. С учетом же потомков мигрантов в первом поколении, родившихся в стране иммиграции, этот показатель увеличивается в 1,5–2 раза. Доля лиц с иностранными корнями приближается к половине населения Австралии, Новой Зеландии и Швейцарии, а в Люксембурге насчитывает свыше 60% жителей (табл. 1).

воздействием СМИ, а также недостатка объективной информации враждебных представлений о последствиях иммиграции на национальном уровне. Более благожелательное восприятие коренными жителями влияния иммиграции на микросоциальные процессы, затрагивающие их лично и их ближайшее социальное окружение, оказывает гораздо большее воздействие на их субъективное благополучие по сравнению с негативными оценками макросоциальных издержек и угроз иммиграции [Цапенко 2015].

Таблица 1. Доля лиц с иностранными корнями
в населении западных стран, 2013 г., %

	Лица, родившиеся за границей	Лица, родившиеся за границей, и их потомки в первом поколении, родившиеся в стране иммиграции
ОЭСР (30)	10,58	18,44
ЕС (26)	9,86	15,88
Люксембург	43,3	60,7
Австралия	25,67	46,21
Новая Зеландия	25,27	44,87
Швейцария	28,78	43,28
Канада	20,90	38,50
Бельгия	16,80	31,14
Швеция	15,65	27,75
Австрия	15,52	27,08
Франция	11,72	26,30
США	13,21	24,36
Норвегия	13,79	20,86
Германия	13,33	19,95
Нидерланды	10,66	19,75
Великобритания	12,39	19,19
Испания	12,13	16,38
Ирландия	14,04	16,30
Дания	7,56	14,41
Италия	8,45	9,40
Португалия	7,00	8,30
Финляндия	4,93	7,65
Греция	5,01	6,60

Источник: [Indicators of immigrant integration 2015]

Однако динамика роста численности мигрантов в указанных странах замедляется. Среднегодовые темпы прироста этой группы населения снизились с 2,3% в 1990–2000-е гг. до 1,5% в 2010–2013 гг. [Trends in International Migration Stock 2013]. При этом в Ирландии, Исландии и Эстонии с конца нулевых годов отмечалось даже сокращение численности приезжих. Эта тенденция возникла под воздействием последней глобальной рецессии, повлекшей резкое сжатие большинства миграционных потоков в северные страны одновременно с интенсификацией возвратных перемещений оттуда.

Сильнее всего кризис ударил по трудовой миграции, вызвав масштабное падение спроса на приезжих работников, особенно в таких отраслях их традиционной концентрации, как строительство, торговля, гостиничный и ресторанный бизнес, которые весьма чувствительны к колебаниям конъюнктуры. В условиях массовой безработицы принимающие страны возвели протекционистские барьеры на пути иностранной рабочей силы. За 2007–2012 гг. потоки временных мигрантов в страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), большинство которых относится к числу западных стран и стран с переходной экономикой, в целом сократились примерно на четверть, в том числе сезонников — на 64% [International Migration Outlook 2014]. Контингент новых мигрантов, прибывающих в ЕС из третьих стран для постоянной работы, уменьшился за указанный период почти на 40%. При этом на территории ЕС понизилась интенсивность свободного перемещения населения, значительная часть которого также носит трудовой характер.

Несмотря на ослабление, миграционные потоки тем не менее остаются многолюдными, выделяясь повышенной концентрацией лиц активного трудоспособного возраста (25–44 года). Данный факт отражает сохранение устойчивых потребностей экономики развитых регионов в иностранной рабочей силе.

Рестриктивный характер современной иммиграционной политики, затронувший в наибольшей мере потоки малоквалифицированных работников, и ее возросшая селективность в пользу востребованных высококвалифицированных специалистов сказались в кардинально различной динамике соответствующих групп населения иностранного происхождения. За 2000-е гг. в странах ОЭСР прирост численности мигрантов с высоким

уровнем образования составил 70%¹, с низким — 10% [Arslan et al. 2014].

В результате в ЕС удельный вес групп с образованием третьей ступени² в общей массе мигрантов 15–74 года увеличился с 23,1% в 2004 г. до 27,4% в 2013 г. и теперь превосходит аналогичный показатель среди коренного населения — 24% [Eurostat database 2015]. Особенно высоких значений доля высокообразованных мигрантов достигает в Канаде — 52%, Ирландии — 47%, Великобритании — 46%, Болгарии — 42%, Новой Зеландии — 39% и Австралии — 38%, превосходя на 10–20 порядковых пунктов (далее — п. п.) аналогичный показатель среди местного населения [Arslan et al. 2014].

Весомая доля приезжих с образованием третьей ступени, являющихся носителями инновационных человеческих ресурсов и наиболее быстро интегрируемых в принимающие общества, составляет главный актив иммиграции. Показательно, что в 2013 г. в странах ОЭСР доля занятых среди них составляла 77%, что было заметно выше, чем среди других категорий мигрантов. Вместе с тем уровень занятости приезжих специалистов остается более низким, чем местных (84%). Кроме того, 30% таких мигрантов работают на должностях ниже уровня квалификации, что в 1,5 раза выше, чем у аналогичной группы местных работников [International Migration Outlook 2014].

Это свидетельствует о существенном недоиспользовании человеческого капитала, который потенциально мог бы приносить еще большую социально-экономическую отдачу. Кроме того, конкуренция более образованных мигрантов в низших сегментах рынка труда усугубляет там и без того сложную ситуацию.

В то же время за 2004–2013 гг. в ЕС доля иммигрантов, не имеющих полного среднего образования, понизилась с 40,2 до

¹ Этому процессу благоприятствовало стремительное развитие учебной миграции, которая, будучи источником финансовых поступлений и востребованных кадров высокой квалификации, остается желательной для принимающих стран. Число иностранных студентов, обучающихся в странах ОЭСР, возросло за 2007–2012 гг. в 1,4 раза, достигнув 3,4 млн [International Migration Outlook 2014].

² Программы профессионального образования, образования университетского типа и «продвинутой исследовательской программы», которые аналогичны среднему и высшему профессиональному образованию в России (включая послевузовское). — *Прим. ред.*

36,8%. Тем не менее она пока остается существенно большей, чем среди местных жителей (29,5%) [Eurostat database 2015]. Многочисленность этой категории является главным источником социальных проблем в принимающих странах. Во-первых, эти проблемы связаны с тем, что значительная часть таких иностранцев прибывает по каналам семейной и гуманитарной иммиграции, не обусловленной потребностями рынка труда. От 61 до 81% населения иностранного происхождения, проживавшего в 2008 г. в Бельгии, Нидерландах, Норвегии и Швеции, прибыло туда на постоянное место жительства в качестве воссоединяющихся взрослых членов семей или лиц со статусом беженца либо аналогичным ему [International Migration Outlook 2014]. И роль таких каналов в структуре постоянной иммиграции увеличивается на фоне резкого свертывания трудовых потоков¹.

Кроме того, усиливаются потоки лиц, ищущих убежища. С 2010 по 2013 г. в условиях конфликта в Сирии и сложной обстановки в ряде других стран их число в государствах ОЭСР возросло более чем на 60%. В 2014 г. в страны ЕС было подано максимальное с 1992 г. число прошений на предоставление убежища — 627 тыс., что на 40% превысило уровень 2013 г. Согласно данным Евростата и УВКБ ООН, на долю ЕС в 2014 г. приходилось 43% общемировой численности лиц, ищущих убежища, главным образом выходцев из Сирии, Афганистана и Эритреи (на Россию — почти 17%, однако это в основном уроженцы Украины) [Asylum in the EU 2015]. В первые шесть месяцев 2015 г. было подано уже 400 тыс. таких прошений.

Низкий уровень занятости малообразованных мигрантов, составлявший в ОЭСР 54% в 2013 г., свидетельствует об избыточности этой категории рабочей силы, что сказывается на обострении конкуренции в соответствующем сегменте рынка труда и давлении на занятость и заработки местных работников аналогичной квалификации. Кроме того, большие сложности первоначальной социально-экономической интеграции мигрантов, прибывающих по семейному и гуманитарному каналам, проявля-

ются в заметно более низком по сравнению с трудовыми мигрантами уровне их занятости. В особенности это касается женщин. Описанные обстоятельства обуславливают необходимость специальных государственных программ и соответственных расходов по их социальной поддержке.

Особую остроту социальным проблемам придает инокультурный характер современной иммиграции. С 1990 по 2013 г. 78% прироста численности приезжих в северных регионах приходилось на выходцев из южных регионов и доля последних среди населения иностранного происхождения в более развитых странах сейчас составляет около 60%, превышая 80% в США и Канаде [International Migration 2013: 2]. Доминирование представителей иных цивилизационных «миров» среди мигрантов порождает этнокультурные и этноконфессиональные риски для принимающих обществ. В США, где испанский язык является родным для более чем половины лиц иностранного происхождения, отмечаются тенденции к испанизации территорий с повышенной концентрацией таких жителей. В государствах ЕС быстро растущая численность мусульман, составляющих 27% всех мигрантов и уже насчитывающих почти 5 млн жителей Франции и Германии, создает угрозу исламизации принимающих обществ [Faith on the Move 2012].

Сложность интеграции таких мигрантов проистекает не только из устойчивости инокультурной составляющей их идентичности, во многом она обусловлена социально-экономическими причинами. Низкий уровень образования большей части выходцев из развивающихся стран, составлявшей в 2010–2011 гг. 74% среди прибывших менее пяти лет назад в страны ОЭСР уроженцев Сомали, 62% — Марокко, 57% — Мексики [Arslan et al. 2014], осложняет овладение приезжими языком принимающего общества, усвоение его норм и ценностей. При ограниченной «транспортбельности» человеческого капитала, приобретенного мигрантами в стране происхождения, тем меньшей, чем большей является социокультурная дистанция между странами происхождения и назначения мигрантов, в сочетании с дискриминацией инокультурных мигрантов культурные различия превращаются в социальное неравенство. Так, в странах ЕС средний уровень безработицы среди мигрантов, достигавший в 2013 г. 15,5%, в 1,5 раза превышал аналогичный показатель среди местных жителей [Eurostat database

¹ За 2007–2012 гг. совокупная доля иностранцев, принимаемых на постоянное место жительства в страны ОЭСР по каналам воссоединения семей, в качестве сопровождающих членов семей иностранных работников, а также лиц, получающих статус беженца или аналогичный ему, увеличилась с 47,9 до 51,3% (рассчитано по: [International Migration Outlook 2014]).

2015]. В государствах ОЭСР доля работающих бедных (совокупный доход домохозяйства на 50% ниже медианного по стране проживания) среди мигрантов составляла 27%, что было в 2 раза выше, чем среди местных жителей [International Migration Outlook 2014]. Проблемы мигрантов на рынке рабочей силы усиливают общую напряженность в трудовой сфере и непосредственно сказываются на положении мигрантов в системе бюджетных потоков в принимающих странах.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ ИММИГРАЦИИ

При всей противоречивости экономических последствий иммиграции существует целый ряд ее очевидных позитивных эффектов. Пополняя население принимающих стран, обеспечивая жизненно важные, в том числе неторгуемые, сектора рабочей силой, способствуя росту инвестиционной и предпринимательской активности, повышая гибкость и эффективность функционирования рынка труда, стимулируя инновационное развитие, иммиграция вносит благотворный вклад в развитие экономики.

Иммиграция фактически определяет демографическую динамику развитых регионов. Нетто-миграция обеспечивает свыше 80% прироста населения Евросоюза. При этом в 2003 и 2013 гг. этот показатель достигал 95%. Даже в разгар экономического кризиса в 2009 г. нетто-миграция, несмотря на ее заметное сокращение, продолжала обеспечивать большую часть (58%) демографического прироста ЕС. В Германии и Италии она полностью перекрывает естественную убыль населения [Population and population change statistics 2015]. Напротив, происходящий отток населения из восточноевропейских стран, Испании, Греции и Португалии усугубляет в них депопуляционные тенденции.

О значимости иммиграции для пополнения трудовых ресурсов принимающих государств свидетельствует тот факт, что в нулевые годы она обеспечила 47% прироста рабочей силы в США и 70% в Европе. При этом на долю иммиграции приходился 21% прироста рабочей силы с образованием третьей ступени в США и 14% в Европе [International Migration Outlook 2012].

Несмотря на произошедшее после кризиса сужение трудовых потоков в ОЭСР и большую подверженность безработице приезжих, чем местных жителей, прослеживается тенденция к со-

хранению и росту доли иммигрантов среди занятых. В 2014 г. этот показатель превышал 30% в Швейцарии и 20% в Ирландии (рис. 4).

Хотя годовые потоки мигрантов стимулируют небольшой прирост ВВП, оцениваемый в десятые доли процента, присутствие больших групп приезжего населения и рабочей силы заметно расширяет масштабы совокупного спроса и предложения и тем самым увеличивает масштабы экономики. Согласно данным ОЭСР, медианный уровень валовых часовых заработков мигрантов составляет примерно 80–95% от уровня заработков местного населения [International Migration Outlook 2008]. Если рассматривать этот показатель как косвенный индикатор производительности труда мигрантов и соотнести его с долей мигрантов среди занятых, можно составить представление о вкладе труда мигрантов в производство ВВП. Он будет хотя и меньше доли мигрантов среди занятых, но вполне сопоставим с ней (без учета других факторов).

Кроме того, рост выпуска или совокупного предложения, происходящий в результате вовлечения дополнительных ресурсов и снижения предельных издержек благодаря иммиграции, более существен, чем рост потребления, вызванный ею (большая экономия мигрантов на потребительских расходах, чтобы отправить денежные переводы на родину, их меньший доступ

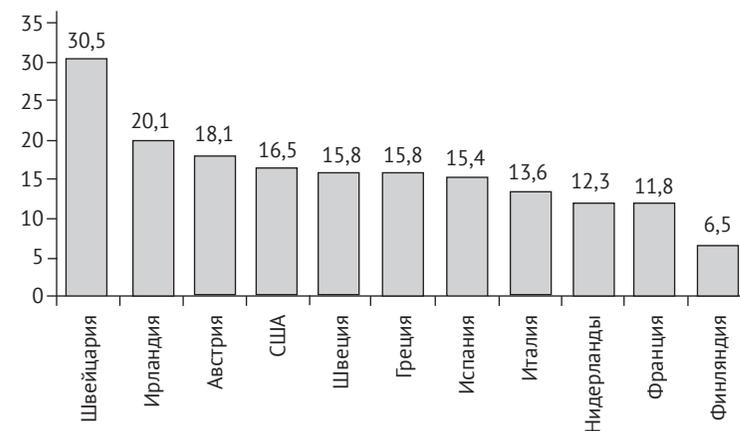

Рис. 4. Доля мигрантов в общей массе занятых, 2014 г., %

Источники и расчеты по: [Eurostat database 2015; Foreign-born Workers 2015]

к социальным пособиям и т. п.). Подобные «ножницы» создают препятствия на пути формирования избыточного спроса, или инфляционного разрыва, порождающего инфляцию спроса.

Даже в условиях нестабильной экономической конъюнктуры существуют острые структурные диспропорции на рынке труда, сохраняются высокие и устойчивые потребности в определенных категориях иностранных работников со стороны целого ряда секторов, прежде всего НИОКР¹, образования, социальной работы и здравоохранения, а также в пищевой промышленности и сельском хозяйстве.

Согласно данным Европейского обследования предприятий 2013 г., 40% европейских компаний отмечали трудности с наймом работников необходимой квалификации. Особенно резкие дисбалансы наблюдаются в сегментах рынка труда средней и высокой квалификации. Так, по данным обследования, проведенного ОЭСР совместно с Ассоциацией немецких торгово-промышленных палат в 2011 г., примерно половина немецких фирм указывала на нехватку кадров средней квалификации, 42% — высшей квалификации и только 20% — низшей [Matching economic migration 2014].

Иммиграция выполняет важную роль в сглаживании остроты подобных проблем. Об этом, в частности, свидетельствует рост занятости мигрантов в соответствующих секторах в годы кризиса. Так, за 2007–2009 гг. в США занятость мигрантов в отраслях, производящих продукты питания, повысилась более чем на 16%, в сфере социального обслуживания — на 18%. В ЕС за 2008–2009 гг. она возросла в сфере коммунальных услуг почти на 24%, в сфере образования — на 7%, что было выше аналогичных показателей среди коренного населения [International Migration Outlook 2010].

Кроме того, благодаря высокой территориальной и профессионально-отраслевой мобильности мигрантов повышается эластичность предложения рабочей силы и обеспечиваются ее переливы из районов и секторов с высоким уровнем напряженности на рынке труда в более благополучные. Подобное «смазывание колес рынка труда» [Vorjas 2001] способствует не только сглаживанию дефицита определенных категорий рабочей силы, но и снижению естественного уровня безработицы. Как отмечает К. Циммерманн, «иммиграция повышает гибкость рынка труда

и оказывает на него позитивное воздействие даже тогда, когда исходный уровень безработицы достаточно высок»¹. В условиях кризиса без использования труда мигрантов в секторах и районах со структурно несбалансированным рынком труда снижение занятости и ВВП, вероятно, были бы еще больше.

Иммиграция усиливает научный и инновационный потенциал принимающих государств. Показательно, что доля иммигрантов среди нобелевских лауреатов за 1906–2010 гг. составляла в США 32%, а в Германии — 17% [Bruner 2011]. В США в 2011 г. иммигранты насчитывали 34,3% работников со степенью магистра и 43,2% со степенью PhD [Science and Engineering Indicators 2014].

Как пишет Р. Флорида, «куда бы ни направлялись таланты, за ними непременно последуют инновации, креативность и экономический рост» [Florida 2005]. Кроме того, разнообразие культурных корней научно-технических работников дает мощный синергетический импульс НИОКР. Известный американский исследователь иммиграции Дж. Борджас, отмечая, что приезд в США иностранных ученых (в частности, советских математиков) может сказаться на снижении заработной платы и публикационной активности менее конкурентоспособных американских исследователей и некотором оттоке последних из соответствующего сектора науки [Vorjas 2009], не ставит, однако, под сомнение экономическую благотворность интеллектуальной иммиграции.

Более того, как свидетельствует целый ряд исследований, возможные издержки миграции компенсируются общим ростом численности научно-технических специалистов и повышением

¹ Цит. по: [Jaet, Ragot]. Повышая эффективность конкурентного рынка труда, иммиграция, однако, может усиливать недостатки неконкурентного рынка. Меньшая по сравнению с США гибкость рынка труда в Европе затрудняет абсорбцию мигрантов, в особенности беженцев, в результате чего иммиграция нередко выступает как фактор, нарушающий равновесие на рынке труда. Кроме того, смягчение остроты структурных диспропорций на рынке труда за счет иммиграции во многих случаях снижает стимулы к поиску работодателями альтернативных путей решения проблем нехватки местных работников (улучшение условий труда, снижение трудоемкости производственных процессов и т. п.), а также к получению местным населением необходимых знаний и навыков для выполнения определенных работ. В результате иммиграция, используемая как средство решения краткосрочных проблем нехватки труда, может создавать условия для возникновения таких проблем в долгосрочном плане.

¹ Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. — Прим. ред.

их продуктивности. Увеличение доли каждой из трех групп иммигрантов: выпускников колледжей, выпускников университетов, ученых и инженеров среди населения — на 1 п. п. повышает число выданных патентов на душу населения на 6,1, 12,2 и 19,5% соответственно. С учетом эффектов перелива и более широкого распространения инноваций в экономике подобные эффекты могут увеличиваться в 2,5 раза [Hunt and Gauthier-Loiselle, p. 22]. Рост доли иностранных специалистов в области естественных и технических наук в общей численности занятых на 1 п. п. приводит к ежегодному росту совокупной факторной производительности на 0,44 п. п. (объясняя 30–50% роста последней), повышает реальную заработную плату выпускников колледжей на 7–8 п. п., остальных занятых — на 3–4 п. п. [Peri et al. 2014].

Разумеется, экономические эффекты иммиграции далеко не исчерпываются вышеописанными, однако последние особенно значимы с точки зрения ее долгосрочного воздействия на занятость и доходы местного населения.

Влияние иммиграции на рынок труда

Как уже видно из приведенного в предыдущем параграфе примера воздействия притока зарубежных специалистов и студентов на занятость и заработки местных высококвалифицированных работников, результаты исследований влияния иммиграции на условия жизни и труда местного населения достаточно противоречивы. Даже Дж. Борджас подчеркивает условность получаемых оценок, их зависимость от допущений об эластичности замещения местных работников приезжими.

Тем не менее обнаружено негативное краткосрочное, а порой и среднесрочное влияние шоков предложения труда, вызываемых иммиграцией, на рынок труда, особенно в регионах концентрации малоквалифицированных работников и в условиях спада экономики. В долгосрочном плане по мере адаптации производства к изменениям в численности и составе рабочей силы, роста инвестиций, выпуска и спроса на труд выигрывают все работники или по крайней мере их значительная часть. При этом подобное как позитивное, так и негативное воздействие, как правило, имеет весьма небольшие масштабы.

Результаты исследования Дж. Пери, осуществленного на материале США за 1994–2008 гг., указывают на различия в кратко-

срочном (1–2 года) и среднесрочном (4 года) влиянии иммиграции на занятость местного населения в зависимости от состояния конъюнктуры, соответствовавшего моменту прибытия мигрантов. В условиях экономического подъема иммиграция оказывает негативное воздействие на уровень занятости лишь в первый год после прибытия иностранцев, однако через два года она уже не создает угроз для положения местных работников в целом, а через четыре года — даже малоквалифицированных. В условиях спада краткосрочное и среднесрочное воздействия иммиграции негативны. Однако в долгосрочном плане (7–10 лет) независимо от фазы экономического цикла, в которую прибыли мигранты, их приток сопровождается общим ростом занятости населения и оказывает позитивное воздействие на занятость местного населения, в том числе его малоквалифицированных когорт (табл. 2).

Таблица 2. Влияние увеличения численности иммигрантов, эквивалентного 1% исходной численности занятых в экономике, на численность занятых в США в условиях неблагоприятной (НБ) и благоприятной (Б) экономической конъюнктуры через 1–7 лет после прибытия иммигрантов, 1994–2008 гг., %

Группы занятого населения	1 год		2 года		4 года		7 лет	
	НБ	Б	НБ	Б	НБ	Б	НБ	Б
Численность занятых местных жителей	-0,43	-0,37	-0,37	0,05	-0,27	0,07	0,5	0,21
Численность местных жителей, занятых малоквалифицированным трудом	-0,51	-0,16	-0,81	-0,03	-0,75	0,44	0,7	0,34

Источник: [Peri 2010]

Исследование Дж. Борджаса, проведенное на материале США за 1990–2010 гг., показывает, что в краткосрочном плане влияние иммиграции на заработки негативно. В долгосрочном плане от общего притока иностранцев, как легального, так и нелегального, сопровождающегося расширением предложения

недокументированных работников в малоквалифицированном сегменте рынка труда, выигрывают лишь работники со средним уровнем образования, а только от легальной иммиграции также и работники с низким уровнем образования, включая ранее прибывших мигрантов (табл. 3).

Таблица 3. Влияние фактической иммиграции на средние заработки населения с разным уровнем образования в США, 1990–2010 гг., %

	Увеличение предложения рабочей силы	Краткосрочный эффект на заработки	Долгосрочный эффект на заработки
Только легальная иммиграция			
Незаконченное среднее общее	4,4	-1,7	0,7
Среднее общее	5,7	-1,9	0,4
Незаконченное среднее профессиональное	5,1	-1,8	0,6
Среднее профессиональное	9,8	-2,8	-0,4
Выше среднего профессионального	13,3	-3,5	-1,1
Все работники	8,0	-2,2	0,0
Вся иммиграция			
Незаконченное среднее общее	25,9	-6,2	-3,1
Среднее общее	8,4	-2,7	0,4
Незаконченное среднее профессиональное	6,1	-2,3	0,9
Среднее профессиональное	10,9	-3,2	-0,1
Выше среднего профессионального	15,0	-4,1	-0,9
Все работники	10,6	-3,2	0,0

Источник: [Borjas, 2013]

Однако согласно работам Ф. Докьера, К. Оздена, Дж. Пери в 1990–2000-е гг. долгосрочное воздействие иммиграции не только на занятость, но и на заработки местных работников, включая малоквалифицированных, во всех странах ОЭСР было всегда позитивным, хотя и небольшим. В Канаде, США, Австралии, Великобритании, Швейцарии и Люксембурге, куда направлялись интенсивные миграционные потоки, позитивный эффект иммиграции на уровень средней заработной платы местных, менее квалифицированных работников в 1990-е гг. варьировался от 1 до 5%. Размер этого эффекта увеличивался по мере повышения доли высококвалифицированных работников среди мигрантов [Docquier et al. 2014].

Долгосрочные позитивные эффекты иммиграции на рынок труда тесно связаны с вызываемыми ею сдвигами в профессиональной структуре местных работников в сторону более производительных и более высокооплачиваемых занятий, повышением качества занятости коренных жителей. Приезжие, сталкивающиеся с большими сложностями на рынке труда, в том числе из-за низкой или неподходящей квалификации, заполняют рабочие места, характеризующиеся худшими условиями труда и его оплаты и зачастую не пользующиеся спросом у коренных жителей. Оккупируя такие ниши общественно необходимого труда и тем самым высвобождая, а порой и вытесняя из них местных работников, иммигранты невольно способствуют обозначенным сдвигам в профессиональной структуре последних. Так, иммигранты, прибывшие в 2000–2010 гг. в европейские страны ОЭСР, заняли около половины открывшихся там в тот период вакансий в сфере малоквалифицированного труда, в том числе в Греции, Дании и Норвегии от 70 до 80%, а в Испании и Ирландии 90% и более. Как свидетельствует исследование ОЭСР, увеличение доли лиц, занявших вакансии в сфере малоквалифицированного труда, среди мигрантов, прибывших в 2000–2010 гг., напрямую коррелирует с увеличением доли работников, занявших позиции более высокого квалификационного уровня, среди коренных жителей, вступивших на рынок труда в эти годы (коэффициент корреляции 0,68) [International Migration Outlook 2012].

Подобные улучшения касаются и местных малоквалифицированных работников, которые под влиянием концентрации мигрантов в сфере физического труда смещаются к занятиям,

требующим коммуникативных навыков и определенных когнитивных способностей, которые лучше оплачиваются [Peri and Sparber 2008a]. Сходный, хотя и не столь выраженный эффект имеет и специализация зарубежных высококвалифицированных работников на видах занятий, в которых необходимо применение навыков аналитического мышления (математических вычислениях, работе с базами данных и т. п.), что способствует перетоку местных специалистов в профессии, требующие сочетания аналитических и интерактивных навыков и обычно выше оплачиваемые (юристы, преподаватели, консультанты и т. п.) [Peri and Sparber 2008b].

Кроме того, замещение местных работников мигрантами на рабочих местах, характеризующихся повышенным уровнем производственного травматизма, тяжестью физического труда, сменностью работы, распространением сверхурочных, снижает риски для здоровья местных работников. В Германии, например, рост доли иммигрантов на 1 п. п. вызывает сокращение на 16% числа обращений к врачу в связи с потерей трудоспособности, фиксируемое у местных «голубых воротничков» [Giuntella 2014: 25].

ФИСКАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ ИММИГРАЦИИ

В оценках фискального эффекта иммиграции также существуют большие расхождения. На результатах подобных оценок в немалой мере сказываются различия в используемых исследовательских методиках. Важен перечень учитываемых статей бюджетных доходов от иммиграции: ограничивается он только прямыми доходами или включает и косвенные. Это касается и расходов: принимаются или нет во внимание затраты на национальную оборону, выплату процентов по государственному долгу, содержание городской инфраструктуры и обеспечение других общественных благ. Учет или игнорирование тех или иных бюджетных статей может принципиально изменить итоговую оценку финансовых потоков, связанных с иммиграцией.

Существенно также, какой подход применяется при подобных оценках. При статическом подходе делается единовременный срез взносов иммигрантов и выплат им. При динамическом подходе анализируются жизненный цикл мигрантов и межпоколенческие потоки. В макроэкономических моделях общего равновесия учитываются более широкие эффекты иммиграции

на экономику. Наиболее позитивные оценки фискального эффекта дают межпоколенческие исследования, из которых следует, что потомки иммигрантов смогут облегчить бремя будущих пенсионных расходов.

До последнего времени практически все исследования фискального эффекта проводились на материале какой-либо одной отдельно взятой страны, что затрудняло сопоставление результатов, полученных с применением разных методик. В исследовании ОЭСР, проведенном в 2007–2009 гг. на материале предыдущих лет, обобщены результаты более ранних работ и осуществлена сравнительная статическая оценка фискального эффекта иммиграции в разных странах этой организации (табл. 4).

Таблица 4. Соотношение бюджетных поступлений от иммигрантов и выплат им, 2007–2009 гг., % ВВП

	Без учета расходов, связанных с пребыванием в стране иммигрантов	С учетом расходов, связанных с пребыванием в стране иммигрантов (исключая расходы на оборону)
Бельгия	0,76	-0,43
Франция	-0,52	-0,84
Германия	-1,13	-2,32
Греция	0,98	...
Исландия	0,90	...
Ирландия	-0,23	-1,41
Италия	0,98	0,61
Люксембург	2,02	0,24
Португалия	0,52	0,13
Испания	0,54	-0,05
Швеция	0,20	-0,57
Швейцария	1,95	1,16
Великобритания	0,46	-0,26
США	0,03	-1,00
Все страны ОЭСР	0,30	-0,31

Источник: [International migration outlook 2013]

Из проведенного исследования ОЭСР вытекают следующие выводы.

Как видно из табл. 4, баланс взносов иммигрантов в государственную казну и выплат им в большинстве стран ОЭСР и в среднем по организации позитивен (первый столбец таблицы). Однако при учете расходов, связанных с пребыванием в стране иммигрантов, соответствующее сальдо становится негативным (второй столбец таблицы) При этом фискальный эффект иммиграции, как правило, очень невелик. В первом случае он составляет всего 0,3% ВВП, варьируясь от отрицательных 1% в Германии и 0,5% во Франции до положительных 2% ВВП в Швейцарии и Люксембурге. Во втором случае он составляет отрицательные 0,31%, колеблясь от отрицательных 2% в Германии до положительного 1% ВВП в Швейцарии.

Фискальная позиция мигрантов хуже, чем местных жителей. Это объясняется в первую очередь меньшим объемом взносов мигрантов, а не большим объемом получаемых ими выплат из бюджета.

В развитых и переходных странах ОЭСР в 2007–2009 гг. среди мигрантов доля получателей трансфертов для малоимущих была в 2 раза выше, чем среди местных жителей, жилищных субсидий — в 1,5 раза, пособий по безработице — в 1,3 раза, а размеры таких выплат и льгот в расчете на одно домохозяйство больше на 66, 50 и 11% соответственно [International Migration Outlook 2013]. Людские передвижения в богатые страны нередко представляются как миграция с целью получения социальных пособий и, следовательно, как фактор нагнетания конкуренции в сфере социальных трансфертов.

В то же время среди мигрантов доля получающих пенсии по старости на 20% меньше, чем среди местных, а объем таких выплат на одно домохозяйство почти вдвое меньше. Учитывая, что размеры пенсий по старости многократно, порой в десятки раз превосходят другие социальные трансферты, гораздо меньший охват мигрантов пенсионным обеспечением зачастую компенсирует большие объемы других видов предоставляемой им социальной помощи.

Уровень занятости мигрантов — главный детерминант их фискальной позиции. Как показывают модели жизненного цикла, по мере интеграции мигрантов их вклад в бюджет увеличивается.

Существен и возраст мигрантов. Иммигранты, приезжающие молодыми, продуцируют позитивный фискальный эффект в течение жизненного цикла. Однако у лиц, прибывающих в возрасте старше 40–45 лет, такой эффект негативен. Кроме того, если в структуре мигрантов велика доля лиц пожилого возраста, получающих пенсии, как, например, в Германии и Франции, иммиграция создает финансовое бремя.

Сказывается структура потоков. Временные трудовые мигранты вносят в казну принимающих обществ гораздо больше, чем последнее тратит на них. Наличие значительных групп гуманитарных мигрантов зачастую создает дополнительную нагрузку на бюджет.

Вклад малоквалифицированных мигрантов и местных жителей в бюджет сопоставим ввиду примерной одинаковости уровня их занятости. Высококвалифицированные мигранты вносят в бюджет меньше местных жителей аналогичной квалификации ввиду существенного различия в уровнях и качестве их занятости. При этом высококвалифицированные мигранты больше платят налогов и взносов, чем малоквалифицированные.

Хотя на национальном уровне фискальный эффект иммиграции может быть положительным, повышенная концентрация мигрантов в регионах нередко создает нагрузку на местный бюджет.

Большая чувствительность занятости и заработков мигрантов к движению экономического цикла сказывается и в большей подверженности их фискального эффекта влиянию конъюнктуры.

Пытаясь оценить итоговый эффект иммиграции на благополучие принимающих стран, невозможно дать универсальный и однозначный ответ. Скорее этот эффект позитивен. Очевидно, что легальная трудовая миграция, обусловленная потребностями экономики, — это важный ресурс развития. В то же время происходящий массовый приток вынужденных и недокументированных мигрантов в Европу может в ближайшие годы негативно сказаться на условиях труда местных работников и существенно утяжелить финансовое бремя иммиграции, особенно учитывая нестабильность современной экономической конъюнктуры. Однако, как показывает опыт, и гуманитарные мигранты при условии их успешной интеграции могут быть не только источником проблем, но и приносить экономические дивиденды.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Akay, A., Constant, A., Giuliatti, C. (2012). The Impact of Immigration on the Well-Being of Natives. IZA Discussion Paper. № 6630. 47 p. <http://ftp.iza.org/dp6630.pdf>

Arslan, C. et al. (2014). A New Profile of Migrants in the Aftermath of the Recent Economic Crisis. OECD Social, Employment and Migration Working Paper. № 160. <http://dx.doi.org/10.1787/5jxt2t3nnjr5-en>

Asylum in the EU (2015). 9/6/2015. http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/e-library/docs/infographics/asylum/infographic_asylum_en.pdf

Betz, W., Simpson, N. (2013). The Effects of International Migration on the Well-being of Native Populations in Europe. IZA Journal of Migration, (12): 1–21.

Foreign-born Workers: Labor Force Characteristics (2015). <http://www.bls.gov/news.release/forbrn.nr0.htm>

Borjas, G. (2013). Immigration and the American Worker. Center for Immigration Studies. <http://cis.org/sites/cis.org/files/borjas-economics.pdf>

Borjas, G. (2001). Does Immigration Grease the Wheels of the Labor Market? Brookings Papers on Economic Activity? (1): 69–119.

Borjas, G. (2009). Immigration in High-Skill Labor Markets. The Impact of Foreign Students on the Earnings of Doctorates. <http://www.hks.harvard.edu/fs/gborjas/publications/journal/Freeman2009.pdf>

Bruner, J. (2011). American Leadership in Science, Measured in Nobel Prizes. 10/05/2011. <http://www.forbes.com/sites/jonbruner/2011/10/05/nobel-prizes-and-american-leadership-in-science-infographic>

Docquier, F., Ozden, Ç., Peri, G. (2014). The Labor Market Effects of Immigration and Emigration in OECD Countries. The Economic Journal, 124 (579): 1106–1145.

Eurostat database (2015). <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>
Faith on the Move: The Religious Affiliation of International Migrants (2012). <http://www.pewforum.org/files/2012/03/europe-fact-sheet.pdf>

Florida, R. (2005). The Flight of the Creative Class: The New Global Competition for Talent. <http://dir.salon.com/story/books/int/2005/04/21/florida/index2.html>

Giuntella, O. (2014). Immigration and Job Disamenities. CESifo DICE Report. 12 (2). <http://www.cesifo-group.de/ifoHome/publications/docbase/details.html?docId=19116201>

Indicators of immigrant integration: Settling in (2015) P.: OECD.

International Migration Outlook: 2008 Edition (2008) P.: OECD.

International Migration Outlook: 2010 Edition (2010) P.: OECD.

International Migration Outlook: 2012 Edition (2012) P.: OECD.

International migration Outlook: 2013 Edition (2013) P.: OECD.

International Migration Outlook: 2014 Edition (2014) P.: OECD.

Jaet, H., Ragot, L., Rajaonarison, D. (2001). L'immigration: quels effets économiques. Revue d'économie politique, (4): 565–596.

Matching economic migration with labour market needs in Europe (2014). OECD Policy Brief. <http://www.oecd.org/els/mig/OECD-EC%20Migration%20Policy%20Brief%2009-2014.pdf>

Peri, G. and Sparber, Ch. (2008a). Task Specialization, Immigration, and Wages. CReAM Discussion Paper. № 2. http://www.cream-migration.org/publ_uploads/CDP_02_08.pdf

Peri, G. and Sparber, Ch. (2008b). Highly-Educated Immigrants and Native Occupational Choice. CReAM Discussion Paper No 13/08. http://www.cream-migration.org/publ_uploads/CDP_13_08.pdf

Peri, G. (2010). The Impact of Immigrants in Recession and Economic Expansion. MPI. <http://www.migrationpolicy.org/pubs/Peri-June2010.pdf>

Peri, G., Shih, K., Sparber, Ch. (2014). Foreign STEM workers and native wages and employment in U.S. cities. NBER Working Paper No 20093. <http://www.nber.org/papers/w20093>

Population and population change statistics (2015). http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Population_and_population_change_statistics

International Migration 2013: Migrants by origin and destination (2013). Population Facts (3): 1–4. http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/popfacts/popfacts_2013-3.pdf

Science and Engineering Indicators (2014). <http://www.nsf.gov/statistics/seind14/index.cfm/etc/tables.htm>

Standard Eurobarometer. 2015a. No 83.

Standard Eurobarometer. 2015b. No 83. Tables of Results.

Trends in International Migration Stock: 2013 Revision. <http://esa.un.org/unmigration/TIMSA2013/migrantstocks2013.htm?mtotals>

Цапенко, И.П. (2015). Субъективное благополучие населения и иммиграция // Мировая экономика и международные отношения (4): 23–36.

С. РЯЗАНЦЕВ,
 член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
 профессор, руководитель Центра социальной демографии
 и экономической социологии ИСПИ РАН

Влияние трудовой миграции на экономику России: методы и результаты¹

В 2014 г. Федеральной миграционной службой России было выдано 3690 тыс. разрешительных документов, в том числе 2387 тыс. патентов и 1303 тыс. разрешений на работу [Сведения о миграционной ситуации в Российской Федерации за 7 месяцев 2015 года 2015]. Крупнейшими посылающими трудящихся-мигрантов странами были Узбекистан, Таджикистан, Украина, Китай, Кыргызстан, Молдова, Армения, КНДР, Турция и Вьетнам. Система допуска иностранных граждан на российский рынок труда практически ежегодно претерпевает изменения и в настоящее время включает три типа процедур в зависимости от гражданства трудящихся-мигрантов.

Первый тип — *отсутствие разрешительных документов на работу в России* при необходимости регистрации трудящегося-мигранта по месту пребывания (в течение пяти рабочих дней после въезда в страну) и уведомлении работодателем ФМС о контракте с трудящимся-мигрантом (в течение трех рабочих дней с момента заключения контракта). С 2012 г. трудящиеся-мигранты с гражданством Республики Казахстан и Республики Беларусь не должны были получать разрешительные документы на работу, поскольку совместно с Российской Федерацией они образовали Евразийский экономический союз (ЕАЭС). ЕАЭС предусматривает единый рынок труда, свободное перемещение с целью трудоустройства граждан стран-членов. С января 2015 г. в состав ЕАЭС вошла Республика Армения, а в конце августа 2015 г. — Кыргызская Республика.

¹ Исследование проведено в рамках проекта ЭСКАТО.

Второй тип — *получение трудящимися-мигрантами патентов* при условии регистрации по месту пребывания в течение пяти рабочих дней после въезда в Россию и уведомлении работодателем ФМС о контракте с трудящимся-мигрантом в течение трех рабочих дней с момента заключения контракта. На 1 сентября 2015 г. патент могут получать граждане пяти стран — Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана, Молдовы и Украины, обращаясь непосредственно в ФМС или уполномоченные ею структуры (миграционные центры).

Патент для трудящихся-мигрантов в России был впервые введен с 1 июля 2010 г. только для тех, кто работал у физических лиц. Трудящиеся-мигранты, которые работали у юридических лиц, должны были получать другой документ — разрешение на работу. В 2010 г. государственная пошлина на патент была установлена в размере 1000 руб. ежемесячно, а продление патента было возможным на срок до одного года. Введение патентов очень быстро (в течение полутора лет) фактически легализовало правовое положение порядка 1–1,5 млн трудящихся-мигрантов в России. После введения патентов для работы у физических лиц в 2010 г. в Российской Федерации сложилась «асимметричная» система выдачи разрешительных документов: патенты выдавались гораздо проще и стоили дешевле, а разрешения на работу у юридических лиц, напротив, были ограничены «непрозрачными» квотами, процедура их получения в ФМС была сложной, а у посредников они стоили достаточно дорого (цена доходила до 25–40 тыс. руб. в разных регионах страны). Как следствие, на протяжении 2011–2014 гг. стало отмечаться «бегство» трудящихся-мигрантов от «разрешений на работу» к «патентам». Хотя многие из них тем самым нарушали закон — получали патент на работу у физических лиц, а работали у юридических лиц (на фирмах, в компаниях, организациях). Но в этом трудящиеся-мигранты видели наиболее доступный, дешевый и реальный способ легализации в России, предъявляя патент полицейским или сотрудникам ФМС при проверках на улицах. Постепенно в статистике о разрешительных документах стал отмечаться перевес патентов над разрешениями на работу. В 2014 г. он достиг «апогея»: из 3,7 млн разрешительных документов, выданных ФМС трудящимся-мигрантам, патенты на работу у физических лиц составили 2,4 млн, а разрешения на работу у юридических лиц — только 1,3 млн [Данные Федеральной миграционной службы

России по итогам 2014 года 2015]. Хотя на практике это отнюдь не означало, что в частных домохозяйствах работало почти в 2 раза больше трудящихся-мигрантов, чем у юридических лиц. В 2014 г. патенты в Российской Федерации выдавались чаще всего гражданам Узбекистана, Таджикистана, Украины, Молдовы и Кыргызстана. Поскольку практика выдачи патента была признана успешной, а система выдачи разрешений на работу на основе установленных квот недостаточно эффективной, с января 2015 г. патент стал единственным разрешительным документом для трудящихся-мигрантов из стран с безвизовым режимом в России.

Третий тип — **получение трудящимися-мигрантами разрешения на работу** при условии регистрации по месту пребывания в течение пяти рабочих дней после въезда в Россию. Разрешения на работу выдаются гражданам стран, с которыми у Российской Федерации существуют визовые отношения (например, Туркменистана, Грузии, Китая, Вьетнама) или в двухсторонних соглашениях предусмотрена возможность краткосрочного въезда без визы, но не предусмотрена возможность работы (только туризм или служебные поездки) (например, Турции, Сербии, Таиланда, Бразилии, Аргентины). На первом этапе работодатели должны получить разрешение на право привлечения трудящихся-мигрантов в рамках специальных квот, которые устанавливаются ежегодно постановлением Правительства Российской Федерации по регионам и профессионально-квалификационным группам. А на втором этапе сами трудящиеся-мигранты должны получить разрешение на работу у конкретного работодателя в конкретном регионе России. Как правило, разрешение на работу трудящимся-мигрантам выдается сроком до одного года, высококвалифицированным специалистам — сроком до трех лет. В 2014 г. наибольшее количество разрешений на работу в России получили граждане Узбекистана, Таджикистана, Украины, Китая и Кыргызстана.

Масштабы **недокументированной трудовой миграции** в Российской Федерации в целом коррелируют с масштабами документированной трудовой миграции. Результаты расчетов на основе методики поправочного коэффициента недокументированной миграции по трем основным категориям недокументированных мигрантов показали, что в 2010 г. численность недокументированных мигрантов составляла около 3 млн человек.

Эта оценка совпадает с данными, которые в 2013 г. приводил директор ФМС К. О. Ромодановский — около 3,6 млн человек. В 2014 г. заместитель директора ФМС Е. Ю. Егорова привела данные о том, что 3,5 млн иностранных граждан в Российской Федерации нарушили режим пребывания в стране [Егорова 2014]. Несмотря на усилия ФМС, в России по-прежнему присутствует определенное количество недокументированных трудовых мигрантов, которые работают на стройках, дачах, предприятиях, у частных лиц без официального оформления. Труд недокументированных трудовых мигрантов в российской экономике используется практически повсеместно, и главными причинами являются стремление бизнесменов экономить на оплате труда рабочих, отсутствие социальной ответственности работодателей за условия труда и жизни работников. В стране существует неэффективная система распределения квот на разрешения для привлечения трудящихся-мигрантов. Фактически происходит торговля ими через посреднические фирмы. Ответственные бизнесмены, заявившие и обосновавшие в установленном порядке необходимость привлечения трудящихся-мигрантов, не имели гарантий получить квоты в будущем году и были вынуждены платить посредническим фирмам. Цена получения разрешения на работу через посредников достигла в Москве в 2014 г. 30–40 тыс. руб., а в российских регионах — до 15–20 тыс. руб. (при государственной пошлине 8 тыс. руб., в том числе около 2 тыс. руб. за разрешение на работу и 6 тыс. руб. за разрешение на право привлечения иностранной рабочей силы). Кроме того, новым экономическим барьером для доступа на российский рынок труда стала высокая цена патента для мигрантов из стран с безвизовым режимом.

Отрасли занятости трудящихся-мигрантов в российской экономике. Труд трудящихся-мигрантов широко используется в различных отраслях экономики Российской Федерации. Некоторые отрасли российской экономики можно даже назвать мигрантозависимыми, поскольку в них не только повсеместно используется дешевый труд мигрантов, но и зачастую они подвергаются трудовой эксплуатации. В 2010 г. примерно третья часть (28%) трудящихся-мигрантов работала в строительстве, 23% — в «домашней экономике» (в домохозяйствах), 13% — в промышленности, 12% — в торговле и бытовом обслуживании,

8% — в сфере недвижимости и финансов, 6% — в сельском хозяйстве, 4% — на транспорте, 2% — в жилищно-коммунальной сфере. В 2014 г. отраслевая структура существенно изменилась в сторону большей занятости трудящихся-мигрантов в «домашней экономике»: 65% работали в частных домохозяйствах, 11% — в сфере услуг, 10% — в строительстве, 2% — в транспортной сфере (рис. 1).

В *домашних хозяйствах* в России труд трудящихся-мигрантов используется очень активно с 1990-х гг. На протяжении многих лет эта категория мигрантов оставалась «невидимой частью айсберга», находилась фактически на нелегальном положении в России. И только с 1 июля 2010 г. вступили в силу поправки в Закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», которые ввели правовую основу для легализации трудовых мигрантов, работающих у частных лиц. Разрешительным документом для иностранцев, работающих по найму у физических лиц, стал патент. Благодаря патенту был урегулирован правовой статус многочисленных трудящихся-мигрантов в домохозяйствах. Общее количество выданных па-

Рис. 1. Отраслевая структура занятости трудовых мигрантов в Российской Федерации в 2014 г.,% [Данные ФМС 2015]

тентов за 2010–2013 гг. составило около 3 млн [Труд и занятость в России 2013]. В 2010 г. в «домашней экономике» официально трудились 190 тыс. трудящихся-мигрантов, что составляло примерно четвертую часть всех документированных трудящихся-мигрантов в Российской Федерации (около 23%) [Рязанцев, Горшкова и др. 2012, с. 15]. В 2014 г. было выдано 2182 тыс. патентов на работу в России [Данные ФМС 2015]. Согласно нашим расчетам, численность недокументированных трудящихся-мигрантов в «домашней экономике» в России могла составлять около 344 тыс. человек [Ryazantsev 2014, p. 67].

Можно выделить несколько секторов «домашней экономики», где активно используется труд трудящихся-мигрантов. Во-первых, *дачный сектор*, массово представленный в Московской области, а также сектор *загородных домов (особняков)*, который возник с ростом количества обеспеченных людей в Москве и ряде крупных городов России. Здесь большое число трудящихся-мигрантов трудоустроено, особенно в летний период, в качестве садовников, дворников, сторожей, подсобных рабочих. Во-вторых, *сфера ремонтных и строительных работ*. В Москве и других крупных городах России ремонтно-строительный бум 1990–2010-х гг. сопровождался ростом количества трудящихся-мигрантов, привлекаемых для ремонта и строительства частных домов и квартир. В-третьих, *сфера домашнего обслуживания*, включающая довольно широкий спектр направлений трудовой деятельности, требующих особых навыков, подготовки, квалификации. Сюда следует отнести водителей, нянь, сиделок, медицинский персонал, гувернанток и пр. Наконец, сектор, который нельзя отнести к «домашней экономике», но в котором работают трудящиеся-мигранты с патентами: *водители такси, рабочие на стройках, официанты и повара в ресторанах и кафе, уборщики и обслуживающий персонал в офисах фирм*. В 2010–2014 гг. это было нарушением закона, поскольку нельзя было работать с патентом в качестве частного предпринимателя или у юридического лица. Между тем многие трудящиеся-мигранты шли на нарушение закона совершенно осознанно, поскольку разрешение на работу было получить сложно. А некоторые просто не понимали различий между патентом и разрешением на работу и были искренне уверены, что могут работать с патентом у юридических лиц, на предприятиях [Рязанцев, Горшкова и др. 2012, с. 15].

С 2015 г. ситуация изменилась: патент стал выдаваться гражданам всех безвизовых стран с правом работы в России независимо от того, где работают трудящиеся-мигранты — в домохозяйствах или у юридических лиц. Однако проявились другие проблемы, связанные с патентами. Прежде всего это **дорогая цена патента**, которая зачастую становится барьером для трудящихся-мигрантов для входа на российский рынок труда. Например, в Москве нужно заплатить около 14 тыс. руб., в Московской области и Санкт-Петербурге — по 21 тыс. руб., чтобы получить патент через многофункциональный миграционный центр. И затем каждый последующий месяц оплачивать в Московском регионе по 4 тыс. руб., а в Санкт-Петербурге и Ленинградской области — по 3 тыс. руб. [Солопов, Опалев 2015, с. 2]. В структуру цены патента входит подготовка и оформление документов, полис медицинского страхования, медицинское освидетельствование, комплексный экзамен (русский язык, история России, основы законодательства), услуги переводчика и нотариуса, банковские услуги, ежемесячный платеж (рис. 2).

Рис. 2. Структура цены патента в Московской области в 2015 г., тыс. руб. [Солопов, Опалев 2015]

Кроме того, в оформлении патентов регионам была предоставлена относительная свобода, некоторые из них ввели жесткие **градации патентов для физических и юридических лиц, отрасли занятости**. Изменение этих позиций невозможно. Наконец, **действие патента ограничено только одним регионом России**, что не позволяет трудящемуся-мигранту выезжать в командировки, выполнять работы в рамках одного работодателя даже в соседнем регионе. Любое из этих нарушений чревато для трудящихся-мигрантов запретом на въезд в Российскую Федерацию на разные сроки.

Крупным работодателем для трудящихся-мигрантов в России является сектор **строительства и ремонтных работ**. В 2010 г. ФМС России выдала более 230 тыс. разрешений трудящимся-мигрантам (28% от общего количества). В 2014 г. было выдано 337 тыс. разрешений на работу (10% от общего количества) [Данные ФМС 2015]. Дополнительно к этому численность недокументированных трудящихся-мигрантов в строительстве может составлять от 400 до 500 тыс. человек [Ryazantsev 2014, p. 72] (рис. 3).

Занятость трудовых мигрантов в строительстве преобладает в российских регионах, испытывающих строительный бум

Рис. 3. Оценка численности трудящихся-мигрантов в отраслях экономики Российской Федерации в 2010 г., тыс. чел.

(Москве, Московской, Смоленской, Ярославской, Ростовской и Самарская областях, Краснодарском крае и др.). Трудящиеся-мигранты в строительстве активно используются как строительными компаниями, так и частными работодателями. Также труд трудящихся-мигрантов широко использовался на государственных стройках олимпийских объектов в городе Сочи (Краснодарский край) в 2011–2014 гг. Наиболее социально ответственными в Российской Федерации являются строительные компании из Турции. Они первыми стали создавать комфортные условия для жизни своих работников на строительных объектах Москвы и других крупных городов Российской Федерации. Однако в то же самое время в строительной отрасли широко распространены практики эксплуатации трудящихся-мигрантов. Например, практикуется передача рабочих целыми бригадами после окончания строительства объекта от одного работодателя к другому за определенное вознаграждение. При этом документы рабочих, которые часто хранятся у работодателя, могут передаваться от прежнего хозяина к новому, даже не попадая в руки рабочих. Само по себе изъятие документов является распространенным механизмом эксплуатации и сохранения контроля над работниками. Исследования показывают, что в строительстве почти треть трудящихся-мигрантов не имеет паспортов (они хранятся у работодателя). Таким образом, трудящиеся-мигранты лишаются права свободного выбора работы и работодателя, а также оказываются «прикованным» к одному работодателю [Тюрюканова 2006, с. 58].

Следующей по значимости с точки зрения занятости трудящихся-мигрантов в российской экономике является **промышленность**. Официально в 2010 г. в ней было занято около 105 тыс. человек, или 13% трудящихся-мигрантов [Труд и занятость в России 2013, с. 28]. В 2014 г. на обрабатывающих производствах было занято более 20 тыс. человек, или 1% трудящихся-мигрантов [Данные ФМС 2015]. Численность недокументированных трудящихся-мигрантов могла составлять около 190 тыс. человек (рис. 3) [Ryazantsev 2014, p. 73]. Основная часть промышленных предприятий, использующих труд трудящихся-мигрантов, размещена в Центральной России, на Урале, в Сибири. На многих российских промышленных предприятиях распространена практика организованного набора трудящихся-мигрантов из стран-доноров (Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана и др.).

Также в промышленности распространены формы трудовой эксплуатации: отсутствие официального контракта, сверхурочный труд, плохие условия труда и быта, невыплата заработной платы [Ryazantsev 2014, p. 73].

Следующая отрасль — **торговля и бытовое обслуживание**, в которых в 2010 г. было занято около 100 тыс. человек, или около 12% рабочих-мигрантов [Труд и занятость в России 2013, с. 28]. В 2014 г. в сфере услуг было выдано около 347 тыс. разрешений, а в торговле — 47 тыс. разрешений [Данные ФМС 2015]. Возможно, что численность недокументированных трудящихся-мигрантов в торговле и обслуживании может составлять 180 тыс. человек (рис. 3) [Труд и занятость в России 2013, с. 28]. Несмотря на то что в 2007 г. российские власти пытались ограничить занятость иностранных граждан в торговле на рынках, сделать это в полном объеме не удалось. После ряда законодательных ограничений владельцами бизнеса труд многих трудящихся-мигрантов был переведен в теневое пространство, что только расширило распространение рабского труда и трудовой эксплуатации в этой отрасли экономики. Исследования показывают, что самой распространенной формой эксплуатации в этой сфере является долговая кабала. В среднем по экономике 15% трудящихся-мигрантов отмечали, что долг работодателю не позволяет им уйти или поменять работу. Формы постановки работника в условия долговой кабалы широко известны у работодателей — владельцев торговых точек и магазинов, а «обмен опытом» хорошо налажен [Тюрюканова 2006, с. 66].

В **сельском и лесном хозяйстве** в 2010 г. официально работало около 52 тыс. трудящихся-мигрантов, или около 6% от их общего числа [Труд и занятость в России 2013, с. 28]. В 2014 г. в стране было выдано более 37 тыс. разрешений на работу в этих отраслях (1% от общего количества) [Данные ФМС 2015]. По нашим расчетам, численность недокументированных трудящихся-мигрантов, работающих в сельском хозяйстве и заготовке леса, может достигать 95 тыс. человек [Ryazantsev 2015] (рис. 3). Основные регионы, в которых трудящиеся-мигранты сконцентрированы в сельском и лесном хозяйстве, — это республики Карелия и Калмыкия, Новгородская, Волгоградская, Астраханская, Кировская, Омская и Амурская области, Красноярский и Хабаровский края. Трудящиеся-мигранты привлекаются для сельскохозяйственных работ в коллективные и частные хозяйства, выращивают

и убирают сельскохозяйственную продукцию, заняты на лесозаготовках, сборе продуктов леса. К сожалению, в данной отрасли также широко распространены случаи принудительного труда, в том числе принуждение к труду, невыплаты заработной платы, насилие, штрафы и прочие формы трудовой эксплуатации. Зачастую в сельской местности работодателям легче скрыть факты эксплуатации из-за недоступности многих мест для проверок миграционной службой и правоохранительными органами [Ryazantsev 2014, p. 74].

В **транспортной отрасли** также широко используется труд трудящихся-мигрантов. По официальным данным, в 2010 г. работу имели около 30 тыс. человек [Труд и занятость в России 2013, с. 28]. В 2014 г. в рассматриваемой отрасли было выдано около 57 тыс. разрешений на работу [Данные ФМС 2015]. Реальная занятость в этом сегменте российской экономики могла составлять от 50 до 60 тыс. человек [Ryazantsev 2014, p. 74]. Во многих регионах Российской Федерации трудящиеся-мигранты работают водителями маршрутных такси, городских автобусов, троллейбусов и т. п. В последние годы свободный найм иностранных работников в российскую транспортную отрасль вызывает много споров. С 1 января 2010 г. правительство Москвы пыталось запретить трудящимся-мигрантам работать водителями маршрутных такси коммерческих перевозчиков. Столичные власти аргументировали свою позицию заботой о безопасности пассажиров. Будучи губернатором Санкт-Петербурга, В. И. Матвиенко высказывалась за необходимость дополнительного обучения водителей-мигрантов, поскольку они не имеют достаточных навыков вождения в крупных городах с интенсивным движением. Однако запрет не остановил работодателей от использования труда трудящихся-мигрантов.

Сфера **жилищно-коммунального хозяйства** является одной из самых «мигрантоемких». Здесь в 2010 г. официально работало около 15 тыс. трудящихся-мигрантов, или 2% от их общего числа [Труд и занятость в России 2013, с. 28]. В 2014 г. отрасль не выделялась отдельной строкой в статистике разрешений на работу. Некоторые эксперты отмечают, что численность трудящихся-мигрантов в жилищно-коммунальном хозяйстве сокращается. Например, в интервью заместителя начальника Управления ФМС России по городу Москве Д. Сергиенко отмечалось:

«Становится все меньше мигрантов, занятых в сфере жилищно-коммунального хозяйства Москвы. При этом наиболее востребованы иностранцы, как и раньше, в строительстве и бытовых услугах» [Борисоглебский 2015, с. 1]. Однако численность недokumentированных трудящихся-мигрантов в отрасли могла достигать от 25 до 100 тыс. человек [Ryazantsev 2014, p. 75]. Исследования показывают, что большинство трудящихся-мигрантов в этой отрасли экономики просто не оформляются работодателями, поскольку получают заработную плату в 1,5–2 раза меньше, чем российские граждане. Более того, в Москве и других крупных городах России выстроены схемы, по которым по ведомости заработную плату получают российские граждане, а фактически трудятся граждане стран СНГ. Разница уходит в карманы владельцев фирм по уборке территорий. Трудящиеся-мигранты не получают вовремя заработную плату, работают сверх установленных законодательством норм, живут в достаточно плохих условиях (подвалах, чердаках, мусорных шахтах и др.) [Ryazantsev 2014, p. 75].

Методы оценки вклада трудящихся-мигрантов в экономику России. Несмотря на значительную роль трудовых мигрантов для российской экономики, точные оценки их экономического вклада отсутствуют. Оценка вклада трудовой миграции в экономическое развитие Российской Федерации возможна при помощи трех основных методов.

Первый метод — **оценка вклада трудовой миграции через занятость и ВВП**. В 2008 г. директор ФМС России К. О. Ромодановский впервые публично отметил, что трудом рабочих-мигрантов создается от 6 до 8% ВВП России [Ромодановский 2008]. Методика данных расчетов не была озвучена, но цифра стала активно циркулировать в российских средствах массовой информации и политическом дискурсе. В данном исследовании на основе методики, предложенной в 2007 г. американским ученым Ф. Мартиным из Университета Калифорнии — Дэвис для оценки вклада трудовых мигрантов в экономику страны (на примере Таиланда) [Martin 2007, p. 9], мы провели расчеты для экономики Российской Федерации. Согласно расчетам, в 2013 г. трудящиеся-мигранты произвели ВВП на 1,4 трлн руб. в постоянных ценах 2008 г. (табл. 1), что составило 3,12% ВВП Российской Федерации.

Таблица 1. Оценка вклада документированных трудящихся-мигрантов в экономику Российской Федерации в 1995–2013 гг.

Годы	Численность разрешений на работу и патентов, тыс. ед.	Общая численность занятых в экономике, тыс. чел.	Доля документированных трудящихся-мигрантов в численности занятых, %	ВВП в постоянных ценах 2008 г., млрд руб.	Вклад трудящихся-мигрантов в ВВП в постоянных ценах 2008 г., млрд руб.
1995	281	64149	0,44	22 908,3	100,8
1996	292	62928	0,46	22 081,8	101,6
1997	245	60021	0,41	22 386,8	91,8
1998	242	58437	0,41	21 190,2	86,9
1999	211	63082	0,33	22 536,0	74,4
2000	213,3	64465	0,33	24 799,9	81,8
2001	284	64664	0,44	26 062,5	114,7
2002	360	66266	0,54	27 312,3	147,5
2003	378	66339	0,57	29 304,9	167,0
2004	460	67319	0,68	31 407,8	213,6
2005	702,5	68339	1,03	33 410,5	344,1
2006	1014	69169	1,47	36 134,6	531,2
2007	1717,1	70770	2,43	39 218,7	953,0
2008	2425,9	71003	3,42	41 276,8	1411,7
2009	2223,6	69410	3,20	38 048,6	1217,6
2010	1826,8	69934	2,61	39 762,2	1037,8
2011	1792,8	70857	2,53	41 457,8	1048,9
2012	2229,1	71545	3,12	42 882,1	1337,9
2013	2230	71391	3,12	43 447,6	1355,6
Рост в 1995–2013 гг., раз	7,9	1,1	7,1	1,9	134,5

Расчеты показывают, что вклад трудовой миграции в ВВП Российской Федерации достиг своего максимума в 2008 г., перед экономическим кризисом 2009 г., составив 3,4%. Затем отмечался спад, связанный с экономической рецессией в России. А в 2011 г. данный показатель достиг минимума — 2,53%. По мере восстановления российской экономики в 2013 г. снова увеличился до 3,12% (рис. 4).

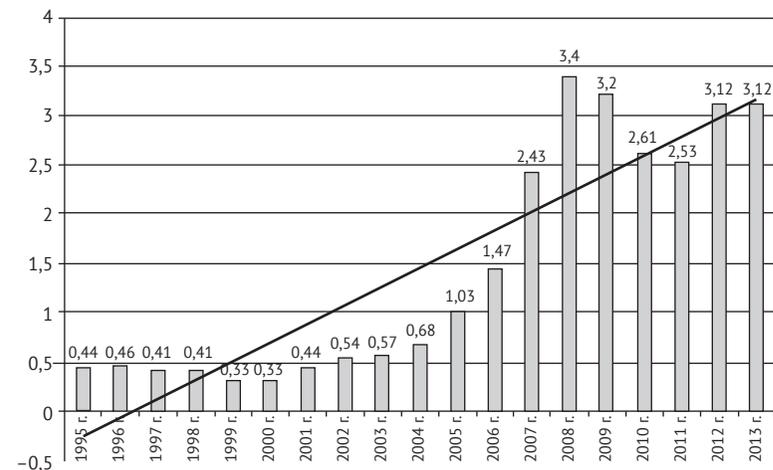

Рис. 4. Доля трудовых мигрантов в занятости в Российской Федерации в 1995–2013 гг., %

Аналогично в абсолютных значениях максимальный объем ВВП, произведенный трудящимися-мигрантами в Российской Федерации, был отмечен также в 2008 г. и составил 1411,7 млрд руб. По итогам 2013 г. объем ВВП, произведенного трудящимися-мигрантами, составил 1355,6 млрд руб. На основе имеющейся официальной статистики были проведены расчеты вклада трудовой миграции по итогам 2010 г. в разрезе основных отраслей экономики Российской Федерации (табл. 2). Данные официальной статистики были скорректированы на основе оценки численности недокументированных трудящихся-мигрантов. Расчеты свидетельствуют, что в 2010 г. в среднем один официально занятый в российской экономике трудящийся-мигрант производил ВВП на сумму 568,1 тыс. руб. (в ценах 2008 г.).

ТАБЛИЦА 2. Оценка вклада трудящихся-мигрантов в отрасли российской экономики в 2010 г.

	Численность документированных трудящихся-мигрантов, чел.	Численность undocumented трудящихся-мигрантов, чел.	Общая численность трудящихся-мигрантов (документированных + undocumented), чел.	Численность занятых в отрасли, чел.	Доля трудящихся-мигрантов (документированных + undocumented) от общей численности занятых, %	ВВП, произведенный трудящимися-мигрантами, млрд руб.
Всего разрешений на работу у юридических лиц	1 640 801	2 953 442	4 594 243			2 610,0
Строительство	595 151	1 071 272	1 666 423	5 642 000	29,5	946,7
Торговля и бытовое обслуживание	272 114	489 805	761 919	13 542 000	5,6	432,9
Промышленность	254 732	458 518	713 250	13 197 000	5,4	405,2
Операции с недвижимостью, аренда, услуги, финансовая деятельность	169 538	305 168	474 706	6 932 000	6,8	269,7
Сельское и лесное хозяйство, охота и рыболовство	149 923	269 861	419 784	6 609 000	6,4	238,5
Транспорт и связь	70 592	127 066	197 658	5 430 000	3,6	112,3
Жилищно-коммунальные услуги	43 180	77 724	120 904	2 547 000	4,8	68,7
Здравоохранение, образование и социальные услуги	8 519	15 334	23 853	10 270 000	0,2	13,6
Другие виды деятельности	77 052	138 694	215 746	3 734 000	5,8	122,6
Патенты для работ у физических лиц	191 200	344 160	535 360			304,1
Итого	1 832 001	3 297 602	5 129 603	67 968 000	6,6	2 914,1

В 2010 г. трудящиеся-мигранты в России произвели ВВП на сумму около 3 трлн руб. (табл. 1). Наиболее весомым вклад трудящихся-мигрантов был в следующих отраслях российской экономики: в строительстве — 946,7 млн руб., в торговле и бытовом обслуживании — 432,9, в промышленности — 435,2, в «домашней экономике» — 304,1, в сельском хозяйстве — 148,3, в промышленности — 131,5 млн руб. (рис. 5).

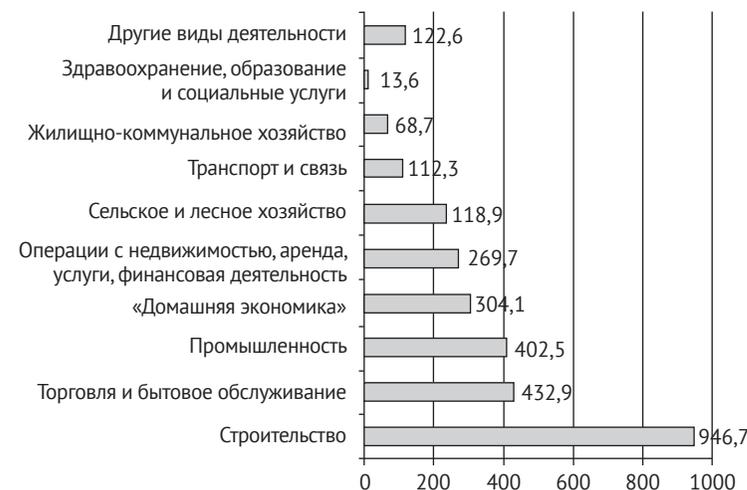

Рис. 5. Оценка вклада трудящихся-мигрантов в отрасли экономики Российской Федерации в 2010 г., млн руб.

Наряду с положительными экономическими эффектами документированной трудовой миграции экспертами давались оценки издержек undocumented трудовой миграции. В частности, в выступлении на Глобальном форуме по миграции и развитию директор ФМС К. О. Ромодановский сообщил: «Более 8 миллиардов долларов в год недополучает российский бюджет в результате нелегальной миграции. Именно поэтому основные усилия миграционных властей России направлены сегодня на вывод нелегальных мигрантов из тени, в том числе налоговой. Россия стала крупным принимающим центром, страной массового въезда и транзита мигрантов. Главная задача, которая решается сейчас в России, — организация цивилизованной миграции в контексте позитивного влияния

на экономическую и демографическую ситуацию» [Ромодановский 2014].

Как считают В. А. Ионцев и И. В. Ивахнюк, «распространенность незаконной трудовой миграции и неучтенной занятости иностранных граждан сопряжена со значительными финансовыми потерями для России в виде недополученных бюджетом налоговых поступлений. Согласно расчетам, основанным на показателе средней заработной платы, полтора миллиона иностранных работников, официально работавших в России в 2011 году, выплатили в качестве подоходного налога примерно 70 миллиардов рублей в российский бюджет. Однако трудовые мигранты, работавшие незаконно, налогов не платили. И даже если учесть, что они не пользовались никакими социальными выплатами и льготами, то все равно прямые потери бюджета от недополученных от 4 до 5 миллионов незаконных мигрантов составили не менее 150–200 миллиардов рублей» [Ионцев, Ивахнюк 2012, с. 29].

Даже если принять во внимание тот факт, что потери российского бюджета от неуплаты налогов составляют не менее 200 млрд руб., то, по нашим расчетам, «чистая прибыль» российской экономики от деятельности трудящихся-мигрантов в 2010 г. составила не менее 2714,1 млрд руб. Таким образом, издержки недокументированной трудовой миграции на порядок ниже положительных социально-экономических эффектов, которые приносит документированная трудовая миграция Российской Федерации.

Второй метод — оценка вклада трудовой миграции через доходы от финансовой деятельности миграционной инфраструктуры (продажа разрешительных документов трудящимся-мигрантам и работодателям, административные штрафы на работодателей). Информация по некоторым позициям публикуется на сайте ФМС России с 2012 г. За период с 2010 по 2014 г. ФМС было продано более 6,5 млн патентов трудящимся-мигрантам, работавшим в России. Это принесло в бюджет страны около 45 млрд руб. [Гулина 2015]. К сожалению, информация о поступлении в бюджет от продажи разрешений на работу недоступна.

С 1 января 2015 г. регионам России было дано право самостоятельно устанавливать размер авансового платежа за патент для трудящихся-мигрантов. Максимальный платеж был установлен

в северных регионах России — на Чукотке, в Якутии и Ямало-Ненецком автономном округе (рис. 6). В Москве стоимость патента установлена в размере 4 тыс. руб. в месяц, таким образом, трудящийся-мигрант принесет городу 48 тыс. руб. только прямых платежей. В 29 субъектах Российской Федерации не приняты нормативные правовые акты об установлении размера авансового платежа выше, чем минимальный по России (1568 руб.). Средняя стоимость патента в российских регионах составляет 2750 руб. в месяц.

Рис. 6. Государственная пошлина на патенты в регионах Российской Федерации в 2015 г., руб.

Новый порядок выдачи патентов трудящимся-мигрантам привел к существенному увеличению доходов бюджета. За восемь месяцев 2015 г. доходы российского бюджета составили 19,4 млрд руб. (рис. 7). Доходы от административных штрафов на работодателей оставались практически на неизменном уровне — 6,1–6,4 млрд руб. в год.

Рис. 7. Результаты экономической деятельности ФМС России, млн руб.
[Данные ФМС 2015]

Расчеты показывают, что максимальные доходы в российский бюджет от продажи патентов за первую половину 2015 г. поступили из столичных регионов (Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области), а также из крупных промышленных и сельскохозяйственных регионов страны (Краснодарского края, Самарской, Свердловской, Калужской областей и др.) (табл. 3).

Таблица 3. Прямые доходы от патентов, полученные некоторыми субъектами Российской Федерации в январе — мае 2015 г. [Солопов, Опалев 2015, с. 2]

Регионы	Выдано патентов, ед.	Ежемесячный платеж по патенту, руб.	Поступления в бюджет региона, млн руб.
Москва	237 536	4000	3653
Московская область	94 781	4000	1458
Санкт-Петербург и Ленинградская область	115 161	3000	1328
Краснодарский край	26 330	2800	283
Самарская область	23 657	2500	227
Свердловская область	22 162	2400	204

Окончание табл. 3

Регионы	Выдано патентов, ед.	Ежемесячный платеж по патенту, руб.	Поступления в бюджет региона, млн руб.
Калужская область	13 001	3900	195
Ханты-Мансийский АО	15 336	3000	177
Башкортостан	13 880	2823	151
Челябинская область	10 166	3500	137
Тверская область	11 757	3000	136
Тульская область	11 517	3000	133
Волгоградская область	13 214	2600	132
Татарстан	11 986	2839	131
Новосибирская область	17 378	1568	105
Ямало-Ненецкий АО	4082	6634	104
Воронежская область	7949	3294	101

Необходимо также учесть, что помимо прямых ежемесячных платежей каждый патент включает разовые платежи за медицинское освидетельствование, комплексный экзамен по русскому языку, истории и законодательству России, полис медицинского страхования, плату за перевод и нотариальное заверение паспорта, платежи за подготовку и оформление документов. В среднем эти дополнительные разовые издержки в Москве трудящемуся-мигранту обходятся около 9,7 тыс. руб., в Московской области — около 17,1 тыс. руб., в Санкт-Петербурге и Ленинградской области — 20,5 тыс. руб. [Солопов, Опалев 2015, с. 2]. Нами проведены расчеты, которые показывают, что дополнительные поступления в российские бюджеты от услуг многофункциональных миграционных центров составляют в Москве сопоставимую сумму с ежемесячными платежами за патенты (2304 млн руб.), а в Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области даже превышают ежемесячные сборы (табл. 4).

Таблица 4. Косвенные доходы от патентов, полученные некоторыми субъектами Российской Федерации в январе — мае 2015 г. [Солопов, Опалев 2015, с. 2]

Регионы	Выдано патентов, ед.	Разовые затраты при получении патента, руб.	Поступления в бюджет региона, млн руб.
Москва	237 536	9700	2304
Московская область	94 781	17 100	1621
Санкт-Петербург и Ленинградская область	115 161	20 500	2361

Согласно оценкам экспертов, благодаря новой системе выдачи патентов через многофункциональные миграционные центры было существенно сокращено количество посредников, работающих на рынке миграционных документов. Получение документов стало более быстрым и удобным для трудящихся-мигрантов. И конечно, доходы российского бюджета значительно увеличились. Однако экономические издержки для трудящихся-мигрантов от получения патента существенно возросли, а для некоторых из них превратились в непреодолимый барьер для входа на российский рынок труда.

Третий метод — оценка вклада трудовой миграции через потребление. Трудящиеся-мигранты являются не только производителями, но и потребителями товаров и услуг в экономике принимающей страны. Зарабатывая деньги, они большую часть средств тратят в стране пребывания, то есть в России, на текущее потребление и меньшую часть средств переводят на родину. Эксперты свидетельствуют, что стоимость товаров и услуг, производимых трудовыми мигрантами в России, многократно превосходит сумму получаемой ими заработной платы и сумму пересылаемых или перевозимых на родину сбережений (денежных переводов) [Ионцев, Ивахнюк 2012, с. 21].

Значительная роль трудящихся-мигрантов во внутреннем потреблении также была признана и властями Российской Федерации. В частности, в 2010 г. директор ФМС России К. О. Ромодановский заявил: «На каждый заработанный гастарбайтером доллар в бюджет России поступает до 6 долларов» [Ромодановский 2014].

Официальным источником информации могут служить данные о личных переводах, которые собирает Центральный банк РФ. Информационной базой для формирования статистических данных служат отчеты о трансграничных операциях физических лиц, поступающие от систем денежных переводов и банков (Отчетность по форме 0409407 «Сведения о трансграничных переводах физических лиц», введенная Указанием Центрального банка РФ от 12 ноября 2009 года). В качестве информационной основы для его расчета были выбраны показатели платежного баланса как единственно доступные по всем странам — членам МВФ и наиболее близко отвечающие поставленным целям. Личные переводы представляют собой доход домашних хозяйств, поступающий из-за рубежа от их членов и домашних хозяйств нерезидентов и связанный с временной и/или постоянной миграцией населения. Переводы могут осуществляться как по официальным каналам — через банки, почтовые отделения, системы денежных переводов, так и путем передачи наличных денег и материальных ценностей от члена домашнего хозяйства своему домашнему хозяйству или от одного домашнего хозяйства другому. Учитывая, что страны СНГ являются основными поставщиками трудящихся-мигрантов в Россию, основной поток личных переводов направляется в эти страны. В 2013 г. трудовыми мигрантами из России в Узбекистан были направлены 7,9 млрд долл., в Украину — 4,1 и в Таджикистан — 3,9 млрд долл. США [Данные Центрального банка РФ 2013] (рис. 8).

Чистая оплата труда представляет собой часть заработка членов семьи за рубежом, которую они передают домашнему хозяйству на территорию своей страны (то есть является переводом между резидентами одной экономики). Она равна разнице между оплатой труда, полученной работниками от временного трудоустройства за границей, и их расходами, понесенными в стране пребывания: проживание, питание, уплата налогов, а также затраты на покупку обратного билета. Опросы рабочих-мигрантов в России показывают, что они вынуждены сильно экономить прежде всего на питании, для того чтобы послать деньги домой. Они питаются по минимуму, покупают самые дешевые продукты (хлеб, молоко, макароны, рис и т. д.), очень редко покупают мясо, фрукты и овощи, готовят сами, часто питаются вскладчину, практически не тратят деньги на развлечения, не покупают одежду и обувь [Рязанцев 2010, с. 12].

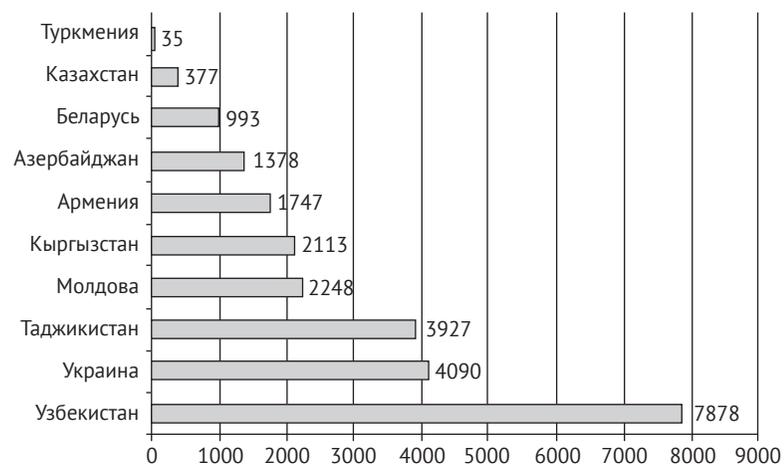

Рис. 8. Личные переводы из Российской Федерации в страны СНГ в 2013 г., млн долл. США

По официальным оценкам, чистая оплата труда трудящихся-мигрантов в Российской Федерации после уплаты налогов и расходов на поездку составила в 2013 г. 10,5 млрд долл. США. Если предположить, что доля затрат трудовых мигрантов на текущее потребление в России составляет 15% от чистой заработной платы, то доходы российской экономики в этом случае равнялись 8,9 млрд долл. США (табл. 5). В случае если расходы составляли половину чистой заработной платы, то доходы российской экономики могли составить не менее 5,2 млрд долл. США.

Таблица 5. Расчеты доходов экономики Российской Федерации от текущего потребления трудящихся-мигрантов в 2013 г.

Доля затрат трудящихся-мигрантов на текущее потребление в России от чистой заработной платы, %	Чистая оплата труда, млн долл. США	Затраты трудящихся-мигрантов на текущее потребление в России, млн долл. США	Доходы российской экономики от текущего потребления трудящихся-мигрантов, млн долл.
15	10 470,0	1570,5	8899,5
30	10 470,0	3141,0	7329,0
50	10 470,0	5235,0	5235,0

Таким образом, каждый из приведенных выше методов показывает одно: трудовая миграция вносит значительный вклад в экономику Российской Федерации. Этот вклад может быть еще большим, если удастся сделать недокументированных трудовых мигрантов документированными. Можно выделить несколько ключевых причин сохранения недокументированных мигрантов на российском рынке труда: непрозрачная система квот на привлечение иностранных работников, высокая цена патента, плохая информированность трудящихся-мигрантов о необходимых процедурах, недостаточная развитость миграционных сервисов в стране. Однако главная проблема заключается в способности восприятия российскими властями места трудовой миграции в экономическом развитии страны. К сожалению, в настоящий момент трудовая миграция рассматривается не как стратегический ресурс экономического развития России и отношений между странами-партнерами, а как средство пополнения бюджета, а в некоторых случаях как источник обогащения недобросовестными чиновниками.

ЛИТЕРАТУРА

Борисоглебский, А. (2015). Миграция к цивилизации // Аргументы и факты (23).

Выступление заместителя директора ФМС России Е.Ю. Егоровой на научном семинаре «Актуальные проблемы регулирования миграции в России» в феврале 2014 года в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН (2014).

Гулина, О. (2015). Дорогие приезжие: чем полезны мигранты для экономики // РБК — Мнение. <http://daily.rbc.ru/opinions/society/04/09/2015/5e977c29a794760cf91f285>

Данные Федеральной миграционной службы России по итогам 2014 года. <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/110975/>

Данные Федеральной миграционной службы России (получены по официальному запросу автора в июле 2015 г.). (2015).

Данные Центрального банка Российской Федерации (2013). <http://www.cbr.ru>

Ионцев, В. А., Ивахнюк, И. В. (2012). Роль международной трудовой миграции для экономического развития России: Научно-исследовательский отчет КАРИМ-Восток RR 2012/28, Флоренция: Центр миграционной политики.

Martin, P. (2007). The Economic Contribution of Migrant Workers to Thailand: Towards Policy Development, Bangkok, ILO.

Ромодановский, К. О. Дорогу в будущее мостить делами. http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=26698

Ромодановский, К. О. Эксперт Online. <http://www.expert.ru/news/2007/07/10/migranti/>

Рязанцев, С. В. (2010). Работники из стран Центральной Азии в жилищно-коммунальном секторе Москвы. Рабочий доклад, МОТ: Субрегиональное бюро для стран Восточной Европы и Центральной Азии. www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/projects/migration.htm

Рязанцев, С. В., Горшкова, И. Д., Акрамов, Ш. Ю., Акрамов, Ф. Ш. (2010). Практика использования патентов на осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами — трудящимися мигрантами в Российской Федерации (результаты исследования). М., Международная организация по миграции.

Ryazantsev, S. (2014) Trafficking in Human Beings for Labour Exploitation and Irregular Labour Migration in the Russian Federation: Forms, Trends and Countermeasures, Stockholm, ADSTRINGO, Baltic Sea States Council. <http://www.ryazantsev.org/book1-16.pdf>

Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 7 месяцев 2015 года (2015). <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/159274/>

Солопов, М., Опалев, С. (2015). Заработать на мигрантах. Как устроен бизнес на сервисе приезжих // РБК. Ежедневная деловая газета. 21 июля.

Труд и занятость в России (2013). Федеральная служба государственной статистики.

Тюрюканова, Е. В. (2006). Торговля людьми в Российской Федерации: Обзор и анализ текущей ситуации по проблеме. М.: ЮНИСЕФ, МОТ, КАМР.

ЧАСТЬ III

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ

Р. ХЕСТАНОВ,
доктор философских наук,
профессор Школы культурологии
гуманитарного факультета НИУ ВШЭ

Влияние миграции на культурное разнообразие в зонах назначения и исхода

В ходе двух последних десятилетий императив культурного разнообразия, часто обозначаемый как политика *мультикультурализма*, приобрел характер нормы демократической политики. Спрос на политику мультикультурализма справедливо связывают с интенсификацией различных форм глобальной мобильности. Вместе с тем этот спрос географически распределен неравномерным образом. Он интенсивен в крупных городских агломерациях, в странах либеральной демократии. В странах, которые иногда принято называть полупериферийными или периферийными, а также в некоторых малых городах и сельской местности эти императивы сталкиваются с неприятием, отторжением, непониманием, а иногда с прямым и четко выраженным сопротивлением. Похожая поляризация и неравномерно распределенный географический спрос на мультикультурализм наблюдаются и в России.

В статье мы не ставим перед собой цели разбора хитросплетений идеологических дискуссий. Мы намерены обратить внимание на внеидеологические основания, которые предопределили отторжение императивов культурно-политического разнообразия в некоторых регионах России, его восприятие как искусственной, надуманной или же неуместной политики. Речь пойдет о социальных и культурно-политических основаниях подозрительности к императиву разнообразия на примере двух малых городов в Российской Федерации. На наш взгляд, в этих городах неприятие подобного рода политик далеко не всегда является следствием выбора в пользу идеологий, в которых центральное место играют императивы культурной гомогенности. Основной тезис статьи сводится к утверждению: там, где к императиву культурного

разнообразия проявляется безразличие или неприятие, выбор далеко не всегда делается в пользу местного консервативного фундаментализма и культурной гомогенности. Данная идеологическая дилемма хотя и является общепринятой в медийном пространстве, не является релевантной для малых городов Российской Федерации. Вместе с тем политика мультикультурализма имеет локальную значимость в пределах крупных городских агломераций. Доказательство данного тезиса сначала потребует критического разбора концепции «гражданства потока» Дж. Урри, а затем серии эмпирических доказательств.

Предложенная Дж. Урри перспектива вполне вписывается в корпус многочисленных современных теорий гражданства, делающих акцент на культурном разнообразии. Они так или иначе связывают появление новых режимов гражданства с интенсификацией мобильности или появлением ее новых форм. Миграционные, информационные, товарные и прочие потоки размывают некогда стабильные националистические идентичности и представления о гражданстве. Им на смену приходят так называемые постнациональные идентичности — разнообразные социально-культурные манифестации этих потоков. Утверждение новых форм гражданства и идентичностей подразумевало драматизацию оппозиции между мобильностью (мультикультурализмом) и статичностью (культурной гомогенностью). Для многих теоретиков мультикультурализма отправной точкой рассуждений стала критика «классической» статичной концепции гражданства Т. Маршалла, которая была сформулирована в 1950 г. и актуальна лишь внутри фиксированных границ национального государства.

Рано или поздно должна была появиться радикальная версия гражданства, которая бы полностью перестроила или же свела к минимуму связи и отношения детерминации между территорией и идентичностями. Мобильность должна была восторжествовать над пространством. Чтобы утвердить присутствие мобильности, следовало вывести из поля зрения пространство. Такой теоретической новацией стали концептуальные построения Дж. Урри. Новые идентичности и формы гражданства, по Урри, конституируются уже не государством, а специфическими трансграничными потоками. Так, например, миграция рабочей силы формирует *гражданство меньшинств*, а глобальный обмен

товарами и услугами — *гражданство потребителей* [Урри 2012а: 349–350]¹.

Дж. Урри вводит важное различие в аналитике гражданства — между *статичным гражданством (гражданством покоя)* и *гражданством потока*. Формы первого определяются совокупностью прав и обязанностей (гражданских, политических и социальных), которыми наделяются те, кто живет и работает на данной территории в силу своего долгосрочного членства в данном обществе. Формы второго «не предполагают определенной пространственной формы», но формируются регулярными и устойчивыми потоками трансграничной мобильности новых агентов или сущностей — мигрантов, потребительских товаров, услуг или туристов [Урри 2012б: 240]². Формы *гражданства потока* конкурируют с формами *статичных гражданств* и постепенно «сама идея национальной идентичности уступает место все более универсальным моделям сообщества членов, связанных с детерриториализованным понятием универсальных прав личности» [Урри 2012а: 350]³.

В предложенном анализе есть целый ряд интересных следствий. Он позволяет продумать идею гражданства внутри иной, не государство-центричной, а глобальной политической телеологии. Дж. Урри выводит гражданство из-под национальной юрисдикции. Это позволяет подорвать основания эволюционистской схемы Т. Маршалла, считавшего прогрессом восхождение от минимальных гарантий человеческого достоинства к максимальным [Малахов 2014: 212]⁴. Теперь прогресс обеспечивается ростом интенсивности и регулярности паттернов мобильности и проявляет себя в возможности распространения гражданских обязанностей не только на мобильные сущности, но и на тех агентов, которые раньше по определению были свободны от гражданской ответственности, — на государства, неправительственные транснациональные организации

¹ Урри, Дж. (2012). Мобильности. М.: Праксис. С. 349–350.

² Урри, Дж. (2012). Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI века. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. С. 240.

³ Урри, Дж. (2012). Мобильности. С. 350.

⁴ Малахов, В. (2014). Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение. С. 212.

и корпорации. Кроме новых мобильных форм гражданских сущностей появляются необычные граждане в лице разнообразных коллективных юридических лиц.

Дж. Урри ставит точку там, где очевидным образом проявляется фигура умолчания. А проявляется она в едва намеченной глобальной политической телеологии. Ее, на наш взгляд, можно свести к двум важным моментам: во-первых, гражданство, абстрагируясь от территориальных определений, все больше будет определяться алгоритмом или протоколами мобильности; во-вторых, прогресс проявляет себя в поступательном росте разнообразия форм гражданства и гражданской ответственности. Вместе с тем в предложенной телеологической перспективе гражданства кроется целый ряд рисков, размывающих само представление о гражданстве. Обратим внимание только на некоторые.

Гражданство потока играет подрывную роль по отношению к конституциям, утверждающим баланс прав и обязанностей в пределах территориально определенных границ. Но вопрос о том, каким образом будет сниматься это важнейшее напряжение, остается за пределами анализа Дж. Урри. Как, впрочем, и многих других доктрин, некритично принимающих постулат о глобализации.

Однако есть и другой риск. Он заключается в том, что само понятие потока или мобильности вне пространственных определений не имеет смысла — ни траектория, ни регулярность потока не ухватываются. Иначе говоря, тот «комплекс мобильных гражданств», который описывает Дж. Урри, не является проблематизацией потока как такового. Определяя идентичность потоков исключительно через идентичность мобильных сущностей или мигрирующих субстанций, он их дезориентирует, лишает мотивации и изолирует от генезиса сил, приводящих их в движение, а также не принимает во внимание эффекты, которые они порождают. Чем объясняется миграция населения с гор на равнины, из сельской местности в города или из богатых стран в бедные? Чем объясняется длительность или регулярность воспроизводства конкретных миграционных потоков? Оказывает ли влияние на представления об идентичности или гражданстве интенсификация потоков миграции? Будут ли эти представления отличаться друг от друга в *регионах назначения и регионах исхода*?

Наконец, третий риск связан с тем, что локальным эффектам потоков Урри приписывает глобальную значимость. Так, описывая разнообразие мобильных сущностей, Урри фактически описывает ситуации, складывающиеся в зонах назначения миграционных потоков. Образно говоря, миграционный поток образуется между областями *высокого* и *низкого* давления. Естественно, что именно на территориях низкого давления — в крупных городских агломерациях и мегаполисах, в зонах, куда направлен миграционный поток, складывается то самое культурное разнообразие, которое описывается доктринами мультикультурализма. Здесь скапливается социально, этнически и конфессионально разнородное население. В таких обживаемых мигрантами местах, как правило, рыночные связи преобладают над социальными, что делает богатой и поляризованной социальную палитру. Многоуровневый новый урбанизм, допускающий большую степень анонимности, разнообразие социальных ниш и публичных пространств, создает возможности для широкого спектра культурных практик, способов организации досуга и удовольствий. Здесь высока степень разделения труда и разнообразия профессиональных групп, носителей особых культурных и этических убеждений. Наконец, именно в таких местах концентрации формируется богатство современных *форм и представлений* о гражданстве, распространяясь на разного рода меньшинства, на будущие поколения, на животных вплоть до признания прав гражданства за окружающей средой и за нечеловеками, гибридами и самими вещами, на чем настаивает Б. Латур и его последователи [Латур 2006]¹.

Администрирование пестротой требует учета множества различий, а потому в *местах назначения* потоков складываются такие режимы гражданства, разнообразие которых превосходит традиционный для *гражданства покоя* набор социальных и политических прав. Именно потому в этих зонах концентрации культурного и человеческого капитала складывается наиболее интенсивный спрос на режим толерантности и идеологию культурного разнообразия. Именно поэтому в этой части потока процветают многоуровневые дифференцированные концепции гражданства.

¹ Латур, Б. (2006). Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета.

Вместе с тем другая сторона потока, где формируется миграционный исход, чаще всего описывается антропологами и социологами, но игнорируется теоретиками гражданства. Но если игнорируются обстоятельства, складывающиеся на другом конце потока — в регионах высокого давления, то синхронность потока опять же не схватывается. Таким образом, предложенная Дж. Урри альтернатива ведет к отрицанию тех частных форм социальной жизни, которые складываются на другом конце потока — там, где нет богатства, инвестиций и низкий уровень благосостояния. Но более важно то, каковы вполне конкретные политические следствия такого взгляда.

Есть соблазн истолковать неравномерность пространственного распределения режимов толерантности и идеологии культурного разнообразия как разные стадии эволюционного процесса. Там, где культивируется плюрализм форм гражданства и идентичности, мы наблюдаем вершину эволюции. Там, где осуществляется политика, нацеленная на достижение этнической однородности или гражданской гомогенности, мы сталкиваемся с проявлениями низших ступеней эволюции.

Подобный эволюционистский взгляд вводит в теорию гражданства и идентичности стратегическую нормативность, то есть представляет одну сторону миграционного потока как универсальную, а другую как локальную и ограниченную. Универсализация и нормативизация проявляются в утверждении Дж. Урри о том, что гражданство не предполагает какой-то «определенной пространственной формы». Ясно, что при абстрагировании от пространственных форм проявляется стремление к эмансипации от локальных и социальных связей. Но не менее важно и то обстоятельство, что в теорию гражданства внедряется некая универсальная норма, способная функционировать как политический дискриминант. Тем самым Дж. Урри воспроизводит и поддерживает ту «ложную оппозицию», которая складывалась в 1990-е гг. между утопией космополитического либерализма и призраком реакционного национализма и фундаментализма [Calhoun 2003]¹.

Признавая необходимость дискуссии о новых формах *гражданства потока*, мы предлагаем отказаться от такой норматив-

¹ Calhoun, C. (2003). 'Belonging' in the cosmopolitan imaginary // *Ethnicities*, 3 (4), p. 531.

ности. Для этого следует вернуть потоку, в частности миграционному, его пространственную определенность, исследовать все его эффекты в синхронном измерении и признать те частные формы социальной жизни, которые можно обнаружить в географических областях, где они формируются, откуда осуществляется миграционный исход.

Именно такими задачами были мотивированы наши полевые исследования эффектов мобильности в регионах Российской Федерации, затронутых процессами депопуляции. Наша группа, сформированная из преподавателей и студентов отделения культурологии НИУ ВШЭ, провела пять летних экспедиций в городе Торжке (Тверская область) и одну — в городе Сатке (Челябинская область). В общей сложности было собрано около 500 глубинных интервью с представителями разных социальных и профессиональных групп населения обоих городов — с государственными служащими, работниками бюджетной сферы и промышленных предприятий, представителями малого бизнеса, рыночными торговцами и пр.

Торжок и Сатка относятся к группе так называемых малых городов РФ с населением чуть меньше 50 тыс. человек в каждом. Официально Сатка обладает статусом моногорода. В перечень моногородов, который ежегодно утверждается распоряжением Правительства РФ, Торжок уже несколько лет не входит¹. Население обоих городов в последние годы сокращается примерно на 1% в год. При этом в Торжке в большей мере развито отходничество — сказывается близость Москвы и Санкт-Петербурга.

Летом 2011 г. наши студенты, увлеченные духом недавних московских протестов, будучи участниками так называемого Болотного движения, пережили в Торжке своего рода *когнитивный шок*. К немалому своему удивлению, они столкнулись практически с полной индифферентностью местного населения по отношению к столичным протестам. Иногда жители Торжка демонстрировали и более агрессивное неприятие. Но в целом оценки местных жителей сходились в том, что протесты —

¹ В официальном списке за 2014 г. перечисляется 313 монопрофильных городов. Перечень имеет тенденцию к ежегодному сокращению. Скажем, согласно распоряжению от 2013 г. в нем значилось 342 монопрофильных муниципальных поселения. По сведениям из разных источников, в моногородах в настоящее время проживает от 16,5 до 20 млн человек.

исключительно локальное, сугубо московское событие. «*Не понимаем, что москвичам еще нужно!*» — такого рода высказывания студенты слышали от своих сверстников в Торжке. С местными молодыми людьми сложились в целом дружеские и теплые отношения. Музыка, вечеринки и другие формы совместного досуга сделали свое дело. Тем заметней был контраст в политических оценках недавних событий. Для студентов требования московских протестантов были просты, элементарны и универсальны — честные выборы без фальсификаций. Отстраненность местной молодежи противоречила тому стихийному духу братства, который сложился в пестрых рядах протестующих горожан, представлявших людей разных возрастов и убеждений — от либералов до националистов, от православных до активистов ЛГБТ.

Студенты квалифицировали местное население как консервативный электорат, находящийся в полной зависимости от телевидения и массовой официальной пропаганды. И тому можно было найти немало эмпирических доказательств. В ходе другого острого кризиса мы оказались в городе Сатке. На вещевом рынке летом 2014 г. в период, когда в полную силу развернулась гражданская война на Украине после присоединения к РФ Крыма, в ходе опросов местных торговцев о формах досуга мы фиксировали, что большинство наших респондентов в свободное время погружаются в новостной поток, предлагаемый каналом «Россия-24». Сам язык наших собеседников, их оценки и высказывания часто воспроизводили то, что они видели и слышали в телевизионных программах. Можно было подумать, что их картина мира полностью определяется пропагандистской машиной.

Но это ложное и поверхностное впечатление. Население этих городов имеет собственную критическую оптику и дистанцируется от пропаганды на федеральных телеканалах. Столь же ограничена их лояльность по отношению к центральной власти и президенту. Примерно за год до событий в Украине в городе Златоусте, который расположен в 50 км от Сатки и жители которого преимущественно представляют торговый люд на саткинском рынке, прокатились стихийные митинги с перекрытием федеральных трасс в ответ на намерение закрыть Златоустовский металлургический завод. Один из лидеров протеста — рабочий предприятия депутат-коммунист Александр Негребецких возглавил коллективную голодовку и написал письмо на

имя президента В. Путина, в котором угрожал прибегнуть и к другим, более жестким формам сопротивления, если требование о национализации завода не будет принято. Его протест встретил понимание и поддержку со стороны подавляющего большинства населения Златоуста и Сатки.

Некоторое время спустя, с началом боевых действий в Украине, мы увидим того же А. Негребецких полевым командиром на юго-востоке Украины, участником боев за Донецкий аэропорт. С точки зрения московских участников протеста, такое политическое поведение выглядит противоречивым и непоследовательным: один из ярких противников либерального курса правительства становится одним из командиров армии «зеленых человечков».

Однако в поведении и образе мыслей, которые могут показаться внешнему наблюдателю парадоксальными, есть своя строгость и ясность, свои базовые представления о гражданстве. Релевантный для этих городов комплекс прав и обязанностей значительно уже, чем в регионах *низкого давления*, и сводится к базовым формам социального гражданства, связанным прежде всего с занятостью. Именно фундаментальный характер проблемы занятости формирует идентичность и представления о гражданстве в малых монопрофильных городах Российской Федерации.

В обоих городах существуют градообразующие предприятия. В Торжке — завод пожарной техники, являющийся монополистом на российском рынке. В Сатке — завод «Магnezит», который также является монополистом в России и СНГ. Оба предприятия, несмотря на угрозу банкротства в пиковые кризисные годы, не только выжили, но и довольно успешно провели модернизацию и вышли на международные рынки. Правда, технологическая и управленческая модернизация обернулась увольнением для многих работников предприятий.

Так, на «Магnezите» в начале 1990-х работало 14 тыс. человек. К началу 2000-х численность сократилась до 8 тыс., а в 2014 г. на предприятии работало уже 4 тыс. человек. При этом планируется сокращение до 1 тыс. Для сравнения: в городе к ноябрю 2014 г. насчитывалось 5016 работников бюджетной сферы, а в малом бизнесе занято 8200 человек. В последние два десятилетия в монопрофильных городах с населением 50 тыс. человек промышленность более не является основным источником занятости. Микроторговля на вещевых и розничных рынках и другие формы

пенни-капитализма обеспечивают рабочими местами от четверти до половины трудоспособного населения.

Но парадокс состоит в том, что падение доли работников промышленных предприятий в общем объеме занятости не привело к снижению градообразующей и политической роли завода в городе. Практически все руководство города — бывшие сотрудники предприятия, его руководящее звено. Они проявляют большую лояльность не столько своему областному начальству и бюрократической вертикали, сколько высшему менеджменту и собственникам заводов.

Не только районная и городская власть находится в сильной зависимости от градообразующих предприятий, но и рядовые горожане. Это проявилось довольно неожиданным для нас образом. Чтобы выяснить периоды пиков и спадов в торговле и потреблении, мы проводили опрос среди работников торговли и индивидуальных предпринимателей на Саткинском рынке. Мы ожидали обнаружить сезонную зависимость. Однако узнали о другого рода циклах, более ярко выраженных. Наибольший приток покупателей всегда наблюдается на следующий после день выплаты зарплаты или аванса на градообразующем предприятии. Все коммерсанты свидетельствовали об абсолютной зависимости своих доходов от экономического самочувствия завода «Магnezит».

В случае задержки зарплаты торговцы из боязни потерять постоянных клиентов вынуждены продавать свой товар в долг. Хозяйка мясной точки на саткинском рынке на момент интервью продала в кредит приблизительно на 70 тыс. руб. Позже мы обратили внимание, что чаще всего торговцы вынуждены прибегать к такой практике кредитования в наиболее неблагополучных с точки зрения занятости районах и городах.

Работа на промышленном градообразующем предприятии представляет собой желанную и престижную форму занятости. Большинство торговцев на рынках и продавцов магазинов, с которыми нам довелось общаться, с энтузиазмом говорили о своей готовности поменять нынешнюю форму занятости на работу на заводе. Это обстоятельство подчеркивало вынужденный характер выбора в пользу индивидуального предпринимательства и торговли.

Чаще всего на рынке в Торжке мы слышали цифру 15 — большинство из наших респондентов говорили, что примерно 15 лет

назад они пришли на рынок. Если посмотреть на демографическую динамику города, то можно увидеть, что именно 15 лет назад в городе наблюдался пик сокращения населения. В этот период были закрыты многие промышленные предприятия, исследовательские институты, прошли сокращения в бюджетной сфере и армейских подразделениях. На центральном рынке в Сатке, по оценкам его администрации, примерно 70% индивидуальных предпринимателей составляют жители Златоуста. Массовые сокращения и закрытие предприятий вынудили одних покинуть город (в 1992 г. население сократилось с 208 до 171 тыс. человек), а оставшихся искать альтернативные формы занятости.

Большинство предпринимателей в Торжке в прошлом были квалифицированными специалистами советских предприятий, госслужащими, инженерами, учителями, врачами, отставными армейскими офицерами. Правда, в течение пяти лет наблюдалась тенденция сокращения их доли за счет притока молодого поколения и торговцев из Средней Азии и Кавказа. Одно замечание директора воскресной ярмарки в Торжке нам показалось поначалу загадочным: «Мне нравится работать на рынке, потому что у нас очень интеллигентная публика, общение с которой доставляет удовольствие». Встретить «интеллигентную публику» среди рыночных торговцев мы, прямо скажем, не рассчитывали. Однако встретили.

Первым был бывший подполковник авиации Алексей М., некогда писавший технический паспорт для вертолета Ка-50, известного как «Черная акула». Уволившись из армии, какое-то время он проработал заместителем генерального директора по охране труда и безопасности на местной обувной фабрике. Однако «денег было как-то маловато», и он решил уйти на рынок, где к моменту нашего знакомства уже работал почти три месяца. Взял беспроцентный кредит у друзей из бывших сослуживцев, закупил товар и торгует теперь женским нижним бельем и одеждой. Необычный для мужчины выбор товара объяснил своим веселым нравом и ироничным отношением к жизни. Общение с прекрасным полом и психологическая игра на рынке доставляют ему подлинное удовольствие: «Тут я чувствую себя психологом и от этого получаю кайф, кого-нибудь успокаиваю, разговором делаю человеку приятно, что-то сам узнаю и услышу, наберусь чего-то. Был такой психолог

Леонтьев. Знаете?.. В торговле все играет, есть своя аура, игра с дистанцией, насколько близко подошел человек, как стоит, кто рядом стоит — мужчина или женщина. Все играет, и пространство играет. Возникает такая даже наука об организации пространства. Забыл, как называется. Наука... как управлять пространством».

Несмотря на общий оптимистический настрой и удовольствие, которое Алексей М. умудрялся извлекать из розничной торговли, его обуревали некоторые сомнения в правильности своего выбора. Видимо, его не раз посещала мысль уйти из торговли. Да, на рынок сразу нелегко войти, но для того чтобы порвать с ним, может потребоваться не меньшая решимость: «Я разговариваю с теми, кто лет 15–20 торговал. Они шли всегда по спирали: с одной сумки начинали, потом успех, все развивалось и потом снова падали до одной сумки. Я думал, они бы ни за что не пошли бы уже на предприятие работать, поскольку уже психологию поменяли. Нет, пошли бы, говорят они, до того уже рынок надоел. Но уйти трудно. Есть еще нюанс такой: если люди накупили товара много, например на четыре палатки, то куда это все деть? Ты превращаешься в заложника своего же товара. Ну как все это бросить?» На следующий год, продолжая свои полевые исследования в Торжке, мы уже не нашли Алексея М. Видимо, разочаровался и нашел в себе силы покинуть рынок. Мы еще много встречали на рынке в Торжке рефлектирующих интеллигентов — инженеров, библиотекарей... Да и директор ярмарки, как оказалось, в прошлом была директором средней школы.

На базарах в Сатке социальный состав торговцев значительно отличался: основная масса коммерсантов была представлена бывшими рабочими промышленных предприятий близлежащих городов, а также мигрантами из республик бывшего СССР. В Сатке и в Торжке мигранты составляют приблизительно $\frac{1}{10}$ часть рыночных торговцев и индивидуальных предпринимателей. Многие из них уже имеют российское гражданство и в строгом смысле слова мигрантами не являются. Среди них большую долю составляют русские, покинувшие в 1990-е гг. Казахстан, Таджикистан и другие республики СССР.

Бывшие рабочие, представители научно-технической интеллигенции, а также мигранты (мы позволим себе выделить их в особую категорию), которые торгуют сегодня на российских базарах малых городов, — социальный продукт распада советской

промышленности и государства. Большинство из них вынуждено заниматься индивидуальным предпринимательством, а потому есть все основания говорить о нем как о форме *транзитной занятости*. Вместе с тем транзит для многих длится уже более 15 лет. Поэтому уместно говорить о целом *поколении транзита*, многочисленных маргиналов постсоветской системы.

В тех зонах, где формируются миграционные потоки, где первостепенными являются элементарные социальные права, где проблема занятости является приоритетной, не существует запроса на режимы толерантности и императивы политики культурного различия. Население действительно представляет собой социально пеструю массу. Вроде потерянного кочевого народа джад, описанного в эпической притче А. Платоновым, состоявшего из прибывших друг к другу людей разных национальностей, среди которых были туркмены, каракалпаки, узбеки, казахи, персы, курды, белуджи, которые забыли, кто они. Различия есть, но они не политизированы. Политически релевантными оказываются проблемы доступа к занятости, пенсионное обеспечение и прочие социальные гарантии государства.

Попытка схватить *гражданство потока* в синхронном измерении позволяет вести речь о контрастных эффектах миграции в зонах ее назначения и формирования. Если в зонах назначения миграционного потока актуальны проблемы интеграции, то в зонах формирования значимы императивы сохранения сообщества, города, поселка и главных источников традиционной занятости. На концах потока складываются две разные культурно-политические повестки для местных властей и гражданского общества.

Жизнь населения малых городов, их благосостояние, решение остаться или уехать — все это целиком зависит от состоятельности градообразующего предприятия. А последнее зависит от конъюнктуры на мировых рынках. Именно поэтому здесь складывается специфическая демократическая политика, в которой трудно представить полноценные институты политического представительства, политические партии. Ведь ключевые вопросы жизнеобеспечения и занятости решаются не там, где проживают люди, а зависят от мировых рынков и степени готовности государства гарантировать минимальные условия существования. Отсюда характерная для этих мест индифферентность к политической повестке разных политических партий. В представлениях о гражданстве местных жителей есть

своя ясность и строгость: они хорошо понимают, насколько бессмысленны политические различия, которые поляризуют мегаполисы вроде Москвы. Тем более что сама Москва зачастую воспринимается как главный источник собственных бед — государственной нестабильности, коррупции и олигархов.

Несмотря на ярко выраженный региональный патриотизм, в малых городах не сложились устойчивые формы социально организованного гражданского общества. Иначе говоря, возникающие общегородские проблемы разрешаются либо административным образом — через скоординированную опеку патерналистских агентов государства или предприятий, либо строго индивидуально, с помощью частных решений отдельных лиц. Солидарные усилия граждан проявляют себя чаще в спонтанных протестных акциях. Общая культура не производит солидарности.

В малых городах действительно господствуют те ценности, которые можно назвать традиционными. Пожалуй, единственной формой социальной солидарности здесь является семья. Среди самозанятых, так называемых индивидуальных предпринимателей мы часто сталкивались с межпоколенческой кооперацией и взаимной поддержкой членов семьи. От «интеллигентных» торговцев Торжка бывших рабочих в промышленной Сатке отличает способность мобилизовать ресурсы семейных связей для более эффективной коммерции. Уральские рабочие гораздо чаще заняты в семейном бизнесе — два, иногда три поколения могут быть вовлечены в одно торговое предприятие с примитивным разделением труда: кто-то торгует, кто-то занят транспортировкой, а кто-то занимается закупкой товара.

Семейная кооперация — чуть ли не единственный способ рациональным образом диверсифицировать риски: если сегодня кризис, мы как-нибудь протянем на пенсию бабушки, а завтра, когда наступят лучшие времена, сын или дочь компенсирует мизерную пенсию. Потому в малых городах чаще, чем в мегаполисах, встречаются гомофобы. Потому дискурс о толерантности к сексуальным меньшинствам здесь иногда воспринимается как угроза образу жизни.

В малых городах, за небольшим исключением вроде Кандапоги, проблема иностранных мигрантов и этнических меньшинств не имеет той политической остроты, которая характерна для мегаполисов. Поскольку гражданство интерпретируется

не как набор базовых прав на культурную идентичность или на участие в самоуправлении, а чаще всего как способ обретения доступа к рынкам занятости и минимальным социальным гарантиям. Но это вовсе не означает, что в условиях турбулентности этнические противоречия не могут обрести политическую остроту.

Часто патерналистское сознание, свойственное российской глубинке, приписывается советскому наследию. С нашей точки зрения, оно, напротив, приобретает утрированные формы в силу неограниченной экспансии рыночных отношений. Зависимость предприятий от мировой рыночной конъюнктуры оборачивается повышением спроса на государство как на гаранта безопасности существующего уклада, а идея регулирующего государства воспринимается как угроза.

Вопрос, который ставит теория Дж. Урри о *гражданстве потока*, крайне полезен не только для анализа трансграничных миграционных потоков, но и в контексте внутренней миграции, возникшей в связи с утратой прежней роли индустриальных монопрофильных городов, с одной стороны, и быстрым ростом крупных городских агломераций — с другой. Правда, мы настаиваем на необходимости внимания к синхроническому измерению, к дифференциалам пространственного распределения эффектов миграционных потоков. Наше прочтение мобильности не отрицает ни императивов политики культурного разнообразия, ни плюрализма форм гражданства и идентичностей. Но подобные подходы могут стать фактором либерализации только в том случае, если признание получают формы гражданства, обладающие пространственной определенностью.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Calhoun, C. (2003). 'Belonging' in the cosmopolitan imaginary // *Ethnicities*, 3 (4), p. 531–568.
- Латур, Б. (2006). Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета.
- Урри, Дж. (2012а). Мобильности. М.: Праксис.
- Урри, Дж. (2012б). Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI века. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Малахов, В. (2014). Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение.

В. Дятлов,
доктор исторических наук, профессор кафедры мировой
истории и международных отношений
Иркутского государственного университета

Китайские мигранты и динамика китаефобии в России

Сложная историческая динамика межгосударственных взаимоотношений, огромная общая граница, мощные взаимные миграции — все это формировало и формирует в России целый комплекс стереотипов относительно Китая, китайцев и китайских мигрантов. Он не является неизменным ни по насыщенности, ни по конструкции. Цель настоящей статьи — выявить место китайских мигрантов в формировании и развитии этого комплекса.

Здесь чрезвычайно важно подчеркнуть исторический контекст. Было два пришествия китайских мигрантов, разделенных целой исторической эпохой (рубежи XIX–XX и XX–XXI вв.) [Ларин 2009]. Практически полностью отсутствует генетическая преемственность между ними, произошел и разрыв исторической памяти в принимающем обществе. В советскую эпоху почти исчез полнокровный стереотип китайца вообще и китайского мигранта особенно в качестве инструмента выстраивания межличностных отношений при отсутствии (полном или почти полном) таких отношений.

Важной составной частью стереотипа была и остается китаефобия. Присутствуя постоянно, она занимала различное место в этом комплексе (иногда ключевое, иногда маргинальное) и главное — претерпевала огромные внутренние изменения. Задача статьи — выявить отличия в двух хронологически разорванных вариантах китаефобии, следовательно, отличия в реакции принимающего российского общества на приток китайских мигрантов и их роль в жизни страны. Именно способ вербализации оценки миграционной ситуации властями и различными кругами российского общества в категориях угрозы является предметом настоящего исследования.

Гипотеза состоит в том, что это принципиальные качественные различия, суть которых можно сформулировать так: от «желтой опасности» к «китайской угрозе».

Исторический контекст: два пришествия китайских мигрантов в Россию

Присоединив во второй половине XIX в. Дальний Восток, Россия обрела и огромный комплекс сложнейших геополитических, экономических, политических проблем. Внезапно возникло теснейшее соседство с гигантским по населению Китаем, «четыре тысячи километров проблем» границы с ним, по замечательному выражению А. Ивасита [Ивасита 2006]. Гремучая смесь из стремления к экспансии в Китай и страха перед тем, что этот «спящий проснется». И неожиданный — потому еще более тревожный — процесс модернизации и державного усиления также соседней теперь Японии. И полная неосвоенность только что присоединенного Дальнего Востока в политическом, военном, демографическом, экономическом отношении. Оторванность его от метрополии до строительства Транссиба. Полная зависимость освоения региона от ресурсов Китая. А такое освоение было стратегическим направлением деятельности властей поздней имперской России.

И, наконец, острейшая проблема трудовых мигрантов из Китая, в меньшей степени из Кореи и Японии. Освоение Дальнего Востока, создание там первичной административной, военной, коммуникационной, экономической инфраструктуры, ее обслуживание, поддержание элементарной жизнедеятельности формирующегося населения — все это создало огромный спрос на рабочую силу, удовлетворить который за счет российских источников было просто невозможно. Этот платежеспособный спрос создал мощный и постоянно растущий приток мигрантов из соседних стран.

Преобладающий по численности поток из Китая составляли временные, в значительной части сезонные мигранты. Это были одинокие мужчины, так как миграция женщин была запрещена китайскими законами. Отсюда и преобладающая миграционная стратегия, направленная на временное пребывание в России, минимальную адаптацию к принимающему обществу. Китайские мигранты преобладали в торговле и личных услугах,

ремеслах, коммунальном хозяйстве, строительстве, золотодобывающей промышленности, они играли заметную роль в сельском хозяйстве в качестве арендаторов и наемных рабочих.

Вторая по численности группа — мигранты из Кореи. По форме — трудовые мигранты, по сути — почти беженцы от невыносимых условий жизни. Перебирались в Россию семьями и с твердым намерением остаться там навсегда. Это создавало огромный стимул к адаптации — они стремились получить российское подданство, во многом для этого массово принимали православие, стремились дать детям российское образование и знание языка. Составляя самый низкооплачиваемый и бесправный слой рабочих на золотых приисках и в городской экономике, они заняли заметное место в сельском хозяйстве. Российские власти быстро и высоко оценили их лояльность, умение вести сельское хозяйство в этом регионе, огромное трудолюбие. С проблемами и трудностями, но им удалось добиться российского подданства для значительной части переселенцев, права на получение земли и возможность создавать свои деревни. Довольно быстро сформировалась немногочисленная, но энергичная русифицированная и получившая современное образование элита.

Японских мигрантов было мало, около 5 тыс. человек в 1902 г., но они нашли свою нишу в экономике, занявшись профессиями, требующими современного образования и ремесленной квалификации.

Это был, видимо, первый в истории России случай массовых трансграничных трудовых миграций, не организованных властями империи. Точных оценок численности мигрантов нет в силу постоянных изменений, сезонности, слабости учета и контроля. Но в некоторые годы их численность превышала сотню тысяч человек (по оценке А. Г. Ларина, 200–250 тыс. в 1910 г.), то есть составляла 10–12% населения региона [Ларин 2009, с. 20–21]. На этой рабочей силе держалось сельское хозяйство, золотопромышленность, строительство, сфера обслуживания и личных услуг, торговля и общественное питание. Массовый, во многом государственно-организованный импорт китайской рабочей силы наблюдался во время Первой мировой войны. Причины понятны — острейший дефицит собственной рабочей силы из-за мобилизации.

Ситуация с мигрантами в первые годы Советской власти была во многом продолжением дореволюционной — сочетание

массовой миграции с попытками установления контроля и политической вытеснения мигрантов из сферы торгового предпринимательства. «Великий перелом», начавшийся в 1929 г., стал водоразделом и здесь. Маятниковая трудовая миграция была пресечена, оставшиеся в стране китайцы были частично вытеснены, частично высланы или уничтожены. О них надолго и прочно забыли.

Вновь китайские трудовые трансграничные мигранты появились только в конце 1980-х — начале 1990-х гг. За это короткое время они сумели стать и важным элементом экономической и социальной структуры постсоветского социума, и остро дискуссионной проблемой для общества, властей и исследовательского сообщества. Проблема интенсивно изучается, сложилось более или менее адекватное представление о динамике и структуре миграционного потока, значении мигрантов для экономической и социальной жизни принимающего общества.

Некоторые итоги изучения подведены в изданной под эгидой Российского совета по международным делам трехтомной хрестоматии по миграции в России [Миграция в России 2013]. Уже очевидно, что речь не идет о многомиллионных массах безвозвратных мигрантов, тем более об их концентрации в приграничных с Китаем дальневосточных и сибирских областях. Пока наша страна имеет дело с сотнями тысяч (и в годовом исчислении, и в единовременном присутствии) преимущественно временных мигрантов. По подсчетам известных российских китаеведов Е. С. Баженовой и А. В. Островского, одномоментная численность китайцев в России составляла в конце нулевых годов 200–250 тыс. человек [Баженова, Островский 2013, с. 186]. Как и внутренние трудовые мигранты, они устремились туда, где имелся максимально высокий платежеспособный спрос на их рабочую силу, — и это не обязательно прилегающие к Китаю территории. По оценке В. Г. Гельбраса, в начале нулевых годов самый крупный в России кластер китайской миграции находился в Москве [Гельбрас 2013, с. 129–144]. Постоянные и компактные китайские поселения, хотя бы отдаленно сопоставимые по пространственным параметрам с чайнатаунами современных западных городов или китайскими кварталами дореволюционного Дальнего Востока, в современной России не сформировались [Чайнатауны в России 2008, с. 3–58]. Китайские трудовые мигранты заняли важную нишу в таких отраслях российской

экономики, как строительство, сельское хозяйство, торговля. В сфере торговли их роль явно выше, чем доля в общей численности занятых в отрасли, поскольку они стали важнейшей частью инфраструктуры продвижения на российские рынки китайской промышленной продукции и организации поставок в Китай российского сырья. В целом можно говорить о том, что китайские мигранты стали необходимой частью российской экономики и в этом смысле интегрировались в российское общество.

Позднеимперская Россия: версия общемирового синдрома «желтой опасности»

Во второй половине XIX — первой трети XX в. китаефобия выступает в виде российского варианта общемирового комплекса представлений о мире, идеологем, стереотипов, страхов и предсудков, известного как «желтая опасность» (yellow peril). В его основе лежал расовый подход, последователи которого исходили из презумпции природной, органической принадлежности человека к расе, в которой биологические характеристики определяют интеллектуальные, моральные и духовные. С их точки зрения, принадлежность к расе как к природному телу не является вопросом личностного выбора, так как нельзя выбрать цвет кожи или разрез глаз. Биологические характеристики, принадлежность к расе определяют для носителей такого понимания и ключевые характеристики человека как социального существа — его образ жизни, поведение, систему ценностей и групповую лояльность.

Синдром «желтой опасности» базируется на представлении о природной несовместимости «желтой» и «белой» рас, их непримиримом конфликте. Расовые отличия виделись настолько существенными, что ставили под вопрос принадлежность к единой человеческой общности. А коль скоро синдром возник в европейском мире (в широком смысле), среди «белых», то и базируется он на представлении о том, что только белая раса является аутентично человеческой. Несовместимость рас в рамках рассматриваемого дискурса — это достаточное основание для их непримиримой борьбы за выживание.

В рамках общемирового комплекса в России сформировалась наиболее богатая и интенсивная его версия. Российский вариант китаефобии, базируясь на расовой основе («желтый — абсо-

лютный чужой»), включал в себя одновременно и геополитические мотивы, и страхи перед мощным конкурентом в сфере труда и предпринимательства, и вполне реалистичные опасения относительно слабости российского контроля над регионом. Сюда же вплетается то, что веком позже стало называться мигрантофобией.

Огромную жизненную энергию описываемому синдрому придавало подключение ресурсов отечественного концепта «монгольского ига». К этому времени он уже господствовал в историческом сознании, в качестве важнейшего постулата вошел в школьные и университетские учебники, его основные положения казались настолько очевидными, что выглядели уже трюизмами. Такой синтез дал мощную метафору «нового монгольского нашествия», «панмонголизма». Создавался огромный кумулятивный эффект, ведь с XIX в. и по настоящее время в массовом сознании, официальной идеологии, школьных учебных программах господствует представление о том, что иго было самой страшной катастрофой в истории страны. Такое понимание панмонголизма совсем не имело в виду реальных монголов того времени. Мистические монголы панмонголизма выступают символом желтизны, нашествия, ига. Это сливается в инфернальный страх войны миров. Выдающийся образец этого дают знаменитые работы В. С. Соловьева «Панмонголизм» и «Три разговора о войне, прогрессе и конце человеческой истории». По жанру это скорее пророчества о «предстоящем страшном столкновении двух миров», «о панмонголизме и азиатском нашествии на Европу» [Соловьев 1993, с. 233; Соловьев 1990, с. 635–762]. Уже не на расовой основе, но это идея о принципиальной несовместимости и неизбежной смертельной войне миров.

Полная зависимость от труда мигрантов также была вполне осознана и активно переживалась и обсуждалась властями и населением региона. По большей части они оценивались государственными деятелями, столичными и региональными чиновниками, военными, разными экспертами, журналистами и публицистами, учеными, просвещенными обывателями в категориях «желтый вопрос», «желтая проблема», «желтый труд», «желтая опасность».

И это была для них не абстрактная, оторванная от обыденной жизни проблема. Массовая миграция сформировала ситуацию повседневного, обыденного контакта. Контакта как нормы.

И это требовало выработки отношения, стереотипов как механизмов регулирования взаимоотношений, формирования комплекса поведенческих практик. Проблема осознавалась в качестве критически важной не только для властей и населения Дальнего Востока, но и для империи в целом.

Сложная смесь понимания ценности мигрантов как ресурса и страха перед ними была сформулирована переселенческим чиновником и публицистом А. Пановым. Он писал, что без китайцев Дальний Восток не будет освоен и потому неизбежно потерян для России. Но массовое применение их труда может привести к «окитаиванию» региона и такой же неизбежной его потере [Панов 1910, с. 53–116; Панов 1912, с. 241–282].

Распространенность такого понимания не означала унификации отношения к мигрантам. В текстах тех лет можно проследить и спокойно доброжелательное отношение, и расчетливо-прагматическое, и панически враждебное. Но сближает все эти позиции чувство отчужденности.

Префикс «желтый»: основа дискурса

Наиболее ярким проявлением расового подхода, инструментом экзотизации китайцев было общепринятое и общераспространенное употребление эпитета «желтый». Его широко и свободно в качестве нормального и привычного употребляли в обыденной речи представители и простонародья, и элитных слоев. Им оперируют журналисты, исследователи, ведомственные аналитики, чиновники, высшие администраторы. При этом в слово «желтые» могли закладываться разные смыслы и значения — от подчеркивания расовых коннотаций («желтая раса») до удобного агрегирования совокупности китайцев, корейцев и японцев. Моя гипотеза состоит в том, что в эпитете «желтый» сконцентрирована природа, суть отношений и страхов. Это господствующий дискурс, а не просто часть случайно сложившегося термина и понятия.

Стоит подчеркнуть, что эпитет «желтый» употребляется наряду с этнонимами: читающая грамотная публика, да и значительная часть неграмотного населения, особенно на Дальнем Востоке, знала, что есть китайцы, японцы, корейцы, монголы и т. д. Многие хорошо представляли, в чем состоят различия между ними. Чиновники, военные, профессиональные экспер-

ты, анализируя структуру населения, особенно мигрантской его части, контингент хозяев торговых и промышленных предприятий, другие конкретные явления и процессы в регионе, привычно мыслят в этих категориях.

Они хорошо видели разницу миграционных стратегий различных этнических групп — в соответствии с этим зачастую выстраивалась и политика администрации. Так, например, антикорейская кампания генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера, известного исследователя и знатока региона, основывалась на ясном понимании того, что корейцы — отличный «колониационный материал»: работающие, лояльные, готовые к интеграции, полезные, а в аграрной сфере просто незаменимые люди. Однако, в отличие от предшествующих генерал-губернаторов, он опасался именно этих качеств. Суть его политики была сконцентрирована во фразе о том, что он предпочитает видеть Дальний Восток пустыней для русских, но не цветущим садом для «желтых». Он видел регион резервной территорией, местом жизни будущих поколений россиян. Поэтому оседание здесь их потенциальных конкурентов он не приветствовал. Он предпочитал временных гостей, «перелетных птиц» — китайцев, которые искали здесь не новый дом, а возможность заработка [Граев 1912, с. 137].

Нам важна здесь языковая стратегия этого проекта — рестриктивные меры против *корейцев* как мера борьбы против «желтых». Корейцы, адаптационные усилия которых очевидны, в качестве будущих россиян не признаются по той причине, что они «желтые».

Проблема «желтизны» рассматривалась как одно из главных, если не главное, препятствий для территориальной экспансии в Китае, захвата Маньчжурии, например. И хотя в публицистике появлялись соображения о том, что Россия присоединила много народов и сделала в конечном счете русскими, этот взгляд явно не преобладал. Очень важно в этом контексте то, что азиатские подданные империи, те же буряты или, например, якуты, не идентифицируются в категориях «желтые». По отношению к ним используется сословная система категорий, а в последние годы империи появляются и этнические маркеры.

Представление о несовместимости с «желтыми» стимулировало и экзотический проект создания «Желтороссии» [Левитов 1905] — классической колонии империи, но не ее части, пусть даже с особым статусом. Место для «Желтороссии» отводилось

в этих проектах разное — или заселенный китайцами Дальний Восток, или тем или иным способом аннексированная часть Китая. В любом случае колониальный статус расценивался как способ решения проблемы «желтых» подданных империи.

Если давать общую оценку, то конкретные проблемы развития региона, вопросы его управления в той части, что связаны с мигрантами, обычно рассматривались в категориях этничности или подданства. Но как только анализ выходил в плоскость выстраивания геополитики, стратегии, общего взгляда на роль региона в стране и в мире, начинает господствовать «желтый» дискурс. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть работы таких вдумчивых аналитиков, как В. В. Граве, В. К. Арсеньев. Это отчетливо прослеживается в стратегических документах — ежегодных Всеподданнейших докладах приамурских генерал-губернаторов.

Из Всеподданнейшего отчета приамурского генерал-губернатора (за 1893, 1894 и 1895 гг.): «Много лет покоившаяся на побережьях Тихого океана желтая раса ныне потревожена назойливыми чужеземцами и невольно встрепенулась... Перед ними предстало надвигающееся европейское владычество. Поднялась голова этой расы, Япония, население которой по островному своему положению и примеси энергической и интеллигентной малайской крови, является мозгом и нервными центрами гигантского туловища — Китая и Кореи. Началась, пока и глухая, борьба пятисотмиллионной желтой расы с европейскими выходцами» [Всеподданнейший отчет 1895, с. 167]. Характерно, что перед этим идет тщательный и обстоятельный анализ ситуации с мигрантами в регионе и оцениваются выгоды и риски от присутствия именно китайцев, корейцев и японцев, а не агрегированных «желтых». Геополитический анализ, однако, потребовал иного категориального аппарата.

Советская власть в других терминах, в другом контексте, но в чем-то продолжила такое понимание и такой курс. Корейцы и китайцы были выдавлены или депортированы с Дальнего Востока из опасения того, что могут стать «пятой колонной» для Японии. При этом были очевидны недружественные, а то и просто враждебные отношения их между собой. И единственное, что давало основание верить в такую коллаборацию, — их «желтизна».

Идея «желтой опасности» разделялась в России далеко не всеми. Националистически настроенный публицист П. Тимофеев [Тимофеев 1908, с. 16–22], призывавший бороться с заси-

льем в стране евреев, китайцев, иностранцев, восхищается японским национализмом и призывает учиться у него. Социалист С. Н. Тавокин переводил проблему в плоскость классовой борьбы: «...свет, избавление от ярма капитализма, разрешение социалистического вопроса произойдет с Востока» [Тавокин 1913, с. 4, 31].

Однако отрицание «желтой опасности» не сопровождалось у них протестом против употребления самого эпитета «желтый» или его игнорированием в собственных текстах. Даже противник расовой теории, политический ссыльный-народник и выдающийся исследователь Сибири Д. Клеменц, принципиально и аргументированно отрицая «желтую опасность», возможность объединения столь разных народов, как китайцы, японцы и монголы, тем более для совместной экспансии против Европы, привычно пользуется соответствующей терминологией, даже не завычивая ее [Клеменц 1905, с. 36–56].

И только внимательный наблюдатель и тонкий аналитик Д. И. Шрейдер практически не пользуется словом «желтый» и не мыслит в этих категориях. «На манз да и на всех прочих инородцев, не исключая японцев, занимающих ныне едва ли не первое место на всем азиатском Востоке, европеец — безразлично: на нашей ли далекой окраине, в Индии, на Малайском архипелаге и т. д. — всегда привык смотреть как на людей низшей породы. С ними не сближаются... обыватели равно не знают их и равно чужды им» [Шрейдер 1897, с. 82].

Признание нечеловеческой или недочеловеческой природы «желтых», их дегуманизация становились естественной и необходимой предпосылкой для демонизации «чужого», превращения реального или потенциального противника в смертельного врага. Демонизация относится не только к синдрому «желтой опасности». При сопоставлении всех «великих ксенофобий» XX в. бросается в глаза элемент трансцендентности, запредельной опасности, исходящей от того или иного «чужого». Угроза с их стороны воспринимается не как что-то рациональное или поддающееся рациональному обоснованию и/или объяснению, по крайней мере описанию, а как нечто таинственно-грозное, глобальное, всеобщее вездесущее, мало зависящее от действий, воли и решений отдельных людей.

Вот характерные высказывания профессора П. Ухтубужского: «Известно, что желтые народы питают органическую ненависть

к европейцам, а к нам, русским, в особенности [...] Они мечтают [...] о завоевании всего мира [...] Нашествие желтых на богатые области Сибири уже началось. Правда, это, как выражаются у нас, «мирное», экономическое нашествие, но и при этом мирном нашествии русские вытесняются желтыми, которые захватывают торговлю, промыслы, заработки и т. д.», «Народами правит Бог. Побеждают те народы, которые защищают Добро и Истину. Если в Азии столкнется Россия, несущая народам свет Православия, с желтыми народами, погрязающими во тьме язычества, то в исходе этой борьбы не может быть сомнений. Крест одержит победу над Драконом, олицетворяющим «князя мира сего» [Ухтубужский 1913, с. 64–65, 75, 85].

«Чужой», представляющий опасность, предстает не в облике конкретного противника, имеющего совершенно реальные интересы, несущие в себе угрозу, пусть даже смертельную. Он становится персонификацией абсолютного зла, воплощением тотальной чужеродности, принципиальной несовместимости, аналогом дьявола. С ним невозможно договориться, торговаться, достичь компромисса. Его логику невозможно понять. Конфликт с ним — это тотальное противостояние, смертельная война до полного уничтожения одной из сторон. А неконкретность, невидимость врага делает сомнительным возможность победы над ним. Запредельность и смертельность угрозы вытекают из того, что ее носитель — человек принципиально иного мира, и в этом смысле скорее не человек, а мыслящее и разумное существо. Расовый подход подразумевал настолько принципиально качественные отличия, что практически выводил представителей других рас из категории людей с их моралью и системами ценностей. Поэтому «желтые», «муравьи», даже «макаки» предстают как враг с нечеловеческой, **инопланетянской** логикой и мотивацией действий.

Уже из материалов этого текста видно, что отношение к синдрому «желтой опасности» в позднеимперской России было сложным и неоднозначным. Были и его решительные противники, и яростные сторонники. Причем и те и другие часто исходили из разных, иногда взаимоисключающих посылок. Было много тех, кто отвергал основные положения синдрома или стремился понять, насколько миграционная и геополитическая ситуация России, связанная с соседством с дальневосточными странами и народами, несет в себе риски и угрозы для страны.

Однако использование ими терминологии и образов, дискурса синдрома «желтой опасности» только вело к его усилению, укрепляло его легитимность.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ЭПОХА: ОТ «ЖЕЛТОЙ ОПАСНОСТИ» К «КИТАЙСКОЙ УГРОЗЕ»

Внезапное появление массы мигрантов из Китая в начале 1990-х гг. стало для подавляющего большинства россиян абсолютной неожиданностью. Более того, огромным шоком. Старая китайская диаспора при советской власти исчезла, была вытеснена или уничтожена. Этот сюжет ушел на далекую периферию исторической памяти и нынешним поколением воспринимается как совершенно новый. В процессе двух контактов каждый раз заново формировался образ китайских мигрантов. В современном образе воспроизводится набор традиционных компонентов — трудолюбие, неприхотливость, адаптивность, предприимчивость. Однако эти в принципе позитивные качества зачастую окрашены негативно: трудолюбивы — но в ущерб нам, патриоты — значит нелояльны России, помогают своим — значит клановые и опять же в ущерб нам.

Массовое присутствие китайских мигрантов не сформировало пока обстановку повседневного привычного рутинного человеческого контакта с ними. Контакт хотя бы относительно индивидуализированного — через коллег, деловых партнеров, постоянных и лично знакомых торговцев, через совместную трудовую деятельность. Постоянное общение происходит только через прилавок. А это весьма специфическая позиция, особенно в постсоциалистическом обществе, до сих пор отягченном мощными антирыночными предубеждениями. Поэтому, возможно, пока нет особого стимула к тому, чтобы формировался индивидуализированный образ китайца. Это кажется странным на фоне огромного количества журналистских публикаций, заявлений политических деятелей и чиновников, растущего числа научных исследований. Китайские мигранты — регулярные герои телепередач как хроники, так и специальных фильмов. Но даже в телевизионных видеорядах практически нет **лиц**. Нет интереса к отдельному человеку, к его лицу, его жизни и судьбе. Есть интерес к **функции**, к **массе**.

Поэтому можно выдвинуть гипотезу, согласно которой пока в России интересуются не китайцами, даже не китайскими мигрантами, а воплощенной в них китайской проблемой. Жизнь пока не

заставляет задумываться над тем, **кто такой** китайский мигрант, **какой** он. Преобладает другое — сколько их, что несут они нам, исходит ли от них угроза, а если да, то какая. И это относится не к отдельному человеку, а к массе, совокупности. Отсюда абстрактность образа, его схематичность и примитивность, индивидуализированность. Сейчас это **китайский мигрант**, функция, абстракция.

При этих отличиях главное все-таки сохраняется — отношение к китайцам как к массе, массе нерасчлененной и неиндивидуализированной. Именно массу опасаются, именно масса, количество лежит в основе различных построений о «демографической экспансии» и «желтой угрозе». Метафора «муравья», столь распространенная до революции, возникает и сейчас, правда, используется реже.

Сместился, однако, акцент при оценке характера групповой лояльности, что связано с радикально изменившейся ролью Китая. Если на рубеже XIX–XX вв. он рассматривался скорее как пространство, а не реальный носитель державной мощи, то сейчас такой взгляд невозможен в принципе. Теперь в построениях идеологов и в массовом сознании это сверхдержава, экономическая и военная мощь которой изначально направлена вовне, хотя бы под давлением гигантского и стремительно растущего населения и общей ограниченности собственных ресурсов. Мигранты расцениваются как абсолютно лояльный и послушный инструмент, щупальце этого государства-гиганта. В построениях рубежа XIX–XX вв. китайцы выглядят куда менее этатизированными, растворенными не в государстве, а в группе, в расе.

Почти вышел из употребления эпитет «желтый». Он сохранился в словосочетании «желтая опасность», но скорее в качестве компонента устоявшегося термина. Вряд ли это результат политкорректности. Скорее следствие ухода на периферию расового дискурса при анализе социальных отношений и проблем. Расизм, конечно, сохранился, расовые различия фиксируются и реально отражаются на характере человеческих связей и отношений, но массовые представления о непреодолимой пропасти между расами, взгляд на представителей иной расы как на инопланетян в целом ушли в прошлое. Переход от «желтого» к «китайскому» кажется нам принципиальным отличием в самых фундаментальных характеристиках образа китайца двух рассматриваемых эпох.

Трансформация «желтой опасности» в «китайскую угрозу» не означает исчезновения или ослабления фобии как таковой. Анализ большого количества самых разнообразных текстов дает основание выделить в качестве ее краеугольных камней концепты экспансии, эксплуатации и криминала.

Начнем с **экспансии**. Широко распространено представление о китайской миграции как составной части, важнейшем инструменте экспансии как целенаправленного, спланированного и организованного процесса, осуществляемого государством и тотально мобилизованным и организованным через государство населением. Сами мигранты в этой конструкции предстают не отдельными людьми, частными лицами со своими мотивациями и свободой воли и выбора, а неотъемлемой органической частью, щупальцем государства. По целям выделяются территориальная, демографическая и экономическая экспансия.

«У них есть план». Широко распространен тезис о том, что существует план китайских властей по миграционной экспансии в Россию. Он включает в себя систему властной организации, планирования и регулирования. Реализуется через принуждение и стимулы (вплоть до финансового вознаграждения осевшим на постоянное жительство). Этот тезис широко представлен и в массовой медиа, и в заявлениях чиновников и политиков, и в работах ученых. Огромную роль в формировании этого взгляда сыграла первая, видимо, книга о китайской миграции в современную Россию, выпущенная в 1994 г. такими авторитетными экспертами, как Л. Л. Рыбаковский, О. Д. Захарова, В. В. Миндогулов. Авторы пишут: «Китай, имеющий огромные территориальные претензии к России, всячески стимулирует проникновение своих граждан на ее территорию и создание базы для легального существования. Одновременно экономическая деятельность китайских граждан приносит и колоссальные доходы... Главной целью китайского проникновения в Россию вне зависимости от форм и каналов является интеграция в хозяйственную деятельность, приобретение недвижимости и земли, то есть создание экономических и правовых предпосылок для легального захвата территории... Несмотря на то что иммиграция китайцев на Дальний Восток России в настоящее время носит преимущественно нелегальный характер, существующая система проникновения обеспечивает процесс оседания и легализации нелегальных мигрантов» [Рыбаковский, Захарова, Миндогулов 1994, с. 35–36].

«Небольшими группами по сто тысяч человек в каждой». Эта фраза из старых советских анекдотов времен советско-китайского военного противостояния — одна из основ представлений о демографической экспансии. Китайских мигрантов не может быть мало по определению, так как не может быть мало китайцев вообще. Поэтому при немногочисленности населения России вообще и востока страны в особенности китайцы просто поглощают местное население и станут большинством. Собственно говоря, уже поглощают. И чем дальше живут носители таких представлений от китайской границы, тем плотнее заселены в их глазах китайцами сибирские и дальневосточные города.

«От китайца может родиться только китаец» (популярный писатель советской эпохи П. Проскурин). Частью смертельной угрозы предстают смешанные браки, «брачная экспансия китайцев» как инструмент демографической экспансии. Особенно угрожающей выглядит стратегия «брачной натурализации», при которой многочисленные нелегальные мигранты (а также их дети и родственники) обретают легальный статус через браки, в том числе и фиктивные. О последствиях этого Л. Л. Рыбаковский и соавторы пишут несколько косноязычно, но совершенно определено: «Исторический опыт свидетельствует, что специфика населения Дальнего Востока и не менее специфичная политика сопредельных государств, в том числе Японии, на различных этапах развития Дальнего Востока дают реальный шанс на положительный исход этих долгосрочных, хорошо просчитанных акций по естественной ассимиляции населения» [Рыбаковский, Захарова, Миндогулов 1994, с. 23]. Имеющиеся подсчеты говорят о ничтожном количестве таких браков, но это не имеет никакого значения для авторов подобных конструкций. Главное — никто не доказал, что кровь лежит в основе культуры, что китайцы не адаптируются и не ассимилируются и что те, в ком течет китайская кровь, по условию «несут в себе мощный ген “китайскости”».

«Косовский вариант». Уже в начале 1990-х гг. формируется устойчивый миф о компактных поселениях китайцев на Дальнем Востоке, о том, что там есть уже немало населенных мест с преобладающим китайским населением. Чем дальше от Дальнего Востока, тем устойчивее такие представления. Вполне серьезные люди пишут и говорят о таких поселениях, как об очевидном и несомненном факте, не приводя, правда, их названий.

А далее выстраивается стройная и леденящая душу картинка того, как эти китайские анклав вначале потребуют себе автономии, а затем и «воссоединения» с Китаем. Две произвольно выбранные иллюстрации на этот счет. В 1996 г. К. Э. Сорокин констатирует в качестве очевидного факта «растущую неконтролируемую “ползучую” миграцию китайцев в Россию (их в нашей стране насчитывается до 2 млн человек), образование, особенно на Дальнем Востоке, не подчиняющихся российским законам чайнатаунов, массовую незаконную скупку китайскими предпринимателями недвижимости к востоку от Урала при бездеятельности местных и центральных властей» [Сорокин 1996, с. 107]. В 2005 г. А. Храмчихин был твердо уверен, что «восток России (в лучшем случае пространство к востоку от Байкала, возможно, к востоку от Енисея, в худшем — к востоку от Урала) за пару десятилетий превратится в гигантское «Косово»... Он будет заселен китайцами и в экономическом, финансовом и административно-политическом отношении станет частью Китая. При этом формально он будет числиться российским (до тех пор, когда в Кремле не появится президент, который отдаст де-юре то, что уже потеряно де-факто), в отдельных гетто будут жить немногочисленные граждане России... В Китае прекрасно видят, что Россия сама сдает свой восток, хотя живет за его счет. В Китае прекрасно знают, что их собственная страна не проживет, не забрав соседние территории. Нация хочет жить и решает вопрос выживания единственно возможным путем» [Храмчихин 2005, с. 61–64].

Эксплуатация. Здесь китайская тема вливается в общий комплекс представлений о том, что мигранты неизбежно и автоматически претендуют на ресурсы принимающего общества. Подразумевается при этом, что объем ресурсов изначально неизменен, поэтому появление новых людей автоматически отбирает их у старожилов. В этих рамках стоит лишь перечислить несколько наиболее распространенных клише относительно именно китайских мигрантов:

- они отбирают рабочие места у россиян;
- вывозят/воруют наш лес, металлы и другие природные ресурсы;
- они вывозят капиталы из России.

Криминал. Не выбивается из общего комплекса миграционных мифов и представление об изначальной и тотальной

криминальности китайских мигрантов, как и всех мигрантов вообще [Миграция и безопасность 2000, с. 267–238]. Специфика здесь лишь в том, что персонифицируют ее зловещие «Триады».

Анализ ксенофобских комплексов, особенно если это не подразумевает социологической оценки масштабов их распространения и глубины воздействия, чреват опасностью абсолютизации их роли и значения в интеллектуальной, идеологической и политической жизни общества. В принципе это предмет специального анализа. Для адекватного понимания ситуации не менее (а возможно, и более) важно понимание конструкции, наполнения этих комплексов.

Новое пришествие китайских мигрантов в конце XX в. помимо всего прочего вновь вызвало к жизни формирование стереотипов в отношении китайцев, в котором фобии играют также огромную, хотя и динамично меняющуюся роль. Это не возрождение образа «желтой опасности», хотя термин иногда используется как исторически сложившийся и прочно вошедший в оборот. Произошел принципиально важный переход от «желтой опасности» к «китайской угрозе». Маргинализация эпитета «желтый» может означать уход от расового дискурса. Источник главной угрозы (в рамках ксенофобского комплекса) сместился от расы (категории биологической) к государству, стране (категориям политическим и культурным). Рудименты расового подхода живут, но в качестве маргинальных.

Уход от расового дискурса может не означать снижение уровня ксенофобии, но она переводится из плоскости биологической несовместимости в область конфликта интересов. Основные страхи концентрируются вокруг смысловых полей «экспансия», «эксплуатация», «криминал». Трансцендентные страхи рационализируются, рационализируется источник угрозы, что выводит ситуацию конфликта из тупика и обреченности войны миров.

Об этом свидетельствует динамика интенсивности китаефобских комплексов на востоке России, особенно на Дальнем Востоке: от массовой антикитайской истерии девяностых к сдержанно прагматическому отношению нулевых. Происходит постепенный переход от психологии «защитников форпоста» к психологии «работников терминала». Мигранты из врага

постепенно становятся ресурсом. Это не исключает взаимной культурной отчужденности и настороженности. Источник настороженности перемещается от китайских мигрантов, которых становится все меньше, к Китаю как стремительно растущей сверхдержаве, подозреваемой в потенциальном экспансионизме. Наблюдается одновременно политизация китаефобии и осознанные попытки сделать ее инструментом политической мобилизации и борьбы за ресурсы.

Дальнейшее развитие китаефобии напрямую зависит, с одной стороны, от меняющейся роли Китая и его политики относительно России. С другой — от динамики развития российского общества и государства. Ксенофобия становится все более востребованным продуктом, жизненно важным элементом современной модели нациестроительства. Вопрос только в том, в какую сторону, на какой объект она будет направлена, кем и каким образом. И удастся ли удержать ее под контролем.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Баженова, Е., Островский, А. (2013). Потенциал китайской миграции в Россию: оценки и перспективы // Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 т. М.: Спецкнига. Т. 1. Ч. 2: 18–192.

Всеподданнейший отчет (1895). Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Генерал-Лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. СПб.

Гельбрас, В. (2013). Китайские мигранты в Москве // Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 т. М.: Спецкнига. Т. 1. Ч. 2: 129–144.

Граве, В.В. (1912). Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет Уполномоченного Министерства Иностранных Дел В.В. Граве. Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI. СПб.

Ивасита, А. (2006). 4000 километров проблем. Российско-китайская граница / пер. с япон. М.: АСТ: Восток — Запад.

Клеменц, Д. (1905). Беглые заметки о желтой опасности // Русское богатство (7): 36–56.

Ларин, А.Г. (2009). Китайские мигранты в России // История и современность. М.: Восточная книга.

Левитов, И. (1905). Желтороссия как буферная колония // Доклад, читанный в общем собрании Общества для содействия русской промышленности и торговли 16 мая 1905 г. СПб.

Миграция в России (2013), 2000–2012. Хрестоматия: в 3 т. М.: Спецкнига. Т. 1–3.

Миграция и безопасность в России (2000) / под ред. Г. Витковской, С. Панарина. М.: Московский Центр Карнеги.

Панов, А. (1910). Желтый вопрос в Приамурье (7): 53–116.

Панов, А. (1912). Борьба за рабочий рынок в Приамурье // Вопросы колонизации. (11): 241–282.

Рыбаковский, Л., Захарова, О., Миндогулов, В. (1994). Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. М.

Соловьев, Вл. (1993). Панмонголизм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука: 233.

Соловьев, В. С. (1990). Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории / Владимир Сергеевич Соловьев. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль.

Сорокин, К. (1996). Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН.

Тавокин, С. Н. (1914). К вопросу о «желтой опасности». Киев: Изд-во «Восточная библиотека».

Тимофеев, П. (1908). Порто-франко на Дальнем Востоке и русский космополитизм. М.

Ухтубужский, П. (1913). Русский народ в Азии. 1) Переселение в Сибирь. 2) Желтая опасность. Издание Русского народного союза Михаила Архангела. СПб.

Храмчихин, А. (2005). Желтое господство. Захват Китаем Сибири — не «страшилка». Поскольку другого выхода у него просто нет // Политический журнал (27): 61–64.

Чайнатауны в России (2008) // Этнографическое обозрение (4): 3–58.

Шрейдер, Д. И. (1897). Наш Дальний Восток. СПб.

С. ПАНАРИН,
кандидат исторических наук,
руководитель Центра исследований общих проблем
современного Востока Института востоковедения РАН

Социокультурные эффекты исторических и современных миграций: возможности сравнения

В статье речь пойдет о *трансграничных миграциях* — перемещениях людей в пространстве, в ходе которых мигранты пересекают одну или несколько границ. Границы в данном случае понимаются широко: они могут быть государственными, административными, этническими, языковыми, культурными, могут выявляться по какому-то иному признаку; но какими бы они ни были, они будут ощущаться/осознаваться как границы *между пространственно локализуемыми различиями*, значимыми для людей, живущих по обе их стороны.

Исторически сложились две группы исследователей, занимающихся такого рода миграциями, причем обе группы сосуществовали практически параллельно, не общаясь на каких-либо совместных научных форумах и не пересекаясь в общем исследовательском поле. Одну группу составили те, кто занимается миграциями современными, другую — те, чей предмет — миграции прошлого. Первые (назовем их для краткости «современщиками») совершали исторические экскурсии, однако в ходе их обычно не уходили далее XIX — начала XX в. — времени формирования массовых миграционных потоков, типологически однородных с основными потоками современной трудовой миграции (трудовые, учебные и брачные мигранты, туристы, беженцы и вынужденные переселенцы) (см., например: [Дятлов 1996; Ларин 2009; Hutton 2004]). Вторые («древники»), похоже, вообще не интересовались опытом современных миграций. Тем не менее именно в их среде родился исследовательский проект, объективно способствующий сближению двух групп.

Имеется в виду начатый в 2003 г. на базе голландского Института этнических и миграционных исследований международный

по составу участников многолетний проект «Глобальная история миграций» (Global Migration History), изначально предполагавший значительное удлинение временной шкалы исследований. Его участниками была подготовлена серия публикаций, авторами и/или редакторами-составителями которых являются Ян и Лео Лукасен [Lucasen and Lucasen 1997, 2010, 2014]. Лукасенами же была предложена макроуровневая типология способов (modes) миграций в Новое время. Согласно ей в этот период на всем мировом пространстве прослеживаются следующие виды миграции: 1) в города; 2) иммиграция; 3) эмиграция; 4) миграция солдат и моряков; 5) сезонная миграция; 6) миграция колонистов.

Защищая свою типологию от критики, ее авторы подчеркивали [Lucasen and Lucasen 2011: 307]:

«Большое преимущество нашего подхода на макроуровне заключается в том формализованном сравнении развития в мировом масштабе и на протяжении длительных периодов времени, посредством которого можно выявить не только каковы были основные тренды миграций, но и что они означали в смысле инноваций и функционирования экономики».

Говоря языком историка, преимущество предлагаемой ими типологизации Лукасены усматривают в первую очередь в возможностях, открываемых ею для *синхронистического* изучения миграций по единой модели сопоставления пространственных перемещений в разных историко-культурных регионах. В то же время их подход, как им представляется, обладает эвристическим потенциалом и в *диахронии* позволяет протянуть казуальные связи между миграцией и исторически значимыми изменениями в затронутых ею обществах.

I

Голландские ученые ограничивают объяснительные возможности своей модели временем от конца XVI до начала XX в. Я же как археолог «по происхождению» и как человек, немалое время занимавшийся современными миграциями, убежден, что еще большее удлинение с помощью «древников» исторической ретроспективы миграционных исследований может оказаться эвристическим для «современщиков».

Попробую убедить в потенциальной продуктивности такого удлинения и читателей, показав, что может дать «современщикам» поворот в сторону исторических миграций. Под поворотом я понимаю выявление с помощью накопленной «древниками» историографии исторических миграций: во-первых, изоморфных черт у разделенных столетиями и даже тысячелетиями миграционных событий; во-вторых, гомологии социокультурных последствий разновременных миграций, производной от их структурно-типологических сходств. Разумеется, и то и другое должно делаться при непременном учете специфики конкретно-исторических контекстов.

По-видимому, справедливо и обратное утверждение: взгляд на миграции прошлого сквозь призму знания «современщиков» о миграциях настоящего может наполнить новым содержанием и знание «древников» о давних пространственных перемещениях. Так как, несмотря на то что «знания о прошлом описываются как “факты”, а знания о будущем как “гипотезы”», в действительности «эти понятийные образования равноценны», хотя «события прошлого уже произошли», «понимание этих событий, знание об их смысле и месте среди прочих событий возникает из знания их будущей судьбы, из знания характера процесса, который определен свершившимся — в прошлом и целью своей — в будущем» [Любарский 2000: 77–78]. Однако в статье я целиком сосредоточусь на тех познавательных преимуществах, которые может дать специалистам по современным миграциям расширение их исследовательского поля за счет обращения к опыту миграций исторических.

II

Главная трудность при выявлении социокультурных эффектов современных миграций заключается в том, что, сколь бы тщательно мы ни обосновывали оценки их гипотетических последствий, мы не можем, истолковывая миграционное событие *sui generis*, со всей определенностью установить его *исторически значимые* результаты. Контекстуальный анализ поможет в этом смысле лишь отчасти. Более эффективным выходом из такой ограничивающей ситуации представляется тот самый поворот, о котором сказано выше, — охват исследовательским фокусом и современных, и исторических миграций.

В пользу такого выхода свидетельствуют обретшие уже статус классических труды Ф. Броделя [Бродель 1986–1992], У. Мак-Нила [Мак-Нил 2008], Дж. Арриги [Арриги 2006]; к ним можно присоединить и книгу С. Нефёдова [Нефёдов 2010–2011]. Все эти авторы своими исследованиями доказали, что значительное удлинение исследовательского поля во времени — знаменитое броделевское *long durée* — существенно облегчает понимание устойчивых феноменов человеческой истории. Трансграничные миграции, определяемые так, как было предложено выше, как раз такой феномен. Поэтому я уверен, что при изучении миграций окажется эвристическим по своему значению такое расширение границ исследовательского поля во времени, когда четко устанавливается только их верхняя хронологическая грань — второе десятилетие XXI в., нижняя же теряется в глубине тысячелетий. В этом случае открывается возможность увидеть долговременные эффекты исторических миграций и таким образом обрести относительно надежные основания для прогнозирования будущих эффектов миграций современных.

Конечно, на длинной временной шкале происходило много такого, что существенным образом повлияло на последствия миграций; более того, это «много чего» могло кардинально изменить непосредственные эффекты трансграничных перемещений или вовсе их элиминировать. Однако с учетом событий и процессов, последующих трансграничным миграциям и опосредовавших их результаты, можно, как мне представляется, утверждать, что в целом ряде случаев трансграничные миграции сыграли роль мощного первого толчка или даже тектонического сдвига, который вкуче с иными воздействиями и обстоятельствами приводил к смене одного субъекта истории другим.

Эта смена могла происходить различными способами. Самый радикальный способ — завоевание, в ходе которого прежнее аборигенное население уничтожалось полностью или в огромных масштабах и заменялось населением пришлым. Но более распространенными были либо синтез новой субъектности на основе социокультурных характеристик пришлого и коренного населения, либо утрата автохтонами своей идентичности, принятие ими идентичности мигрантов. Что в лучшем случае сопровождалось превращением былых признаков их социокультурной самости в глубоко запятанный субстрат, вывляемый

методами этнографии в наиболее инерционных культурных практиках, таких, например, как орнамент¹.

Ближайший пример смены субъекта истории через синтез — это социокультурные эффекты варваризации Западной Римской империи. Здесь налицо и завершение процесса смены общественно-экономического строя, и замена одного государства многими, а единой общности римских граждан — рыхлыми общностями варварских королевств, из которых постепенно выросли современные нации. И в то же время несомненно, что культурное наследие античности не превратилось в маргинальный по значению субстрат, что оно мощно повлияло на становление Запада и как общества постоянно связанных друг с другом nation-states, и как отдельной цивилизации, и места становления капитализма. Если же говорить о примерах поглощения аборигенного населения пришлым, то можно вспомнить часть балтов (*голядь* в верхнем течении Оки) и финно-угров (*весь* в районе Белоозера, *меря* в районе будущего Ростова Великого, *мурома*, оставившая память о себе в названии одноименного русского города), прежде проживавших на Восточно-Европейской равнине, но затем полностью растворившихся в славянском половодье [Петрухин, Раевский 1998: 320–321]. Или завоевание Египта арабами: в результате него христианское население страны постепенно превратилось в меньшинство, сохранявшее свою этнокультурную идентичность ценой молчаливого смирения перед периодическими волнами дискриминации, преследований, наполовину насильственных обращений в ислам, лишавшими и лишавшими коптов качества активной субъектности².

Вряд ли было бы правильно уже сейчас предсказывать, в чем и как проявится ожидаемая эвристика применения в миграционных

¹ В частности, основные элементы так называемого геоксюрского орнамента, впервые зафиксированного на расписной керамике с неолитических поселений в дельте Теджена, до сих пор сохраняются в орнаментах туркменских ковров. См.: [Сарианиди, Кошеленко 1966: 72–75; Курбансахатов 2014]. И это несмотря на то, что за прошедшие тысячелетия этнокультурные характеристики и самоидентификация населения сменились на этой территории не один раз.

² В литературе по коптам можно найти немало подтверждений тезису о периодических попытках и в прошлом, и в настоящем стереть самые основы коптской идентичности. См., например: [Meinardus 2002: 65–84; Brownlee 2013].

III

исследованиях шкалы *long durée*. Тем не менее я рискну предположить, что «современщики» действительно получают новый эффективный аналитический инструмент. В этой связи стоит напомнить, что исторические миграции с самого их попадания в поле научного анализа в первую очередь рассматривались как один из инвариантов объяснения социокультурного процесса как такового. И акцент в этом случае делался не на факторах притяжения и выталкивания или на способах адаптации мигрантов и принимающего населения, а на поиске ответа на вопрос, является ли миграция движущей силой социокультурных сдвигов или же роль ее вторична по сравнению с автохтонным развитием¹.

Вероятно, в глазах «современщиков» субъектно-исторический подход чреват неполиткорректными выводами либо дискредитирован разного рода упражнениями по части миграционистской эсхатологии. Но возможность некорректного использования метода, обеспечивающего этот подход, не может служить достаточным основанием для того, чтобы игнорировать исторический опыт, оставленный миграциями прошлого. Тем более что в этом опыте есть примеры не только миграций-набегов и миграций-завоеваний, но и миграций мирных, растянутых во времени переселений, обернувшихся полной или частичной социокультурной трансформацией вовлеченных в процесс человеческих общностей. В конце концов то же переселение германских племен в пределы Римской империи, а славян — в пределы Византии, очень сильно, если не радикально изменившее карту Европы, протекало не только в военных, но и в мирных формах и растянулось во времени, сопоставимом по продолжительности с эпохой современных миграций².

¹ Особенно актуализировалась данная дилемма для бесписьменных периодов и территорий — предмета занятий археологов. См. об этом: [Амальрик, Монгайт 1966: 262–272].

² Так, от момента перехода в 375 г. на правобережье Дуная вестготов, спасавшихся от гуннов, до захвата ими на несколько дней Рима в 410 г. прошло 35 лет. Славянская колонизация Балканского полуострова, входившего в состав Восточной Римской империи/Византии, была более длительной, растянувшись с начала VI по начало VII в. При этом на вестготах был опробован, а на славянах широко использовался принцип принятия их в подданство в качестве федератов, получающих землю в обмен на обязанность охранять границы. Также в Римской империи и в Византии практиковался прием варваров на военную службу, а в Византии еще и организуемое государством выведение их в виде

Разумеется, к смене субъекта или к драматическому изменению его таксона приводили далеко не все исторические миграции, и я уже говорил об огромной роли места, времени и других условий проявления эффектов миграций. С другой стороны, роль самого типа миграционного движения, послужившего как минимум триггером социокультурной трансформации, вряд ли была малозначительной. В связи с этим принципиальное значение получает типология миграции, выстраиваемая на протяженной временной шкале, а не на ограниченной (как это обычно делается «современщиками»). Практически это означает не отрицание существующих типологий, а соположение им таких типов трансграничных миграционных перемещений, которые постоянно присутствовали в истории и поэтому могут рассматриваться как релевантные и для современного отрезка развития человечества. Имеются в виду типы трансграничных миграций, выделяемые сразу по двум критериям — по их целям и по вызывавшимся/вызываемым ими социокультурным эффектам. Тогда становится возможным следующий типологический ряд трансграничных миграций, в чем-то привычный в содержательном плане, в чем-то — нет.

Витальные. Цель — восстановление или укрепление здоровья и/или веры, обретение психологического и физиологического равновесия, элементарный отдых. Примеры: паломничества к святым местам в прошлом и настоящем; поездки на зарубежные курорты, в зарубежные клиники, оздоровительный туризм в широком смысле слова. Следствия — в диапазоне от различных эффектов на индивидуально-групповом уровне до появления локальных мультипликаторов развития целых районов и от воспроизводства знаковых культурных отличий до их эрозии вследствие знакомства с иным культурным миром.

Летальные. Цель — участие в военных действиях ради заработка, выплеска агрессии, удовлетворения девиантных склонностей и т. д. Примеры: наемничество греков в державе Ахеменидов,

многочисленных колонистов на запустевшие земли. См.: [Успенский 2011: 255–258].

швейцарцев и шотландцев в средневековой Европе¹, Иностран- ный легион в Индокитае, волонтеры Исламского государства из Западной Европы, России, Центральной Азии и т. д. Следствия — в диапазоне от формирования и воспроизводства специализи- рованных групп носителей культуры насилия и образования крупных отрядов мигрантов-беженцев до полного уничтожения социокультурных институтов того или иного конкретного об- щества, подвергшегося натиску летальных мигрантов².

Рапинальные (от латинского *rapina* — грабеж). Цель — охота за людьми как за добычей/товаром с их последующим переме- щением в пространстве. Примеры: арабская и западная рабо- торговля в Африке³, набеги крымских татар на Речь Посполитую и Русь⁴, туркменское аламанство⁵, торговля людьми в настоящее время⁶ и т. д. Эффекты — в диапазоне от демографического уро-

на и образования целых отрядов принудительных мигрантов — жертв архаического по своей форме насилия над личностью до экономического и культурного упадка целых регионов, превра- щения их в необитаемое «Дикое поле»¹.

Субъектов летальной и рапинальной миграции объединяет общее качество: будучи сами относительно немногочисленными, они в процессе преследования цели своей миграции создают го- раздо более крупные отряды мигрантов — беженцев и вынужден- ных переселенцев. Тем самым тысячи, десятки и даже сотни ты- сяч людей принудительно ставятся в условия, препятствующие сохранению их прежнего субъектно-исторического статуса, пол- ному воспроизводству их культуры, языка, идентичности и т. д.

Сходной силой в этом отношении обладает, как мне пред- ставляется, еще один вид или тип миграции. Он очень четко вы- деляется в длительной исторической ретроспективе, а вот в ограниченной перспективе современности, исчисляемой от силы двумя столетиями, он как будто теряется, словно суще- ствует в свернутом виде, затаившись в привычных нам типах добровольной и вынужденной миграции — в отрядах гастарбай- теров, беженцев и вынужденных переселенцев. Я имею в виду территориальные трансграничные миграции.

IV

Я назвал миграции данного типа территориальными потому, что их цель, пусть нередко не явленная поначалу самим мигран- там, — овладение территорией в широком смысле этого слова. Овладеть территорией можно по-разному, и различия в первую очередь определяются ее демографическим статусом — являет- ся ли она незаселенной или заселенной, а при заселенности — мало-, средне- или густонаселенной.

Сразу же следует подчеркнуть, что действительно незасе- ленные территории можно найти разве что у полюсов. Прочие

¹ Между прочим, эпизодам летальной миграции времен античности и средневековья мы обязаны двум литературным шедеврам. Имеются в виду «Анабасис» Ксенофонта и «Квентин Дорвард» Вальтера Скотта.

² Так, показательные убийства «неверных» (ассирийцев и езидов) ле- тальными мигрантами Исламского государства стали одним из значи- мых факторов лавинообразного нарастания потока беженцев с кон- тролью им и смежных территорий в Ираке и Сирии в соседние страны Ближнего Востока и в Европу.

³ Оценочно из Африки между 650 и 1900 гг. было вывезено до 18 млн человек арабскими работоторговцами и между 1550 и 1867 гг. — от 7 до 10 млн работоторговцами из стран Западной Европы и Америки. См.: Encyclopaedia Britannica's Guide to Black History. <http://academic.eb.com/blackhistory/article-24156>, last visited on 30.10.2015

⁴ «Компирование неполных и обрывочных статистических данных и оценок показывает, что с 1468 по 1694 год крымские татары поло- нили немногим менее двух миллионов русских, украинцев и поляков» [The Cambridge World History of Slavery 2011: 145].

⁵ Словом «аламанство» (вариант — «аламанщина»), производным от туркм. алама'н (*ал* — возьми, *аман* — добро) в дореволюционной рус- ской литературе было принято обозначать практику вооруженных набегов туркменских племен на чужую территорию с целью грабе- жа и угона рабов [Кадыров 2001: 101]. Аламанство нашло отражение и в художественной литературе — в рассказе Андрея Платонова «Та- кыр» и романе Садриддина Айни «Рабы».

⁶ См. исследование этого явления на примере России первой половины 2000-х гг. в книге: [Тюрюканова 2006: 157–189]. Особенно впечатляют Приложения, содержащие жизненные истории конкретных людей, ставших его жертвами.

¹ Так, в середине — второй половине XIX в. упомянутые выше алама- ны нападали преимущественно на северные районы персидского Хорасана. Находившееся в упадке Персидское государство не смогло организовать защиту сельского населения от туркменских набегов. Как следствие, в приграничных районах к югу от р. Атрек полностью обезлюдели сотни деревень: часть их жителей были угнаны в рабство, другие бежали под защиту городов [Маннанов 1964: 30–32].

безлюдные пространства, бывшие, с точки зрения территориальных мигрантов, территориями незаселенными, на самом деле таковыми не являлись. На самом деле все они в большей или меньшей степени участвовали в процессе воспроизводства групп принимающего населения. Пусть аборигены появлялись на них только эпизодически и даже вовсе не появлялись десятилетиями, все равно в своем воспроизводстве они зависели от сохранения на этих территориях установившихся там биоценозов. Другими словами, даже самые «девственные» земли обладали определенным социокультурным содержанием постольку, поскольку служили своего рода заповедниками ресурсов или ресурсным страховым фондом, который вовлекался в хозяйственный оборот лишь в критических ситуациях, ставивших под вопрос не просто сохранение идентичности группы, но и само ее физическое выживание. И когда волны переселенцев, искренне полагавших, что они занимают пустую, ничейную землю, своей хозяйственной деятельностью лишали ее этой пугающей функции, это рано или поздно сказывалось отрицательным образом на существовавшей тысячелетиями модели выживания аборигенов (см., например: [Ващенко 2012: 31–40; Самарина 2012: 40–51])¹. Что уж говорить о тех многократно повторявшихся в мировой истории ситуациях, когда отчуждение и распашка мигрантами-земледельцами так называемой целины оборачивались катастрофическим сокращением фонда земель, использовавшихся аборигенами при пастбищно-отгонном типе скотоводства, жестоким кризисом кочевых обществ².

Получается, что практически всякая территориальная трансграничная миграция осуществляется через присвоение мигрантами всей или части пространства «чужого» им культурного мира. Это может быть прямое завоевание территории с последующим переселением на нее большего или меньшего количества завоевателей. Общеизвестные примеры — арии в долине

Инды, германцы в Римской империи, славяне в Византии, арабы в Магрибе, сельджуки в Малой Азии, японцы на Хоккайдо, ацтеки в Мексике, якуты в бассейне средней Лены, французские колонисты в Алжире, буры в Южной Африке, европейцы в Северной и Южной Америке, Австралии и Новой Зеландии. Но это может быть также постепенная инфильтрация, вызываемая первоначально отнюдь не осознанным желанием заполучить часть чужого пространства или все это пространство целиком, а иными целями — стремлением спасти жизнь, получить хорошее образование, воссоединиться с родственниками, найти вознаграждающую занятость. Когда таким образом мотивированные мигрантские потоки струятся тонкими ручейками, цель овладения территорией не присутствует или неактуальна. Но когда они в силу различных обстоятельств, в том числе и под натиском летальной и рапинальной миграции, а также под влиянием поощряющей иммиграцию политики государства, превращаются в полноводные реки, вопрос овладения территорией выходит на поверхность¹. Овладения, я подчеркиваю снова, неизбежно в примитивном смысле захвата земель, принадлежавших до того аборигенам, и вытеснения последних (хотя и такое случается, в том числе в огромных масштабах, как было с индейцами в США), а в смысле такого присвоения части пространства аборигенной культуры, которое неизбежно оборачивается

¹ Частично сопоставимые примеры — Абхазия и Косово. В обоих случаях власти поощряли переселение на их территории: в Абхазии после присоединения ее к Грузинской ССР — грузин, в Косово после образования Югославии — албанцев. Также в обеих этих областях периодически происходил отток некогда численно доминировавшего населения в другие места: абхазов — в Турцию, сербов — в Воеводину. В Косово дополнительную роль в изменении удельных весов двух основных конкурирующих групп — сербов и албанцев существенную роль сыграли также частичная ассимиляция первых вторыми и более высокие темпы естественного прироста у вторых по сравнению с первыми, тогда как в Абхазии эти факторы изменений практически отсутствовали (см.: [Кабузан 2012: 397–410]. Тем не менее невозможно отрицать, что и в Абхазии, и в Косово миграционный приток немало способствовал тому, что вопрос об овладении территорией был переведен в политическую плоскость только разными субъектами. Абхазы восстановили свою государственность, что сопровождалось массовым бегством грузин, косовары создали свое государство, почти полностью очистив его от сербов.

¹ См., например: [Ващенко 2013: 31–40; Самрина 2013: 40–51].

² Так было, например, в Казахской степи, где к началу Первой мировой войны в пользу русских крестьян-переселенцев из хозяйственного оборота скотоводов-казахов было изъято 40 млн десятин [Масанов и др. 2000: 245]. Один из последних по времени примеров того же рода — освоение так называемых целинных и залежных земель в СССР. О его социокультурных последствиях для аборигенного населения см.: [Голубцова, Буровский 1995: 32–45].

утратой ею целостности и изменением условий ее воспроизводства. Это следствие территориальной миграции, в том числе как бы постепенно проступающей из-под покровов иных видов миграции, образует нижнюю границу в диапазоне производимых ею социокультурных эффектов. Но диапазон ее воздействия может простирается и значительно дальше: от превращения носителей аборигенной культуры в меньшинство до их полного исчезновения и от частичной метисации аборигенной и пришлой культур до сложения новых культур/народов/наций¹.

V

В заключение еще раз подчеркну: все, что сказано выше о возможных результатах наложения протяженной временной шкалы на исследовательское поле специалистов по современной миграции, суть предположения и не более того. Но попробовать, я уверен, стоит — уже для того, чтобы, не впадая в аксиологию и не поддаваясь соблазну оценочной интеграции фактов прошлого и настоящего, которая ведет уже в область идеологии, все же попытаться ослабить ограничительную хватку релятивистских по своей сути подходов, господствующих в среде «современщиков». В конце концов, если даже окажется, что научное сопоставление Великого переселения народов с нынешним резким всплеском миграции с Ближнего Востока и из Северной Африки в Европу, а в перспективе, видимо, и в Россию на самом деле не является эвристическим или даже вовсе некорректно, этот результат тоже можно будет считать положительным. Хотя бы потому, что он позволит отвергать разного рода алармистские пророчества, основывающиеся на исторических аналогиях, не только потому, что этого требует конструктивистский символ веры.

¹ Яркие примеры обоого рода дает нам Латинская Америка. С одной стороны, здесь за исторически короткий срок было буквально стерто с лица земли аборигенное население Антильских островов — карибы и араваки, оставившие память о себе лишь в топонимике региона. С другой стороны, современное население Эквадора, Перу, Боливии и Парагвая представляет собой сильно метисированные сообщества, отличные по идентичности и многим культурным характеристикам и от аборигенного индейского населения, и от переселенцев из Европы.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Brownlee, J.* (2013). Violence against Copts in Egypt. Carnegie Endowment for International Peace.
- Hutton, T.J.* (2004). Emigration from the UK, 1870–1913 and 1950–1998 // *European Review of Economic History*, Vol. 8, No. 2. P. 149–171.
- Lukassen, J. and Lucassen L.* (2011). Discussion: Global Migration From mobility transition to comparative global migration history // *Journal of Global History*. Vol. 22, No. 6.
- Lucassen, J. and Lucassen, L.* (eds.) (2014). *Globalising Migration History. The Eurasian Experience (16th — 21st centuries)*. Leiden, Boston: Brill.
- Lucassen, J. and Lucassen, L.* (1997). *Migration, Migration History, History: old paradigms and new perspectives*. Bern: Peter Lang.
- Lucassen, J., Lucassen, L. and Manning, P.* (eds.) (2010). *Migration history in world history: multidisciplinary approaches*, Leiden: Brill.
- Meinardus, O.F.* (2002). *Two Thousands Years of Coptic Christianity*. Cairo: The American University in Cairo Press.
- The Cambridge World History of Slavery* (2011). Vol. 3: AD 1420–1804. Ed. by David Eltis and Stanley L. Engerman. Cambridge: Cambridge University Press.
- Амальрик, А. С., Монгайт, А. Л.* (1966). В поисках исчезнувших цивилизаций. М.: Наука. С. 262–272.
- Арриги, Дж.* (2006). Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего.
- Бродель, Ф.* (1986–1992). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв. М.: Прогресс. Т. 1–3.
- Ващенко, А. В.* (2013). Способы обеспечения безопасности в традиционных культурах родового строя // *Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации / Материалы международной конференции*. Москва, 15–16 сентября 2012 г. / науч. ред. С. А. Панарин, Д. И. Польшвинный. Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та. С. 31–40.
- Голубцова, Е., Буровский, А.* (1995). Хакасия: идеология и ландшафты // *Вестник Евразии*. № 1 (1). С. 32–45.
- Дятлов, В.И.* (1996). Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М.: Вузовская книга.
- Кабузан, В.М.* (2012). Динамика этнического состава населения Абхазии и Косово в XIX — XX вв. // *Труды Института российской истории*. Вып. 10 / *Российская академия наук, Институт российской истории / отв. ред. Ю. А. Петров, ред. — коорд. Е. Н. Рудая*. М. С. 397–410.
- Кадыров, Ш. Х.* (2011). *Российско-туркменский исторический словарь*. Т. 1.
- Курбансахатов, К.* (2014). Орнамент, отпечатанный в керамике // *Электронная газета «Туркменистан: золотой век»*, 26 мая. <http://www.turkmenistan.gov.tm/>, дата обращения: 31.10.2015.

Ларин, А.Г. (2009). Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга.

Любарский, Г. Ю. (2000). Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие. М.: Тов-во научных изданий КМК. С. 77–78.

Мак-Нил, У. (2008). В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI — XX веках. М.: Территория будущего.

Маннанов, Б. (1964). Из истории русско-иранских отношений в конце XIX — начале XX века. Ташкент: изд-во «Наука» УзССР.

Масанов, Н. Э. и др. (2000). История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие. Алматы: Дайк-Пресс.

Нефёдов, С. А. (2010–2011). История России. Факторный анализ. Т. 1–2. М.: Территория будущего.

Петрухин, В. Я., Раевский, Д. С. (1998). Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Школа «Языки русской культуры». С. 320–321.

Самрина, Е. В. Экологическая безопасность как залог стабильности условий жизнедеятельности традиционных культур (на примере Хакасско-Минусинского края) // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации / Материалы международной конференции. Москва, 15–16 сентября 2012 г. / науч. ред. С. А. Панарин, Д. И. Польшванский. Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та. С. 40–51.

Сарианиди, В. И., Кошеленко, Г. А. (1966). За барханами — прошлое. М.: Наука.

Тюрюканова, Е. (2006). Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева: Международное бюро труда.

Успенский, Ф. И. (2011). История Византийской империи. Становление. Смуты. Македонская династия. М.: Астрель; АСТ.

Д. ПОЛЕТАЕВ,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института управления социальными процессами НИУ ВШЭ,
директор РОО «Центр миграционных исследований»

Феминизация сообществ трудовых мигрантов из Средней Азии: новые социальные роли таджичек и киргизок¹

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось с 1 марта 2015 г. по 15 июля 2015 г. в России (г. Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург) при поддержке DFID². В результате анкетного опроса было опрошено 1239 трудовых мигранток из Таджикистана и Кыргызстана в России (имеющих гражданство этих государств) от 15 до 60 лет в пяти городах (390 — в Москве, 250 — в Санкт-Петербурге, 209 — в Екатеринбурге, 190 — в Казани, 200 — в Нижнем Новгороде). Выборка репрезентировалась по возрасту (34% — от 15 до 25 лет, 33% — от 26 до 35 лет, 33% — от 36 до 60 лет), странам исхода (50% — из Таджикистана, 50% — из Кыргызстана), опыту работы в России (50% — с опытом работы один-два года и 50% — три года и более) и основным сферам занятости (максимально возможное разнообразие). Было проведено 30 полуструктурированных интервью с экспертами (10 — в Москве, 7 — в Санкт-Петербурге, 5 — в Екатеринбурге, 5 — в Казани, 3 — в Нижнем Новгороде), 83 глубинных интервью с женщинами — трудовыми мигрантами из Таджикистана и Кыргызстана в России (35 — в Москве, 10 — в Санкт-Петербурге, 17 — в Екатеринбурге, 17 — в Казани, 4 — в Нижнем Новгороде) и 3 фокус-группы в Москве (с учителями и завучами школ, где учатся дети-мигранты, женщинами — трудовыми мигрантами из Таджикистана и Кыргызстана).

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г. В статье используются результаты исследования «Феминизация трудовой миграции из Таджикистана и Киргизии в России» при финансовой поддержке DFID.

² Department for International Development (UK). — *Прим. ред.*

ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫБОРКИ

Разница между женскими потоками из Кыргызстана и Таджикистана в Россию в первую очередь выражается в гендерных установках самих мигрантов. Женщины из Кыргызстана быстрее адаптируются к российским правилам поведения и несколько отличающимся моделям поведения женщин, чем женщины из Таджикистана.

В выборке более четверти опрошенных женщин имеют высшее или незаконченное высшее образование (рис. 2). Около двух третей опрошенных женщин имеют среднее (40%) или среднее специальное (27%) образование, что также соответствует общим миграционным тенденциям в России последних лет, в том числе выявленным предыдущими исследованиями, в которых принимал участие автор [Зайончковская 2014а, с. 34; Зайончковская 2014b, с. 42; Полетаев, 2015, с. 6]. Миграция в Россию становится все более «сельской» (рис. 1), и уровень образования мигрантов с течением времени постепенно понижается. В отношении женщин из Кыргызстана, особенно Таджикистана, можно добавить, что доступ к получению образования на родине у них ограничивается в том числе и стереотипами, сложившимися в патриархальной традиции воспитания, когда для девочек продолжение образования не считается важным. С другой стороны, мигрантки из Памира составляют исключение из правил, так как являются исмаилитами и образование для девочек у них является важным приоритетом.

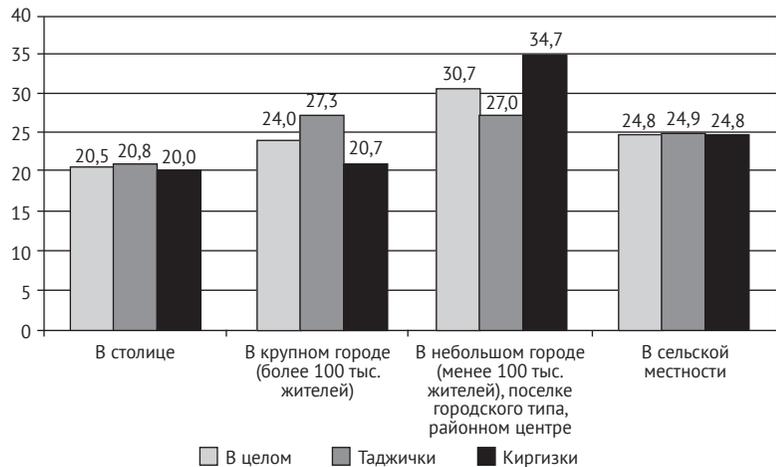

Рис. 1. Тип населенного пункта в стране постоянного проживания, %

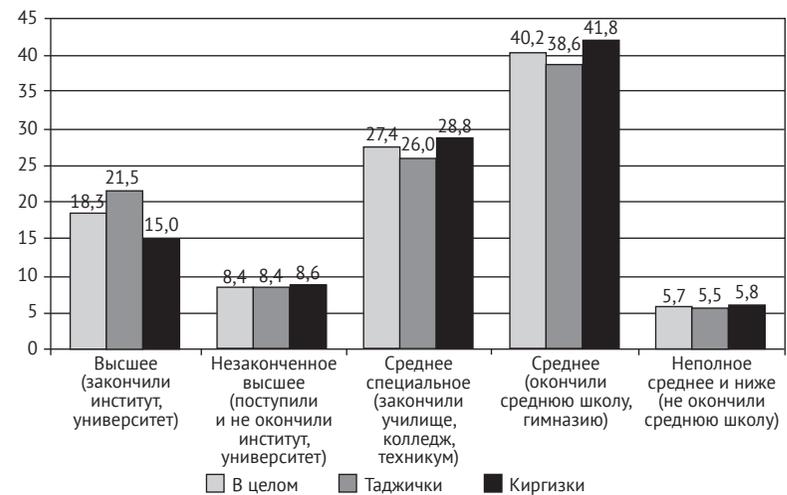

Рис. 2. Образование, %

Около двух третей опрошенных женщин имеют брачного партнера (замужем/гражданский брак; рис. 3). Каждая десятая опрошенная женщина не состояла и не состоит в браке. Около 4% — вдовы и около 10% разведены.

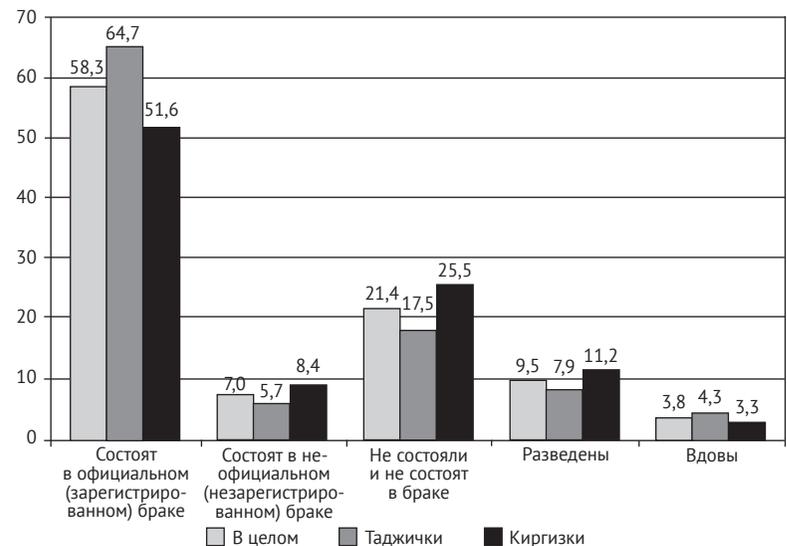

Рис. 3. Семейный статус, %

Распределение опрошенных по достатку подтверждает тот тезис, что в миграцию выезжают не самые бедные и нуждающиеся (рис. 4): только 8% мигранток отнесли себя к самой бедной группе населения, у которой денег не хватает на самое необходимое (еду, одежду и т.д). Тем не менее 40% женщин относят себя к категории с очень скромным достатком (денег хватает только на самое необходимое (еду, одежду и т. п.). Каждая пятая мигрантка заявила, что в ее семье покупают все необходимое и делают сбережения, а каждая третья, что в ее семье покупают все необходимое, но делать сбережения не удается.

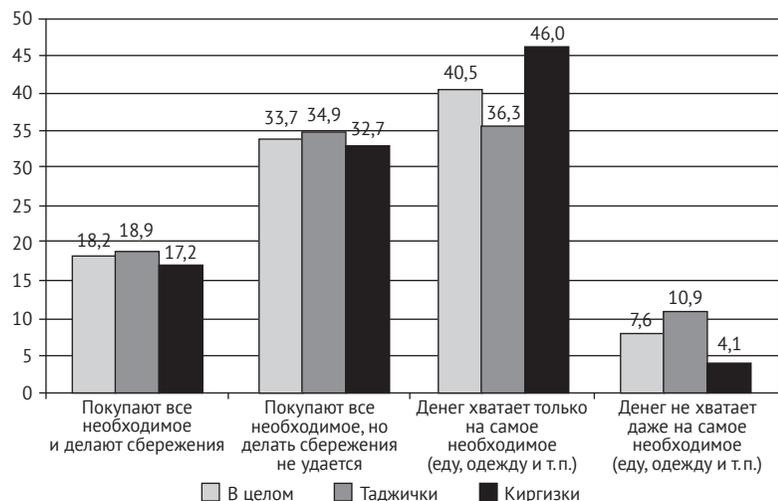

Рис. 4. Материальное положение семьи, %

Опрошенные женщины одной из главных причин, подтолкнувших их к миграции (рис. 5), назвали экономическую — для 85% из них главным стимулом к поездке было желание заработать деньги. Наряду с этим около 30% в качестве стимула к миграции также назвали приезд к семье или с семьей (чтобы быть вместе с мужем, детьми и т. п.). К негативным сторонам миграции опрошенные женщины относят разлуку с близкими и риск распада семьи (рис. 22). Поэтому неудивительно, что они не хотят оставаться на родине без мужа и следуют в миграцию за ним, хотя это, безусловно, не является единственным стимулом к семейной миграции: такой выезд может быть обоснован как эко-

Рис. 5. Цель приезда (выбор нескольких вариантов ответа), %

номической стратегией семьи, так и нацеленностью на проживание в России длительное время и оседание в будущем.

Среди стимулов миграции также фигурируют как планы (основные или сопутствующие экономическим стимулам) получить образование (8%), так и намерения устроить личную жизнь (8%). Брачные стратегии, включающие миграцию в Россию, как показало исследование (рис. 17), связаны в основном с поиском будущего брачного партнера — выходца из той страны, откуда выезжает женщина. Это обусловлено тем, что и в Таджикистане, и в Кыргызстане из-за масштабной многолетней миграции мужчин, в том числе молодых, рынок женихов крайне ограничен. Поэтому потенциальные невесты направляются в ту страну, куда выезжают потенциальные женихи, — в Россию.

Примерно в половине случаев решение о выезде женщины в миграцию (рис. 6) бывает общим семейным решением (48%). Выезд также происходит при принятии решения мужем (15% случаев) или родителями мигранток (около 7% случаев).

Важным и характерным моментом становится самостоятельное решение женщины о выезде в миграцию — так происходит почти в каждом третьем (29%) случае. В ранее проведенных исследованиях уже отмечалась тенденция [Тюрюканова 2011, с. 23] самостоятельного принятия решения о выезде, но при обследовании, включавшем всех женщин из СНГ, их доля была выше

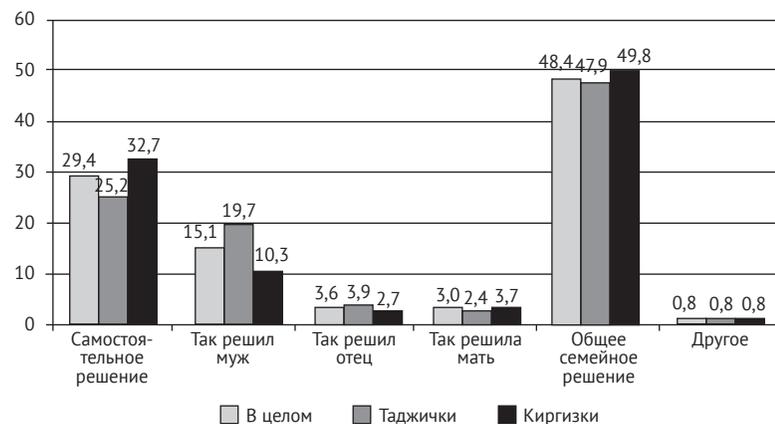

Рис. 6. Кто принимал решение о выезде, %

(37%). Очевидно, что более патриархальная среда Кыргызстана и особенно Таджикистана дает женщинам меньше возможностей принимать самостоятельное решение о выезде в Россию.

Две трети опрошенных женщин нацелены на длительное проживание и долгое пребывание в России (рис. 10), несмотря на все трудности, связанные с жилищными проблемами, скромными по меркам России заработками, преобладанием теневых практик выдачи зарплат и отсутствием возможности получения ряда социальных услуг. Так, 31% из них хочет остаться в России навсегда (рис. 7), а 34% намерены жить в России длительное время (несколько лет). Только около четверти опрошенных женщин (26%) нацелены на работу в России на ограниченный срок.

Самостоятельный тип миграции — не «за мужем», а отдельно от мужа (партнера) составляет среди женщин из Таджикистана и Кыргызстана пока незначительную часть (рис. 8): четыре из пяти опрошенных женщин находятся в России с мужем (партнером). Примерно у каждой десятой женщины муж остался на родине. У остальных 9% женщин ситуация с мужем (партнером) складывается по-разному: муж работает в России, но не в том регионе, где работает женщина, или распалась семья и бывший муж живет отдельно, а у части опрошенных женщин муж ушел к другой женщине (часть бывших мужей нашли себе пару среди местных женщин).

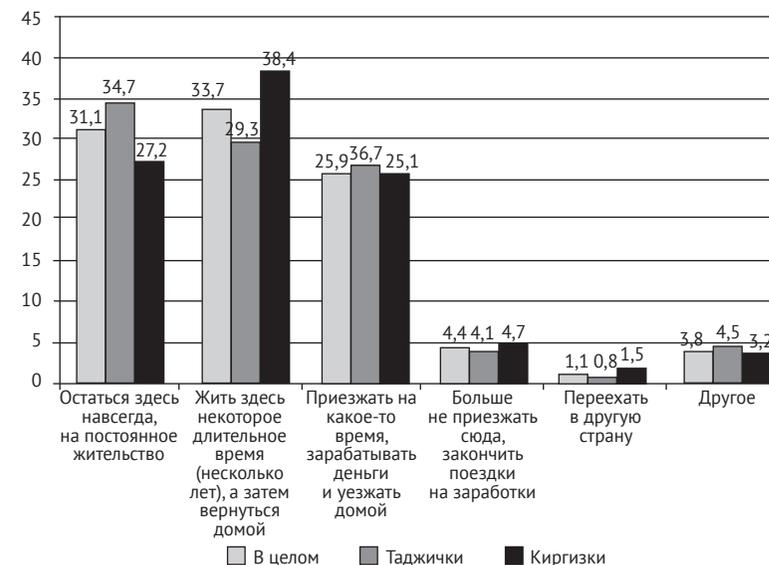

Рис. 7. Миграционные намерения, %

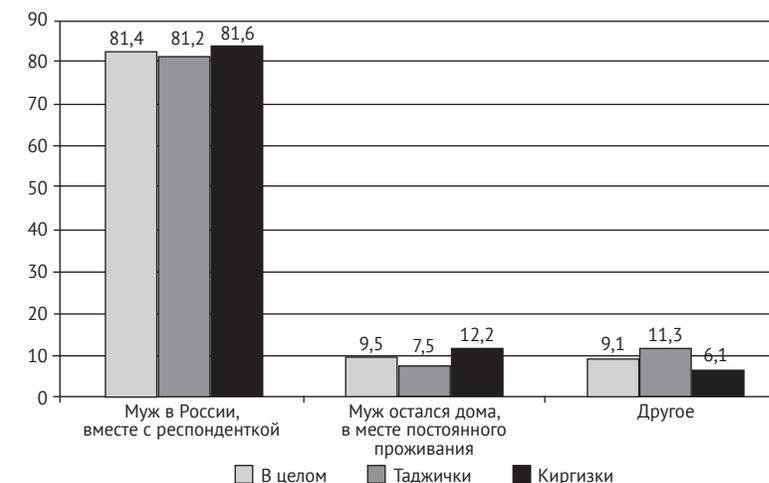

Рис. 8. Где находится муж, %

У подавляющего большинства опрошенных женщин (рис. 9) поездка на заработки встретила позитивную реакцию у мужа (84%), только 6% мужей (партнеров) неодобрительно отнеслись к выезду в трудовую миграцию, а 8% мужей (партнеров) это не волновало.

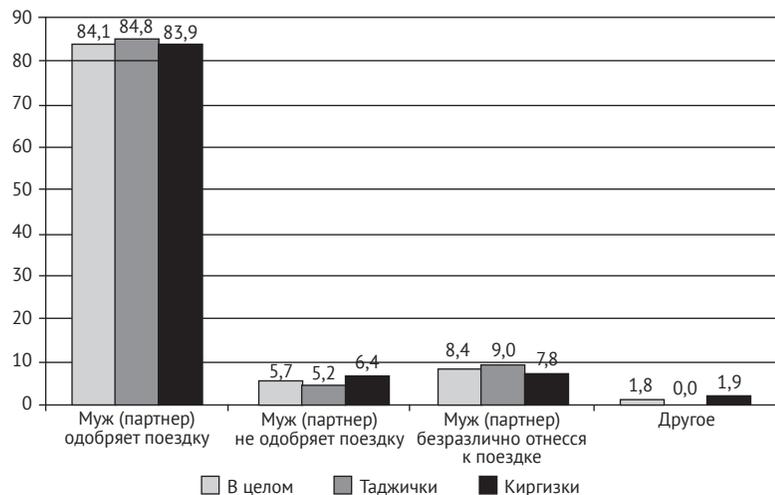

Рис. 9. Отношение мужа (партнера) к поездке, %

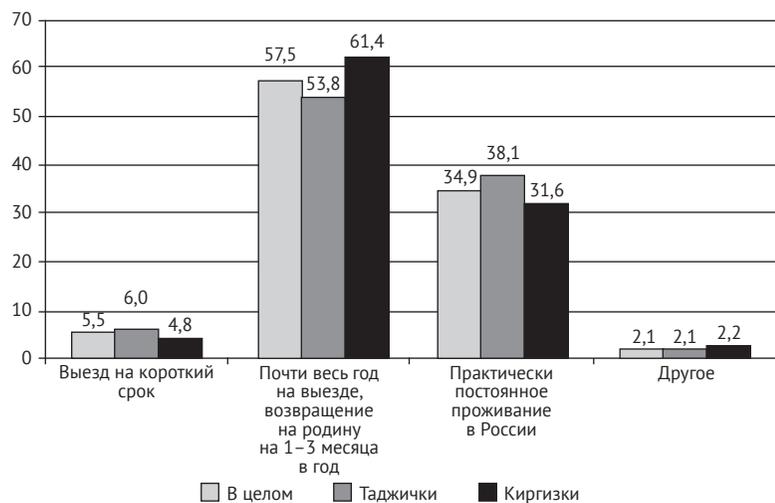

Рис. 10. Длительность поездки, %

Среди опрошенных женщин не работают только около 8%, 92% работают, и этот процент почти одинаков среди таджичек и киргизок. Среди неработающих женщин домохозяйек только 23% (рис. 11), а тех, у кого нет необходимости в работе, — 11%. Около трети неработающих женщин находится в активном поиске работы. Остальные учатся, ухаживают за детьми, не работают из-за беременности или наличия маленького ребенка, за которым некому больше ухаживать.

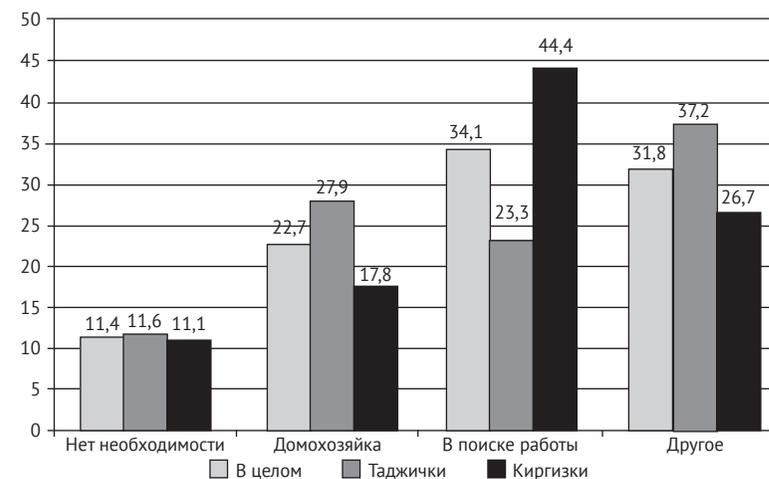

Рис. 11. Причина, по которой не работают респондентки, %

Основная сфера занятости для женщин из Таджикистана и Кыргызстана (рис. 12) — сервисная экономика. Так, 43% из них работают в сфере услуг (общепит, сфере развлечений, гостиницах, кроме частных услуг на дому), а 31% — в торговле. Третьей по значимости сферой выступает домашний труд (няня, сиделка, домработница), в нем заняты около 8% опрошенных женщин. ЖКХ (4,9%), транспорт и связь (2,4%), образование (1%) и здравоохранение (1,3%) вместе взятые дают рабочие места менее чем 10% всех занятых женщин.

Рис. 12. Сфера занятости, %

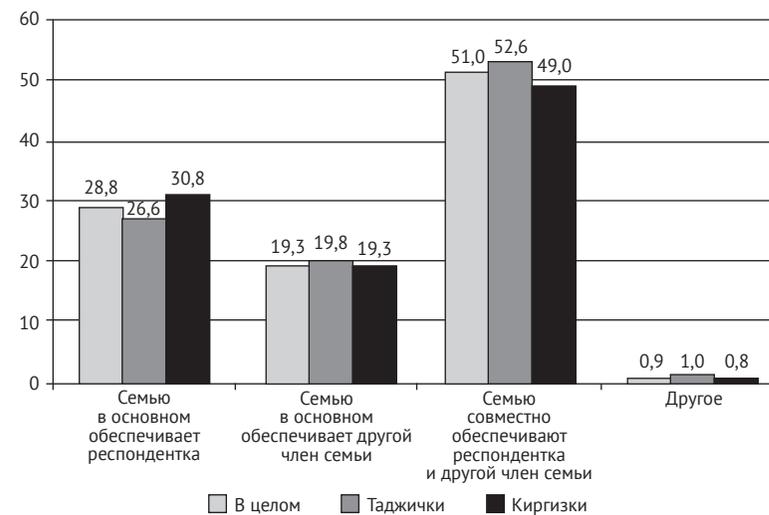

Рис. 13. Кто обеспечивает семью, %

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ: КОРМИЛЕЦ СЕМЬИ

Выезд в миграцию сильно меняет гендерные роли: 29% работающих женщин являются главными кормильцами в семье, а 51% из них обеспечивают семью совместно с другим членом семьи (рис. 13). Только в 19% случаев основным кормильцем в семье выступает другой член семьи (муж, отец, брат).

Важная роль, которую играют мигрантки в финансовом обеспечении семьи, иллюстрируется тем фактом, что две трети из них (рис. 14) переводят деньги на родину. Средний размер перевода — 214 долл. США. Эти переводы являются существенной поддержкой семьям (рис. 15): 16% своими денежными переводами полностью обеспечивают семьи на родине, 45% обеспечивают семьи примерно наполовину, а 35% — менее чем наполовину. Изменение гендерных ролей, принятие мужчинами на себя части обязанностей, традиционно не считавшихся мужскими, сопровождаются изменением структуры трат бюджета под воздействием мнения женщин, которые зарабатывают деньги в миграции и переводят их на родину, в свои домохозяйства. Так, например, у таджиков-памирцев денежные переводы от женщин чаще тратятся на образование детей, так как матери в большей степени принимают в расчет интересы детей.

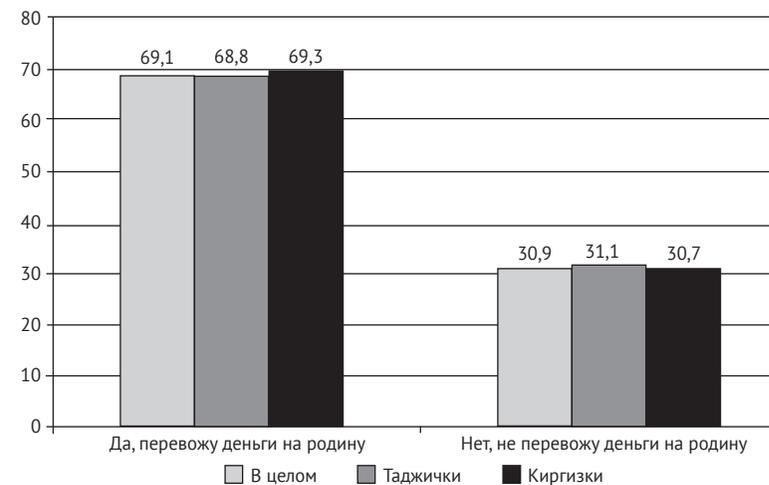

Рис. 14. Перевод денег на родину, %

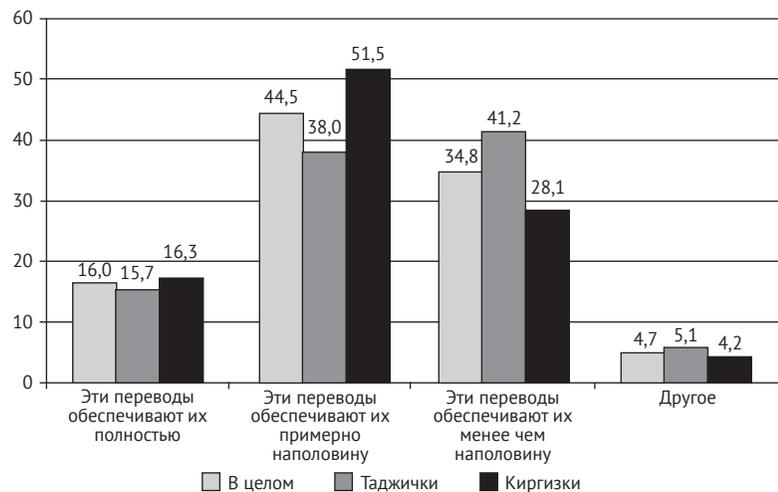

Рис. 15. Насколько переводы поддерживают семью на родине, %

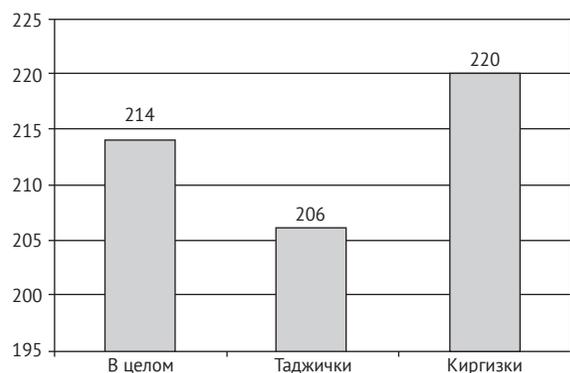

Рис. 16. Средний размер перевода, долл. США

Включенность в российский социум или изоляция в сообществе соотечественников?

В своих брачных стратегиях мигрантки явно отдают предпочтение своим соотечественникам и не готовы выходить замуж за россиян не своей национальности (рис. 17). 23% планируют выйти замуж на родине за человека своей национальности, а 40%

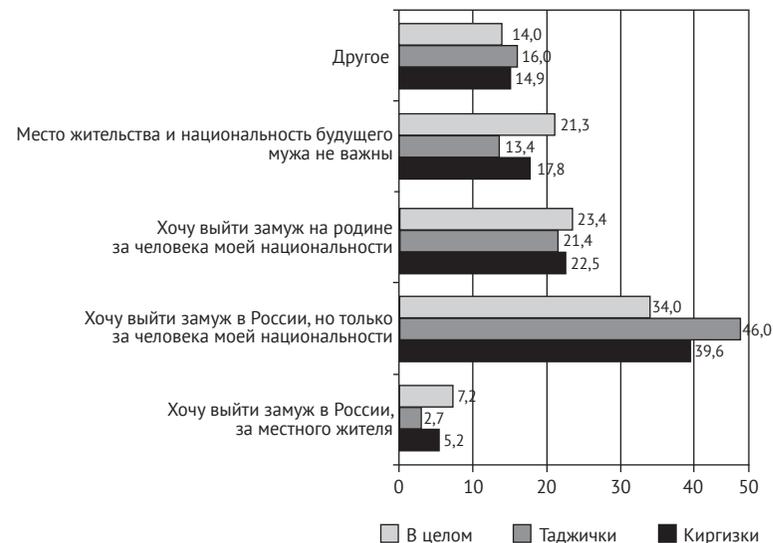

Рис. 17. Предпочтения при замужестве, %

планируют найти соотечественника в России. Для 18% место жительства и национальность мужа значения не имеют, а 5% планируют выйти замуж за россиянина — местного жителя. Отметим, что 8% женщин (рис. 5) изначально наряду с задачей заработка рассматривали миграцию в Россию как возможность найти жениха.

Опрошенные женщины (рис. 18) по большей части отмечали нейтральное (38%) или хорошее (43%) отношение к себе в России. Враждебное, негативное отношение к себе отмечали 7% женщин. Несмотря на такие довольно позитивные отзывы о местном населении, женщины-мигрантки не склонны искать у местных жителей помощи в сложных ситуациях (рис. 19). Так, 65% будут искать помощи у своих родственников или земляков в России, а 23% — у родственников или земляков на родине. Обращаться к местным жителям настроены только 4%.

Замыкание общения на родственниках (62%) и земляках (65%) — это стратегия интеграции и даже выживания в России для женщин-мигранток (рис. 20). Тем не менее круг обычного общения расширяется через общение с другими мигрантами — коллегами по работе (44%), с коллегами — местными жителями

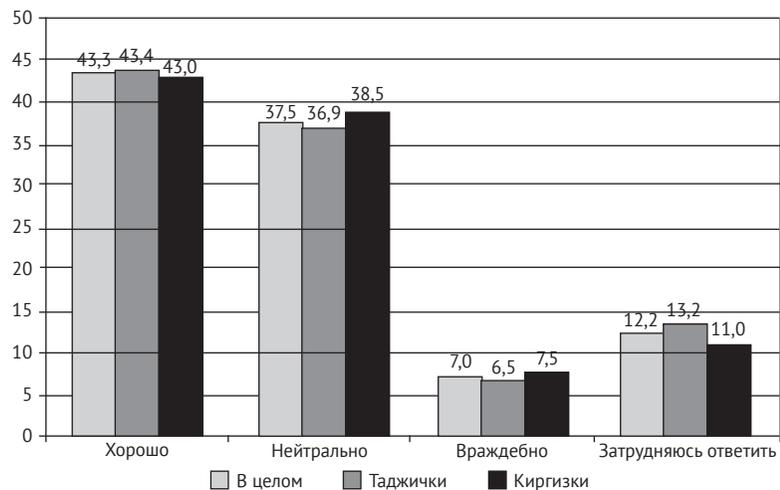

Рис. 18. Отношение местного населения к мигранткам из Таджикистана и Кыргызстана, %

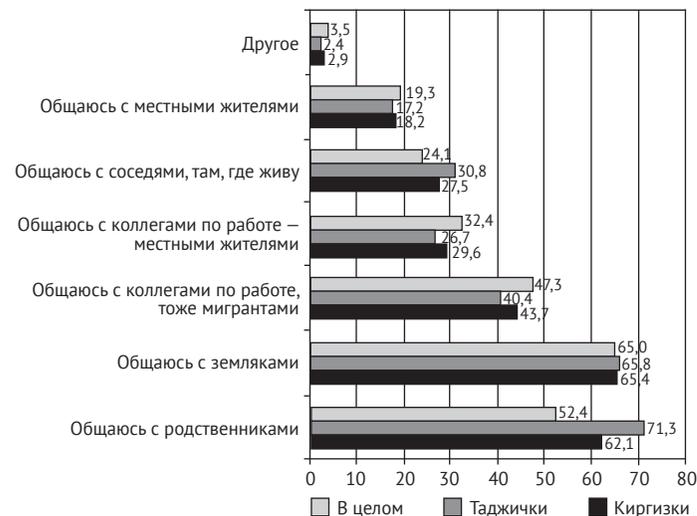

Рис. 20. Общение в России (возможен был выбор нескольких вариантов ответов), %

Рис. 19. Возможность получения срочной помощи от кого-либо в сложной жизненной ситуации, %

(29%) или соседями (28%). Общение с местными жителями привычно только для одной из пяти женщин-мигрантов (18%).

Среди трудящихся-мигрантов довольно сильны установки не только на длительное пребывание в России (рис. 7), но и на приобретение российского гражданства. Так, каждая десятая из опрошенных женщин подала документы на приобретение российского гражданства или вида на жительство, а 16% собираются это сделать (рис. 21). Имеют общие намерения приобрести гражданство РФ или вид на жительство в РФ около трети опрошенных женщин (34%), хотя никаких конкретных действий они для этого не предпринимали. Многие мигрантки рассматривают наличие российского гражданства как способ избежать оформления документов для официального трудоустройства в России. Так, упрощенный порядок получения российского гражданства для граждан Кыргызстана несколько лет назад способствовал массовому получению паспортов РФ, но не привел к их переезду в РФ. По-видимому, именно это обстоятельство привело к изменению российского законодательства по отношению к гражданам Кыргызстана в 2012 г. [Чудиновских 2014, с. 35]. Возможно, что вступление Кыргызстана в ЕАЭС и отмена

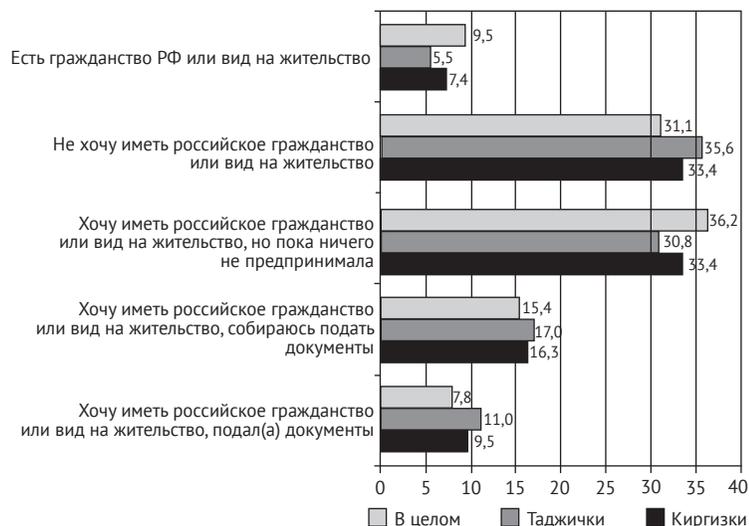

Рис. 21. Распределение респонденток по желанию получить российское гражданство или вид на жительство, %

в отношении ее граждан процедуры получения патентов при трудоустройстве в РФ изменят такой массовый настрой на получение российского гражданства у киргизских женщин-мигрантов.

НОВЫЕ РОЛИ ДЛЯ МИГРАНТОВ: ПОЗИТИВ, НЕГАТИВ И ОСОЗНАНИЕ СОБСТВЕННОГО СТАТУСА

Позитивные итоги отъезда, определяемые самими мигрантами (рис. 23), показывают, на что в основном уходят заработанные ими деньги: на питание, образование детей и улучшение жилищных условий. Так, о том, что семья стала лучше питаться, упомянули 40% опрошенных женщин; о том, что дети могут получить хорошее образование, — 36%, а об улучшении жилищных условий — 31%. При этом респондентки выделили и два важных итога, фактически меняющие их статус в домохозяйстве и приводящие к смене привычных для них гендерных ролей: 28% отметили важность приобретения делового опыта, облегчающего трудоустройство в будущем, а 17% отметили как позитивный итог обретение независимости (от мужа, родителей и т. п.). Приобретение женщинами делового опыта является позитивным

итогом не только для самих женщин и их домохозяйств, но и для экономики Киргизии и Таджикистана. Самозанятость в личном бизнесе — надежда на позитивное будущее отдающих стран, так как это открывает возможности для снижения оттока экономически активного населения Кыргызстана и Таджикистана в РФ.

Если позитивными итогами миграции для женщин были в основном личные факторы, улучшающие жизнь домохозяйств, а следовательно, и качество жизни в Таджикистане и Кыргызстане в целом, то негативные итоги миграции (рис. 22), выделяемые женщинами — трудовыми мигрантами, напрямую влияют на ухудшение обстановки в странах Средней Азии. Такое негативное влияние носит долгосрочный и мультипликативный характер. Так, отсутствие возможности у женщин ухаживать за стариками-родственниками (об этом говорили 56%) не только усиливает давление на социальные системы Кыргызстана и Таджикистана, и так весьма ограниченные в своих возможностях, но и ухудшает общий социальный фон. У мигрантов формируется ощущение, что государство не только подтолкнуло их к миграции, не создав достойно оплачиваемые рабочие места, но и не способно защитить их родителей, остающихся дома. То же самое происходит

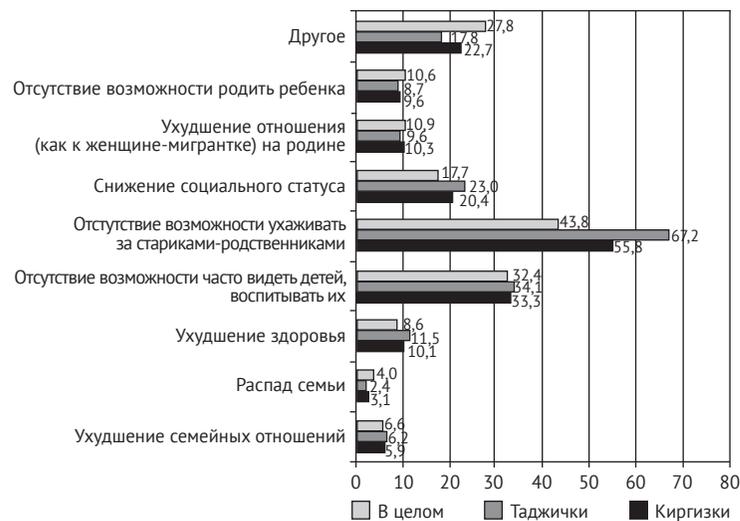

Рис. 22. Негативные для женщин и их семей итоги отъезда из дома на работу (выбор нескольких вариантов ответа), %

и в отношении детей мигрантов, остающихся на родине: дополнительные финансовые возможности для улучшения их качества жизни, создаваемые мигрантами-родителями, не дополняются со стороны государства специальными социальными мерами. Это усиливает недоверие к государству как к институту. При этом снижение социального статуса у трудящихся-мигрантов (упоминали 21%) и ухудшение отношения к ним (упоминали 7%) также снижают доверие к государству, слабо работающему над изменением негативных общественных стереотипов, подозрительности и даже недоброжелательности общества по отношению к женщинам-мигрантам. Ухудшение здоровья мигрантов (упомянули 9% женщин) снижает общее качество трудовых ресурсов и увеличивает нагрузку на системы здравоохранения в Таджикистане и Кыргызстане, куда приходят на лечение женщины, возвращающиеся из трудовой миграции. Откладывание рождений (8%), ухудшение семейных отношений (5%) и даже распад семьи (4%) — это не только личные негативные итоги миграции для женщин-мигрантов и их домохозяйств, но и долгосрочные негативные эффекты демографического развития для Кыргызстана и Таджикистана.

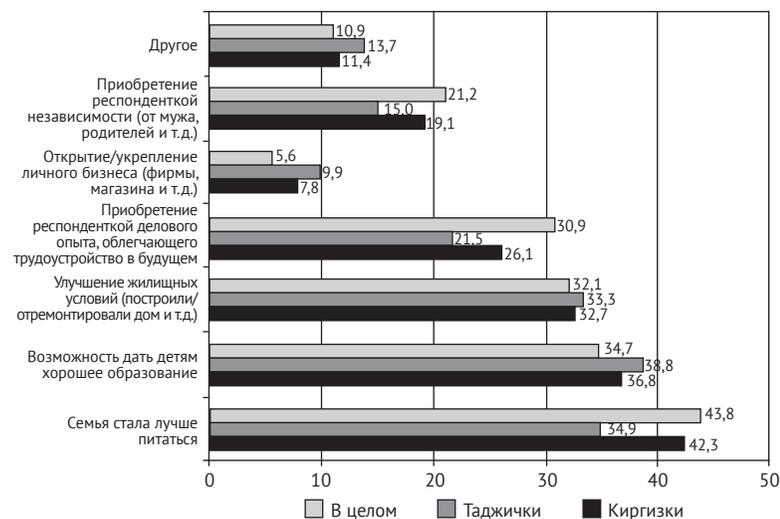

Рис. 23. Позитивные для женщин итоги отъезда из дома на работу для них самих и их семей (выбор нескольких вариантов ответа), %

Несмотря на особенности нового статуса, приобретаемого женщинами в трудовой миграции, и предпосылки к смене гендерных ролей, далеко не все женщины меняют свои жизненные установки и отходят от устоявшихся в традиционной культуре их стран норм поведения (рис. 24). Так, 68% из них считают, что

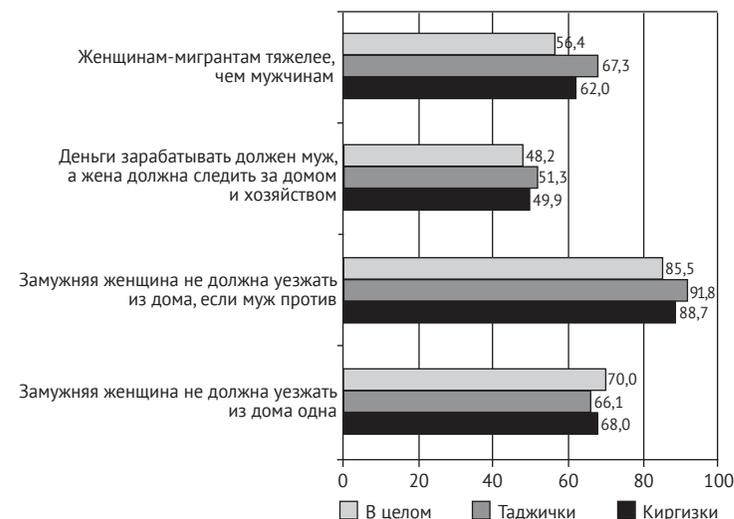

Рис. 24. Согласие с утверждениями, %

замужняя женщина не должна уезжать из дома одна, а 89% (девять из десяти женщин) считают, что замужняя женщина не должна уезжать из дома, если муж против. Несмотря на то что многие мигрантки замужем и принимают активное участие в формировании бюджета семьи своей работой на выезде, 50% считают, что деньги должен зарабатывать муж, а жена должна следить за домом и хозяйством. Почти две трети опрошенных (62%), испытав на себе все тяготы миграции, считают, что женщинам-мигрантам тяжелее, чем мужчинам.

* * *

Гендерные роли женщин — трудовых мигрантов в России меняются: они начинают работать и зарабатывать, тогда как на родине они не всегда были включены в рынок труда. При миграции

часть домашних обязанностей мигрировавших женщин ложится на старшее поколение оставшихся дома родных, и у мигранток появляется свободное время, которого они до этого, как правило, не имели. Свободное время, которое женщины могут потратить на себя, меняет их образ жизни. Кроме того, в России они видят другие образцы поведения, новые для них формы взаимоотношений в семьях (особенно женщины — домашние работницы, проживающие в российских семьях). В то же время, несмотря на особенности нового статуса, обретаемого женщинами в трудовой миграции, и предпосылки к смене гендерных ролей, далеко не все женщины меняют свои жизненные установки и отходят от устоявшихся в традиционной культуре их стран норм поведения.

Базовые установки на важность семьи и детей меняются слабо, особенно у женщин после сорока. Возможна и обратная постановка вопроса, когда сама миграция женщин становится результатом несогласия с распределением гендерных ролей на родине, пониманием, что возможен другой уклад жизни, есть другие стандарты взаимоотношений. Важно отметить, что роль женщин в зрелом возрасте в семье на родине (в Таджикистане и Кыргызстане) недооценивается: нередко в семьях они распоряжаются бюджетом, участвуют в решении важных семейных вопросов.

После знакомства с жизнью в России российские женщины становятся для части таджичек и киргизок сравнительной группой, с которой они сравнивают свой образ жизни и взаимоотношения. Недовольство привычными ролями и желание большей независимости, тяготы воспитания ребенка при низком качестве государственных сервисов на родине, расхождение повседневного образа жизни мигрантов на родине и в России с образом жизни современной женщины в России постепенно меняют представления мигрантов об их гендерных ролях, даже если это не ведет к смене моделей поведения.

Женщины из Средней Азии находятся в уязвимом состоянии как у себя на родине, так и в России, оказываясь вовлеченными в киргизские и таджикские сообщества, характеризующиеся неравноправным отношением к мужчинам и женщинам. Жертвами гендерных стереотипов, несущих репутационные издержки, как правило, становятся молодые девушки и женщины, выезжающие в миграцию очень рано. В сообществах их соотечествен-

ников зачастую бытует мнение, что они не успели усвоить традиционные роли и могут «запутаться». Принимающее российское общество тоже сложно назвать гендерно равноправным. Кроме того, в государствах Средней Азии после распада СССР изменился уклад жизни, экономическая и социальная политика, поменялись стандарты образования. Все эти факторы в совокупности делают очевидным необходимость специальных адаптационных программ по отношению к женщинам-мигрантам, находящимся в наиболее уязвимом положении в России, особенно если они приезжают в Россию с детьми.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Зайончковская, Ж. А., Ватлина, Э. С., Карачурина, Л. Б., Полетаев, Д. В., Флоринская, Ю. Ф. (2014а). Домашние работницы в России и Казахстане. Алматы: ООН-Женщины, Ex Libris.

Зайончковская, Ж. А., Мктрчян, Н. В., Полетаев, Д. В., Флоринская, Ю. Ф. (2014b). Защита прав москвичей в условиях массовой миграции. М.: Уполномоченный по правам человека в г. Москве, Центр миграционных исследований.

Полетаев, Д. В., Флоринская, Ю. Ф. (2015). Осведомленность мигрантов о туберкулезе и ВИЧ-инфекции. Рабочий доклад. М.: Красный крест.

Тюрюканова, Е. В., Зайончковская, Ж. А., Карачурина, Л. Б., Мктрчян, Н. В., Полетаев, Д. В., Флоринская, Ю. Ф. (2011). Женщины-мигранты из стран СНГ в России. Серия: Миграционный барометр в Российской Федерации. М.: МАКС Пресс.

Чудиновских, О. С. (2014). Государственное регулирование приобретения гражданства РФ: политика и тенденции. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

С. ОЛИМОВА,
кандидат философских наук,
директор Центра социологических исследований «Шарк»,
Душанбе, Таджикистан

Развитие человеческого капитала и миграция: опыт Таджикистана

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то что мигранты стали привычным явлением на улицах российских городов, дискуссии о том, способствуют ли трудовые миграции развитию России или наоборот, тормозят его, не теряют накала.

В то же время в странах выхода мигрантов также идут споры. Одни считают, что миграция способствует развитию отправляющих стран, что мигранты за рубежом приобретают дополнительную квалификацию и образование, знание языков и жизненные навыки, которые привозят на родину. Другие утверждают, что работа не по специальности в стране приема негативно влияет на человеческий капитал. Кроме того, выезд наиболее молодых, динамичных и образованных людей консервирует отсталость и препятствует модернизации в странах выезда.

Независимо от дискуссий, очевидно, современный мир — это динамичный мир открытых границ, он требует от людей высокой мобильности, большей продуктивности и способности быстро приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам и рискам. Это актуализирует изучение проблемы взаимосвязи миграции и развития человеческого капитала, стимулирует поиск путей роста человеческого капитала в условиях повышения мобильности рабочей силы.

В последние годы возросло число исследований в странах, в которых рассматриваются различные аспекты влияния миграции на человеческий капитал. В большинстве из них утверждается, что миграция положительно влияет на человеческий капитал, так как мигранты получают дополнительные знания и навыки в процессе миграции, денежные переводы снижают крайнюю

бедность и соответственно способствуют увеличению расходов домохозяйств на образование в отправляющих странах [McKenzie, Rapoport 2011, p. 1343; Cox, Ureta 2003]. В то же время некоторые исследования показывают негативные или смешанные эффекты влияния миграции на человеческий капитал [de Naan 2005].

Как правило, исследователи предполагают, что трудовая миграция оказывает положительное воздействие на человеческий капитал, так как денежные переводы от трудовых мигрантов расходуются на образование членов семьи, что повышает общий уровень образования в стране. Д. Маккензи и Х. Рапопорт считают, что трудовая миграция влияет на уровень человеческого капитала через три канала: 1) прямое влияние роста доходов за счет денежных переводов; 2) прямой эффект повышения спроса на детский труд (трудовая миграция снижает предложение взрослых работников и, следовательно, увеличивает спрос на детский труд); 3) косвенное влияние на ожидаемый доход (то есть если ожидаемая зарплата в стране приема значительно превышает заработную плату в отправляющей стране, то каждый год обучения рассматривается как упущенная заработная плата, поэтому потенциальные трудовые мигранты заинтересованы в том, чтобы закончить обучение в обмен на работу за рубежом) [McKenzie, Rapoport 2006].

Исходя из этого можно сделать вывод, что, хотя миграция оказывает положительное воздействие на человеческий капитал через первый канал, она негативно влияет на него через второй и третий каналы. Кроме того, трудовая миграция может оказывать отрицательное влияние на образование за счет прогулов, низкой успеваемости и посещаемости школьников, родители которых находятся за границей и не могут контролировать поведение детей.

Эмпирические исследования, которые проводятся во многих странах мира, по-прежнему дают различные результаты. Часть из них обнаруживает, что денежные переводы оказывают положительное влияние на образование в семьях мигрантов в отличие от семей без мигрантов [Cox, Ureta 2003]. В частности, Э. Кокс и М. Урета отмечают, что получение денежных переводов положительно коррелирует с посещаемостью школы и отрицательно — с показателями отсева школьников [Cox, Ureta 2003, p. 438]. В противоположность этим выводам Г. Хансон и С. Вудрафф считают, что отсутствие одного из родителей отрицательно влияет на посещаемость школы [Hanson and Woodruff 2003]. Эти авторы, так же

как Д. Макензи и Х. Рапопорт [McKenzie, Rapoport 2006], считают, что негативное влияние миграции на образование из-за повышенного спроса на детский труд значительнее, чем позитивное влияние миграции, вызванное денежными переводами и соответственно более высоким уровнем доходов.

Очевидно, что характер воздействия миграции на человеческий капитал зависит не только от чисто экономических, но и от различных социальных и культурных факторов, таких как доминирующие ценности и идеологии, половозрастные роли и модели, а также от политики государств. Социокультурные, политические и гендерные различия влияют на характер взаимосвязи миграции и образования во всех аспектах. Например, исследования в Мексике и Сальвадоре показывают, что дети в домохозяйствах, получающих переводы, получают больший доступ к развитому в этих странах частному образованию и профессиональному обучению. Денежные переводы расходуются на частное образование и предупреждают ранний выход детей мигрантов на рынок труда (Hanson and Woodruff 2003; Thieme 2009). В то же время, согласно данным исследований, проведенных в Кыргызстане и Таджикистане, дети из домохозяйств, получающих переводы, демонстрируют пониженный интерес к профессиональному образованию [Abdulloev, Gang and Myeong-Su Yun 2014]. При этом в Кыргызстане частное образование развивается значительно быстрее, чем в Таджикистане.

Для того чтобы углубленно изучить эту проблему, имеет смысл исследовать опыт влияния миграции на человеческий капитал в отдельных странах, например в Таджикистане. Влияние миграции на человеческий капитал и образование в Таджикистане уже было предметом изучения. Большинство исследований основываются на материале систематических исследований уровня жизни в Таджикистане (далее — ОУЖТ), проводившихся в 2007 и 2009 гг. [Danzer and Ivaschenko 2010; Локшин, Чернина 2013; Kollner 2013].

Так, Р. Беннет, Д. Клиффорд и Д. Фалкингэм, используя материалы ОУЖТ-2007, нашли, что долгосрочная миграция одного из родителей повышает уровень школьной посещаемости [Bennett, Clifford, Falkingham 2013, p. 1]. С. Кельнер, изучая воздействие денежных переводов на уровень образования на базе ОУЖТ-2007 и ОУЖТ-2009, отметил, что денежные переводы положительно влияют на уровень образования в рамках обязательного 9-летнего школьного образования и одновременно не-

гативно воздействуют на перспективу дальнейшего образования [Kollner 2013, p. 29].

Интересный аспект темы влияния миграции на человеческий капитал можно найти в статье «Миграция, образование и гендерный разрыв в участии в рабочей силе». Ее авторы И. Абдуллаев, И. Ганг и Мен-Су Юн утверждают, что проблема взаимосвязи миграции и уровня образования имеет гендерное измерение. По мнению авторов статьи, преимущественно мужская трудовая миграция сокращает долю мужчин, получающих высшее и профессиональное образование. Соответственно увеличение доли женщин среди студентов профессиональных и высших учебных заведений способствует росту участия женщин в рабочей силе. Это постепенно меняет гендерный порядок и увеличивает долю женщин в трудовой миграции [Abdulloev, Gang and Myeong-Su Yun 2014].

В целом проведенные в Таджикистане исследования демонстрируют неоднозначное воздействие трудовой миграции на образование и на весь человеческий капитал. Однако все указанные работы основаны на двух количественных исследованиях — обследованиях домохозяйств ОУЖТ-2007 и ОУЖТ-2009 [TLSS2007; World Bank 2008; World Bank 2010; World Bank 2013].

В то же время изучение проблемы в динамике за более длительный период с привлечением материалов других обследований могло бы дать возможность вычлнить долгосрочные тенденции взаимосвязи миграции и развития человеческого капитала. Кроме того, представляется, что использование материалов качественных исследований могло бы помочь прояснить ряд неясных и спорных моментов влияния миграции на человеческий капитал в Таджикистане.

Таким образом, главная цель настоящей статьи — изучение динамики изменений человеческого капитала в Таджикистане в связи с трудовой миграцией на протяжении десяти лет — с 2002 по 2012 г., а также анализ причин этих изменений.

Теория, которой руководствовался автор, — новая экономика миграции, рассматривающая миграцию как экономическое поведение домохозяйств, а также теория человеческого капитала. Для анализа было использовано определение человеческого капитала как набора навыков и компетенций, которым обладает рабочая сила и который имеет прямое положительное влияние на уровень экономического развития (то есть речь пойдет только об образовании и обучении).

В работе использовались смешанные методы исследования (mixed methods research), предусматривающие привлечение различных вторичных источников информации и материалов нескольких обследований (баз данных).

Эмпирической основой для статьи послужило обследование домохозяйств, проведенное в Таджикистане Исследовательским центром «Шарк» в январе — феврале 2012 г. при поддержке Всемирного банка (далее — Обследование домохозяйств — 2012). Обследование было проведено по национально репрезентативной выборке и охватило 1000 домохозяйств. Основной целью обследования было изучение характеристик потоков миграции из Таджикистана, направлений въезда, последних изменений модели и паттернов трудовой миграции, отношения мигрантов к профессиональному и предвыездному обучению, а также оценки потребности потенциальных мигрантов в обучении.

Данные этого обследования дополнены материалами обследований домохозяйств, опросов и качественных исследований, проведенных автором с 2002 по 2014 г.

Справка о системе образования в Таджикистане: система образования Республики Таджикистан досталась в наследство от СССР. Полное среднее образование включает в себя следующие ступени: обязательные и бесплатные начальная школа (1–4-й классы) и среднее образование (5–9-й классы); необязательное полное среднее образование, открывающее доступ в вуз (10–11-й классы). Охват образованием всех детей в обязательной девятилетней школе — 98% в 2012 г. Средняя продолжительность обучения составляет около 10 лет. Однако не все дети переходят на следующие необязательные ступени обучения. Только 64% 16-летних и 49% 17-летних продолжают образование и оканчивают полную среднюю школу. Начиная с 9-го класса растет гендерный дисбаланс, то есть в 10–11-м классах мальчики продолжают учиться, а значительная часть девочек уходит из школы. Среднее профессиональное образование непопулярно в отличие от высшего образования [ПРООН 2015, с. 88–89].

Профиль мигрантов

Согласно ряду исследований профиль мигрантов из Таджикистана характеризуется преобладанием мужчин молодых возрастов, сезонно занимающихся тяжелым и малоквалифицирован-

ным трудом в России [Olimova 2010; Justino and Shemyakina 2012; Локшин, Чернина 2013].

В общем потоке мигрантов можно выделить несколько групп, которые осуществляют различные стратегии и модели/паттерны миграции (табл. 1). Для того чтобы их изучить, в обследовании 2012 г. методом личного интервью опрашивались две группы мигрантов, находившихся дома в своих домохозяйствах на момент опроса: а) в возрасте 15–20 лет; б) старше 20 лет. Информация о членах домохозяйства, находившихся на момент опроса за рубежом, собиралась со слов присутствовавших членов домохозяйства. Эти данные были обобщены как информация об отсутствующих мигрантах.

Группа вернувшихся мигрантов в возрасте 15–20 лет была условно названа первоначальными мигрантами. Они мигрировали недавно (менее двух лет назад) в первый или второй раз и пока не определились в выборе миграционной стратегии.

В группе вернувшихся мигрантов старше 20 лет подавляющее большинство составляют сезонники и краткосрочные мигранты, которые проводят на зарубежной работе несколько месяцев в году, остальное время находятся дома. Большая часть из них — семейные люди, главы домохозяйств или старшие женатые сыновья, которые оставляют хозяйство на плечи женщин, подростков и мужчин. Они сохраняют тесные связи с семьей и слабо интегрируются в принимающее общество.

Большинство «отсутствующих» мигрантов являются долгосрочными мигрантами, которые периодически возвращаются на родину с целью навестить семью и родственников. Самыми большими по численности группами мигрантов являются сезонники и долгосрочные мигранты, периодически возвращающиеся на родину. Следует отметить, что существует также группа мигрантов, которая практически не фиксируется статистикой и обследованиями домохозяйств в Таджикистане. Это мигранты, которые отсутствуют в стране больше двух лет и за это время не посещали Таджикистан, а также мигранты, которые выехали за рубеж вместе со своими домохозяйствами и в течение длительного времени не возвращались на родину.

Исследования фиксируют заметные изменения трудовой миграции из Таджикистана. С 2003 г. значительно вырос масштаб миграции, при этом увеличилась доля сельских жителей, ухудшился образовательный уровень мигрантов. Большое влияние

на трудовую миграцию оказал финансовый кризис 2008–2009 гг. В то время как доля строителей, работающих в Москве и Московской области, выросла, доля мигрантов, работающих в торговле, а также тех, кто имел свое дело в России, сократилась. Что касается изменений паттернов миграции, то по сравнению с 2007 г. в 2012 г. произошло сокращение доли краткосрочных поездок и выросла долговременная миграция [Kroger, Meier 2011; Danzer, Dietz and Gatskova 2013; Олимова 2015]. Во многом это связано с заметным сокращением торговой и предпринимательской миграции из Таджикистана в Россию.

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ МИГРАНТОВ

Говоря о человеческом капитале, мы фокусируемся на уровне образования мигрантов, так как он отражает объем накопленного человеческого капитала. Во всех группах трудовых мигрантов из Таджикистана преобладают люди со средним образованием. Согласно данным Обследования домохозяйств — 2012 они составляют 58,7% вернувшихся мигрантов (преимущественно сезонников), 66% долгосрочных мигрантов и 75,4% молодых мигрантов в возрасте 15–20 лет. Самый высокий уровень образования отмечен в группе сезонников — 14% лиц с высшим образованием. Среди долгосрочных мигрантов высшее образование имеют 8%. Худшее профессиональное образование имеет мигрантская молодежь в возрасте 15–20 лет. Если среди сезонников среднее специальное и среднее техническое образование имеют 18,3%, среди долгосрочных мигрантов — 15,7%, то среди молодежи таких только 3% (табл. 1).

Таблица 1. Социально-демографические характеристики различных миграционных паттернов

	Вернувшиеся (N = 378)	Отсутствующие (N = 306)	Молодежь (15–20 лет) (N = 65)	Всего (N = 749)
Город	19,0	23,9	32,3	22,2
Село	81,0	76,1	67,7	77,8
Мужской	93,1	89,2	98,5	92,0
Женский	6,9	10,8	1,5	8,0

Окончание табл. 1

	Вернувшиеся (N = 378)	Отсутствующие (N = 306)	Молодежь (15–20 лет) (N = 65)	Всего (N = 749)
15–20	—		100,0	8,7
До 25	24,1	36,9	—	27,2
26–35	35,4	36,6	—	32,8
36–45	25,1	15,7	—	19,1
46–55	13,0	10,1	—	10,7
56+	2,4	0,7	—	1,5
Начальное	—	0,3		0,1
Среднее неполное	8,7	9,5	21,5	10,1
Среднее полное	58,7	66,0	75,4	63,1
Среднее специальное	9,3	8,5	1,5	8,3
Среднее техническое	9,0	7,2	1,5	7,6
Высшее	14,0	8,2	—	10,4
Аспирантура/ докторантура	0,3	0,3	—	0,3

Источник: Обследование домохозяйств — 2012

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

За период наблюдения (с 2003 по 2012 г.) произошли следующие изменения образовательного уровня мигрантов: несмотря на то что уровень образования мигрантов выше, чем у населения Таджикистана в целом, он снизился, особенно в плане профессионального образования.

За десятилетие сократилась как доля мигрантов с начальным и средним неполным образованием — с 19,3% [Олимова, Боск 2003, с. 28] до 10,2%, так и доля мигрантов с высшим образованием — с 18,6% [Олимова, Боск 2003, с. 9] до 10,7%. Однако заметнее всего падение доли мигрантов со средним специальным

и средним техническим образованием — с 27,9% [Олимова, Боск 2003, с. 28] до 15,9%. В свою очередь, вдвое увеличилась доля мигрантов с общим средним образованием — с 34 до 63,1%.

До нулевых годов ухудшение человеческого капитала в Таджикистане, отмеченное всеми исследованиями, можно объяснить потрясениями суверенизации и структурной трансформации национальных экономик, в ходе которых произошла потеря в целом человеческого капитала в Таджикистане. Однако с середины нулевых годов снижение образовательного уровня мигрантов представляет собой стабильную тенденцию, которая наиболее выражена среди домохозяйств, имеющих в своем составе мигрантов, работающих в странах СНГ (России, Казахстане, Белоруссии, Украине), и получающих из этих стран переводы. Исключением являются домохозяйства, члены которых работают в США, ЕС, Китае, Афганистане, ОАЭ. Однако сравнивать динамику изменений образовательного уровня мигрантов в странах СНГ и других странах практически невозможно из-за очень небольшой численности мигрантов, работающих в странах, не входящих в СНГ.

Данные Обследования домохозяйств — 2012 показали, что уровень образования, а также доля доходов домохозяйств, инвестируемая в образование, различаются в зависимости от паттернов миграции — сезонной, долгосрочной трудовой, предпринимательской, эмиграции (диаспора). Сравнение данных 2012 г. с данными обследований 2003 и 2007 гг. дали возможность обнаружить следующую закономерность: уровень образования сезонных мигрантов был выше, чем у долгосрочных мигрантов при самой низкой доле доходов, инвестируемых в образование в домохозяйствах сезонников. Последнее исследование, проведенное в 2014 г., показало, что уровень образования вернувшихся мигрантов (среди которых преобладают сезонники) снизился по сравнению с другими группами мигрантов, за исключением предпринимательской миграции [«Шарк» 2014]. Что касается последней, то здесь действуют общемировые тенденции, соответственно ценность образования и доля доходов, инвестируемых в образование, в этой группе наиболее высоки.

Задумываясь над вопросом, почему снижается уровень образования таджикских мигрантов, следует прежде всего рассмотреть ситуацию на рынке труда принимающих стран и ее влияние на формирование человеческого капитала в Таджикистане. О том, насколько внешние рынки труда воздействуют на профессиональ-

ные ориентации таджикской молодежи, говорят материалы Опроса ЕФО¹. Согласно им наиболее важным фактором в определении будущей профессии является возможность найти работу после окончания обучения, в том числе и на внешних рынках труда. Так, 61,1% опрошенных мужчин и 44,4% женщин-респондентов заявили, что они выбрали свою профессию из-за перспектив получить работу за границей [Olimova, Olimov 2011, p. 27).

В ряде исследований можно найти данные о том, какую отдачу дает уровень образования и лингвистические навыки мигрантов из Таджикистана в России. Так, М. Локшин и Е. Чернина считают отдачу от образования и опыта мигрантов, работающих в России, низкой [Локшин, Чернина 2013, с. 66]. Сравнив зарплаты мигрантов и местных работников, они делают вывод о дискриминации в сфере оплаты труда. В то же время М. Локшин и Е. Чернина предполагают, что разрыв в оплате труда между мигрантами и местными работниками можно объяснить тем, что мигранты не обладают специфическим для России человеческим капиталом, что их знания и опыт не востребованы на российском рынке труда, что и объясняет более низкую оплату труда таджикских мигрантов в России [Локшин, Чернина 2013, с. 8].

В Таджикистане трудно прокормить свою семью. Работу, может быть, и можно найти, но зарплаты маленькие, на жизнь не хватает. Труднее всего учителям, они вынуждены мигрировать, чтобы содержать семью в нормальных условиях. Если сами не едут, то их дети поедут. Надо отметить, что из каждой учительской семьи хотя бы один работает в России.

И еще: на наши дипломы там никто даже не смотрит. Потому что знают, что уровень образования в Таджикистане очень низкий. Это лишает возможности наших специалистов найти хорошую работу, да еще по своей специальности. Манучехр, 1977 года рождения, высшее образование, строитель, Худжанд.

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ И ДОХОДЫ

Для того чтобы изучить связь доходов и уровня образования, мы использовали данные о распределении денежных переводов в зависимости от уровня образования их отправителей. Они дают некоторое представление об отдаче от образования среди

¹ Европейский Фонд Образования. — Прим. ред.

мигрантов, хотя существует много других факторов, влияющих на этот процесс, помимо возможности получать более высокую заработную плату, используя высокую квалификацию. К другим важным факторам следует отнести прочность семейных связей, отсутствие реального страхования и слабость финансовой системы в Таджикистане. Тем не менее вариации в распределении ежегодных денежных переводов в связи с образовательным статусом мигрантов, отправляющих переводы, могут дать представление об отдаче от образования, связанной с трудоустройством за рубежом.

Таблица 2. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЕЖЕГОДНЫХ ПЕРЕВОДОВ
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАТУСА
ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ, ДОЛЛ. США

	Меньше, чем 500		501–1500		1501–2500		2501 и более		Всего при- мер
	N	%	N	%	N	%	N	%	
Нет ответа	7	100,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	7
Без образова- ния или неполное базовое образование	5	71,4	1	14,3	1	14,3	0	0,0	7
Полное базовое	5	33,3	8	53,3	2	13,3	0	0,0	15
Полное среднее	392	31,0	627	49,6	194	15,4	50	4,0	1263
Полное профессио- нально-техни- ческое (ПТУ)	122	33,1	145	39,3	71	19,2	31	8,4	369
Полное высшее (колледж, университет)	1	33,3	2	66,7	0	0,0	0	0,0	3
Всего	7	100,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	7

Источник: Brown, Olimova, Boboev 2008

Таблица 2 демонстрирует общую закономерность, согласно которой лица с высшим образованием отправляют большие по размеру переводы и чаще, чем другие. Тем не менее разница

в доходах между людьми с общим средним, средним профессиональным и высшим образованием невелика.

Основываясь на полученных в целом ряде исследований материалах, можно прийти к выводу, что работники из Таджикистана не особенно заинтересованы в приобретении профессионального или технического образования, поскольку инвестиции в образование не окупаются. В то же время имеющаяся у мигрантов квалификация не востребована на рынке труда России. Даже имея высокий уровень образования (высшее образование, научную степень), мигранты по различным причинам не могут занять рабочие места в соответствии со своим уровнем квалификации.

Хотя я экономист с высшим образованием, в Санкт-Петербурге я работаю бетонщиком. Российского гражданства у меня нет, по закону не оформляюсь — дорого. Русский язык в том объеме, который требуется для того, чтобы работать по специальности, я не знаю. Каждый месяц получаю 25–27 тыс. руб. Вместе с зарплатой жены (она — учительница) семье на жизнь хватает. Муталиб, 1981 года рождения, высшее образование, Худжанд.

Работа за рубежом заставляет переквалифицироваться большинство трудовых эмигрантов. В 2011 г. только 28,8% мигрантов работали за рубежом по своей профессии. Например, 55,8% мигрантов впервые вышли работать на стройплощадку в России, в то время как на родине только 4,1% мигрантов имели профессию строителя. В 2009 г. по специальности, подтвержденной дипломом/сертификатом, работали 20,5% таджикских мигрантов, на рабочих местах, связанных со специальностью, — 16,8%, не по специальности — 62,8%. Среди тех, кто работал не по специальности, 20% сообщили, что выполняемая ими работа соответствовала их образованию, знаниям, опыту, 37,8% отметили, что скорее соответствовала, 42,2% — не соответствовала [Olimova, Olimov 2011, p. 43–44].

За границей неважно, есть у тебя диплом, сертификат или какой-то другой документ, подтверждающий твою профессию. Все равно тебе нужно будет показывать свои умения, способности и знания. Сдаешь как бы экзамен на работу. Твоя специальность никого не интересует. Понятно, что тебя не возьмут на высокие должности. Мы там нужны для простой и дешевой работы. Поэтому нам дипломы не нужны. Икромиддин, 1980 года рождения, среднее образование, разнорабочий в Московской области, Горный Бадахшан.

Особенно быстро происходит переквалификация в кризисные периоды. В 2009–2010 гг., оценивая профессиональную мобильность мигрантов в кризисных условиях, мы нашли, что 41,2% были готовы коренным образом сменить род деятельности. Респонденты были согласны на любую работу, даже если она предполагала овладение новыми профессиональными навыками в новой сфере занятости. 41,2% опрошенных мигрантов сообщили, что будут работать согласно своей квалификации и не планируют менять профессию. 11,8% заявили, что согласны работать на том же месте за меньшую, чем раньше, зарплату, и 5,9% согласны на ухудшение условий труда. В случае отсутствия подходящей работы 58,8% согласны работать за меньшую зарплату на любом рабочем месте, 29,4% собирались искать работу в другой сфере труда, 5,9% при неблагоприятном стечении обстоятельств были согласны искать работу в другой стране [Олимова, Олимов 2010].

Опыт финансового кризиса 2008–2009 гг. показал, что изменения на рынке труда России заметно повлияли на структуру занятости таджикских мигрантов: среди них заметно выросла доля грузчиков и водителей, появился малочисленный тренд IT-специалистов. Сейчас под влиянием экономического спада в России также происходят изменения в структуре занятости мигрантов из Таджикистана: сократилась занятость в строительстве, растет занятость в промышленности, транспортном секторе, отмечен небольшой рост занятости в топливном секторе.

Исследования трудовой эмиграции из Таджикистана показали, что мигранты с высоким уровнем образования значительно легче мигрантов с низким и средним образовательным уровнем справляются с изменением квалификации и профиля занятий на начальном этапе миграции или в кризисный период. Однако впоследствии, когда они могли бы приступить к созданию новой профессиональной карьеры, встречают в профессионально-трудовой жизни такие большие препятствия, что вынуждены сохранять пониженный социально-профессиональный статус.

У нас на Памире потребности небольшие, но, несмотря на это, ребята не остаются дома, предпочитают уехать за границу. Не все умеют заниматься бизнесом или торговать на рынке, а другая работа не дает средств для жизни. Ребята хотят работать по специальности, любят свою профессию, но она их не кормит. Поэтому сегодня только процентов двадцать выпускников Хорогского госуниверситета работает по специальности. Остальные 80% вы-

нуждены тупо зарабатывать на жизнь. Какими бы специалистами мы ни были, в России нас принимают на работу в качестве подсобного рабочего, так как у нас нет российского гражданства. Даже если у тебя диплом с отличием, будешь работать разнорабочим на стройке с зарплатой 400–500 долл. США. И это нас устраивает, если бы только не придирки милиции. Хилолов, 1985 года рождения, высшее образование, строитель, Горный Бадахшан.

В результате мигранты из Таджикистана в целом не заинтересованы в приобретении профессионального или технического образования, поскольку они независимо от имеющегося уровня образования готовы гибко реагировать на потребности рынка труда России, менять профессию, быстро учиться на рабочем месте, занимая доступные им рабочие места, требующие низкой квалификации.

В этой ситуации нет достаточных стимулов для приобретения профессиональных или технических навыков, превосходящих уровень базовой грамотности.

ЗНАНИЕ ЯЗЫКА СТРАНЫ ПРИЕМА

Говоря о человеческом капитале, нельзя обойти вниманием лингвистические компетенции. Распространено мнение, что мигранты из Таджикистана плохо знают или совсем не знают русский язык. Однако исследования разрушают эти стереотипы. Так, ОУЖТ-2009 показало, что около 80% опрошенных мигрантов владели русским языком [Локшин, Чернина 2013, с. 69]. В 2009 г. 67% мигрантов сообщили, что владеют русским языком хорошо и очень хорошо [Olimova, Olimov 2011, p. 105]. Согласно результатам Обследования домохозяйств — 2012 совершенно свободно русским языком владеют 20,8%, скорее хорошо — 47,4%, средне — 30,4%, плохо, на уровне нескольких слов — 1,4% (табл. 3).

Таблица 3. Степень владения русским языком (мигранты, опрошенные в домохозяйствах в личных интервью)

Насколько хорошо вы знаете русский язык	Всего
Свободно	20,8%
Скорее хорошо	47,4%
Средне	30,4%
Скорее плохо	1,4%
Всего	100,0%

Источник: Обследование домохозяйств — 2012

Об уровне владения русским языком и о трудностях, связанных с недостаточными лингвистическими компетенциями, косвенно можно судить по ранжированному списку проблем мигрантов, составленному по материалам Обследования домохозяйств — 2012. Языковые проблемы были серьезными для 8% опрошенных мигрантов, более или менее серьезными для 23%, не очень серьезными для 43% и абсолютно несерьезными для 27% мигрантов.

Кросс-табуляция между степенью владения русским языком и доходами мигрантов в России показала, что свободное владение русским языком не повышает доходы мигрантов в России на низкооплачиваемых работах, но критически важно на высокооплачиваемых работах. Так, свободно и хорошо знали русский язык 78,9% мигрантов с ежемесячным доходом до 100 долл., 60,3% — с доходом 100–400 долл., 69,9% — с доходом 400–600 долл., 69,3% — с доходом 600–1000 долл. и 100% — с доходом свыше 1000 долл. (табл. 4).

Таблица 4. Степень владения русским языком (РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДОХОДОВ В РОССИИ)

Насколько хорошо вы знаете русский язык	Сколько в среднем составлял ваш чистый ежемесячный доход на этой работе в долл. США					Всего
	До 100	101–400	401–600	601–1000	1001+	
Свободно	36,8%	19,9%	14,7%	22,4%	50,0%	20,8%
Скорее хорошо	42,1%	40,4%	55,2%	46,9%	50,0%	47,4%
Средне	15,8%	37,7%	29,4%	30,1%		30,4%
Скорее плохо	5,3%	2,1%	0,6%	0,7%		1,4%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Источник: Обследование домохозяйств — 2012

Таким образом, хорошее знание русского языка необходимо только на высококвалифицированных и менеджерских рабочих местах, но оно не повышает уровень доходов мигрантов на рабочих местах, доступных большинству таджикских трудовых мигрантов. При сложившейся модели использования рабочей

силы из Таджикистана в России инвестиции мигрантских домохозяйств в профессиональное образование и изучение русского языка не окупаются.

ОБРАЗОВАНИЕ МИГРАНТОВ В РОССИИ

Некоторые сведения об обучении мигрантов в России мы получили из интервью с мигрантами и из Обследования домохозяйств — 2012. Согласно его результатам только 5,3% мигрантов в период работы в России проходили обучение с получением диплома/сертификата. Основной трудностью в получении образования или профессионального обучения в России является недостаток финансовых возможностей у мигрантов. В тех редких случаях, когда мигрант приступил к профессиональному обучению, его финансируют родственники-мигранты.

Получить образование за границей легко, если студенту кто-нибудь помогает деньгами или какая-нибудь организация направит его на учебу и будет платить за него. Например, мой сосед работает и учится в России, и ему в этом помогают два его брата, которые там же работают. Навруз, агроном, 40 лет, Куляб.

Там, где я работал, вместе с нами работали три брата, один из которых до обеда работал, а после обеда учился на курсах шоферов. Сухроб, учитель, 32 года, Куляб.

Кроме финансовых трудностей существуют и законодательные препоны. С принятием с 1 января 2015 г. изменений в миграционное законодательство РФ трудовые мигранты потеряли возможность получать образование в России, так как деятельность, не заявленная в целях въезда, влечет за собой выдворение из страны. Так, если мигрант, въехавший в Россию с целью работы, через некоторое время поступает учиться в какое-либо учебное заведение на очное отделение, он будет депортирован на родину [Федеральный закон 2014]. Это положение не распространяется на вечернее, заочное и дистанционное обучение. Однако рабочая нагрузка мигрантов, как правило, настолько велика, что не оставляет возможности дополнительно учиться.

Все же трудовые мигранты приобретают те или иные навыки, которые повышают их производительность и человеческий капитал во время работы за рубежом. Согласно результатам обследования домохозяйств, проведенного в 2007 г., за рубежом (во всех странах) 66,1% мигрантов улучшили знание

русского языка и 69,2% приобрели те или иные профессиональные навыки, не подтвержденные сертификатом. При этом 58,9% считают, что они не приобрели новую квалификацию. Несмотря на то что около 70% респондентов приобрели новые навыки или профессиональную компетенцию за рубежом, только 10% из них имеют сертификат или диплом, чтобы подтвердить свои знания, поскольку большая часть накопленных знаний была приобретена на неформальной основе посредством подготовки на рабочем месте [Brown, Olimova, Boboev 2008].

Мы повышали уровень квалификации в процессе работы. Делали стяжку, монтаж и другие работы, работодатель проверял и ставил оценку. Понятно, хочешь заработать, будешь учиться делать работу лучше. В редких случаях давали квалификационные сертификаты — это если возникала необходимость в срочном обучении строителей. Алиджон, 1984 года рождения, среднее образование, строитель, Курган-тюбе.

Как-то я попал на стройку, нам сказали, чтобы мы подготовили документы для прохождения специальных курсов по различным строительным специальностям. Почти все ребята прошли эти курсы и получили свидетельства по этим специальностям. Мы очень благодарны России за то, что обеспечивает работой и обучает профессии. Нур, среднее образование, электрик, Горный Бадахшан.

Роль возвратной миграции

Ежегодно 9% мигрантов прекращают работать и возвращаются в Таджикистан. Для части репатриантов (39,1%) опыт и знания, полученные за рубежом, улучшают возможности трудоустройства. Остальные указали, что предыдущий опыт работы за рубежом не помог или даже ухудшил их возможности при трудоустройстве на родине [ILO 2010, с. 20–21]. Существует также острая проблема признания компетенции и опыта работы для вернувшихся мигрантов.

В целом воздействие вернувшихся мигрантов на технологическое развитие Таджикистана незначительно по ряду причин. Прежде всего вернувшиеся мигранты не могут применить новые знания и навыки из-за технологического отставания Таджикистана. Кроме того, они предпочитают работать в малом

бизнесе. В результате инновационное влияние вернувшихся мигрантов посредством внедрения новой техники, инструментов, методов ограничено отраслями с высоким уровнем концентрации малых предприятий, такими как бытовые услуги, строительство и производство стройматериалов, производство, переработка и хранение сельскохозяйственной продукции, где редко используются продвинутые технологии. Репатрианты не оказывают существенного влияния на модернизацию технологического процесса на крупных государственных предприятиях или предприятиях, которые требуют значительных инвестиций. Соответственно роль возвратной миграции как трансфера технологии и квалификации невелика.

Влияние миграции на человеческий капитал на уровне домохозяйств

Обследования домохозяйств в Таджикистане в 2007 и 2012 гг. показывают, что подавляющее большинство мигрантских семей, за исключением горожан, не делают значительных инвестиций в образование. Доля расходов на образование и здравоохранение в общей структуре расходов домохозяйств в 2007 г. составляла около 4% в целом по Таджикистану и около 5% в мигрантских домохозяйствах [Brown, Olimova, Boboev 2008].

При этом денежные переводы положительно влияют на учебные достижения в рамках обязательного 9-летнего образования — охват образованием, посещаемость в этой группе выше, чем в домохозяйствах, не получающих переводы [Kollner 2013, с. 18–19]. Что касается получения 11-летнего, среднего и высшего профессионального образования, то миграция и переводы отрицательно влияют на уровень образования в мигрантских домохозяйствах. Хотя мигрантские семьи тратят на образование и питание школьников больше, чем остальные, но увеличение бремени домашней работы и контроля из-за отсутствия мигрирующих членов домохозяйства способствует пропускам учебной программы, плохой успеваемости и препятствует переходу на следующие ступени образования. Дети из семей мигрантов имеют сильные стимулы для изучения иностранных языков, чаще используют компьютеры, однако среди них больше «трудных» подростков, которые отказываются учиться после завершения обязательного школьного курса.

ВЫВОДЫ

Опыт трудовой миграции из Таджикистана показывает, что профессиональные навыки мигрантов в принимающих странах не пользуются большим спросом. Мигранты с высшим образованием, как правило, отправляют чаще и больше денег домой, чем мигранты с более низким уровнем образования, но так как мигранты редко работают за рубежом по специальности, то их навыки и квалификация, приобретенные до отъезда, как правило, обесцениваются.

В целом структура занятости таджикских мигрантов в России заставляет работников инвестировать в ограниченный уровень человеческого капитала, достаточный для занятости в таких секторах, как строительство, торговля и услуги. Что касается влияния миграции на человеческий капитал на уровне домохозяйств, то наибольшим положительным воздействием миграции является повышение доходов мигрантских домохозяйств и соответственно улучшение питания и здоровья детей в семьях с мигрантами. Положительное воздействие переводов на профессиональное образование незначительно. Прежде чем инвестировать в образование, члены домохозяйств должны иметь хоть какую-то уверенность, что образование поможет улучшить позиции на рынке труда и покроет расходы на учебу. Однако упомянутые исследования показывают, что отдача от образования низка как в Таджикистане, так и в России, при этом всегда есть спрос на малоквалифицированный труд, поэтому мигрантские домохозяйства не считают выгодным инвестировать в образование. В целом следует признать, что трудовая миграция и связанные с ней эффекты ведут к слабому спросу на образовательные услуги и снижают долгосрочное накопление человеческого капитала в Таджикистане, поэтому необходимы специальные государственные меры, направленные на развитие человеческого капитала.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Локшин, М., Чернина, Е. (2013). Мигранты на российском рынке труда: портрет и заработная плата // *Экономический журнал ВШЭ*. 2013. С. 41–73.
- Олимова, С. (2015). Кризис в России и таджикская трудовая миграция // *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*. 20 янв. www.cabar.asia/tajikistan/139

Олимова, С., Боск, И. (2003). Трудовая миграция из Таджикистана. Душанбе: МОМ.

Олимова, С., Олимов, М. (2010). Таджикские трудовые мигранты во время кризиса // *Демоскоп Weekly*. 22 марта — 4 апреля. 415–416. demoscope.ru/weekly/2010/0415/tema01.php

ПРООН (2015). Таджикистан: доступ к ресурсам человеческого развития // Национальный доклад о человеческом развитии — 14. Душанбе: ПРООН.

Федеральный закон (2014а) № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом статусе иностранных граждан в Российской Федерации” и некоторые законодательные акты Российской Федерации».

Федеральный закон (2014а) № 524-ФЗ «О внесении изменений в статью 27 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию”».

«Шарк» (2014). Материалы обследования домохозяйств. Таджикистан-2014 // Рабочая тетрадь. Душанбе, Исследовательский центр «Шарк» (на правах рукописи).

Abdulloev, I., Gang, I. and Myeong-Su Yun (2014). Migration, Education and the Gender Gap in Labour Force Participation. *European Journal of Development Research*, 26: 509–526.

Bennet, R., Clifford, D., Falkingham, J. (2013). Household Members' Migration and the Education of Children 'Left Behind': Empirical Findings from Tajikistan and Reflections for Research Practice, *Population, Space and Place*, Vol. 19(1): 1–14.

Brown, R., Olimova, S., Boboev, M. (2008). Country Report on Remittances of International Migrants in Tajikistan. Study on International Migrants' Remittances in Central Asia and South Caucasus. Manila: Asian Development Bank. <http://www.adb.org/Documents/Reports/Consultant/40038-REG/40038-04-REG-TACR.pdf>

Cox, E.A., Ureta, M. (2003). International Migration, Remittances and Schooling: Evidence from El Salvador. *Journal of Development Economics*, 72 (3): 429–61.

Danzer, A.M., Dietz, B. and Gatskova, K. (2013). Migration and Remittances in Tajikistan: Survey Technical Report. Working Paper of the Institute for East and Southeast European Studies, Regensburg.

Danzer, A., Ivaschenko, O. (2010). Migration Patterns in a remittances dependent economy: Evidence from Tajikistan during the global financial crisis, *Migration Letters*, Vol. 7(2), pp. 190–202.

de Haan, A. (2005). Migration in the Development Studies Literature: Has it come out of marginality? Paper For UNU-WIDER Jubilee Conference Future Of Development Economics, Department for International Development, United Nations University.

Hanson, G. H., Woodruff, C. (2003). Emigration and educational attainment in Mexico. Mimeo, University of California at San Diego.

ILO (2010). Migration and Development in Tajikistan-Emigration, Return and Diaspora, Moscow, ILO. http://www.ilo.org/public/english/region/eurpro/moscow/info/publ/migration_development_report_taj.pdf

Justino, P., Shemyakina, O. (2012). Remittances and labor supply in post-conflict Tajikistan, IZA Journal of Labor & Development, Vol. 1(8).

Kollner, S. (2013). Remittances and Educational Attainment: Evidence from Tajikistan. Bayerische Julius-Maximilians-Universität Würzburg.

Kroger A., Meier K. (2011). Labor Markets and the Financial Crisis: Evidence from Tajikistan: Discussion Papers of DIW Berlin 1174. 2011.

McKenzie, D.J., Rapoport, H. (2006). Can Migration reduce educational attainment? Evidence from Mexico. World Bank Policy Research Working Paper No. 3952, Washington.

McKenzie, D.J., Rapoport, H. (2011). Can migration reduce educational attainment? Evidence from Mexico, Journal of Population Economics, Vol. 24(4), pp. 1331–1358.

Olimova, S. (2010). The Impact of Labour Migration on Human Capital: The Case of Tajikistan. Revue Europeenne des Migrations Internationales, Vol. 26- # 3.

Olimova, S., Olimov, M. (2011). HCD Review Relationship between Human Capital Development and Equity in the Republic of Tajikistan. Torino: ETF.

Thieme, S. (2009). Where to return to? Rural urban interlinkages in times of internal and international migration. Social Research Center, American University Central Asia (AUCA) (Ed.): Policy Briefs on Civil Society. Migration, Islam, and Corruption. AUCA, Bishkek, pp. 108–113.

TLSS (2007). Tajik Living Standards Survey 2007, State Statistical Committee of Tajikistan, Dushanbe.

World Bank (2008): Tajikistan Living Standards Measurement Survey 2007 – Basic Information Document.

World Bank (2010): Tajikistan Living Standards Measurement Survey 2009 – Notes for Users.

World Bank (2013): Workers Remittances Database. <http://databank.worldbank.org/data/home.aspx>

Е. Филиппова,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института этнологии и антропологии РАН

Дискурс об интеграции — консервативный анахронизм эпохи транснационализма¹

На фоне острого миграционного кризиса, переживаемого сегодня Европой, проблема интеграции мигрантов занимает все более заметное место в общественных и научных дискуссиях, выходящих далеко за пределы региона. И в России, и в США, почти не затронутых нынешней миграционной волной, эта тема активно обсуждается журналистами, политиками и экспертами. В то же время, как справедливо отметил В. С. Малахов, миграции (и весьма интенсивные) внутри азиатского и африканского континентов «не сопровождаются заметными публичными и академическими дискуссиями на тему интеграции мигрантов» [Малахов 2015, с. 12]. И это вовсе не случайно. Такая проблема там просто не стоит.

Принцип интеграции населения в нацию лежал в основе создания национальных государств эпохи модерна. Наличие общего языка и общеразделяемых базовых ценностей — необходимое условие существования либеральной демократии. Э. Ренан [1902] считал, что нацию отличают от других типов государственных образований смешение составляющих государство народов, стирание «этнографических различий» между ними и «отсутствующий прежде патриотизм». Дискурсивным полем интеграции стали национальная история и культура, а ее важнейшими инструментами, помимо семьи и местного сообщества, школа и армия, воспитывавшие тот самый патриотизм и любовь к родине. Однако нация, чтобы продолжать существовать, требует регулярных жертвоприношений, поскольку,

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00099.

согласно все тому же Э.Ренану, общие страдания соединяют больше, чем общие радости. Защита отечества предстает в общественном сознании не только священной обязанностью, но и почетным правом гражданина, а пролитая в боях за родину кровь скрепляет узы, связывающие индивида с нацией, и символически утверждает право на отвоеванную у врага территорию. Связь патриотизма и войны не только очевидна, но и обоюдна: с одной стороны, именно война вызывает в обществе подъем патриотизма, с другой — патриотический дискурс нередко оправдывает развязывание войны и продолжение ее если не до победного конца, то до последнего солдата.

Послевоенная Европа: на пути к дезинтеграции

После двух за полвека мировых войн едва не уничтожившая сама себя и полмира в придачу Европа, казалось, осознала пагубность патриотической идеологии и принялась строить новый дом, который должен был стать более безопасным. Для этого следовало, в частности, «уничтожить патриотизм», к чему призывал еще Лев Толстой. О несовместимости «европейского проекта» с духом исключаящего патриотизма и о насущной необходимости утверждения наперекор и вопреки этому духу идеи «космополитичной Европы, единой в своем многообразии», воплощения современного гуманизма и наследницы идеалов Просвещения [Planel 2006] говорили и писали европейские политики и интеллектуалы разных направлений. Их усилия принесли свои плоды. «Национальная гордость, доверие к армии и готовность защитить свою страну в случае войны существенно снизились. В то же время доверие к соседним народам (например, между немцами и французами) и чувство принадлежности к европейскому сообществу заметно выросли. Одним словом, сегодня в Европе общей тенденцией, бесспорно, является ослабление национального чувства. Однако это происходит не за счет появления наднационального, европейского самосознания, а скорее за счет широкого распространения индивидуалистических ценностей» [Дьекофф, Филиппова 2014, с. 197].

Тем временем послевоенное оживление экономики и либерализация торговли привели к заметному и быстрому росту уровня и качества жизни. Так, во Франции только за период с 1950 по 1967 г. средний уровень индивидуального потребле-

ния более чем удвоился. Ощущение того, что жизнь становится день ото дня все лучше, породило уверенность, что так будет всегда. Успокаивающая иллюзия безопасности качнула маятник общественных настроений в сторону потребности в свободе. Свобода явилась, как водится, на баррикадах — на сей раз на баррикадах студенческой весны 1968 г.

Она принесла с собой ниспровержение авторитетов, размывание системы ценностей и расширение понятия нормы вплоть до признания относительности добра и зла, оформившиеся в идеологию постмодернизма. Метанарративы распались на частные версии истории и противоречащие друг другу истины. На смену мыслящему Субъекту пришел многоликий и изменчивый индивид, ни в чем не уверенный и вечно сомневающийся. В недрах торжествующего общества глобального потребления, освящающего «царство дифференциации», в ответ на обезличивающее нивелирование реальных различий между людьми установился «культ различия» [Бодрийяр 2006, с. 286]. Вдохновленные примером национально-освободительных движений в третьем мире, заявили о своих правах европейские национальные меньшинства. Крах колониальных империй и постколониальные миграции породили новый контекст культурных взаимодействий, отмеченный конфликтами памяти и идентичности. Следствием этих взаимодействий стала, с одной стороны, «тирания покаяния» [Bruckner 2006], заставляющая европейцев видеть в самих себе корень всех зол и призывать чуму на собственный дом, с другой — воспроизводство и укоренение расовых стереотипов. «Расизма не существует, — писал Ж. Бодрийяр, — пока другой остается Другим, чуждым. Расизм начинается, когда другой приобретает свойства различимого, то есть, иначе говоря, становится опасно близким. Именно тогда и начинаются поползновения удержать его на расстоянии» [Бодрийяр 2000, с. 186].

Национальная идентичность тоже перестала быть аксиомой и превратилась в проблему. Построенная на фундаменте историко-географического единства, она неминуемо ослабевает по мере того, как в стране растет доля людей, чья «родная земля» лежит за пределами национальной территории, а историческая память хранит воспоминания о других событиях, чтит других героев и скорбит о других потерях, нежели (пока еще) память большинства населения. Тот факт, что прошлое может быть пересмотрено, ведет к утрате уверенности в будущем, создает

паническое ощущение грядущих потерь, отчетливо проявляющееся в призывах к спасению и сохранению культурного наследия, исчезающих региональных языков, природной среды, биологического разнообразия, социальных завоеваний, общественного сектора занятости... Список можно продолжать до бесконечности [см. Pomian 2010: 54; Merlin-Kajman 2010, с. 80].

Становление единой Европы и создание надгосударственных институтов привело к упадку демократии, пренебрежению самим принципом народного представительства. Открытое волеизъявление граждан все чаще заменяется ни к чему не обязывающими «консультациями», важнейшие вопросы решаются в Брюсселе без учета мнения населения, сфера ответственности и самостоятельности национальных государств постоянно сужается. Выразив ощущение многих наших современников, А. Турен диагностировал «конец общества», упадок всех его традиционных институтов — семьи, школы, города, предприятий, системы социальной защиты и контроля, профсоюзов и политических партий, да и самой политики в ее привычном понимании [Touraine 2013]. М. Гоше констатировал конец религии как организатора коллективного существования и как политической силы [Gauchet 2010]. Ж. Бодрийяр признал глубокую дезинтеграцию всего западного мира: разрыв социальных связей, нарастающее взаимонепонимание, утрату объединяющей идеи, отказ от общих ценностей. И сделал вывод о том, что дезинтегрированное общество не имеет никаких шансов интегрировать своих мигрантов — ему бы самому интегрироваться, о чем, увы, остается только мечтать [Baudrillard 2005].

Нередко за разговорами об интеграции угадывается плохо скрытое желание закрыть двери перед теми, кто не похож на «своих», «местных». Проблема, однако, еще глубже: «нашествие чужаков» пугает потому, что зримо воплощает мысль о конце очередной прекрасной эпохи, о том, что ничто уже не будет прежним, привычным, знакомым. 11 сентября 2001 г., возвестившее о пришествии мирового терроризма; экономический кризис 2008 г., принесший с собой рост безработицы и снижение уровня жизни, подорвавший основы государства всеобщего благоденствия и отчетливо продемонстрировавший непрочность завоеванных социальных гарантий; череда революций, городских мятежей и локальных конфликтов, свидетельствующих о кризисе современного миропорядка, — таковы только самые очевидные причины подобных настроений.

В новой беспокойной обстановке свобода оказалась для многих непосильным бременем, возникла ностальгия по определенности, ясным смыслам и твердым правилам. В то же время соблазны общества потребления, притягательные для поколений, переживших тяжелые времена войн и лишений, поблекли в глазах их потомков, привыкших к материальному изобилию с детства и воспринимающих его как должное, а некоторые даже как обузу. На наших глазах происходит консервативный поворот от постмодернистской неопределенности и всестерпимости к «истинным ценностям», что объясняет рост популярности правых и ультраправых взглядов.

Французский социолог Ф. Хосрохавар, изучив истории новообращенных исламистов, рисует такой портрет:

«Эти доморожденные любители джихада воплощают в себе идеалы, противоположные идеалам Мая 1968 года: тогда молодежь искала бесконечных удовольствий — сегодня они пытаются ограничить свои желания и навязать себе посредством строжайшего исламизма ограничения, возвышающие их в собственных глазах. Прежде они жаждали освободиться от иерархического подчинения — теперь они сами его требуют, желая следовать священным правилам, не подвластным свободной воле человека, но предписанным божественной властью. Прежде молодые были анархистами и ненавидели патриархальные порядки — сегодня они считают общество лишенным смысла, а в радикальном исламизме, устанавливающем место мужчины и женщины и восстанавливающим нарушенный патриархат, освященный авторитетом непреклонного и неумолимого Бога, видят оппозицию слабющему республиканизму и слишком очеловеченному христианству. Май 68-го был непрекращающимся праздником, а его последователи-хиппи отпраздновали на поиски приключений в экзотические страны — сегодня молодежь пускается в путь не за удовольствиями, а за очистительной жертвой. Неотъемлемой составляющей Мая 68-го была эмансипация женщины — нынешние молодые постфеминистки во всеуслышание заявляют о своей усталости от формального равенства, легшего на их плечи тяжелой ношей в мире, которым по-прежнему правят мужчины». И заключает: «Политические ориентации среднего класса переживают с 1980-х годов тяжелый кризис, выросло уже целое поколение, не основывающее на них свою идентичность. Для этого поколения джихадизм является следствием заката публичной политики как коллективного проекта, несущего надежду» [Khosrokhavar 2015].

НОВОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ: КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ

Глобализация не только подорвала суверенитет существующих государств, но и поставила под сомнение саму модель государства-нации; очевидно, что власть все больше будет сосредотачиваться не в руках национальных политических элит, а в руках элит экономических и финансовых, космополитичных по своей природе. Создание транснациональных корпораций, слияние банков, делокализация производств, международная миграция, развитие информационных и иных сетей — все это делает границы более условными и проницаемыми, а государственные институты — все менее могущественными и эффективными. Связь между индивидом и государством в значительной мере утратила эксклюзивный характер: постоянно проживающие иностранцы, временные трудовые мигранты, обладатели двойного гражданства, нелегалы — все это люди с множественной лояльностью, причем не обязательно с более высокой к стране проживания. Транснациональные миграции одновременно подвергают сомнению незыблемость разделения мира на население отдельных государств и создают структурно неустойчивую с точки зрения лояльности связь мигрантов с национальным государством [Bommes 2013, с. 28].

Тем не менее национальные государства изо всех сил пытаются сохранить свою политическую идентичность: отсюда и евроскептицизм, и возвращение контроля на внутренних границах, и разговоры о выходе из зоны евро, и вердикт Конституционного суда Испании, приостановивший действие резолюции о независимости Каталонии, и жесткое заявление французского премьер-министра М. Вальса после победы националистов на региональных выборах на Корсике о нерушимости территориальной целостности государства¹, и, конечно, попытки ограничить приток мигрантов.

На уровне публичного дискурса проблема миграции обсуждается с позиций *методологического национализма*, в рамках которого пребывание в пределах государственных границ считается нормой, а их пересечение — отклонением от нормы [Мала-

¹ Об этом же, но в зеркальной логике свидетельствует стремление Каталонии и Корсики обрести статус национальных государств, который видится необходимой гарантией для сохранения и развития территориального сообщества, его культуры и идентичности.

хов 2015, с. 25], *государствоцентризма*, ставящего во главу угла интересы государства, а не человека, а также *культуроцентризма*, понимающего интеграцию мигрантов как процесс односторонней культурной ассимиляции.

В этих концептуальных рамках представляются разумными и оправданными такие меры, как преграды на пути пересечения границ, получения вида на жительство или гражданства, выдворение «нелегалов» за пределы национальной территории; миграционные квоты, политики селективной или рестриктивной миграции, определение регионов для поселения мигрантов; заключение «контрактов на интеграцию», сдача экзаменов на знание языка, истории и законов принимающей страны и т. п.

«В условиях фактической неспособности социального государства гарантировать своим гражданам прежний уровень благосостояния и социальное равенство, обещание привилегированного статуса для своих... становится основой институциональной дискриминации мигрантов» [Кайзер, Бредникова 2004, с. 14], но это же обещание становится залогом лояльности граждан государств. «Привилегированный статус» может касаться доступа на рынок труда или к системе социального обеспечения, но также фактического отстранения неграждан от участия в демократических механизмах. Например, во Франции предвыборное обещание социалистов предоставить иностранцам право голосовать на муниципальных выборах, являющееся, по данным недавнего исследования, основным требованием представляющих их организаций (см.: [Vacqué, Mechmache 2013]), до сих пор так и осталось лишь обещанием. В некоторых странах (в том числе в России) под ограничения или как минимум под особый контроль подпадают не только иностранцы, но и обладатели двойного гражданства, которое «реструктурирует представления о самом феномене границ социальных, политических групп, наций и государств» [Островская 2013, с. 176; см. также: Малахов 2007].

Вопреки (а иногда и благодаря) всем этим мерам *de facto* «ядро населения (включенные) больше не формируется в рамках эмоционального идеологического понятия “народ”. Оно во все большей мере определяется конкурентоспособностью и успешностью индивидов. Включенные формируют десакрализованное сообщество, которое ожидает от политики минимальную компенсацию индивидуальных и коллективных рисков и гарантию достойного уровня жизни для достойных граждан. Это сообщество

опирается не на закрытые границы и нации. Теперь границы и идеологические понятия типа “нация” используются не для слепого исключения “чужих”, а в качестве фильтров доступа и участия в сообществе достойных и состоятельных. Возникают новые основания солидарности, которые делают границы проходимыми, а принадлежность — доступной для тех, кто соответствует ожиданиям конкурентоспособности и успеха. Из таких достойных и успешных формируется политический центр. Семантика национальной солидарности утратила для этой части населения свой смысл и ценность. Однако отношение “достойных” к государству по-прежнему основывается на классическом обмене отношений лояльности индивидов на государственную поддержку и охрану» [Боммес 2004, с. 150].

Методологический национализм [Glick Shiller 2010; Малахов 2015] миграционного дискурса проявляет себя и в том, что фигура мигранта предстает в нем в качестве абсолютного Другого, единственное и естественное стремление которого — разрушить «нашу» национальную идентичность. Мигранты «занимают нашу землю, насилуют наших женщин, оскверняют наши святыни и в конце концов уничтожают то сообщество, с которым каждый из нас идентифицирует себя» [Bowman 2004, p. 169]. Тот факт, что антиевропейские и антииммигрантские настроения используют в своей риторике одни и те же (правые и крайне правые) политические силы, свидетельствует о том, что этот дискурс взывает к консервативным ценностям и ностальгическим чувствам.

Не выходит за эти концептуальные рамки и либеральный взгляд, рассматривающий иммигрантов или их детей как жертв дискриминации со стороны общества, не уважающего их права. Такой подход обуславливает поиск внешних причин и игнорирование проблем самого принимающего общества, его социальных трудностей, экономической маргинализации, социальной дезинтеграции. Отсюда вся терминология, которая используется при обсуждении иммиграционных проблем: дети иммигрантов, второе поколение, молодые мусульмане... «Вместо того чтобы обратить внимание на социальные проблемы, на существование гетто, на дискриминацию, все сводится к проблеме идентичности» [Boutih 2001, p. 56]. Именно в рамках такого подхода «маргинальный статус», то есть низкая социальная мобильность иммигрантов и их детей, объясняется их происхождением, а не недостатком социального и культурного капитала,

от которого не в меньшей степени, чем дети иммигрантов, страдают дети рабочих, фермеров, мелких служащих или жители небольших провинциальных городков и деревень и который действительно приобретает на протяжении поколений. О непродуктивности изучения миграций и мигрантов в отрыве от изучения проблем молодежи или социального неравенства и в целом выделения миграционных исследований в отдельную субдисциплину писал и М. Боммес [Bommes 2013].

Из методологического национализма исходят мультикультуралистская и интеграционистская парадигмы, рассматривающие «культуры» как онтологические целостности и оперирующие категориями общин, а не индивидов. Приверженцы мультикультурализма исходят из тезиса об обогащающем эффекте культурного многообразия. Между тем, отмечает М. Оже, «иммигранты часто не являются лучшими представителями своей культуры, а то и имеют о ней слабое представление. Культура всегда неравномерно усваивается населением, а молодые поколения и подавно почти не затронуты традиционной культурой. Что до религии и, в частности, ислама, он тоже приобретает (у иммигрантов) весьма современные и откровенно прозелитические формы, не имеющие ничего общего с трансляцией культурного наследия». Именно поэтому, считает ученый, анализировать ситуацию в пригородах современных (европейских) городов, где новые поколения молодежи самого разного происхождения участвуют в создании новых урбанистических культур без оглядки на какие-либо предшествующие культурные традиции, в терминах «традиций» и «происхождения» их обитателей не самая продуктивная стратегия [Augé 2009, p. 45, 51].

Парадокс состоит в том, что сами принимающие сообщества (страны с развитой экономикой, крупные города) характеризуются приматом индивидуализма, ослаблением социальных связей, отказом от общепринятых норм и культивируют право на различие. (При этом, правда, как и в случае с феминизмом, декларативность «гетерофилии»¹ при сохраняющихся жестких стандартах доминирующей культуры, образующих своего рода «стеклянный потолок», оборачивается еще одним фактором исключения: «под словами “Мы уважаем ваше различие” подразумевается “Вы слаборазвиты, и это все, что вам остается, не

¹ Автор термина П.-А. Тагьефф (Taguieff 1988).

вздумайте пытаться избавиться от этого» [Бодрийяр 2000, с. 192]. Мигранты, напротив (точнее, те из них, которые воспринимаются как проблема), выходцы из более традиционных, часто сельских сообществ, ориентирующихся на коллективистские ценности. Выстраиваемые ими на новом месте сети солидарности, стремление опереться на своих — родственников, земляков, единоверцев — вызывают обвинения в коммунитаризме, а социальные и культурные практики, отличные от мейнстримных, провоцируют раздражение. В итоге мультикультуралистский дискурс, восхваляющий различие как ценность, сменяется интеграционистским, представляющим его как проблему.

* * *

Тем временем многие специалисты считают проблемой для адекватного понимания современных миграций методологический национализм как таковой и предлагают альтернативные концепции, среди которых заслуживают внимания транснационализм, космополитизм и сверхмногообразие.

Транснационализм и связанный с ним комплекс понятий «трансмигранты», «транслокальность», «транснациональные социальные пространства» и даже «транснациональные диаспоры», как считается, «снимает с повестки дня дилемму интеграция vs новые этнические меньшинства» [Кайзер, Бредникова 2004b, с. 4]. Действительно, современные средства транспорта и коммуникации, либерализация пограничных режимов, экстерриториальные и виртуальные социальные сети позволяют строить жизненные стратегии «поверх границ», и это делает традиционные представления об интеграции с принимающим сообществом анахронизмом: для мигранта она больше не является жизненной необходимостью, коль скоро ему доступны альтернативные социальные связи, позволяющие удовлетворять самые разнообразные потребности. Альтернативный рынок труда предлагает различные вакансии в «этническом» бизнесе, налаживаются трансграничные сети поставки товаров часто с использованием интернет-технологий. Создается целая индустрия производства мигрантами товаров и услуг для мигрантов — от магазинов, предлагающих «этническую» пищу, одежду, ткани и домашнюю утварь, ресторанов «национальной кухни», туристических агентств, продающих билеты на родину, услуг телефонной связи по специальным тарифам до медицинских, переводческих и юридических услуг или органи-

зации репатриации тела в случае смерти. Работают парикмахерские и косметические салоны, специализирующиеся на востребованных мигрантами услугах. Издаются газеты и журналы, ориентированные на мигрантов, как на языках иммиграции, так и на языке принимающей страны. Возникают культурные ассоциации и организации взаимопомощи, религиозные общины. Таким образом, сегодня мигранты при желании могут вести привычный образ жизни, почти не завися от государства. Происходит это не только потому, что различные группы мигрантов в своих усилиях добиться социального включения в общество все меньше ориентируются на государственные программы «интеграции», но и потому, что широкие слои мигрантов исключаются из таких программ самим государством. «Малопривлекательные жизненные альтернативы», предлагаемые государством мигрантам, «приводят к тому, что все увеличивающаяся часть населения на территории государства не стремится стать гражданами [Боммес 2004].

Достоинством концепции **космополитизма** является то, что она описывает широкий спектр проявлений территориальной мобильности населения, а значит, позволяет выйти за привычный круг свойственных миграционным исследованиям проблем, таких как неравенство, дискриминация или исключение. Она применима к глобальной экономической элите — так называемым космократам, и к менеджменту транснациональных корпораций и иным так называемым экспатриантам, и к высшему слою артистов и ученых, и к профессиональным путешественникам и фрилансерам, перемещающимся по миру в поисках новых впечатлений и ощущений и «свободных от обычных обязательств, налагаемых гражданством: они не платят налоги и не участвуют в демократической жизни своих стран» [Lasch 1995, p. 46]. Это зачастую «идейные космополиты», ощущающие себя гражданами мира. Но космополитизм может характеризовать и далекие от элит социальные слои — трудовых мигрантов и беженцев. Очевидно, что в глобальном масштабе первая категория «космополитов», обычно не привлекающая пристального внимания исследователей, меняет привычное мироустройство не в меньшей мере, чем вторая.

С. Вертовек [Vertovec 2000] предлагает различать космополитизм как социокультурную ситуацию, как философию или мировоззрение, как политический проект, направленный на создание транснациональных институтов и глобального гражданского общества, как политику признания множественных идентичностей,

как установку или предрасположенность, наконец, как практический опыт или компетенцию.

Первое измерение отражает объективное положение дел. Люди передвигаются все чаще и на все более далекие расстояния. Переезд на жительство за границу уже не представляется столь глубоким разрывом с прежней жизнью, как в прошлые времена, а индивидуальные географические траектории становятся все более сложными. Наши современники лучше осведомлены о событиях, происходящих в мире, имеют более разнообразные вкусы.

Второе характеризует жизненную позицию, которая всегда была свойственна определенной части населения Земли, но, вероятно, еще не скоро станет уделом большинства. По крайней мере разные исследования показывают, что приоритетным уровнем самоидентификации является даже не национальный, а локальный [Герен-Пас 2005; Деминцева 2008; Филиппова 2010].

Третье акцентирует внимание на том, что надгосударственные, глобальные институты власти, бизнеса и гражданского общества оказывают и будут оказывать все более существенное влияние на определение векторов развития различных сфер жизни. В момент, когда Вертовек предлагал свою типологию, мир еще не знал такого космополитичного института, как запрещенное в Российской Федерации Исламское государство.

Понимание признания множественных идентичностей в парадигме космополитизма имеет существенное отличие от того, как его понимает мультикультурализм. Если последний, как следует из самого термина, признает существование множества отдельных друг от друга культур, то первый решительно отказывается от понятия «общности по происхождению» в пользу индивидуального выбора. Говоря словами С. Хантингтона, завтрашний мир будет состоять не из сотен мультиэтнических государств, а из миллионов мультикультурных индивидов.

Размышляя об установке или предрасположенности к космополитизму, С. Вертовек развивает идею У. Ханнерца, который видел в нем некую перспективу, определенное состояние души, манеру управления смыслами, способность в любой части света быть одновременно и своим, и посторонним. Эту установку блестяще сформулировал Ж. Перек: «Ничего не иметь, ничего не хранить; часто менять отели, города, страны; говорить и читать без труда на четырех или пяти языках; не чувствовать себя дома нигде, но хорошо — почти повсюду».

Наконец, можно быть «фактическим космополитом», не осознанно, по собственному выбору и убеждению, а по стечению жизненных обстоятельств. Можно рутинно потреблять произведенные разными культурами продукты — от еды до произведений искусства, можно перенимать отдельные повседневные практики и даже верования, но насколько фундаментальным будет это воздействие? Будет ли этот потребительский космополитизм способствовать большей толерантности? [Vertovec, Cohen 2002].

При всей привлекательности концепции космополитизма она описывает скорее желаемый идеал, нежели норму. Даже не на глобальном, а на европейском уровне, констатирует А. Дьекофф, лишь часть элиты уже освоила европейское пространство, тогда как европейское гражданское общество находится в лучшем случае в зачаточном состоянии, а подавляющее большинство населения государств-членов по-прежнему перемещается исключительно или по большей части внутри национальных границ. В 2011 г. только 12,8 млн, или 2,5%, граждан ЕС жили на территории другого европейского государства, чем их собственное [Дьекофф, Филиппова 2014, с. 197]. Если «потребительский космополитизм» распространен достаточно широко, хотя для массового потребителя он ограничен достаточно узким ассортиментом продуктов и объясняется скорее логикой глобального капиталистического производства, стремящегося извлечь прибыль из любознательности и тяги к новизне, чем сознательной открытостью к другим культурам, то на уровне мировоззрения или хотя бы установки его массовости препятствует ограниченность материальных средств и социального капитала. «Транснациональные практики сами по себе — необходимое, но недостаточное условие для успеха космополитического проекта. Нужны еще убежденность, энтузиазм, организация и деятельное участие, чтобы поднять его на новый уровень. Только в этом случае у него есть серьезный шанс вытеснить старые центры лояльности» [Vertovec, Cohen 2002].

Более реалистичной выглядит концепция сверхмногообразия [Vertovec 2007], быстро снижавшая широкую популярность. Она отчасти вобрала в себя идеи, сформулированные по поводу космополитизма, — в первую очередь идею множественных аффилиаций — и стала ответом на осознание недостаточности описания многообразия, в частности связанного с миграцией, исключительно в терминах этничности. Сверхмногообразие, характеризующее, по мысли автора, современную Британию

начала нового тысячелетия (но, совершенно очевидно, не только ее одну), — результат изменения с начала 1990-х гг. характеристик миграционных потоков, среди которых следует особо отметить расширение их географии за счет вовлечения новых государств, не разделяющих с принимающей страной общее колониальное прошлое (речь идет, в частности, о выходцах из Восточной Европы и бывшего СССР, Турции, Греции, Сомали. Всего, по данным десятилетней давности, только в Лондоне жили выходцы из 179 стран). Помимо страны происхождения мигранты отличаются между собой по множеству показателей, среди которых автор называет этничность, язык и религиозную принадлежность, канал иммиграции, юридический статус и связанные с ним права и ограничения, человеческий капитал (в частности, уровень образования), пол и возраст, место на рынке труда и место жительства (с точки зрения как материальных условий, так и соседства с другими мигрантами и этническими меньшинствами) и транснационализм (разветвленность и интенсивность связей и взаимодействий поверх национальных границ). Важным фактором, определяющим положение мигрантов в обществе, является политика местных властей и окружающего населения. Все эти аспекты необходимо учитывать и рассматривать в тесной взаимосвязи при любых исследованиях миграции.

Сверхмногообразие, продолжает Вертовек, порождает новые конфигурации прежде известных феноменов, таких как неравенство и расовые предубеждения (в частности, он выделяет три формы расизма: со стороны постоянного британского населения в отношении приезжих; со стороны «старых», традиционных меньшинств в отношении недавних иммигрантов и между различными группами иммигрантов). Оно делает более тесными и регулярными контакты между разными категориями населения, причем эти контакты не обязательно ведут к преодолению взаимного недоверия и предубеждений, как считают некоторые социопсихологи, но могут, напротив, порождать вражду и конкуренцию. С другой стороны, повседневные контакты людей, говорящих на разных языках и имеющих разные культурные компетенции, но вынужденных взаимодействовать, сотрудничать, приспосабливаться друг к другу, способствуют *креолизации* общества [Glissant 2000].

Так, известно, что для речевых практик мигрантов характерно не столько двуязычие, сколько языковой микс [Blommaert, 2013], постоянное переключение с одной системы языковых кодов на

другую в зависимости от темы разговора, собеседника, обстоятельств речевого контакта. Осознавая практическую необходимость овладения языком страны, в которой они оказались, мигранты в то же время не отказываются полностью от родного языка, используя его в семье или с друзьями, выражая на нем эмоции и ощущения. Происходит взаимопроникновение языков, возникают их гибридные формы. Недавнее исследование среди иммигрантов-тамилев в Парижском регионе [Бюр 2013] выявило особенности языкового поведения и языковых репертуаров молодежи: язык устного общения в своей культурной среде, так называемый фрамильский (от слияния французского с тамильским), представляет собой не смесь двух равноправных языков, а тамильский, приправленный французским. «Французские слова вставляются в речь, чтобы выразить незнакомые понятия или назвать незнакомые предметы; используются также французские топонимы, термины, связанные с официальными институтами. Иногда французские и тамильские слова комбинируются в одно» [Бюр 2013, с. 167]. Новый вариант письменного тамильского языка создается на базе латинского алфавита и фонетического письма, что делает его непонятным старшим поколениям, получившим образование в Шри Ланке. Кроме того, молодые тамилы, выросшие в парижских пригородах, «перенимают идентификационные коды, выработанные другими мигрантскими меньшинствами. Они используют разные словечки, характерные для речи выходцев из стран Магриба или заморских департаментов Франции, сочиняют рэп» [Бюр 2013, с. 166].

Креолизация — бесконечный процесс, относящийся не только к языку, но и к культуре в целом и шире — к образу жизни. Он представляет собой антитезу идее первозданности, чистоты, аутентичности, занимающей центральное место в консервативном дискурсе. Поиски корней, возвращение к истокам, незыблемость традиций — все это утопические стратегии, обращенные в прошлое, признаки закрытой, исключаящей идентичности. Жизнь в современном мире предъявляет другие требования — мобильности, адаптивности, открытости к новому. Не пытаться интегрироваться в дезинтегрированный социум, не зависеть от слабеющего государства, а приспосабливаться к окружающей реальности, одновременно приспосабливая ее под себя, рассчитывать на свои силы, искать свою нишу, пытаться выжить наперекор обстоятельствам.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Бодрийяр, Ж.* (2000). Прозрачность зла. М.: Добросвет.
- Бодрийяр, Ж.* (2006). Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика. Культурная революция.
- Боммес, М.* (2004). Международная миграция и дерегуляция коллективных форм социальной идентичности в национальных государствах // Миграция и национальное государство / под ред. Т. Бараулиной Т. и О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ: 147–173.
- Бюр, М.* (2013). Тамильский язык — язык иммигрантов в Парижском регионе: «Вы говорите на фрамилском?» // Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог / отв. ред. Е. И. Филиппова. М.: ИЭА РАН: 145–170.
- Дьеккофф, А., Филиппова, Е.И.* (2014). Переосмысление нации в постнациональную эпоху // Этнографическое обозрение online. № 1: 193–199.
- Кайзер, М., Бредникова, О.* (2004а). Миграция и национальное государство (вместо введения) // Миграция и национальное государство / под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ: 3–14.
- Кайзер, М., Бредникова, О.* (2004б). Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство / под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ: 133–146.
- Малахов, В.С.* (2007). Государство в условиях глобализации: учеб. пособие. М.: Книжный Дом «Университет».
- Малахов, В.С.* (2015). Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Мысль.
- Островская, Е.А.* (2013). Транснациональные пространства глобальных межкультурных взаимодействий: методология социологического изучения // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XVI. № 2 (67): 168–188.
- Ренан, Э.* (1902). Что такое нация? // Ренан Э. Собр. соч.: в 12 т. / пер. с французского под ред. В. Н. Михайловского. Т. 6. Киев: 87–101.
- Augé, M.* (2009). Pour une anthropologie de la mobilité. Paris: Payot.
- Vasqué, M. H., Mechmache, M.* (2013). Citoyenneté et pouvoir d'agir dans les quartiers populaires. Rapport à Francois Lamy, ministre délégué chargé de la Ville. Paris, Ministère de l'égalité des territoires et du logement.
- Baudrillard, J.* (2005). Nique ta mère! Libération, 18 novembre.
- Blommaert, J.* (2013). Language and the study of diversity. Tilburg papers in culture studies. Paper 74, September.
- Bommes, M.* (2013). Immigration and Social Systems: Collected Essays of Michael Bommes. Edited by Christina Boswell and Gianni D'Amato. Amsterdam University Press.
- Boutih, M.* (2001). La France aux Français? Chiche / Un entretien mene par Elizabeth Levy. Paris: ed. Mille et une nuit.
- Bowman, G.* (2004). Xenophobia, Fantasy and the Nation: The Logic of Ethnic Violence in Former Yugoslavia. in: V. Goddard, J. Llober & C. Shore (Eds.), Anthropology of Europe: Identity and Boundaries in Conflict, pp. 143–171. L.: Berg.
- Bruckner, P.* (2006). La Tyrannie de la pénitence. Essai sur le masochisme occidental. Paris: Grasset. Gauchet M. (2010) Le Religieux et le Politique. Douze réponses de Marcel Gauchet. Paris: Desclée de Brouwer.
- Glick Shiller, N.* (2010). A Global Perspective on Transnational Migration: Theorizing Migration Without Methodological Nationalism. In: Bauböck R., Faist T. (eds.). Diaspora and Transnationalism. Concepts, Theories and Methods. Amsterdam University Press: 115–129.
- Glissant, E.* (2000). La Créolisation culturelle du monde: Entretien avec Edouard Glissant // Label France, № 38.
- Khosrokhavar, F.* (2015). Expliquer la radicalisation (2): portrait robot du «dihadiste maison» <https://theconversation.com/profiles/farhad-khosrokhavar-223409>
- Lasch, C.* (1995). The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. W. W. Norton & Co.
- Merlin-Kajman, H.* (2010). Peut-on sauver ce qu'on a détruit? Le Débat, n° 159, mars-avril: 80–94.
- Planel, N.* (2006). L'Impératif cosmopolite // Revue Sens Public. 28.02.
- Pomian, K.* (2010). Patrimoine et identité nationale. Le Débat, n° 159, mars-avril 2010. p. 45–56.
- Taguieff, P.-A.* (1988). La force du préjugé. Essai sur le racisme et ses doubles, Paris: La Découverte.
- Touraine, A.* (2013). La fin des sociétés. Paris: Seuil.
- Vertovec, S.* (2000). 'Fostering cosmopolitanisms: a conceptual survey and a media experiment in Berlin,' ESRC Transnational Communities Research Programme Working Papers 2K-06. www.transcomm.ox.ac.uk
- Vertovec, S. and Cohen, R.* (eds) (2002). Conceiving cosmopolitanism: theory, context and practice. Oxford: Oxford University Press: 1–22.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

П. ТАРАН,
президент Глобальной ассоциации экспертов
по миграционной политике

Миграция, глобализация и экономическая жизнеспособность: вызовы и возможности для России и Евразии

Я рад поделиться глобальным видением явления, которое представляет собой одновременно серьезный вызов и отличную возможность для современного мира. В своей презентации хочу обратить внимание на три основных направления:

- 1) миграция как важнейший ресурс рабочей силы (основные причины иммиграции в Россию);
- 2) ожидаемый рост мобильности рабочей силы и компетенций в предстоящие годы: перспективы для России и Евразии;
- 3) препятствия и возможности для разработки жизнеспособного законодательства и политики в области миграции для России и Евразии.

Современное состояние: миграция в наши дни

Миграция на современном этапе — это, бесспорно, один из важнейших ресурсов рабочей силы в XXI в. В России, как и в других странах глобализирующегося мира, миграция служит источником международной мобильности трудовых ресурсов и профессиональных компетенций.

По данным Международной организации труда (МОТ), по состоянию на 2010 г. из 214 млн человек, проживавших за пределами своей страны рождения/происхождения, 105 млн были экономически активными [1], то есть работали по найму, занимались собственным бизнесом или иным образом выполняли оплачиваемую работу. Согласно расчетам, на одного экономически активного взрослого приходится один иждивенец. Исходя

из этого, 90% мигрантов относятся либо к экономически активным, либо к зависящим от них иждивенцам [2].

По определению ООН, мигрант — это человек иностранного происхождения, проживающий за пределами своей страны рождения или гражданства на протяжении минимум одного года. По данным отдела народонаселения ООН, основанным на отчетах правительств разных стран, в 2013 г. в мире насчитывалось 232 млн мигрантов. Однако эти данные представляются неполными, поскольку статистика не учитывает миллионы временных мигрантов, выезжающих из своих стран на непродолжительный срок, сезонных работников, а также работников, занятых за границей без смены страны постоянного места жительства.

Миграция в наши дни — это, безусловно, важнейший фактор, обеспечивающий жизнеспособность мировых рынков труда и получение дохода на капитал в экономике, подверженной глобализации. Это ключевой фактор развития. От миграции зависит выживание развитых экономик мира.

В результате миграции происходит омоложение рабочей силы, обеспечивается жизнеспособность сельского хозяйства, строительства, здравоохранения, гостиничного и ресторанного бизнеса, туризма и других секторов экономики. За счет мигрантов удовлетворяется растущий спрос на умения и навыки и создаются стимулы для предпринимательской деятельности. Денежные переводы мигрантов, передача опыта и навыков, инвестиции и рост товарооборота способствуют экономическому развитию и процветанию многих стран мира.

Миграция обеспечивает прирост трудовых ресурсов во многих странах Азии, Северной и Южной Америки, Карибского бассейна, Европы и Евразии. В странах Западной Европы работники иностранного происхождения составляют 10–15% численности рабочей силы, в принимающих странах (Австралии, Канаде, США) — около 18% [3], в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива — 40–93%, в Евразии — 10–20%. На мигрантов приходится 10% всех жителей Евразии (24 млн человек), что эквивалентно населению третьей по величине страны региона. По состоянию на 2013 г. в России проживали 11 млн мигрантов (10,2% населения страны). Около 70% мигрантов на территории Евразии находятся в трудоспособном возрасте, в России доля трудоспособных мигрантов составляет

80%. Большинство из них, как мужчины, так и женщины, относятся к экономически активным и вовлечены в трудовую деятельность. В евразийском регионе половина всех мигрантов — женщины, что соответствует мировой тенденции. В то же время от 5 до 33% рабочей силы евразийских стран проживает за рубежом.

ТРУДОВАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Миграционные процессы в основном идут внутри регионов, а не между ними, особенно в рамках 13 региональных экономических сообществ, которые установили или в настоящее время ведут переговоры о введении формальных режимов свободного перемещения людей. Эти сообщества объединяют более 120 стран. В Западной Африке 80% миграционных процессов происходят в рамках Экономического сообщества западно-африканских государств (ЭКОВАС). Примерно такая же доля мигрантов из евразийских стран приходится на Россию и Казахстан. В Европейском союзе в рамках Общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР) и Сообщества развития Юга Африки (САДК) внутрирегиональная миграция составляет от 50 до 60%.

Данная тенденция отражает сложившуюся в мире ситуацию, когда основой интеграции и развития выступает свобода передвижения, то есть свободное перемещение капитала, товаров, услуг, технологий и рабочей силы. Свобода передвижения в региональных экономических сообществах способствует перемещению знаний, умений и трудовых ресурсов именно туда, где они необходимы для стимулирования инвестиций и экономического развития. Следует отметить, что вопросы повышения мобильности рабочей силы и компетенций в регионе были включены в повестку дня Шанхайской организации сотрудничества.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МИГРАЦИИ

Согласно последним статистическим данным, ежегодные денежные переводы мигрантов превышают 500 млрд долл. [4]. По некоторым оценкам, эта сумма достигает 600 млрд долл. Это

в четыре раза больше объема ежегодной Официальной помощи в целях развития (ОПР), которая в 2014 г. составила 135,1 млрд долл. Однако мигранты, как правило, переводят лишь 20% своих заработков.

Более точную оценку вклада мигрантов в экономику принимающих стран — от 2,5 до 3 трлн долл. — можно получить, экстраполируя совокупные прямые доходы. Сюда не входит добавленная стоимость труда мигрантов, которая не возвращается работникам в форме заработной платы, но увеличивает доход работодателя.

По словам ведущего экономиста Всемирного банка С. Канагараджа, «в целом вклад трудовых мигрантов в российскую экономику оценивается в 5–10% ВВП России».

Распределение мигрантов по секторам российской экономики отражает потребность страны в рабочей силе. По официальным данным, 40% рабочих-мигрантов заняты в строительстве, 30% — в торговле, 10% — в промышленности, 7% — в сельском хозяйстве, 5% — в сфере транспорта, 8% — в других секторах.

Какой ценой?

Необходимо напомнить, что миграция — это не утилитарный аспект экономики, а явление, непосредственно связанное с людьми. По сути, это и есть люди. В глобализирующемся мире, в котором преобладают капиталистические экономические отношения, главную роль в регулировании миграции играют честная работа, трудовые отношения, социальная защита и социальная сплоченность.

Примечательны темы для дискуссии на данной конференции — «Успешная конкуренция за навыки и рабочую силу», «Развитие человеческого капитала», «Гармонизация правового регулирования». Они акцентируют внимание на том, что для успешного достижения целей миграционной политики в вопросе миграции должен преобладать человеческий аспект.

Миграция поддерживает жизнеспособность экономик, но приоритетом должно оставаться человеческое отношение к самим мигрантам. Ниже приведены десять высказываний, характеризующих опыт значительной части мигрантов в большинстве принимающих стран. Вы можете сами решить, какие из них справедливы для России.

1. Недостаточная правовая защита, непризнание мигрантов, непризнание их законных прав.
2. Использование мигрантов исключительно в качестве рабочих инструментов, явное доминирование экономических соображений и рыночных интересов в человеческих отношениях с мигрантами.
3. Криминализация мигрантов, неприменение к ним юридических норм и правил.
4. Преобладание неуважительных трудовых отношений и условий труда, не соответствующих принятым стандартам.
5. Рост ксенофобской враждебности и насилия в отношении мигрантов и беженцев.
6. Систематическая и структурная дискриминация и эксплуатация женщин-мигрантов.
7. Подавление прав мигрантов на создание организаций и отсутствие у них возможности участвовать в общественных организациях.
8. Недостаточный доступ к услугам здравоохранения, несоблюдение стандартов техники безопасности и гигиены труда.
9. Отсутствие доступа к социальной защите и социальному обеспечению, невозможность сохранения социальных гарантий при переходе на новую работу для многих мигрантов.
10. Отрыв от семьи, разрушение семей.

Эксплуататорские условия, с которыми сталкиваются многие мигранты, имеют структурные причины. Для большинства предприятий во многих странах, да и для целых секторов экономики дешевая рабочая сила — единственный путь к спасению. Россия — не исключение.

Последние статистические данные указывают на то, что ежегодные денежные переводы мигрантов превышают 500 млрд долл.

Сельскохозяйственный сектор не выжил бы без дешевой иностранной рабочей силы ни в Европе, ни в Северной Америке, ни в Южной Африке, а часть населения осталась бы без средств к существованию. Такие сферы, как здравоохранение, надомное обслуживание, уход за детьми и пожилыми людьми, все больше зависят от мигрантов. Сюда же относится гостиничный, ресторанный и туристический бизнес. Глобальная

конкуренция, свободная торговля и «гонка уступок» оказывают давление на стоимость труда и обеспечение социальных услуг, бросая вызов социальной функции государства.

Использование труда мигрантов — дешевой, покорной, легко адаптирующейся рабочей силы, от которой можно извлечь выгоду без социальных последствий, — теперь не просто желательно. Для многих государств обеспечение наличия трудовых ресурсов внутри страны для выполнения работы и поддержания экономики на плаву стало жизненно важным. И уже не имеет значения, кто это за работа и кто ее выполняет. Несмотря на риторику о необходимости регулирования миграции, работа мигрантов остается неупорядоченной. Этот факт зачастую игнорируется, поскольку они дают дешевый доступный труд, необходимый для поддержания жизнеспособности предприятий, обеспечения занятости и конкуренции. При этом социальные и человеческие издержки остаются высокими.

ВРАЖДЕБНОСТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНОСТРАНЦАМ

Проявления враждебности по отношению к иностранцам и ксенофобские настроения ставят под угрозу социальную сплоченность и служат препятствием для привлечения и содержания рабочей силы, необходимой для обеспечения развития. Это большая проблема и в России, как уже было сказано в рамках данной конференции.

В публичных заявлениях и выступлениях политиков часто можно услышать, что безработица и экономические проблемы — это следствие притока мигрантов. Проявления антииммиграционных настроений и соответствующие решения в области регулирования способствуют созданию такой атмосферы, которая сдерживает проявление политической воли и общественной поддержки, препятствует миграции и обеспечению социальной защиты значительной части населения. Кроме того, они ведут к серьезным экономическим издержкам, возникающим вследствие утраты страной конкурентоспособности на международном рынке талантов, компетенций и трудовых ресурсов.

ПРОГНОЗИРУЕМЫЙ РОСТ МОБИЛЬНОСТИ

В ближайшие 15 лет в большинстве стран мира будет наблюдаться снижение численности работников. Ожидается, что в Германии численность рабочей силы уменьшится на 5 млн человек. С 2000 г. Россия уже потеряла 10 млн работников, в настоящее время численность рабочей силы в стране снижается на 1 млн в год. Согласно прогнозам, в период с 1990 по 2040 г. численность работников в Японии снизится на 37%. Исследования показали, что до 2030 г. Швейцарии понадобятся 400 тыс. дополнительных работников. Настоящим шоком стал прогноз для Китая: страна может потерять до 100 млн работников в ближайшие 30 лет.

В 122 из 224 признанных стран и территорий планеты коэффициент рождаемости настолько низок, что рост численности населения равен нулю или имеет отрицательные значения [5]. В ближайшие годы в этих странах будет расти число выбывающих работников, и потери нельзя будет компенсировать в связи со снижением числа молодых работников. Многие страны уже столкнулись с данной проблемой. Это ведет к росту глобализованного спроса и конкуренции за важнейший экономический ресурс — квалифицированную рабочую силу на всех уровнях.

Согласно прогнозам, в ближайшие годы тенденции старения населения и снижения численности местной рабочей силы сохранятся в Армении, Азербайджане, Белоруссии, Грузии, Молдавии, России, Украине и Узбекистане. Тенденции, наблюдаемые в Казахстане, свидетельствуют о том, что нынешний скромный прирост населения будет недолгим.

ДАВЛЕНИЕ НА СТРАНЫ, ПОСТАВЛЯЮЩИЕ РАБОЧУЮ СИЛУ

В странах Севера и Юга давление на рабочую силу, приводящее к вытеснению и миграции работников, остается существенным. В некоторых странах оно значительно усилилось за последние пять лет. Основной фактор — это по-прежнему нехватка рабочих мест и достойной работы на родине в странах, где наблюдается рост численности молодежи.

Использование труда мигрантов теперь не просто желательно. Для многих государств обеспечение наличия трудовых

ресурсов внутри страны для выполнения работы и поддержания экономики на плаву стало жизненно важным.

Кризисные явления и меры жесткой экономии разорили национальные экономики и разрушили национальные системы социальной защиты. В результате в некоторых странах уровень безработицы среди молодежи превысил 50%. Это вызвало новые волны эмиграции работников, особенно квалифицированных молодых людей, из Греции, Ирландии, Италии, Португалии и Испании.

Выезд за рубеж значительного числа квалифицированных работников ведет к существенным издержкам. Во многих странах наниматели жалуются на невозможность поддержания жизнеспособности своих предприятий, поскольку квалифицированные специалисты выезжают за границу в поисках работы [6].

ОГРАНИЧЕННОСТЬ КВАЛИФИКАЦИИ И ПОДГОТОВКИ

Ни одна страна не в силах самостоятельно подготовить всех без исключения специалистов, необходимых для выполнения работы на своей территории, тем более что такая работа становится все более комплексной. Это приводит к росту международной мобильности умений, компетенций и рабочей силы всех профессиональных уровней.

Прогнозируемый кризис квалификации затронет все страны мира и будет иметь серьезные последствия. По прогнозам Глобального института McKinsey (MGI), к 2020 г. дефицит высококвалифицированных работников и рабочей силы с необходимыми техническими навыками достигнет 85 млн человек. Нехватка квалифицированных кадров с высшим образованием, прогнозируемая на уровне 38–40 млн, будет наблюдаться в основном в развитых странах. По оценкам специалистов, дефицит работников с необходимыми техническими умениями и профессионально-техническими навыками составит 45 млн человек, и это произойдет уже через пять лет. Однако и сейчас работодатели по всему миру, в том числе в Евразии, жалуются на то, что треть вакансий специалистов с такими навыками остаются незаполненными.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Регулированием миграции в принимающих странах занимались преимущественно министерства труда и занятости. Такая тенденция отражала приоритеты регулирования рынка труда, обеспечения защиты работников, развития международных трудовых отношений и ведения социального диалога. Упорядочение растущего контингента иностранной рабочей силы учреждениями, выполняющими контрольные функции, ведет к смещению акцентов в правоприменении в области трудовых отношений. Они смещаются с обеспечения стандартов труда к использованию инструментов контроля в области иммиграционной политики и охраны правопорядка при разрешении трудовых конфликтов в ущерб социальному диалогу.

СТАТУС, ЗАКОННЫЕ ПРАВА И ЗАНЯТОСТЬ

Жители евразийского региона имеют право свободно перемещаться между странами, но при найме на работу они зачастую считаются незаконными мигрантами. Прямое следствие такого отношения — неуважение прав трудящихся и несоблюдение трудовых норм, что приводит к злоупотреблениям и эксплуататорским условиям труда. Отсутствие режимов правового признания, адаптированных к условиям евразийской трудовой мобильности, препятствует должному учету такой мобильности, использованию ее преимуществ, а также включению работников в систему социальной защиты.

РЕКОМЕНДАЦИИ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ

В настоящее время миграция служит важным фактором экономической жизнеспособности и оздоровления в России.

Миграция — это, во-первых, важнейший ресурс экономического развития и роста производительности; во-вторых, основной инструмент восполнения дефицита квалификаций и рабочей силы; в-третьих, средство компенсации снижения численности рабочей силы и старения населения; в-четвертых, ключевой фактор региональной экономической интеграции, обеспечивающей развитие и благополучие общества.

Однако всеми преимуществами миграции смогут воспользоваться только те страны, которые:

- обеспечивают правовое признание и защиту всех мигрантов;
- способствуют регулярной мобильности рабочей силы, умений и навыков для удовлетворения актуальных потребностей рынка труда и нанимателей;
- применяют международные стандарты труда для обеспечения достойных условий работы для всех работников;
- гарантируют полную защиту работающим женщинам благодаря применению законодательства с учетом гендерного фактора;
- гарантируют социальную сплоченность, препятствуя ксенофобии и способствуя интеграции;
- обеспечивают мигрантов социальной защитой и услугами здравоохранения, предоставляют им доступ к системе социального обеспечения;
- обеспечивают мигрантам дополнительное обучение для получения необходимых профессиональных и технических навыков.

Представленные ниже рекомендации для разработки миграционной политики основаны на успешном опыте многих стран. Они обеспечивают необходимые методологические принципы и могут послужить моделью для разработки соответствующей политики и в России.

1. Полное признание и правовая защита всех мигрантов

Ратификация и полноценная реализация ключевых правовых инструментов в сфере миграции и прав мигрантов, в том числе Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г., Конвенции МОТ № 97 «О трудящихся-мигрантах» и Конвенции МОТ № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращения» (дополнительные положения). Это необходимо для обеспечения регулирования в области миграции на основе принципов верховенства закона, усиления легитимности политики и повышения ответственности соответствующих институтов.

2. Права и риторика, основанные на человеческих отношениях

Отношение к мигрантам прежде всего как к людям и носителям прав в законодательстве и в официальной риторике.

3. Декриминализация мигрантов, беженцев и процесса миграции

Принятие закона и политики, которые относили бы преступления в сфере миграции к гражданским и административным, а не к уголовным.

4. Достойная работа для всех мигрантов

Принятие международных стандартов труда и их применение ко всем без исключения работникам. Жесткий контроль соблюдения всех стандартов труда и норм трудовых отношений для обеспечения защищенности, производительности и конкурентоспособности рабочей силы, стимулирования развития жизнеспособных рынков труда.

5. Законодательство и политика в сфере миграции с учетом гендерных особенностей

Обеспечение равенства прав, возможностей и защиты для всех женщин- и девушек-мигрантов.

6. Борьба с ксенофобией, расизмом и дискриминацией в отношении мигрантов

Отмена дискриминационного законодательства, борьба с ксенофобской риторикой, внедрение национальных планов действий против дискриминации и ксенофобии. Необходимы целенаправленные планомерные усилия государства по обеспечению социальной сплоченности, без которой невозможно эффективное функционирование экономики, общества и страны в целом.

7. Поддержка свободы объединения мигрантов в союзы и организации

Полная реализация принятых Россией международных стандартов в области свободы объединений и коллективных переговоров для работников-мигрантов и местных работников. Стимулирование участия социальных партнеров в миграционной

политике и практике. Только полноценное участие и сотрудничество всех заинтересованных сторон позволят обеспечить эффективное использование данных прав на практике.

8. Услуги здравоохранения для всех мигрантов (право на здоровье для всех)

Обеспечение полноценного доступа всех мигрантов к услугам и учреждениям здравоохранения и профилактики. Разработка национальной стратегии общественного здоровья и политики в области безопасности и гигиены труда для мигрантов. Здоровое население обеспечивает высокую производительность.

9. Социальное обеспечение мигрантов

Незамедлительные односторонние меры для обеспечения социальной поддержки и сохранения социальных гарантий при переходе мигрантов на новую работу, гармонизация доступа к социальному обеспечению в регионе евразийской интеграции. (Национальными органами социального страхования уже ведется соответствующая работа при поддержке Международной ассоциации социального обеспечения.)

10. Сплоченность и поддержка семей

Закрепление положений о сплоченности семей в законодательстве о мигрантах. Принятие мер для обеспечения социализации и обучения оставшихся дома детей, а также детей мигрантов и беженцев.

История учит нас, что миграция всегда была важной составляющей развития и благополучия человека. Для России и всего евразийского региона это особенно актуально. Однако без соответствующих законодательных мер и политики миграция чревата значительными издержками. Главная рекомендация этой конференции и повестки дня по ее итогам — необходимость реализации эффективных мер регулирования в сфере миграции.

Список основных источников

1. МОТ. Международная трудовая миграция: подход, основанный на правах. Международное бюро труда. Женева, 2010. С. 1.
2. Там же.

3. Последние данные для большинства стран ЕС и принимающих стран. ОЭСР. Обзор тенденций в международной миграции: SOPEMI 2011. Статистическое приложение.

4. Всемирный банк. Миграция и денежные переводы. 5 июня 2013 г.

5. Коэффициент 2,1–2,2 детей на одну женщину означает замещение для прироста населения на нулевом уровне, ниже которого численность населения будет снижаться.

6. Из личных бесед автора с представителями организаций-работодателей из Алжира, Кыргызстана, Нигерии, России, Таджикистана и других стран за 2011–2014 гг.

Научное издание

Заказное издание

**Транснациональные миграции и современные государства
в условиях экономической турбулентности**

Сборник научных статей

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*
Редактор и корректор *Л. Ф. Королева*
Дизайн обложки *В. П. Коршунов*
Верстка *А. И. Попов*

Подписано в печать 10.08.16. Формат 60х90/16
Гарнитура PR Serif Pro. Усл. печ. л. 21,00
Тираж 300 экз. Заказ № 779

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119 571, Москва, пр-т Вернадского, 82

Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

Отпечатано в типографии РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82